This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Sla-4348.6.10

Harvard College Library

FROM THE

GEORGE B. SOHIER PRIZE FUND

"The surplus each year over and above what shall be required for the prize shall be expended for books for the library"

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ao 4348. 6:16

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

С. Найденовъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Дѣти Ванюшина.
Блудный сынъ.
Номеръ тринадцатый.
Богатый человѣкъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Digitized by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

СБОРНИКЪ ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

Книга I:—Л. Андреевъ. Жизнь Василія Ѳивейскаго. — Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Ив. Бунинъ. Черноземъ.—В. Вересаевъ. Передъ завѣсой.—Н. Гаринъ. Деревенская драма.—М. Горькій. Человѣкъ.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Въ приходѣ.—А. Серафимовичъ. Въ пути.—Н. Телешовъ. Между двухъ береговъ.— *Цѣна 1 руб.*

Книга II:—А. Купринъ. Мирное житіе. —Скиталецъ. Стихотворенія.—А. Чеховъ. Вишневый садъ.—Е. Чириковъ. На порукахъ. —С. Юшкевичъ. Евреи.— *Цѣна 1 руб.*

Книга III:—Скиталецъ. Памяти Чехова.—А. Купринъ. Памяти Чехова.—М. Горькій. Дачники.—Ив. Бунинъ. Памяти Чехова.—Л. Андреевъ. Красный смѣхъ.— *Цѣна 1 руб.*

Книга IV:—С. Найденовъ. Авдотьина жизнь.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Страна отцовъ.—А. Лукьяновъ. Кузнецъ. — М. Горькій. Тюрьма.— *Цѣна 1 руб.*

Книга V:—Е. Чириковъ. Иванъ Миронычъ.—Н. Телешовъ. Черною ночью. — А. Серафимовичъ. Заяцъ.—Скиталецъ. Кандалы.—Д. Айзманъ. Ледоходъ.— Л. Андреевъ. Воръ.—М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича.— *Цѣна 1 руб.*

Книга VI:—А. Купринъ. Поединокъ.— Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—М. Горькій. Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ.—Скиталецъ. Стихотворенія.— *Цѣна 1 руб.*

Книга VII:—М. Горькій. Дѣти солнца.— А. Кипенъ. Бирючій островъ.—Ив. Бунинъ. Востокъ.—Скиталецъ. Полевой судъ.— Г. Даниловскій. На островѣ.—Ив. Рукавишниковъ. Стихотвореніе.—*Цѣна 1 руб.*

Книга VIII:—С. Юшкевичъ. Голодъ.— А. Лукьяновъ. Мечъ враговъ.—Маріо Раписарди. Рудокопы.—Е. Чириковъ. Мужики.—Скиталецъ. Лѣсъ разгорался. — Ив. Рукавишниковъ. Три знамени.— *Цѣна 1 руб.*

Книга IX:—М. Горькій. Варвары. — Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—Н. Телешовъ. Надзиратель.—А. Серафимовичъ. Среди ночи.—А. Серафимовичъ. Похоронный маршъ.—Л. Сулержицкій. Путь.—Скиталецъ. Стихотворенія.— *Цѣна 1 руб.*

Книга X:—Л. Андреевъ. Къ звѣздамъ. —Э. Верхарнъ. Возстаніе.—А. Серафимовичъ. На Прѣснѣ.—А. Лукьяновъ. Слѣпцы и безумцы.—Луиджи Мерканти-ни. Гимнъ гарибальдійцевъ.—Скиталецъ. Огарки.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XI:—Э. Верхарнъ. Зори.— А. Кипенъ. Въ октябрѣ.—Л. Андреевъ. Савва.—М. Горькій. Городъ Желтаго Дьявола.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XII:—М. Горькій. Царство скуки.— М. Горькій. «Мобъ».—М. Горькій. Чарли Мэнъ.—С. Юшкевичъ. Въ городѣ.—Зиновій Пэ. Домъ—Э. Верхарнъ. Въ деревнѣ. — А. Серафимовичъ. Въ семьѣ.—Уольтъ Уитманъ. Стихотвореніе.—М. Новорусскій. Въ Шлиссельбургѣ.—Е. Тарасовъ. Стихотворенія.— Е. Чириковъ. Въ тюрьмѣ.— Скиталецъ. Стихотворенія.— *Цѣна 1 р.*

Книга XIII:—М. Горькій. Король, который высоко держитъ свое знамя.—М. Горькій. Прекрасная Франція.—М. Горькій. Одинъ изъ королей республики.—Уольтъ Уитманъ. Стихотворенія.—Г. Эрастовъ. Отступленіе. — М. Горькій. Товарищъ. — *Цѣна 1 руб.*

Книга XIV:—М. Горькій. Враги.— Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—А. Теннисонъ. Годива.—В. Фигнеръ. Моя няня.— Е. Тарасовъ. Черный судъ.—С. Юшкевичъ. Король.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XV:—С. Найденовъ. Стѣны.— А. Серафимовичъ. Онъ пришелъ.—Скиталецъ. На Волгѣ. — Н. Телешовъ. Крамола.—Ив. Бунинъ. Стихотворенія. — М. Горькій. Жрецъ морали.—Е. Чириковъ Легенда стараго замка.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XVI:— Г. Флоберъ. Искушеніе св. Антонія.—Ив. Бунинъ. Стихотворенія. —М. Горькій. Мать.—Скиталецъ. Четверо.—Д. Айзманъ. Сердце Бытія. — Л. Андреевъ. Іуда Искаріотъ и другіе.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XVII:— М. Горькій. Мать.— А. Черемновъ. Стихотворенія.—В. Вересаевъ. На войнѣ.—Н. Гаринъ. Инженеры.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XVIII:— М. Горькій. Мать. В. Вересаевъ. На войнѣ.— Н. Гаринъ. Инженеры.— *Цѣна 1 руб.*

Digitized by Google

Издаднiе товарищества „ЗНАНIЕ“ (Спб., Невскiй, 92).

С. Найденовъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНIЕ:

Дѣти Ванюшина.
Блудный сынъ.
Номеръ тринадцатый.
Богатый человѣкъ.

ИЗДАНIЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Digitized by Google

HARVARD COLLEGE
MAY 8 1917
LIBRARY
Sohier fund

Типографія Монтвида, Конная ул. домъ 3 –5.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стран.
Дѣти Ванюшина.	1
Блудный сынъ.	97
Номеръ тринадцатый	139
Богатый человѣкъ.	165

Digitized by Google

Digitized by Google

С. НАЙДЕНОВЪ.

ДѢТИ ВАНЮШИНА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ ЕГОРОВИЧЪ ВАНЮШИНЪ, купецъ, членъ городской управы.

АРИНА ИВАНОВНА, жена его.

КОНСТАНТИНЪ
АЛЕКСѢЙ
КЛАВДІЯ
ЛЮДМИЛА
АНЯ
КАТЯ
} ихъ дѣти.

ЕЛЕНА, племянница Ванюшина.

ПАВЕЛЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ЩЕТКИНЪ, мужъ Клавдіи, чиновникъ.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КРАСАВИНЪ, мужъ Людмилы, довѣренный богатой московской фирмы.

Генеральша КУКАРНИКОВА, вдова.

НИНА, ея дочь.

АВДОТЬЯ, экономка въ домѣ Ванюшина.

АКУЛИНА, горничная.

Старикъ въ лохмотьяхъ.

Нѣсколько человѣкъ съ улицы.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ большихъ губернскихъ городовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Дѣти Ванюшина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Столовая въ домѣ Ванюшина. Полутемная комната съ двумя окнами выходящими въ стѣну сосѣдняго дома. Направо, впереди, входная дверь изъ сѣней, заставленная фонаремъ съ цвѣтными стеклами, за фонаремъ деревянная лѣстница наверхъ; подъ лѣстницей небольшая комнатка съ небольшою дверкою. Налѣво, въ глубинѣ сцены, въ углу лежанка; на ней три самовара разной величины и огромные графины съ домашнимъ квасомъ и пивомъ. Лежанка заставлена большимъ буфетнымъ шкапомъ. Слѣва, впереди, большой обѣденный столъ, окруженный стульями; надъ нимъ простая лампа и передъ нимъ на стѣнѣ портретъ Ванюшина, купца въ мундирѣ купеческаго старосты. Двѣ двери на заднемъ планѣ: одна въ спальню, другая, довольно широкая и постоянно открытая, въ переднюю, въ которой видна еще дверь въ комнату Константина. Стулья старомодные, съ большими клеенчатыми подушками. Семь часовъ утра, почти еще темно. Спустя нѣкоторое время по поднятіи занавѣса, раздается слабый звонокъ и, послѣ паузы, еще разъ, и еще разъ — все такой же слабый и нерѣшительный. Акулина спускается съ лѣстницы и идетъ отпирать дверь, босая и заспанная, въ накинутомъ на плечи ситцевомъ одѣялѣ; она ощупью доходитъ до фонаря и скрывается въ немъ.

АЛЕКСѢЙ. (Въ фонарѣ) Опять заперла?

АКУЛИНА. Мамаша велѣла. Замѣтили.

АЛЕКСѢЙ. (Входитъ) А ты не могла отпереть потомъ? Дура!

(Проходитъ въ переднюю раздѣваться. На немъ гимназическое пальто. Онъ высокій, худой юноша семнадцати лѣтъ. Раздѣвшись, Алексѣй идетъ къ лѣстницѣ. Въ это время изъ спальни входитъ Ванюшинъ въ халатѣ и со свѣчкой въ рукахъ. При появленіи его Акулина быстро убѣгаетъ наверхъ Ванюшинъ—высокій, сутуловатый старикъ, лѣтъ шестидесяти

Digitized by Google

пяти, еще бодрый и сильный; суровое бритое, синевато-красное лицо; на головѣ большая лысина, окаймленная сѣдыми волосами. При раздраженіи сурово сжимаются брови, синѣетъ лицо и раздуваются ноздри. Онъ рѣдко смѣется и шутитъ, и его смѣхъ и шутки не смѣшны для другихъ. Въ немъ есть что-то подавляющее, гнетущее, исключающее впечатлѣніе человѣка добраго и простого, хотя этими качествами старикъ надѣленъ природой въ достаточной степени. Главная его особенность характера—замкнутость)

ванюшинъ. Гдѣ шатался?

алексѣй. У товарища былъ.

ванюшинъ. Смотри, Алексѣй, не доживемъ мы съ тобой до добра. Молоко на губахъ не обсохло, а ночи шатаешься!

алексѣй. Я, папаша, у товарища былъ. Что тутъ такого?

ванюшинъ. Врешь! Дери тебя горой! Въ гимназіи сегодня не былъ. Директоръ присылалъ за мной. Пожалѣлъ бы отца-то позорить! (Алексѣй хочетъ уйти) Постой! Вѣдь ночь изъ-за тебя не сплю... Выгонятъ,—что будешь дѣлать? Бочки съ сахаромъ заставлю откупоривать, хуже рабочаго сдѣлаю! На что ты, дуракъ, разсчитываешь? Чего ждешь? Скажи мнѣ на милость.

алексѣй. Что говорить... Вы это не поймете.

ванюшинъ. Да ужъ гдѣ понять! Ахъ ты, лѣшій, лѣшій! Отца ты глупѣе себя считаешь. Ты поживи, сколько я пожилъ, поработай... Ступай съ глазъ долой!

(Алексѣй подымается по лѣстницѣ и уходитъ наверхъ. Ванюшинъ садится у стола, разстегиваетъ воротъ рубахи и третъ голую грудь рукою. Изъ комнаты Константина показывается Леночка и, увидавъ Ванюшина, быстро скрывается обратно)

Digitized by Google

ВАНЮШИНЪ (оборачивается). Кто это? (Не увидавъ никого, опускаетъ голову и крѣпко о чемъ-то задумывается)

(Изъ спальни выходитъ Арина Ивановна, добрѣйшая по внѣшности старушка, лѣтъ пятидесяти трехъ. Она—старый ребенокъ, и не ребенкомъ никогда не была — такъ наивны ея понятія и знаніе жизни. На головѣ ея коричневый платочекъ, въ которомъ она всегда молится по нѣсколько часовъ сряду утромъ и вечеромъ; въ рукахъ лѣстовка и кадильница съ курящимся ладаномъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Александръ Егоровичъ, спалъ бы пока... вторую ночь не спишь. Развѣ такъ можно?

ВАНЮШИНЪ. Не до сна тутъ, старуха!

АРИНА ИВАНОВНА (желая сказать ему что-нибудь утѣшительное). Расходы будемъ сокращать.

ВАНЮШИНЪ. Нельзя этого. Иди, молись.

АРИНА ИВАНОВНА. Зачѣмъ второго дворника нанялъ? Не надо бы нанимать.

ВАНЮШИНЪ. Не толкуй!

АРИНА ИВАНОВНА. Чаю попилъ бы. Велѣть, что ли, поставить? (Подходитъ къ лѣстницѣ и кричитъ) Акуля!—Чай, спитъ еще.—Акуля!

ГОЛОСЪ АКУЛИНЫ. Что?

АРИНА ИВАНОВНА. Самоваръ. — Сегодня бабушкѣ Лукерьѣ память... два года прошло... Обѣдню заказать надо.

ВАНЮШИНЪ. Что намъ съ тобой съ дѣтьми-то дѣлать? Всѣ врозь...

АРИНА ИВАНОВНА. Дѣти... Ну, что же дѣти? У всѣхъ дѣти. Алешенька, вотъ, худой ужъ больно стаетъ.

ВАНЮШИНЪ. Выдрать его, такъ пополнѣетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Полно ужъ ты, Александръ Егоровичъ!

Digitized by Google

(Изъ своей комнаты выходитъ Константинъ, въ брюкахъ, въ рубашкѣ и въ туфляхъ. Онъ молодой человѣкъ, двадцати четырехъ лѣтъ, плотно сложенный, краснощекій, безъ всякой растительности. Говоритъ такъ, какъ будто бы постоянно сердится на что-то, вѣчно хмурый, недовольный. Ищетъ спички)

КОНСТАНТИНЪ. Встали ужъ? Удивляюсь, что за охота такъ рано вставать?—У насъ во всемъ домѣ не найдешь спичекъ!

ВАНЮШИНЪ. Бока пролежишь, если будешь по твоему вставать. (Константинъ уходитъ наверхъ за спичками) Буди ты его. Спитъ до обѣда, позднѣе всѣхъ выходитъ въ магазинъ; стыдно, какъ по улицѣ идетъ... Всѣ замѣчаютъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Читаетъ онъ долго; часа въ три-четыре ложится. Какъ глаза-то только видятъ.

ВАНЮШИНЪ. Смотрить онъ въ книгу, да видитъ фигу. Ума-то не много. Не того я ждалъ отъ него,—серьезный былъ мальчишка, а дѣльца въ немъ сейчасъ не видно. Не помощникъ онъ...

АРИНА ИВАНОВНА. На тебя не угодишь; и тотъ не хорошъ, и этотъ... а другимъ хорошъ. Вонъ, говорятъ, барышня Распопова — спитъ и видитъ за него замужъ выйти.

ВАНЮШИНЪ. А сколько за ней?

АРИНА ИВАНОВНА. Шестьдесятъ тысячъ, Прасковья глухая сказывала.

ВАНЮШИНЪ. Чай, вретъ твоя глухая.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, вотъ зачѣмъ ей врать! У самой-то Распопихи—Прасковьюшка первый человѣкъ, каждый день бываетъ.

ВАНЮШИНЪ. Узнай про это лучше.

Digitized by Google

(Константинъ и за нимъ Акулина спускаются съ лѣстницы; Акулина беретъ самоваръ съ лежанки и уходитъ въ сѣни Арина Ивановна—въ спальню)

КОНСТАНТИНЪ. Вы, папаша, видѣли кассовую книгу? Я вчера въ гостиной на столѣ оставилъ, думалъ—увидите.

ВАНЮШИНЪ. Въ руки не могъ отдать? Забрался съ девяти часовъ въ свою комнату, не выходилъ...

КОНСТАНТИНЪ. Предоставьте мнѣ свободу распоряжаться самимъ собой хоть въ мелочахъ—про серьезное я ужъ не говорю—спать, гулять и ѣсть, когда я хочу.

ВАНЮШИНЪ. Порядку въ домѣ не будетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Ахъ, оставьте это! Подсчитайте лучше книгу.

ВАНЮШИНЪ. А ты, что самъ-то не подсчитываешь? Смотри, зачитаешься--въ карманѣ не досчитаешься.

КОНСТАНТИНЪ. Будетъ вамъ! Вѣчно одно и то же... Въ этомъ мѣсяцѣ торговали лучше сравнительно съ прошлымъ годомъ, навѣрно не знаю насколько.

ВАНЮШИНЪ. Правда ли?

КОНСТАНТИНЪ. Съ одной фабрики Спиридонова получили тысячу шестьсотъ рублей по счету. Подсчитайте, это очень интересно.

ВАНЮШИНЪ. Если такъ, корабля ли надо! Гдѣ книга-то, ты говоришь? (Обрадованный сообщеніемъ сына, уходитъ черезъ переднюю въ гостиную)

КОНСТАНТИНЪ (подходитъ къ двери своей комнаты и шепчетъ:) Тс... Лена!.. Живо...

(Выбѣгаетъ дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ юбкѣ, въ ночной кофточкѣ, съ распущенными волосами и вбѣгаетъ на лѣстницу. У нея круглое лицо, вздернутый, расплывшійся носикъ, пухлыя губы и узкіе, хитрые глаза. Говоря, она немного шепелявитъ и жеманится)

Digitized by Google

ЛЕНА (стоя на лѣстницѣ). Смотри, вечеромъ будь дома! (Дверь спальни отворяется) Тетя...

(Константинъ скрывается въ своей комнатѣ. Выходитъ Арина Ивановна)

ЛЕНА. А я, тетя, къ вамъ. Нѣтъ ли у васъ капель? Всю ночь не спала, животъ болѣлъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Не знаю, Леночка, есть ли. (Отворяетъ буфетъ и ищетъ капли) Вотъ какой-то пузырекъ.

ЛЕНА. (Беретъ пузырекъ и читаетъ надпись на немъ) Это гофманскія.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, ихъ и прими—помогаютъ. А вотъ Акулина подастъ самоваръ, я бутылку съ горячей водой пришлю къ тебѣ наверхъ. Положи на животъ: согрѣется—пройдетъ.

ЛЕНА. Спасибо, тетя. (Цѣлуетъ ее и уходитъ наверхъ)

(Арина Ивановна достаетъ изъ буфета скатерть и посуду; приготовляетъ столъ. Спустя нѣкоторое время входитъ Акулина съ кипящимъ самоваромъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Достань-ка бутылку съ буфета. У Леночки животъ болитъ. (Завариваетъ чай)

(Акулина встаетъ на лежанку и съ большимъ трудомъ, привставъ на цыпочки, достаетъ бутылку)

АРИНА ИВАНОВНА. Когда Алешенька пришелъ?

АКУЛИНА Утромъ, недавно

АРИНА ИВАНОВНА. Не пьяный?

АКУЛИНА. Кажется, навеселѣ.

АРИНА ИВАНОВНА. (Наливаетъ въ бутылку воды) На, вотъ, отнеси. Скажи, чтобъ полотенцемъ обернула, да и приложила.

(Акулина идетъ. Входитъ Ванюшинъ)

ВАНЮШИНЪ. Что эта за бутылка?

АРИНА ИВАНОВНА. У Леночки животъ болитъ.

Digitized by Google

ВАНЮШИНЪ. Ѣстъ много дарового хлѣба. Отправить къ сестрѣ надо.

(Акулина уходитъ. Ванюшинъ, погруженный въ свои мысли, садится за столъ пить чай и говоритъ ,какъ бы про себя)

ВАНЮШИНЪ. Вотъ балбесъ-то!

АРИНА ИВАНОВНА. Кого это ты ругаешь?

ВАНЮШИНЪ. Сынка старшаго.

АРИНА ИВАНОВНА. За что?

ВАНЮШИНЪ. Не выйдетъ изъ него проку... ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется. Лучше торговали! Все бы такъ лучше,—съ сумой пойдешь.

АРИНА ИВАНОВНА. Да полно тебѣ сокрушаться! Болѣзнь вѣдь отъ этого бываетъ.

ВАНЮШИНЪ. (Продолжаетъ думать вслухъ; глаза его наполняются слезами, но не теряютъ обыкновеннаго своего выраженія—суровости) Тридцать лѣтъ ждалъ сына. Выросъ и... Дѣтки! Что имъ отецъ? Учились, да ничему, кромѣ фу-ты да ну-ты не выучились. Учить-то не стоило...

АРИНА ИВАНОВНА. Говорила я тебѣ...

ВАНЮШИНЪ. Ступай, старуха, молись.

АРИНА ИВАНОВНА. А ты и лба по утрамъ не перекрестишь! Только торговля на умѣ-то... Бога забылъ...

ВАНЮШИНЪ. А кормить-то васъ кто будетъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Богъ прежде всего; безъ Его и дѣла плохи.

(Сверху сходитъ экономка Авдотья, бывшая няня младшихъ дѣтей Ванюшина. Она толстая, здоровая женщина, не старая, забравшая все домашнее хозяйство въ свои руки. Слабовольная Арина Ивановна подъ ея опекой и вліяніемъ)

ВАНЮШИНЪ. Долго спишь, экономка.

АВДОТЬЯ. Спится, такъ что не спать! (Вынимаетъ ключи изъ буфета отъ кладовой) Что выдавать-то?

Digitized by Google

ванюшинъ. Поросята тамъ есть?

авдотья. Четыре осталось.

ванюшинъ. Вѣдь я двадцать штукъ купилъ?

авдотья. Молодцамъ три раза жарили.

ванюшинъ. Поросятами ихъ не накормишь. Жирно будетъ.

авдотья. Сами сказали, чтобы жарить имъ.

ванюшинъ. Одинъ разъ сказалъ, а не три.

авдотья. На васъ не угодишь! Все попреки.

арина ивановна. Муки-то нѣтъ у насъ, Александръ Егоровичъ.

ванюшинъ. Какъ муки нѣтъ? Да что вы лошадямъ, что ли, муку-то засыпаете?

авдотья. По двору, вмѣсто песка, разсыпаемъ. Пятьдесятъ ртовъ приказчичьихъ... каждому по два фунта въ день,—мало ли на нихъ однихъ надо? Ужъ больно жрать горазды!

ванюшинъ. А ты не давай. (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ) Принеси-ка сюртукъ изъ спальни.

(Арина Ивановна уходитъ и скоро возвращается съ сюртукомъ)

ванюшинъ. На книжку ни-ни-ни, не смѣйте брать! Вчера девятьсотъ заплатилъ... (Беретъ сюртукъ и достаетъ изъ бумажника шестьдесятъ рублей) Купите, да храните хорошенько. (Отдаетъ деньги Аринѣ Ивановнѣ)

арина ивановна. Что ужъ больно много, Александръ Егоровичъ? Лучше бы поменьше.

ванюшинъ. Нельзя этого, старуха: меньше никогда не покупали, всѣ знаютъ на рынкѣ.

авдотья. Само собой не идетъ.

арина ивановна. Ужотка пошлемъ. (Кладетъ деньги подъ скатерть на столѣ)

ванюшинъ. Гнѣдого въ телѣгу за мукой ѣхать чтобъ заложилъ... Надо прыть-то ему сбить.

Digitized by Google

АВДОТЬЯ. Знаю. (Уходитъ въ сѣни)

АРИНА ИВАНОВНА. Пойти домолиться. Все мѣшаютъ.

(Ванюшинъ погружается опять въ свои размышленія и пересчитываетъ деньги, находившіяся у него въ бумажникѣ. Наверху раздаются голоса Ани и Кати. Аня: Ты мою тетрадку взяла? — Катя: Не брала, вотъ пристала!—Аня: Я видѣла, какъ ты положила...)

КАТЯ. Да нѣтъ же!

(Сходятъ въ столовую и цѣлуютъ руку у отца. Онѣ въ гимназическихъ платьяхъ и бѣлыхъ фартучкахъ; обѣ въ одномъ классѣ, въ 5-мъ, хотя Анѣ шестнадцать лѣтъ, а Катѣ пятнадцать. Аня—толстенькая шатенка, добрая, слабовольная, малоспособная учиться, большая трусиха: боится учителей и дурныхъ отмѣтокъ. Она похожа на мать и по характеру и по внѣшности. Катя—блондинка, груба, не женственна и страшно неоткровенна — унаслѣдованная замкнутость отца. Въ ней много общаго со старшимъ братомъ, Константиномъ)

ВАНЮШИНЪ. Что вы, стрекозы, сегодня рано?

КАТЯ. У насъ первый—русскій языкъ, сочиненіе подавать.

ВАНЮШИНЪ. Чай, ужъ вы и сочинили! (Наливаетъ имъ чаю. Онѣ уходятъ въ спальню здороваться съ матерью и скоро возвращаются)

ВАНЮШИНЪ. Такъ зачѣмъ же рано идти? Сочиненіе раньше начала урока не подаютъ. (Катя и Аня молча пьютъ чай, торопятся и обжигаются) Что же вы молчите?

(Молчаніе)

ВАНЮШИНЪ (обращается къ Анѣ). Фартукъ-то у тебя въ чернилахъ.

АНЯ. Гдѣ, папаша?

Digitized by Google

ванюшинъ. Не видишь? Ослѣпла? Писака! (Аня чувствуетъ дурное настроеніе отца и скорѣе старается допить свой чай, чтобъ уйти)

ванюшинъ. Учить-то васъ, чортъ знаетъ, къ чему! Переводъ денегъ. (Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ, уходитъ въ спальню)

аня. Я у него денегъ просить не стану на книгу. Ты проси.

катя. Я просила на той недѣлѣ,—твоя очередь.

аня. Ни за что! Онъ на Костю сердится.

катя. Нѣтъ, на Алешу.

аня. А что Алеша сдѣлалъ?

катя. Не знаю. Директоръ вызывалъ папашу.

аня. Онъ влюбленъ. По ночамъ стихи пишетъ. Вотъ узнать бы, въ кого онъ влюбленъ.

катя. Надо у него карточку изъ кармана вытащить посмотрѣть.

аня. Онъ тебѣ задастъ.

катя. Не узнаетъ... Интересно!

(Входитъ Щеткинъ, чиновникъ изъ управы, двадцати девяти лѣтъ, щеголевато одѣтъ, въ золотыхъ очкахъ, маленькая бородка, большая лысина на головѣ. Онъ мягокъ и деликатенъ, „мамочка"—такъ часто называютъ такихъ людей, въ душѣ же-хамъ и циникъ)

щеткинъ. Папаша не ушелъ?

катя. Нѣтъ. Кажется, одѣвается.

щеткинъ. (У дверей спальни) Папаша, вы скоро? (Входитъ Арина Ивановна. Щеткинъ цѣлуетъ у нея руку) Съ добрымъ утромъ, мамаша.

арина ивановна. Надо, что ли, на завтракъ?

катя. Понятно, надо.

(Арина Ивановна даетъ Катѣ и Анѣ денегъ, и онѣ уходятъ въ гимназію, одѣвшись въ передней и взявъ книги)

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Ужъ и не знаю, что дѣлается съ нимъ.

ЩЕТКИНЪ. Съ кѣмъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Съ отцомъ. Ночи не спитъ... Посовѣтовали бы ему къ доктору съѣздить.

ЩЕТКИНЪ. Я ему прежде всего посовѣтую быть аккуратнѣе по отношенію близкихъ... Вы ему не говорили о деньгахъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ.

ЩЕТКИНЪ. Клавдинька просила васъ... Каждый мѣсяцъ одно и то же. Это скучно! Удивляюсь, какъ вы стали забывчивы.

АРИНА ИВАНОВНА. Я скажу.

ЩЕТКИНЪ. Нѣтъ ужъ, я самъ скажу! Но только знайте, что это въ послѣдній разъ,—больше я не намѣренъ попрошайничать. Держите вы слово, нечего сказать! (Насильно смѣется, раздраженъ и озлобленъ) Если бы не я, ваша дочь до сихъ поръ мозолила бы вамъ глаза. Этого не слѣдуетъ вамъ забывать.

АРИНА ИВАНОВНА. Ужъ полно! Клавдиньку за что же вы?

(Входитъ Ванюшинъ въ сюртукѣ и крахмальной сорочкѣ)

ВАНЮШИНЪ. Что ты тутъ пѣтушишься?

ЩЕТКИНЪ (цѣлуя руку Ванюшина). Съ добрымъ утромъ. Я къ вамъ... сегодня восьмое число.

ВАНЮШИНЪ. Ну что же, что восьмое?

ЩЕТКИНЪ. Больше недѣли прошло послѣ перваго. Вы коммерческій человѣкъ, должны понимать, что значатъ для маленькаго человѣка во́-время деньги.

ВАНЮШИНЪ. Какъ не понимать! Понимаю. Извините, Павелъ Сергѣевичъ, не приготовили, сдѣлайте милость.

ЩЕТКИНЪ. У васъ никогда нѣтъ. Странно.

Digitized by Google

ванюшинъ. Съ квартиры вытурю! Зазнался, дери тебя горой!

щеткинъ. Ну, это вы пожалуйста! Всѣ знаютъ, что квартиру въ домѣ и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ вы обязались платить мнѣ, и всѣ будутъ знать, какъ вы держите свое слово. Я не изъ тѣхъ зятьевъ, которыхъ можно дурачить, прошу это замѣтить. Въ управѣ и то всѣ удивляются...

ванюшинъ. А ты не смѣй болтать! Получаешь вѣдь,—чего надо?

щеткинъ. Какъ нищій каждый разъ выпрашиваешь.

ванюшинъ. Будетъ! Возьми въ магазинѣ. (Надѣваетъ въ передней енотовую шубу и шапку и, подойдя къ лѣстницѣ, кричитъ) Эй ты, гулёна, въ гимназію иди! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ) Гони Алешку-то!

щеткинъ. Въ управѣ сегодня будете?

ванюшинъ. Можетъ быть, не приду. Скажи головѣ, что заболѣлъ, молъ. (Уходитъ)

арина ивановна. И зачѣмъ вы его разстраиваете? Пожалѣли бы.

щеткинъ. Дудки! Одинъ мѣсяцъ спусти, другой, а потомъ и забудется. Это я знаю.

арина ивановна. Полно вамъ. (Слышенъ стукъ. Это стучитъ Клавдія изъ своей квартиры, помѣщающейся внизу) Вонъ Клавдія зоветъ. Ступайте! (Обиженная уходитъ въ спальню)

щеткинъ. Должно быть, пирожки готовы. Прощайте. (Уходитъ)

(Сцена нѣкоторое время пуста. Входитъ Авдотья, осматривается и, подойдя къ буфету, пьетъ водку. На лѣстницѣ появляется Алексѣй, въ мундирѣ и съ ранцемъ)

алексѣй. А, нянюшка, попались!

авдотья. Ключи затерялись.

алексѣй. Такъ вы на днѣ четверти ихъ ищете? (Авдотья запираетъ буфетъ) Постой... я тебя научу... Отецъ

Digitized by Google

замѣчаетъ, что ты водку пьешь... такъ ты вотъ какъ... (наливаетъ рюмку и выпиваетъ)... выпьешь—и ставь ярлыкомъ бутылку къ стѣнѣ, — онъ всегда такъ ставитъ, и я такъ дѣлаю.

АВДОТЬЯ. Хитрый... Гдѣ ночь-то сегодня шатался? Все, чай, по дѣвочкамъ?

АЛЕКСѢЙ. Съ твоей легкой руки.

АВДОТЬЯ. А ты старое-то не вспоминай... нехорошо... старуха я совсѣмъ стала.

АЛЕКСѢЙ. Учительница!

АВДОТЬЯ. Не вспоминай... Ишь у тебя волосики-то какъ стали виться... (Гладитъ его по головѣ)

АЛЕКСѢЙ. Уйди! (Отталкиваетъ ее; Авдотья незамѣтно пропадаетъ изъ комнаты, чувствуя себя пристыженной и виноватой передъ Алешей. Онъ садится за столъ пить чай; чѣмъ-то очень разстроенъ, озабоченъ и нервенъ; часто хватается за голову и сжимаетъ пальцы, ходитъ, садится и встаетъ, повидимому что-то вспоминаетъ и увлекается. Вынимаетъ изъ кармана фотографическую карточку женщины, цѣлуетъ, долго смотритъ на нее; по лицу пробѣгаютъ ласковыя улыбки. Онъ вдохновляется, въ головѣ его проносятся нѣсколько строкъ стихотворенія)

АЛЕКСѢЙ. Солнышко!.. (Достаетъ изъ ранца карандашъ и пишетъ на оборотной сторонѣ карточки, вслухъ повторяя написанное)

Солнышко, радость нежданная,
Моя дорогая, желанная,
Вижу тебя наяву,—
Вотъ ты предо мной воплощаешься,
Мягкой улыбкой ты мнѣ улыбаешься,—
Вмѣстѣ съ тобой я живу!..

(Входитъ Арина Ивановна. Алеша прячетъ карточку въ карманъ)

АРИНА ИВАНОВНА. И не зайдешь къ матери поздороваться.

АЛЕКСѢЙ. Простите, мамаша... я зашелъ бы послѣ.

(Пауза. Алеша пьетъ чай; Арина Ива-

Digitized by Google

новна садится противъ него, съ сожалѣніемъ смотритъ и укоризненно качаетъ головой)

АРИНА ИВАНОВНА. Алеша, что мнѣ дѣлать-то съ тобой? Отецъ-то какъ убивается... Зачѣмъ ты такъ-то?..

АЛЕКСѢЙ. Ничего я вамъ не могу сказать.

АРИНА ИВАНОВНА. Вотъ сегодня опять ночь-то прогулялъ.

АЛЕКСѢЙ. Ну что же изъ этого? И буду... хочу... Оставьте!

(Арина Ивановна плачетъ)

АРИНА ИВАНОВНА. И въ кого ты такой? Всѣ у насъ тихіе и смиренные...

АЛЕКСѢЙ. При отцѣ... а за пазухой ножи у всѣхъ... противно дома жить.

АРИНА ИВАНОВНА. Богъ съ тобой, Алешенька, что ты матери какъ говоришь?

АЛЕКСѢЙ. А вы оставьте. (Пауза. Алексѣй хочетъ что-то сказать, но ему стыдно; онъ долго не рѣшается и, наконецъ, съ напускною развязностью, говоритъ) Мамаша, мнѣ нужны деньги.

АРИНА ИВАНОВНА. Опять деньги? Какъ же это такъ, Алешенька? Гдѣ я возьму? Самъ знаешь, три рубля вчера у Авдотьи заняла, тебѣ дала.

АЛЕКСѢЙ. Мнѣ не три рубля надо... двадцать пять рублей надо.

АРИНА ИВАНОВНА. Господи! На что это тебѣ?

АЛЕКСѢЙ. Нужно, очень нужно... Если вы не найдете, я, можетъ быть... Вы меня простите, я знаю, что я подлецъ, но если бы вы могли понять... (Сдерживаетъ слезы)

АРИНА ИВАНОВНА. Да гдѣ взять-то? (Думаетъ) Клавдинька не дастъ... У ней есть въ копилкѣ...

АЛЕКСѢЙ. Ну, вотъ и возьмите ихъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Не дастъ. Господи, что же это

Digitized by Google

такое? Ты хоть Богу помолился бы... Мысли у тебя не того... Ты подумай о себѣ-то, подумай.

АЛЕКСѢЙ. Я много думалъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Чего же тебѣ недостаетъ?

АЛЕКСѢЙ. Жизни... Все мнѣ опротивѣло — и здѣсь, и въ гимназіи! (Случайно рукой приподнимаетъ скатерть на столѣ и видитъ деньги, положенныя Ариной Ивановной)

АРИНА ИВАНОВНА. Вотъ есть у меня пять рублей, на златоусты приготовленные. Дать, что-ли?

АЛЕКСѢЙ. Дайте.

(Арина Ивановна уходитъ. Алексѣй смотритъ на деньги и думаетъ, взять ихъ или нѣтъ? Пауза. Смѣло схватываетъ деньги, быстро прячетъ ихъ въ карманъ, бѣжитъ въ переднюю, схватываетъ пальто и фуражку и выбѣгаетъ въ сѣни. Въ фонарѣ сталкивается съ Авдотьей. Авдотья подходитъ къ двери спальни и пріотворяетъ ее)

АВДОТЬЯ. Заложили... на базаръ посылать пора.

(Арина Ивановна выходитъ изъ спальни и виновато прячетъ деньги въ карманъ)

АРИНА ИВАНОВНА. А Алешенька гдѣ?

АВДОТЬЯ. Ушелъ ужъ сынокъ ненаглядный.

АРИНА ИВАНОВНА. Ушелъ... Что же онъ такъ скоро? На завтракъ пятачокъ хотѣла ему дать.

АВДОТЬЯ. Чай, ужъ и пятачокъ! Давайте, что-ли, деньги на базаръ.

(Арина Ивановна подходитъ къ столу и ищетъ деньги)

АРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ же это онѣ? Подъ скатерть положила. Ты не брала?

АВДОТЬЯ. Нѣтъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Что же это такое? Господи! Акулину надо спросить.

Digitized by Google

АВДОТЬЯ. Она бѣлье катаетъ, въ комнаты не входила.

АРИНА ИВАНОВНА. Батюшки! Неужели Алешенька? Какъ же это онъ? Да это не онъ.

АВДОТЬЯ. А кто же? Не кошка съѣла.

АРИНА ИВАНОВНА. Авдотьюшка, что же это будетъ? Батюшки, вотъ грѣхъ-то! (Совершенно растерялась, схватываетъ кочергу у лежанки и стучитъ ею въ полъ, вызывая этимъ Клавдію)

АВДОТЬЯ. Вы бы побольше его баловали; не до этого доживете,—убьетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Да полно тебѣ, полно. Ты у меня нишкни. Александру Егорычу и не заикайся.

АВДОТЬЯ. Узнаетъ. Безъ муки-то не просидишь.

АРИНА ИВАНОВНА. Безъ денегъ возьмемъ.

АВДОТЬЯ. Не отпустятъ. Чай, слышали, что самъ-то приказалъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Батюшки, какъ же это быть-то, Авдотьюшка? Грѣхъ-то, грѣхъ какой! Алешенька-то что сдѣлалъ! (Всплескиваетъ руками и опускается на стулъ)

(Входитъ Клавдія, она немного горбатая и кривобокая, сухая, рыжая, съ веснушками на лицѣ. Часто куритъ, въ рукахъ у нея папироска. Трудно опредѣлить, сколько ей лѣтъ. Пять лѣтъ замужества состарили и искалѣчили эту женщину)

АРИНА ИВАНОВНА. Клавдинька, бѣда-то какая!

КЛАВДІЯ (цѣлуя руку матери). У васъ каждый день бѣда. Павлика такъ разстроили... у него желчь можетъ разлиться.

АРИНА ИВАНОВНА. Алешенька-то что сдѣлалъ! Грѣхъ-то какой!

КЛАВДІЯ. Вы все со своимъ Алешенькой,—до другихъ вамъ и дѣла нѣтъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Деньги вѣдь взялъ... шестьде-

Digitized by Google

сятъ рублей! Отецъ на муку оставилъ. Какъ быть то, Клавдинка? Ума не приложу.

КЛАВДІЯ. Какъ же онъ смѣлъ? Негодный мальчишка!

АРИНА ИВАНОВНА. Боюсь, чтобы отецъ не узналъ... бѣда будетъ.

АВДОТЬЯ. А вы больше покрывайте,—онъ и не то украдетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Молчи ты! Выручай, Клавдинька... Дай... Ужъ я какъ-нибудь сколочу, тебѣ отдамъ.

КЛАВДІЯ. Да гдѣ же я ихъ возьму вамъ? Какъ это вы странно, мамаша...

АРИНА ИВАНОВНА. Въ копилкѣ-то у тебя, быть можетъ, найдется?

КЛАВДІЯ. Это дѣтскія деньги, сами знаете, развѣ ихъ можно взять?

АВДОТЬЯ. А вы у старшаго сынка попросите.

АРИНА ИВАНОВНА. Не дастъ. Да у него, чай, у самого-то нѣтъ. Боюсь я ему сказать... Клавдинька, какъ же быть?

КЛАВДІЯ. Вы мать, а боитесь... Погодите, онъ васъ еще не такъ въ руки заберетъ. Вотъ папашѣ наговариваетъ, чтобы намъ мѣсячныя деньги не выдавать. А еще братъ! Павлика не любитъ... а Павликъ правъ, онъ всегда правъ. Онъ имѣетъ право требовать, это я всѣмъ въ глаза скажу,—у насъ дѣти...

АРИНА ИВАНОВНА. Да погоди ты! Кажется, идетъ... Грѣха съ тобой наживешь.

(Входитъ Константинъ. На немъ красивый, хорошо сшитый костюмъ, волосы немного завиты. Онъ вообще обращаетъ большое вниманіе на свою внѣшность. Войдя, онъ садится къ чайному столу и, раздражаясь, скидываетъ крошки хлѣба со стола)

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Постоянно хлѣбъ! Прилично дома нельзя напиться чаю: ни сыру, ни масла...

(Арина Ивановна наливаетъ ему стаканъ чаю)

АРИНА ИВАНОВНА. Купимъ сегодня. (Хочетъ сказать ему о деньгахъ, но не рѣшается и боится) Расходы, Костенька, большіе.

КОНСТАНТИНЪ. Вотъ въ этомъ-то и горе!.. Расходы большіе, а въ каждой чиновнической семьѣ приличнѣе, чѣмъ у насъ.

(Пауза. Константинъ смотритъ на Авдотью, и ея присутствіе раздражаетъ его)

КОНСТАНТИНЪ (обращается къ Авдотьѣ). Что вамъ здѣсь нужно? Идите! (Авдотья уходитъ) У насъ кучера и кухарки скоро будутъ вмѣстѣ за столъ садиться.

КЛАВДІЯ. Она вѣдь нянька, сестеръ вынянчила.

КОНСТАНТИНЪ. Какъ это глупо!

КЛАВДІЯ. Да ужъ гдѣ намъ!

КОНСТАНТИНЪ. Мужъ опять приходилъ, егозилъ передъ отцомъ. Удивительно, какъ людямъ не стыдно!

КЛАВДІЯ. Не твое дѣло. Павликъ имѣетъ право.

КОНСТАНТИНЪ. Это скучно... Вѣчно одно и то же! Ваше право—палка о двухъ концахъ. Съ утра отравляютъ день! (Раздраженный встаетъ изъ-за стола и, не допивъ стакана чаю, идетъ въ переднюю, надѣваетъ шинель и цилиндръ. Когда онъ, одѣтый, проходитъ въ столовую, Арина Ивановна робко и чуть не плача, начинаетъ говорить ему о деньгахъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Костенька...

КОНСТАНТИНЪ. Что такое? Что вамъ еще нужно?

АРИНА ИВАНОВНА. Грѣхъ-то у меня какой случился! Деньги папаша на базаръ оставилъ, а ихъ кто-то взялъ.

КОНСТАНТИНЪ. Ну, такъ что же? Мнѣ-то что за дѣло? Вы скоро самихъ себя потеряете.

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Да какъ же мнѣ быть? Папашѣ нельзя сказать, самъ знаешь.

КОНСТАНТИНЪ. Кто же ихъ взялъ—Акулина или Авдотья?

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, нѣтъ, Костенька, не онъ... боюсь, что не Алешенька,—тутъ онъ былъ.

КОНСТАНТИНЪ. Подлецъ! (Хочетъ идти)

АРИНА ИВАНОВНА. Что же ты мнѣ ничего не скажешь?

КОНСТАНТИНЪ. Что же сказать? Не хочу я даже вмѣшиваться въ эту исторію. Сами виноваты.

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ ли у тебя.

КОНСТАНТИНЪ. Ахъ оставьте! (Уходитъ).

КЛАВДІЯ. Сынокъ—нечего говорить! Не дай Богъ, умретъ папаша, какъ липокъ отдѣлаетъ; ни жалости, ни любви въ немъ,—каменный какой-то...

АРИНА ИВАНОВНА. И не говори... Какъ же, Клавдинька, дашь что ли? Накоплю я... полотна, скажу самому-то, купила,—вотъ тебѣ двадцать пять рублей и будетъ.

КЛАВДІЯ. Восемьдесять пять отдадите?

АРИНА ИВАНОВНА. Сто отдамъ, только дай.

КЛАВДІЯ. Я все-таки спрошу Павлика. А сейчасъ пока немного купите муки.

АРИНА ИВАНОВНА. Надо такъ сдѣлать. Хочешь чаю, что-ли?

КЛАВДІЯ. Выпью чашечку. (Обѣ пьютъ чай)

АРИНА ИВАНОВНА. На Распоповой хочется отцу-то женить Костеньку. Велѣлъ узнать, сколько за ней денегъ. Она барышня ничего... у обѣдни каждое воскресенье бываетъ, такъ смиренно стоитъ...

КЛАВДІЯ. Не женится онъ на ней... содержанку-то куда дѣнетъ?

АРИНА ИВАНОВНА. А ты не болтай вздоръ!

Digitized by Google

КЛАВДІЯ. Павликъ еще не то про него знаетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Не болтай! Онъ и такъ говоритъ, что мужъ твой все про него выдумываетъ,—поругаются они. А Распопова барышня ему подходящая.

КЛАВДІЯ. Онъ ей только и нравится, а другія-то всѣ терпѣть его не могутъ. Онъ разговаривать съ барышнями не умѣетъ, все фыркаетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, вотъ тебѣ—такой королевичъ, да не умѣетъ! Гимназію кончилъ.

(Вбѣгаетъ взволнованная Авдотья)

АВДОТЬЯ. Матушка, Арина Ивановна, дочка вернулась.

(Арина Ивановна обрадовалась и растерялась)

АРИНА ИВАНОВНА. Людмилочка?.. Зачѣмъ это она?

АВДОТЬЯ. Съ вокзала сейчасъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Господи! Что это съ ней? Не писала ничего.

(Входитъ Людмила. Въ рукахъ у нея небольшой дорожный чемоданъ и подушка. Она красивая женщина, двадцати семи лѣтъ, но въ настоящій моментъ утомленная и растрепанная. Войдя въ столовую, она останавливается у порога двери и отъ волненія не можетъ говорить; чемоданъ вываливается изъ ея рукъ. Арина Ивановна чувствуетъ, что съ дочерью произошло какое-то несчастіе, кидается къ ней, обнимаетъ ее. Клавдія, видя, что Людмила съ трудомъ держится на ногахъ, усаживаетъ ее на стулъ. Людмила цѣлуетъ руки матери и, сдерживая слезы, испуганно взглядываетъ иногда на входную дверь и ждетъ чего-то страшнаго)

ЛЮДМИЛА. Я сейчасъ уѣду... Я думала, что это легче...

КЛАВДІЯ (тихо). Что съ тобой?

Digitized by Google

ЛЮДМИЛА. Не могу... я уѣду!.. (Рыдая, прижимается къ матери) Мамаша, онъ видѣлъ, какъ я подъѣхала... стоялъ у магазина... сейчасъ придетъ.

АРИНА ИВАНОВНА (робко) Людмилочка, зачѣмъ ты пріѣхала?

ЛЮДМИЛА. Не могу я съ нимъ жить--не человѣкъ онъ... Если бы вы знали...

АРИНА ИВАНОВНА. Мужъ вѣдь онъ тебѣ...

ЛЮДМИЛА. Съ нимъ нельзя жить.

(Въ фонарѣ появляется Ванюшинъ. Авдотья первая видитъ)

АВДОТЬЯ. Самъ... (Быстро скрывается въ переднюю)

(Людмила вскакиваетъ со стула и дѣлаетъ движеніе бѣжать. Ванюшинъ входитъ въ шубѣ и шапкѣ; сильно взволнованъ и встревоженъ)

ВАНЮШИНЪ. Зачѣмъ ты?

ЛЮДМИЛА (падаетъ къ его ногамъ). Не гоните меня. Я къ вамъ пріѣхала.

ВАНЮШИНЪ. Постой... (Приподнимаетъ ее) Что ты, обезумѣла? Разскажи все толкомъ.

ЛЮДМИЛА. Я бросила мужа... тихонько убѣжала. Онъ заперъ меня, билъ. Я не могла...

ВАНЮШИНЪ. За что же? Какъ онъ смѣлъ?

ЛЮДМИЛА. Тогда... послѣ свадьбы... какъ поѣздъ отошелъ, пришли мы въ вагонъ, и онъ сталъ требовать денегъ... Я сказала, что вы мнѣ ничего не дали... только на карманные расходы двадцать пять рублей... Ушелъ, не приходилъ всю ночь, и цѣлую недѣлю мучилъ меня и издѣвался.

ВАНЮШИНЪ (тяжело дыша, опускается на стулъ и задумывается). Здѣсь что-то не такъ... Я ему русскимъ языкомъ говорилъ, что денегъ за тобой нѣтъ... Какъ же онъ смѣлъ?

ЛЮДМИЛА. Пьяница онъ: и ночью и днемъ пьетъ;

Digitized by Google

ничего не понимаетъ.—Папаша, зачѣмъ вы хвалили его? Отдали меня? Кому же я могла вѣрить, какъ не вамъ?

ванюшинъ. Не то, не то тутъ. (Испытующе смотритъ на дочь. Увѣряется въ своей догадкѣ, лицо его багровѣетъ; ноздри широко раздуваются и нахмуриваются брови. Ударяетъ кулакомъ по столу) Людмила, говори правду!

арина ивановна (испуганно). Александръ Егоровичъ...

ванюшинъ. Говори! Не станетъ онъ ни съ того, ни съ сего обижать,—не такой парень... Все равно узнаю...

(Людмила молчитъ)

ванюшинъ. Правда, что ли?

людмила. Я уйду... Нѣтъ у васъ жалости... Вѣдь отъ вашихъ взглядовъ да попрековъ за перваго встрѣчнаго выскочила. Васъ же хотѣла облегчить, отъ себя избавить. Ахъ, да что говорить!.. (Хочетъ идти)

арина ивановна. Людмилочка, куда ты?—Что ты съ дочерью-то дѣлаешь, Александръ Егоровичъ?

ванюшинъ. Постой... Живи пока. Только на глаза мнѣ рѣже показывайся. Опозорила, осрамила старика! Старуха, до какого сраму мы съ тобой дожили! Недѣлю тому назадъ дочку обвѣнчали, а она—на тебѣ! Дѣтки, дѣтки! (Схватывается руками за голову) Этого ли я ждалъ отъ васъ? За людьми лѣзъ, дураковъ слушалъ,—училъ... научилъ на свою голову. Да еще говоритъ, во мнѣ жалости нѣтъ! Да кабы я зналъ, что ты такая,—кухаркой бы сдѣлалъ, а замужъ не выдалъ, не опозорилъ бы себя. Какъ я теперь по улицѣ-то пойду, на людей смотрѣть буду? Какъ мнѣ теперь на людей-то смотрѣть? Скажи мнѣ!

людмила. Уйду я, да и все... куда глаза глядятъ уйду...

ванюшинъ. Не дѣло... Слушай! Въ гости ко мнѣ

Digitized by Google

ты пріѣхала... и сиди, на улицу не показывайся, а тамъ, можетъ быть, какъ-нибудь... Не ждалъ я, Людмила, отъ тебя, не ждалъ. (Сдерживая навертывающіяся на глаза слезы, выходитъ изъ столовой въ переднюю)

АРИНА ИВАНОВНА. Клавдинька, пойдемъ за нимъ. Ужъ больно онъ разстроился. Одна-то я боюсь.

КЛАВДІЯ. Пойдемте. (Уходитъ за Ванюшинымъ)

(Людмила чувствуетъ себя лучше: самое страшное, чего она такъ боялась, прошло. Она беретъ чемоданъ и ищетъ въ немъ зеркало. Входитъ Авдотья)

АВДОТЬЯ. Ничего... Это ли бываетъ... Снимайте шубку-то. То ли еще бываетъ. Обойдется. Я виды-то видала. (Помогаетъ Людмилѣ раздѣться) Опять въ дѣвичьей комнатѣ съ Леночкой поживете. Раньше двѣнадцати она у насъ послѣ васъ и не встаетъ... барышню разыгрываетъ.

(Входитъ Щеткинъ. Сначала не видитъ Людмилы и обращается къ Авдотьѣ. Онъ въ мѣховомъ пальто и шапкѣ)

ЩЕТКИНЪ. Папаша дома, что ли? Нигдѣ не найдешь. (Видитъ Людмилу) Людмила Александровна! Вы здѣсь?

ЛЮДМИЛА. Да, здѣсь.

ЩЕТКИНЪ. Не вѣрю глазамъ.

ЛЮДМИЛА. Повѣрьте.

(Авдотья съ шубой Людмилы выходитъ въ переднюю и больше не возвращается)

ЛЮДМИЛА (осматривается и видитъ, что никого въ комнатѣ нѣтъ). Спасибо вамъ!

ЩЕТКИНЪ. Объясните...

ЛЮДМИЛА. Смотрѣть на васъ не могу.

ЩЕТКИНЪ. Неужели прогналъ? Мерзавецъ! Замоскворѣцкій дикарь! Не ждалъ...

ЛЮДМИЛА. Не ждалъ?

Digitized by Google

ЩЕТКИНЪ. Ждалъ, но не такого скандала. Я предупреждалъ, что придется пережить очень непріятныя минуты...

ЛЮДМИЛА. А вамъ все, какъ съ гуся вода...

ЩЕТКИНЪ. Но, Людмила... развѣ былъ другой выходъ? Мало-ль мы думали? Скажите... (Входитъ Клавдія)

КЛАВДІЯ. Ты зачѣмъ?

ЩЕТКИНЪ. За папашей. Въ управѣ нуженъ: голова просилъ его хоть на минуту пріѣхать.

КЛАВДІЯ. Онъ въ кабинетѣ.

ЩЕТКИНЪ. Авось вытащу. (Уходитъ)

КЛАВДІЯ. Иди скорѣе наверхъ. Да совѣтую тебѣ дня два не показываться отцу. Скорѣе, а то встрѣтитесь...

ЛЮДМИЛА. Лучше не встрѣчаться. (Идетъ по лѣстницѣ) Опять вверхъ... Опять этотъ гробъ!..

КЛАВДІЯ. Иди скорѣе. Кажется, идутъ... Никогда и ничего, сестра, не проходитъ даромъ.

(Людмила останавливается на лѣстницѣ и, пораженная словами сестры, смотритъ на нее и тихо говоритъ)

ЛЮДМИЛА. Ты все знаешь?

КЛАВДІЯ (показываетъ на волосы). Сѣдая стала.

Digitized by Google

Дѣти Ванюшина.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Приготовленъ обѣденный столъ для всей семьи Ванюшина. Сервировка простая; груды чернаго и бѣлаго хлѣба; огромные графины съ домашними квасомъ и пивомъ. Леночка возвращается съ прогулки. На ней мѣховая кофточка и шапочка. Въ то время, какъ она входитъ въ столовую и, не раздѣваясь, проходитъ наверхъ, Катя и Аня выглядываютъ изъ передней. Въ рукахъ Кати небольшая шкатулочка, принадлежащая Леночкѣ, съ секретными бумагами и вещами.

КАТЯ (выглянувъ изъ передней). Она!

(Леночка проходитъ наверхъ; Катя и Аня появляются въ дверяхъ)

КАТЯ. Какъ же быть?

АНЯ. Говорила я тебѣ, что она скоро придетъ.

КАТЯ. Давай спрячемъ куда-нибудь и скажемъ, что мы не брали.

АНЯ. Куда?

КАТЯ. Подъ лѣстницу.

АНЯ. А вдругъ кто-нибудь найдетъ.

КАТЯ. Ну, вотъ! Потомъ мы ей въ комнату подкинемъ, да и все. (Отворяетъ дверку комнаты подъ лѣстницей и входитъ въ нее, чтобы спрятать шкатулку. На лѣстницѣ показывается взволнованная Леночка, еще не успѣвшая раздѣться)

АНЯ. Идетъ .. (Растерявшаяся Катя выскакиваетъ изъ подъ лѣстницы и, со шкатулкой въ рукахъ, бѣжитъ черезъ переднюю въ другія смежныя комнаты; Леночка бѣжитъ за ней)

ЛЕНОЧКА. Какъ вы смѣли? Негодныя дѣвчонки! (Дергаетъ за рукавъ Аню и бѣжитъ за Катей; чрезъ нѣкоторое

Digitized by Google

время Катя снова вбѣгаетъ въ столовую и прячется подъ лѣстницей; Леночка за ней; она старается отворить дверку, но Катя ее крѣпко держитъ)

ЛЕНОЧКА. Отдай шкатулку! Я дядѣ скажу.

КАТЯ (за дверью). Не смѣешь.

(Послѣ нѣкоторой борьбы Леночкѣ удается отворить дверь. Катя бросаетъ шкатулку на полъ, и изъ нея вываливаются письма и разныя бумаги. Леночка старается ихъ собрать, но это ей отъ волненія плохо удается)

КАТЯ. Возьми! Мы теперь все равно все знаемъ.

ЛЕНОЧКА. Ничего вы не знаете.

КАТЯ (дразнитъ ее). Знаемъ, знаемъ... мы прочли...

ЛЕНОЧКА. И не стыдно вамъ читать чужія письма?

КАТЯ. Мы не письма, мы дневникъ прочли... Знаемъ, знаемъ... (Хлопаетъ въ ладоши и скачетъ съ ноги на ногу)

ЛЕНОЧКА. Безстыдница!

АНЯ (серьезно и съ глубокимъ укоромъ). Это ты безстыдница! Тебя, какъ бѣдную родственницу, папаша содержитъ, кормитъ, а ты... Тебѣ должно быть стыдно. (Сдерживая слезы) Ты нехорошая!

(Леночка сконфужена, чувствуетъ себя неловко)

АНЯ. Костя, старшій братъ, онъ не долженъ такъ себя вести.

ЛЕНОЧКА. Надо все знать, Аня, чтобы такъ говорить... Ты молода, и не тебѣ судить. Я, можетъ быть, и очень несчастная... я бѣдная...

АНЯ (тронута слезами Леночки). Мы, Леночка, вѣдь никому не скажемъ. Не скажемъ вѣдь, Катя?

ЛЕНОЧКА. Дайте мнѣ слово. Я вамъ все, все разскажу... (Обращается къ Анѣ) Даешь?

АНЯ. Мы никому, ей-Богу, никому не скажемъ.

(Леночка цѣлуетъ Катю и Аню)

Digitized by Google

КАТЯ. А ты Костѣ не говори. Онъ сердиться на насъ будетъ. Не скажешь?

ЛЕНОЧКА. Не скажу. Да онъ и не знаетъ, что у меня дневникъ есть.

КАТЯ. Не знаетъ? А я на твоемъ мѣстѣ все говорила бы ему.

ЛЕНОЧКА. Этого нельзя. Мужчинамъ не надо все говорить.

КАТЯ. Почему же? Леночка, скажи, почему?

(Въ фонарѣ появляется Ванюшинъ)

КАТЯ. Папаша... (Быстро вбѣгаетъ по лѣстницѣ, за ней Аня и Леночка).

(Входитъ Ванюшинъ и проходитъ въ переднюю, раздѣвается и уходитъ въ другія комнаты. Сверху сходятъ Авдотья и Акулина)

АВДОТЬЯ. Иди за супомъ. Самъ пришелъ. (Осматриваетъ приготовленный столъ) Все ли въ порядкѣ?

АКУЛИНА. Скатерть грязная.

АВДОТЬЯ. Сегодня не воскресенье, ладно. Щеткинымъ-то есть приборы?

АКУЛИНА. Накрыла.

АВДОТЬЯ. Придутъ, чай, и сегодня. Рѣдкій день не ходятъ. (Считаетъ приборы) Да не хватаетъ одного прибора. Эхъ, ты, считалка! Иди ужъ за супомъ, я сама приготовлю.

(Акулина уходитъ. Авдотья приготовляетъ приборъ. Входитъ Константинъ. Леночка, ожидавшая и слѣдившая сверху, когда онъ придетъ, сходитъ съ лѣстницы и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ въ переднюю, гдѣ тихо и разсказываетъ ему о поступкѣ Кати и Ани; когда Авдотья выходитъ въ сѣни, Леночка и Константинъ входятъ въ столовую)

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Глупо!.. Писать не умѣешь, да какіе-то тамъ дневники завела... Сожги.

ЛЕНОЧКА. Я, Костенька...

КОНСТАНТИНЪ (шепелявитъ и передразниваетъ ее). Я, Костенька... Сожги. А съ ними будь поласковѣе, не ссорься. Чортъ знаетъ, что такое!

ЛЕНОЧКА. Не сердись.

КОНСТАНТИНЪ. Это хоть кого взбѣситъ! Уѣхать тебѣ надо на время.

ЛЕНОЧКА. Ну, нѣтъ, я не поѣду.

КОНСТАНТИНЪ. Послѣ поговоримъ.

(Акулина вноситъ огромную миску съ супомъ)

КОНСТАНТИНЪ (крича). Папаша, что вы тамъ? Я ѣсть хочу (Садится за столъ). Безобразіе! Не достаетъ, чтобы ѣли изъ одной плошки!

(Входитъ Ванюшинъ и Арина Ивановна. Ванюшинъ въ недурномъ настроеніи духа, но на него дѣйствуетъ хмурый и недовольный Константинъ, и скоро онъ самъ становится мраченъ)

ВАНЮШИНЪ (обращается къ стоящей у буфета Леночкѣ). Что носъ-то, сычъ, повѣсила?

ЛЕНОЧКА. Такъ, дядя... Я не повѣсила.

ВАНЮШИНЪ (кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ). Эй, вы, вшивая команда, обѣдать!

(Всѣ садятся за столъ. Сверху сходятъ Аня и Катя. Онѣ держатъ себя натянуто и принужденно. Ванюшинъ разливаетъ супъ, каждый подставляетъ свою тарелку и ждетъ очереди

ВАНЮШИНЪ. А Людмила гдѣ?

АРИНА ИВАНОВНА. Вотъ она.

(Людмила сходитъ съ лѣстницы; она очень дурно себя чувствуетъ и присут-

Digitized by Google

ствуетъ за обѣдомъ только по необходимости)

ВАНЮШИНЪ (обращаясь къ Людмилѣ). Давай тарелку. (Къ Анѣ) Погоди, скороспѣлка! (Наливаетъ сначала Людмилѣ, потомъ Анѣ) А что „нижнихъ" нѣтъ? (Обращается къ Катѣ) Постучи имъ. (Катя кочергой стучитъ въ полъ)

КОНСТАНТИНЪ. Какъ будто бы безъ нихъ нельзя.

ВАНЮШИНЪ. А тебѣ жалко?

КОНСТАНТИНЪ. Не жалко, а только странно,—ни одного обѣда безъ нихъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Они ужъ три дня не обѣдали.

КОНСТАНТИНЪ. Надо на стѣнѣ записать.

ВАНЮШИНЪ (обращается къ Анѣ). Ѣшь хорошенько. Чего выбираешь, ковырялка?

АНЯ. Я морковь не люблю.

ВАНЮШИНЪ. Ѣшь все.

(Молча продолжаютъ ѣсть. Входятъ Щеткины)

ЩЕТКИНЪ. А мы только что сѣли за столъ съ Клавдюшей.

КЛАВДІЯ. У насъ сегодня индѣйка.

ВАНЮШИНЪ. Садитесь. Жареная индѣйка не убѣжитъ.

(Щеткины садятся)

ЩЕТКИНЪ. Опять супъ изъ потроховъ.

ВАНЮШИНЪ. Изъ потроховъ. А ты не любишь?

ЩЕТКИНЪ. Такъ себѣ. Какая любовь можетъ быть къ кушаньямъ. Мнѣ всегда кажется смѣшнымъ, когда говорятъ: люблю гуся, простоквашу. Забавно!

КЛАВДІЯ. А самъ очень часто говоришь такъ. Любишь солонину съ хрѣномъ.

ЩЕТКИНЪ. Мнѣ нравится, а солонину я любить не могу.

ВАНЮШИНЪ. А ты ѣшь, супъ-то простынетъ.

(Молча всѣ ѣдятъ)

Digitized by Google

КАТЯ. Папаша, у насъ классная дама ушла.

ВАНЮШИНЪ. Ѣшь. Какая тамъ дама! (Смотритъ на Людмилу и, понимая ея настроеніе, хочетъ ее ободрить, сказать ей что-либо ласковое) Ты что, вдова, жеманишься?

(Обиженная Людмила выходитъ изъ-за стола)

АРИНА ИВАНОВНА. Куда же ты, Людмилочка? Папаша вѣдь пошутилъ.

КОНСТАНТИНЪ. Такъ не шутятъ. (Обращаясь къ отцу) Безтактно!

ВАНЮШИНЪ. Садись. Отцу-то пошутить нельзя? (Людмила садится) Пальцемъ до васъ не дотронься.

КОНСТАНТИНЪ. Вы бревномъ тычете.

ЩЕТКИНЪ. Есть за папашей этотъ грѣшокъ (Обращаясь къ Константину) Наконецъ-то мы съ вами хоть въ одномъ сошлись...

КОНСТАНТИНЪ. Очень сожалѣю.

ЛЕНОЧКА. Полно, Костенька!

(Входитъ Алексѣй съ напускною развязностью. Онъ съ утра бродилъ по улицамъ города и думалъ, какъ сообщить дома о своемъ увольненіи изъ гимназіи. И вотъ теперь, утомленный, онъ входитъ въ столовую, пересиливъ стыдъ и рѣшившись на все; раздѣвается въ передней и, съ ранцемъ въ рукахъ, идетъ и останавливается на лѣстницѣ)

АРИНА ИВАНОВНА. Алешенька, куда же ты?

АЛЕКСѢЙ. Папаша, меня выгнали изъ гимназіи.

ВСѢ. Что?

АЛЕКСѢЙ. Меня выгнали изъ гимназіи.

ВАНЮШИНЪ. Дождался!.. (Бросаетъ въ него ложкой и не попадаетъ) Ахъ, ты!.. (Кидается за нимъ. Алексѣй вбѣгаетъ наверхъ. Ванюшинъ догоняетъ его и, спотыкаясь на лѣстницѣ, убѣгаетъ за нимъ. Изъ-за стола всѣ встали. Аня и Леночка хотѣли было бѣжать наверхъ, но остановились на лѣстницѣ. Всѣ чего

Digitized by Google

то ждутъ и прислушиваются. Сверху слышенъ голосъ Алексѣя: „Оставьте! Я не позволю, не позволю!“ Падаетъ что-то тяжелое, должно быть стулъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣй показывается на лѣстницѣ. Волосы его растрепаны; отъ мундира оторвались нѣсколько пуговицъ)

АЛЕКСѢЙ. Бить? Никогда! Ни за что! (Вбѣгаетъ въ переднюю, схватываетъ пальто. Ванюшинъ стоитъ на верху лѣстницы и держится за перила. Отъ волненія онъ съ трудомъ можетъ говорить)

ВАНЮШИНЪ. Не давайте пальто, не давайте!

(Алексѣй бросаетъ пальто на полъ)

АЛЕКСѢЙ. Не надо... Не давайте! (Выбѣгаетъ въ сѣни, за нимъ Аня и Арина Ивановна. Ванюшинъ держится за перила и, шатаясь, спускается съ лѣстницы. Леночка его поддерживаетъ и уводитъ)

КЛАВДІЯ. Куда онъ побѣгъ?

ЛЮДМИЛА (съ безпокойствомъ). Какъ бы надъ собой онъ чего не сдѣлалъ...

КОНСТАНТИНЪ. Ничего не будетъ.

КЛАВДІЯ (обращаясь къ мужу). Павликъ, ты пошелъ бы...

ЩЕТКИНЪ. Ну вотъ еще! Онъ какъ звѣрь.

(Аня и Арина Ивановна возвращаются)

АРИНА ИВАНОВНА. Напротивъ убѣжалъ, къ Араповымъ.

(Аня беретъ пальто и фуражку Алексѣя)

АНЯ. Я съ Акулиной пошлю ему. (Уходитъ въ сѣни)

АРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ самъ-то? Что съ нимъ? (Уходитъ)

ЩЕТКИНЪ. Я всегда говорилъ, что онъ что-нибудь выкинетъ. Оболтусъ!

КОНСТАНТИНЪ. Дуракъ. Я знаю, за что его выгнали. Предупреждалъ его, такъ нѣтъ. Влюбился, потерялъ голову.

КЛАВДІЯ. Ужъ что онъ только не продѣлывалъ! А, говорятъ, дрянь какая-то, хористка изъ театра.

Digitized by Google

ЩЕТКИНЪ. Я видѣлъ его третьяго дня съ ней на извозчикѣ.

(Входитъ Аня)

КОНСТАНТИНЪ. По нѣсколько дней въ гимназіи не бывалъ,—у нея сидѣлъ.

ЛЮДМИЛА (обращаясь къ Константину). А ты бы вотъ къ ней поѣхалъ, да и отчиталъ бы ее хорошенько. Вѣдь это подло съ ея стороны.

КОНСТАНТИНЪ. Былъ... Взялъ у нея пятьдесятъ рублей.

КЛАВДІЯ. Такъ это онъ для нея укралъ. Ты что же мамашѣ-то не отдалъ?

КОНСТАНТИНЪ. Не твое дѣло—отдамъ.

(Авдотья вноситъ второе блюдо—огромный кусокъ телятины)

КЛАВДІЯ. Какъ же не мое дѣло, Костенька? Я, вѣдь, мамашѣ деньги дала.

ЩЕТКИНЪ. Дѣтскія изъ копилки. Мы не обязаны давать.

КОНСТАНТИНЪ. Вамъ тоже не обязаны, да даютъ...

ЩЕТКИНЪ. Нѣтъ, это позвольте! Я имѣю нравственное право. Папаша не отрицаетъ его, и вы напрасно злитесь. А вотъ это странно, что вы не возвращаете взятыя у хористки деньги и украденныя вашимъ братомъ.

КОНСТАНТИНЪ. Довольно! (Вынимаетъ деньги и кидаетъ Щеткину) Возьмите!—Людмила, скажи мамашѣ, что я отдалъ за нее деньги Щеткинымъ. Обѣдать я не буду. Въ своемъ домѣ не даютъ ѣсть! (Уходитъ въ свою комнату)

ЛЮДМИЛА. И когда вы перестанете ссориться?

ЩЕТКИНЪ. А вы, Людмила Александровна, думали, что за недѣлю вашего отсутствія все перемѣнилось? (Смѣется) Въ этомъ домѣ никогда ничего не перемѣнится. По-моему, въ курной избѣ съ мужиками жить лучше, чѣмъ здѣсь. Глупо вы сдѣлали, что пріѣхали.

Digitized by Google

КЛАВДІЯ. Павликъ, перестань.

ЩЕТКИНЪ. Не перестану. Я правъ, и всегда скажу правду въ глаза. Скандальнѣе дома Ванюшина нѣтъ во всемъ городѣ, только здѣсь все дѣлается шито и крыто.

(Входитъ Леночка)

ЩЕТКИНЪ (говоритъ громко, стараясь, чтобы слышалъ Константинъ). Гдѣ, въ какой семьѣ мальчишки-гимназисты имѣютъ содержанокъ? Примѣръ старшаго брата очень заразителенъ,—я не удивляюсь Алексѣю. Оттягивать у родственниковъ, у родной сестры, для побочной семьи... Очень хорошо!

КЛАВДІЯ. Павликъ, перестань!

ЛЕНОЧКА. У Кости нѣтъ никакой побочной семьи Вы говорите неправду.

ЩЕТКИНЪ. Ахъ, оставьте! Знаютъ всѣ въ городѣ. Кассирша изъ магазина Павленкова ходитъ въ шелкахъ и бархатѣ. Всѣмъ извѣстно, кто ее одѣваетъ, какъ куклу и камелію.

ЛЕНОЧКА. Неправда.

ЛЮДМИЛА. Правда это или неправда, только вамъ-то не слѣдовало бы говорить этого, да еще при дѣвочкахъ. Простите меня, Павелъ Сергѣевичъ, вы много грязи и ссоры вносите въ нашу семью.

ЩЕТКИНЪ. „Въ нашу семью“! Заступаетесь за нашу семью! Напрасно, долго вамъ здѣсь жить не придется.

КЛАВДІЯ. Перестань!

ЩЕТКИНЪ. Ты можешь оставаться на этомъ миломъ званомъ обѣдѣ, а я—слуга покорный. Кусокъ въ горлѣ застрянетъ. (Уходитъ)

ЛЕНОЧКА. Хорошо, что ушелъ. Костенька услыхалъ бы—бѣда была бы.

КЛАВДІЯ. Онъ раздражительный—наговоритъ, наговоритъ, а потомъ самъ кается.

(Входитъ Арина Ивановна)

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Кушайте однѣ. Самъ-то легъ, ужъ больно разстроился. Компрессъ ему на голову положила, успокоительныхъ капель дала.

КЛАВДІЯ. Какой тутъ обѣдъ! (Закуриваетъ папиросу)

(Леночка и Катя садятся и ѣдятъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Что будетъ съ Алешенькой—не знаю!.. Надо ему покушать наверху оставить: ночью придетъ—съѣстъ. Вотъ, Людмилочка, какъ у насъ дѣла идутъ... изъ рукъ вонъ, просто изъ рукъ вонъ.

ЛЮДМИЛА. А вы не разстраивайтесь, мамаша. Вы думаете, только у насъ въ семьѣ такъ?.. Есть такія семьи!

АРИНА ИВАНОВНА. За докторомъ хотѣла послать,— не хочетъ. Не любитъ онъ лѣчиться.

АНЯ. Взять да послать. Съ нимъ можетъ что-нибудь случиться. Больныхъ не спрашиваютъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Безъ тебя знаютъ! Садись, кушай!

(Входитъ Красавинъ и Авдотья, съ кулькомъ и дорожными вещами Красавина. Она помогаетъ ему раздѣваться. Красавинъ, тщедушный, хилый, производитъ впечатлѣніе чахоточнаго человѣка, лѣтъ тридцати семи. На немъ дорожная тужурка и свѣтлыя брюки; массивная золотая цѣпь виситъ на груди; на рукахъ брильянтовыя кольца. Волосъ на головѣ мало; они и раздвоенная небольшая бородка тщательно причесаны. Онъ немного пьянъ, часто и дико смѣется, говоритъ горячо и тоже какимъ-то дикимъ, высокимъ теноромъ. Его пріѣздомъ всѣ присутствующіе въ столовой страшно удивлены. Людмила поблѣднѣла и глядитъ на него злыми глазами)

КРАСАВИНЪ. Не ждали? Къ тещѣ въ гости пожаловалъ; но не съ пустыми руками — по-московски, съ подношеніемъ. Мы по-христіански, добромъ за зло! Ха-ха-ха! Авдотьюшка, пожалуйте сюда кулекъ. Тутъ все:

Digitized by Google

и Филипповскіе сухари и Абрикосовскія конфеты. (Кладетъ кулекъ на столъ) Ну-съ, а теперь по-родственному цѣловаться давайте! (Цѣлуется съ Ариной Ивановной и со всѣми по очереди; къ Людмилѣ подходитъ къ послѣдней) А вамъ особенный и нижайшій... Ха-ха-ха! (Низко кланяется, доставая рукою полъ) Простите свирѣпаго, простите нелѣпаго, простите окаяннаго! Вотъ какъ мы! Знай нашихъ! (Ударяетъ себя въ грудь)

ЛЮДМИЛА. Вы пьяны, поѣзжайте въ номера, проспитесь, а потомъ пріѣзжайте.

КРАСАВИНЪ. Не дѣло. Къ тестю зять пріѣхалъ, да въ номера поѣдетъ,—не дѣло!

АРИНА ИВАНОВНА. Зачѣмъ же, Людмилочка, въ номера? Алешиньки дома нѣтъ, пока въ его комнатѣ можно. Ступайте, сосните, Степанъ Ѳедоровичъ.

ВАНЮШИНЪ (изъ спальни). Аринушка!

АРИНА ИВАНОВНА. Александръ Егоровичъ зоветъ. (Уходитъ въ спальню)

ЛЮДМИЛА. Зачѣмъ вы пріѣхали?

КРАСАВИНЪ. Объ этомъ ужъ съ отцомъ будемъ говорить.

ЛЮДМИЛА. Онъ боленъ.

КРАСАВИНЪ. Подождемъ, когда выздоровѣетъ. Ха-ха!

(Входитъ Арина Ивановна)

АРИНА ИВАНОВНА. Въ спальню васъ зоветъ. Лежитъ онъ.

КРАСАВИНЪ. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ)

АВДОТЬЯ. Убирать, что-ли, со стола?

АРИНА ИВАНОВНА. Убирай... не до тебя!

КЛАВДІЯ (обращаясь къ Анѣ и Катѣ). Вы бы пошли лучше наверхъ.

КАТЯ. Ну, вотъ еще! Намъ интересно.

АРИНА ИВАНОВНА. Ступайте, ступайте! Дѣлать вамъ здѣсь нечего.

Digitized by Google

КАТЯ. А вамъ есть что?

АРИНА ИВАНОВНА. Ступайте!

(Леночка, Аня и Катя уходятъ наверхъ и сверху подсматриваютъ, что дѣлается въ столовой. Арина Ивановна подходитъ къ двери спальни и подслушиваетъ)

ЛЮДМИЛА. Мнѣ надо уѣхать... Я знаю, что онъ будетъ безобразничать, и для скандаловъ только пріѣхалъ сюда.

КЛАВДІЯ. Куда же ты поѣдешь?

ЛЮДМИЛА. Куда-нибудь. Оставаться здѣсь нельзя.

АРИНА ИВАНОВНА (отойдя отъ двери, тихо). Двадцать тысячъ проситъ, тогда, говоритъ, возьму обратно. (Опять подслушиваетъ)

ЛЮДМИЛА. Подлецъ!

АВДОТЬЯ. Выгнать его, да и все, что въ самомъ дѣлѣ!

КЛАВДІЯ. Только и стоитъ.

ЛЮДМИЛА. Дай мнѣ денегъ. У меня ни копейки нѣтъ. Я не могу уѣхать.

КЛАВДІЯ. Да у меня тоже нѣтъ.

ЛЮДМИЛА. Возьми у мужа. Скажи, что я прошу.

КЛАВДІЯ. Не дастъ: онъ на тебя сердится.

ЛЮДМИЛА. За что?

(Авдотья уходитъ въ сѣни и уноситъ со стола посуду)

КЛАВДІЯ. Ты его несправедливо обвиняешь... Онъ ни въ чемъ не виноватъ.

АРИНА ИВАНОВНА (опять отойдя отъ двери). Пятнадцать только проситъ. (Продолжаетъ подслушивать)

ЛЮДМИЛА. Дай мнѣ денегъ. Я знаю: я передъ тобой виновата, но прости меня, пожалѣй... Ты видишь мое положеніе.

КЛАВДІЯ. Да когда нѣтъ... Что же дѣлать?

Digitized by Google

ЛЮДМИЛА. Ну, хоть сколько-нибудь, только на дорогу.

КЛАВДІЯ. Нѣтъ у меня.

ЛЮДМИЛА. Заложи вещи.

КЛАВДІЯ. Павликъ не позволитъ.

ЛЮДМИЛА. Не смѣетъ онъ не позволить. Онъ долженъ помочь мнѣ.

КЛАВДІЯ. У него семья, дѣти. Что это такое за „долженъ?“

ЛЮДМИЛА. Сестра!.. (Въ отчаяніи) Чужіе, чужіе! (Тихо рыдаетъ, склонившись на столъ)

КЛАВДІЯ. Не тебѣ упрекать меня.

АРИНА ИВАНОВНА (отойдя отъ двери). Полно тебѣ, Людмилочка! Пойдемъ отъ грѣха... Кажется, сюда идутъ. Спрячемся гдѣ-нибудь.

(Всѣ уходятъ. Черезъ нѣкоторое время входитъ Ванюшинъ и Красавинъ. Ванюшинъ въ халатѣ)

КРАСАВИНЪ. Я человѣкъ коммерческій, въ полномъ смыслѣ мошенникъ... И горжусь этимъ! (Ударяетъ себя въ грудь) Нынче жить иначе нельзя. Кто взялъ палку, тотъ и бьетъ. Вся Москва знаетъ, какъ я сумѣлъ получить страховыхъ сорокъ тысячъ, когда сгорѣло на пятнадцать. Вотъ какой я! У меня хозяинъ вотъ гдѣ сидитъ. (Показываетъ кулакъ)

ВАНЮШИНЪ. Богъ тебя знаетъ, что ты мелешь. Зналъ я тебя за дѣльнаго человѣка, не пьющаго, а теперь просто не узнаю. Помѣшался словно ты. Ступай лучше, проспись, а потомъ поговоримъ.

(Входитъ Авдотья)

КРАСАВИНЪ. Что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ. На любой биржѣ справьтесь: на безчестіе высокій тарифъ стоитъ, а у насъ въ Москвѣ въ особенности.

Digitized by Google

ванюшинъ. Вотъ тебя Авдотья спать отведетъ. (Обращаясь къ Авдотьѣ) Веди его.

авдотья. Да и въ самомъ дѣлѣ—пойдемъ, Степанъ Ѳедоровичъ. Чего фордыбачишься?

красавинъ. Авдотья! Люблю тебя, Авдотья! Славная баба! А сколько я тебѣ на чай далъ, когда былъ женихомъ?

авдотья. Десять рублей.

красавинъ. То-то, помни!

ванюшинъ. Иди, будетъ канителиться.

(Авдотья ведетъ его на лѣстницу)

красавинъ (съ лѣстницы). А только мое слово неизмѣнно: не меньше пятнадцати тысячъ. (Уходитъ)

(Ванюшинъ подходитъ къ комнатѣ Константина)

ванюшинъ. Дома ты? Отопри!

константинъ. Что вамъ нужно?

ванюшинъ. Отопри. Говорить хочу я съ тобой.

(Константинъ отпираетъ дверь. Ванюшинъ входитъ въ комнату. Сверху сходятъ Леночка, Аня и Катя)

леночка. Всѣмъ нельзя—услышатъ. Ты одна, Катя, на цыпочкахъ подойди.

катя. Я ужъ знаю какъ. (Катя на цыпочкахъ, осторожно подходитъ къ двери комнаты Константина и подслушиваетъ. Леночка и Аня садятся на ступеньки лѣстницы)

аня. А какъ ты думаешь, зачѣмъ онъ теперь пріѣхалъ.

леночка. Тише говори. Не знаю.

аня. А билъ онъ Людмилу?

леночка. Хотѣлъ, да она убѣжала. Никогда, Аня, не выходи замужъ безъ любви.

аня. Я не выйду. А любить хорошо?

леночка. Любовь—это все въ жизни, для нея только и стоитъ жить.

Digitized by Google

АНЯ. Алешу за любовь изъ гимназіи выгнали. Должно быть, хорошенькая она?

ЛЕНОЧКА. Скверная женщина.

АНЯ. А что въ ней сквернаго?

ЛЕНОЧКА. Она арфистка.

АНЯ. Арфистки всѣ не хорошія? Онѣ никого не любятъ?

ЛЕНОЧКА. Кто деньги даетъ, того и любятъ.

АНЯ. И цѣлуютъ?

ЛЕНОЧКА (тихо къ Катѣ). Катя! (Зоветъ ее жестомъ руки) О чемъ они говорятъ? (Катя осторожно подходитъ къ нимъ)

КАТЯ. Плачетъ папаша, проситъ его на Распоповой жениться, а онъ не хочетъ.

ЛЕНОЧКА. А онъ что говоритъ?

КАТЯ. Говоритъ, что никогда безъ любви не женится.

ЛЕНОЧКА. Ступай. Слушай!

(Катя подходитъ къ двери)

АНЯ. Онъ тебя любитъ, Леночка?

ЛЕНОЧКА. Ты, Аня, объ этомъ никому не говори. Мы очень другъ друга любимъ. Я-бъ хотѣла, чтобы ты такъ же любила.

АНЯ. Костя никого не любитъ кромѣ тебя, ни мамаши, ни сестеръ.

ЛЕНОЧКА. Его никто не понимаетъ въ семьѣ, только я одна. У него добрая душа.

АНЯ. Нѣтъ, неправда это. Онъ злой; все только для себя одного дѣлаетъ.

ЛЕНОЧКА. Ты не знаешь его.

АНЯ. Да онъ никогда не говоритъ съ нами.

(Изъ комнаты доносится голосъ Константина: „Никогда, никогда я этого не сдѣлаю!“ Катя отбѣгаетъ отъ двери)

КАТЯ. Костя разсердился. Собирается въ магазинъ.

Digitized by Google

(Бѣжитъ наверхъ, за ней Леночка и Аня. Входятъ Константинъ и Ванюшинъ. Константинъ одѣвается)

КОНСТАНТИНЪ. Я для васъ много сдѣлалъ... Я бросилъ карьеру, не пошелъ въ университетъ, засѣлъ за прилавокъ, чтобы помогать вамъ, но этого вы не цѣните... Вы хотите, чтобы я самое дорогое, что у меня осталось, и къ чему сводится весь смыслъ моей жизни—мою будущую семью—принесъ въ жертву, ради пьянаго приказчика изъ Москвы, для того только, чтобы въ глазахъ другихъ облагородить мою сестру. Вы можете считать меня дурнымъ сыномъ, но я этого сдѣлать не могу, не могу жениться на вашей Распоповой или Раскоповой какой-то тамъ. (Хочетъ идти)

ВАНЮШИНЪ. Постой! Вѣдь онъ по всей Москвѣ разблаговѣститъ. Скажутъ, Ванюшинъ не далъ денегъ, грошей не далъ... Кредита не будетъ. Какъ торговать-то мы съ тобою будемъ?

КОНСТАНТИНЪ. Кредитъ будетъ. Это вздоръ.

ВАНЮШИНЪ. А съ какими глазами мы въ Москву-то покажемся? Да я скорѣе въ гробъ лягу, чѣмъ поѣду туда.

КОНСТАНТИНЪ. Итакъ, значитъ, одинъ выходъ: я долженъ жениться. Этого я не сдѣлаю! Пускай лучше все въ трубу вылетитъ! Я проживу и безъ торговли.

ВАНЮШИНЪ. Врешь! Ѣсть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это такъ говоришь, пыль въ глаза мнѣ, старику, пускаешь, дурачишь отца. Денегъ не хочетъ! Знаю, какъ ты не хочешь... Не хотѣлъ бы, такъ за прилавокъ-то не сѣлъ; онѣ то тебя и приковали къ прилавку. Выучился слова говорить, да и тычешь ими въ носъ. „Въ университетъ пошелъ бы! Помогаю вамъ“. Помощникъ, дери тебя горой! Сказалъ бы просто, что ни мнѣ, ни сестрѣ, ни дѣлу помочь не хочешь...

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Надѣюсь, вы кончили? Я васъ слушалъ только потому, что вы мой отецъ. (Уходитъ и сильно ударяетъ дверью)

(Въ столовой почти темно. Ванюшинъ садится у стола. Смотритъ въ одну точку и напряженно о чемъ-то думаетъ)

ВАНЮШИНЪ. Не поправишься.. Нѣтъ... Что дѣлать-то? (Кладетъ руку на голову)

(Арина Ивановна робко и тихо подходитъ къ нему. Онъ не видитъ ея)

ВАНЮШИНЪ. Что дѣлать-то? Голова кругомъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Александръ Егоровичъ, что съ тобой? Зачѣмъ всталъ-то, ступай, лягъ.

ВАНЮШИНЪ. Божья старушка, научи, скажи что-нибудь... Руки у меня опускаются...

АРИНА ИВАНОВНА. Я Клавдиньку съ Людмилочкой позову.

ВАНЮШИНЪ. Не надо. И не говори имъ ничего про меня. Несчастныя всѣ, всѣ несчастныя!

АРИНА ИВАНОВНА. Да не убивайся ты... Все обойдется... Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдетъ.

ВАНЮШИНЪ. Не обойдется... нельзя, чтобы обойтись... Души у нихъ у всѣхъ несчастныя.

АРИНА ИВАНОВНА. Да про кого ты говоришь?

ВАНЮШИНЪ. Работать не могутъ, жить не могутъ... Старуха, кто у насъ дѣтей-то сдѣлалъ такими? Откуда они? Наши ли?

АРИНА ИВАНОВНА. Ужъ я не знаю, что ты и говоришь...

ВАНЮШИНЪ. Для нихъ старался, для нихъ дѣлалъ, и всѣмъ врагомъ сталъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Грозенъ ты ужъ больно. Вонъ Алешеньку-то какъ перепугалъ.

ВАНЮШИНЪ. Грозенъ, боятся... А знаютъ ли они,

Digitized by Google

какъ смотрѣть-то на нихъ жалко? Не чувствуютъ, ничего не чувствуютъ... Словно не отецъ я имъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Я Алешенькѣ скажу.

ВАНЮШИНЪ. Не надо. Пусть думаютъ, что хотятъ прô отца. Все равно, немного намъ съ тобой жить, какъ-нибудь доживемъ. Усталъ я сорокъ лѣтъ вести васъ. Рукой на все махну. Пусть живутъ, какъ хотятъ! И для чего работалъ? Для чего жилъ? Грошъ къ грошу кровью приклеивалъ... Суета ты, жизнь человѣческая! (Задумывается)

(Арина Ивановна уходитъ въ спальню и возвращается съ бутылкой святой воды; мочитъ ему голову)

ВАНЮШИНЪ. Что ты?

АРИНА ИВАНОВНА. Водицей святой изъ ключа Семиозерной пустыни.

ВАНЮШИНЪ. Вотъ ты мочила бы дѣтямъ-то головы, да не теперь, раньше... Оставь!

АРИНА ИВАНОВНА. Я за Костенькой пошлю.

ВАНЮШИНЪ. Не надо. Не смѣй говорить ничего никому. Мнѣ больнѣе будетъ... Слышишь — не смѣй! Я пойду, лягу. (Идетъ въ спальню, Арина Ивановна его поддерживаетъ) А ты молись. Я люблю, мнѣ легче, когда ты молишься. (Уходятъ)

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Гостиная въ домѣ Ванюшина. Узкая, длинная комната, отдѣляющаяся аркой отъ зала. Залъ виденъ. Арка увита плющомъ, и по обѣимъ сторонамъ ея стоятъ большіе розаны въ деревянныхъ кадкахъ. Мебель стараго фасона изъ краснаго дерева. Въ глубинѣ огромный рояль изъ такого же дерева; большой зеленый коверъ, съ красными цвѣтами, застилаетъ половину комнаты. Слѣва, на первомъ планѣ окно, заставленное диваномъ; по бокамъ дивана двѣ высокія деревянныя тумбочки, на которыхъ стоятъ искусственные букеты въ вазахъ, подъ стеклянными колпаками; преддиванный столъ и кресла. Справа дверь; у дверей этажерка съ серебромъ и золотомъ; два большихъ до потолка зеркала, по бокамъ окна, выходящаго на улицу. Мягкіе стулья разставлены по стѣнамъ; на стѣнахъ бра и художественныя картинки, случайно попавшія въ домъ Ванюшина. Въ залѣ передъ аркой такое же зеркало, какъ въ гостиной, и множество стульевъ, плотно разставленныхъ по стѣнамъ. По случаю торжественнаго дня, причастія Ванюшина, Акулина приготовляетъ чайный столъ въ залѣ. Аня и Алексѣй входятъ въ гостиную.

АНЯ (таща Алексѣя за рукавъ). Да посиди ты здѣсь! Онъ не скоро придетъ. Здѣсь воздуху больше. Все наверху, да наверху. Вотъ сядемъ у окна и будемъ смотрѣть. Какъ изъ церкви пойдетъ народъ, ты и уйдешь наверхъ. (Садится у окна, выходящаго на улицу)

АЛЕКСѢЙ. Сегодня совсѣмъ весна... Солнце-то какъ свѣтитъ...

АНЯ. Хорошо на улицѣ. Пойдемъ гулять къ Волгѣ, полынья у пристаней большая-большая, словно Волга уже разлилась.

Digitized by Google

АЛЕКСѢЙ. Не хочется. Противно на народъ смотрѣть. Еще знакомыхъ встрѣтишь, начнутся сожалѣнія, допросы. Сожалѣютъ, считаютъ тебя погибшимъ, какъ будто бы они лучше. Идіоты!

АНЯ (смотря въ окно). Вонъ барышня Распопова подъѣхала къ церкви... Алеша, хочешь кушать? Я пирожковъ изъ кухни принесу.

АЛЕКСѢЙ. Нѣтъ.

АНЯ. Я принесу. Когда тебѣ наверхъ-то еще пришлютъ! Я сейчасъ. (Убѣгаетъ въ кухню за пирожками и скоро возвращается) Только четыре еще пажарили. Бери. Я одинъ съѣла.

АЛЕКСѢЙ. Я наверхъ съ собой возьму. (Хочетъ идти)

(Слышенъ церковный звонъ)

АНЯ. Не скоро онъ придетъ. Вотъ только сейчасъ второй звонъ.

(Алексѣй садится)

АНЯ. Распопова почти каждый день въ церкви бываетъ. Я знаю, зачѣмъ она ѣздитъ. Хитрая... Костя на ней все равно не женится, напрасно ѣздитъ. Онъ даже и не замѣчаетъ ея.

АЛЕКСѢЙ. Онъ не имѣетъ права.

АНЯ. Да, онъ не можетъ.

АЛЕКСѢЙ (удивленно смотритъ на нее). А ты откуда знаешь?

АНЯ. Мы все съ Катей знаемъ, все, все! Мы у Леночки дневникъ читали.

АЛЕКСѢЙ. Это нехорошо. Постоянно вы подслушиваете, подглядываете. Такія же будете халды, какъ сестры.

АНЯ. А ты откуда знаешь?

АЛЕКСѢЙ. Я такъ вижу, я все вижу, что у каждаго на душѣ дѣлается.

АНЯ. Ты умный, Алеша.

Digitized by Google

АЛЕКСѢЙ. Глупый, — не дотянулъ лямки въ гимназіи. Но я еще покажу имъ всѣмъ! (Волнуясь) Они думаютъ, что ничего нѣтъ важнѣе въ жизни гимназическаго аттестата. Есть! Аттестатъ я добуду.

АНЯ. Какъ же, Алешенька?

АЛЕКСѢЙ. Сдамъ выпускной экзаменъ, да и все. Я не дамъ имъ погубить себя изъ-за бумажонки!

АНЯ. Вотъ будетъ хорошо!

АЛЕКСѢЙ. А ужъ тогда я поговорю. Говорить мнѣ хочется, а никто не слушаетъ, не съ кѣмъ говорить.

АНЯ. Скажи мнѣ.

АЛЕКСѢЙ. Не поймешь ты. У насъ въ семьѣ не съ кѣмъ говорить: братъ умѣетъ только фыркать, мамаша больше тебя ребенокъ, отъ отца послѣ каждой свободной фразы, вырвавшейся изъ сердца, приходится прятаться, чтобъ онъ не схватилъ бы тебя за волосы и не началъ таскать по полу... про остальныхъ и говорить нечего.

АНЯ. Не хорошо у насъ, не такъ, какъ у другихъ.

АЛЕКСѢЙ. Не хорошо, Аня.

АНЯ. Папаша теперь не сердится на тебя... только ни съ кѣмъ не разговариваетъ, все больше одинъ сидитъ. Вчера я была въ церкви, онъ исповѣдывался. Какъ онъ плакалъ, Алеша! На всю церковь слышно было. А вышелъ отъ попа, такъ ширмочку чуть не уронилъ, за которой исповѣдываются,—знаешь?

АЛЕКСѢЙ. Не понимаю я его.

(Входитъ Константинъ съ книгой)

КОНСТАНТИНЪ. А, затворникъ, спустился, наконецъ, сверху! Поумнѣлъ? Сколько ты ни сидѣлъ бы въ своей комнатѣ, ровно ничего не высидѣлъ бы. Что рѣшилъ ты дѣлать?

АЛЕКСѢЙ. Уѣхать.

КОНСТАНТИНЪ. Цѣль?

Digitized by Google

АЛЕКСѢЙ. Прежде всего хочу уѣхать изъ дому.

КОНСТАНТИНЪ. Глупо... мальчишество! Надо ясно выяснить себѣ:—куда, зачѣмъ.

АЛЕКСѢЙ. Я это выяснилъ.

КОНСТАНТИНЪ. Ты не хочешь подѣлиться своими планами?

АЛЕКСѢЙ. Да, покуда не хочу.

КОНСТАНТИНЪ. Напрасно, я тебѣ могъ бы, можетъ быть, помочь. Я самъ думалъ, что тебѣ лучше уѣхать. Хочешь, я поговорю съ отцомъ?

АЛЕКСѢЙ. Я самъ могу. Благодарю тебя. (Уходитъ; Аня за нимъ, захвативъ пирожки)

КОНСТАНТИНЪ. Свинья! (Садится на диванъ и читаетъ книгу. Входитъ Леночка)

ЛЕНОЧКА. Костенька, ты здѣсь! (Подбѣгаетъ къ нему и цѣлуетъ)

КОНСТАНТИНЪ. Въ залѣ, можетъ быть, кто-нибудь есть...

ЛЕНОЧКА. Никого нѣтъ. (Ласкаетъ его) Гдѣ ты вчера былъ? Я не спала всю ночь... думала...

КОНСТАНТИНЪ. Въ клубѣ игралъ въ карты. (Отстраняетъ ее отъ себя) Перестань! Могутъ войти. (Леночка отходитъ отъ него и недовольная садится)

КОНСТАНТИНЪ. Я разстроенъ, Лена, всѣми этими домашними дрязгами... конца имъ не будетъ! Отецъ до сихъ поръ на меня дуется, не говоритъ ничего. Кажется, если бы я получилъ гдѣ-нибудь въ конторѣ пятьдесятъ рублей, я ушелъ бы одинъ, или хоть бы съ тобой... я былъ бы счастливѣе.

ЛЕНОЧКА. Вотъ если бы мы жили съ тобой гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ маленькомъ хуторкѣ... Вмѣстѣ гуляли бы, катались на лодкѣ...

КОНСТАНТИНЪ. Я объ этомъ, Лена, пересталъ думать. Все это несбыточныя мечты.

Digitized by Google

ЛЕНОЧКА. А раньше говорилъ, что это легко... говорилъ, что скопишь денегъ, уѣдемъ въ деревню... Я мечтала, надѣялась.

КОНСТАНТИНЪ. Опять за старое? Брось эти мечты! На мнѣ дѣло, цѣлая семья... Что говорить сто разъ объ одномъ и томъ же!

ЛЕНОЧКА. Да какъ же мнѣ не говорить? Ты самъ знаешь...

КОНСТАНТИНЪ (грубо). Была тамъ?..

ЛЕНОЧКА. Нѣтъ.

КОНСТАНТИНЪ. Ну, вотъ видишь!

ЛЕНОЧКА. Мнѣ неловко, стыдно...

КОНСТАНТИНЪ. Ничего не значитъ. Это очень обыкновенно.., Поѣзжай въ слободу, тамъ на узкой улицѣ живетъ какая-то... не знаю, какъ ея фамилія... спросишь: гдѣ тутъ живетъ акушерка?—всякій покажетъ. Она тебя не знаетъ,—не все ли равно?

ЛЕНОЧКА. Да что тамъ ѣздить? Я чувствую...

КОНСТАНТИНЪ. Ну, Леночка, для меня. Если это такъ,—я, просто, голову потеряю!

ЛЕНОЧКА. Говорилъ, что если будетъ ребенокъ, уйдешь...

КОНСТАНТИНЪ. Довольно... говорить здѣсь неудобно... Приходи ночью.

(Пауза. Леночка хочетъ еще что-то сказать, но не рѣшается)

КОНСТАНТИНЪ. Я читаю дневникъ Нансена. Замѣчательно интересно! Представь себѣ: холодъ, постоянная ночь, кругомъ ледъ, и среди этого льда, кучка людей.

ЛЕНОЧКА. Мѣсяцъ пройдетъ, что же я буду дѣлать.

КОНСТАНТИНЪ. Тебя ничѣмъ не заинтересуешь! Какъ я ни стараюсь, ничего не выходитъ. Ничего общаго! Удивительно интересно имѣть такую жену...

Digitized by Google

ЛЕНОЧКА. Я слышала... Ты говорилъ: одинъ ледъ и люди...

КОНСТАНТИНЪ. Ну, что же, одинъ ледъ и люди?..

ЛЕНОЧКА. Да ты же говорилъ...

(Молчаніе. Константинъ читаетъ)

ЛЕНОЧКА. Костенька, почитай вслухъ.

КОНСТАНТИНЪ. Иди лучше, ковыряй иглой.

ЛЕНОЧКА. Тутъ ничего нѣтъ такого. Я сама себѣ все шью. Что же изъ этого? Я дома и на другихъ работаю.

КОНСТАНТИНЪ. Вотъ и поѣзжай и шей дома? Я думалъ, что изъ тебя можно что-нибудь сдѣлать. Грамматику и въ руки не берешь, больше мѣсяца не диктовали.

ЛЕНОЧКА. Какая тутъ диктовка! Не то на умѣ...

КОНСТАНТИНЪ. Довольно, оставь свои жалобы!

(Изъ залы выходитъ Красавинъ; онъ мраченъ послѣ похмѣлья).

КРАСАВИНЪ. Что это не видно Людмилочки?

ЛЕНОЧКА. Она въ церкви. (Пауза)

КРАСАВИНЪ. Скука у васъ.

КОНСТАНТИНЪ. Что же вы не ѣдете въ Москву?

КРАСАВИНЪ. Выгоняете?

КОНСТАНТИНЪ. Я спрашиваю.

КРАСАВИНЪ. Вы лучше бы, какъ родственникъ, дали бы мнѣ совѣтъ.

КОНСТАНТИНЪ. Не пейте. Двѣ недѣли пьете. Телеграммы каждый день, а вы не ѣдете.

КРАСАВИНЪ. Двадцать пришлютъ, тогда поѣду. Я ихъ не боюсь. Вы думаете, меня прогнать могутъ? Никогда. Я въ дѣлѣ все... даромъ что приказчикъ, а у меня десять тысячъ въ дѣлѣ. Не думайте...

КОНСТАНТИНЪ. Мнѣ это не интересно.

КРАСАВИНЪ. Вы ничѣмъ коммерческимъ не инте-

Digitized by Google

ресуетесь. Какой вы коммерсантъ? Вамъ только книги читать бы...

КОНСТАНТИНЪ. Я прошу васъ прекратить.

КРАСАВИНЪ. По-моему, такъ: книги—такъ книги, коммерція—такъ коммерція! Помяните мое слово: вы проторгуетесь. Развѣ есть у васъ порядокъ въ магазинѣ? У меня въ Москвѣ...

(Церковный звонъ)

ЛЕНОЧКА (у окна). Обѣдня кончилась, народъ выходитъ.

КРАСАВИНЪ. Купецъ долженъ вставать въ шесть часовъ утра и ни о чемъ не думать, кромѣ торговли.

ЛЕНОЧКА. Сколько народу! Латышиха причащалась.

КРАСАВИНЪ. Отецъ—торговецъ, а вы—никакой. Это я вамъ въ глаза прямо говорю.

КОНСТАНТИНЪ. Вы—хамъ.

КРАСАВИНЪ (горячо). А вотъ черезъ два-три года по Тверской на резиновыхъ шинахъ поѣду, въ собственной коляскѣ!.. Хамъ, а поѣду! Грязью обливать стану, ха-ха-ха!

КОНСТАНТИНЪ. Перестаньте...

КРАСАВИНЪ. Вотъ вамъ икону сыму! Издохну, если этого не будетъ!

КОНСТАНТИНЪ. Вы совсѣмъ дикій человѣкъ, на васъ обижаться нельзя! (Встаетъ и уходитъ; въ залѣ встрѣчается съ Ванюшинымъ и цѣлуетъ у него руку. Ванюшинъ входитъ)

КРАСАВИНЪ. Удралъ! Не любитъ правды.

ВАНЮШИНЪ. Что ты тутъ буянишь?

ЛЕНОЧКА (цѣлуя руку). Поздравляю васъ, дядюшка. (Уходитъ)

КРАСАВИНЪ. Съ Константиномъ у насъ разговоръ вышелъ.

ВАНЮШИНЪ. Во-первыхъ, онъ тебѣ не Константинъ, а во-вторыхъ, ему съ тобой и разговаривать не о чемъ.

Digitized by Google

Разговаривай со мной. Если ты не пьянъ, я поговорю съ тобой. Скажи на милость, скоро ли конецъ будетъ этому?

КРАСАВИНЪ. Чему?

ВАНЮШИНЪ. Да твоему поведенію.

(Въ залѣ Арина Ивановна, Людмила, Клавдія, Леночка садятся пить чай)

КРАСАВИНЪ, Когда прикажете?

ВАНЮШИНЪ. Постой, не скоморошничай! Я сегодня причащался и ссориться не хочу; хочется мнѣ, чтобы все въ семьѣ своей уладить, опредѣлить. Скажи мнѣ прямо и просто: чего ты хочешь?

КРАСАВИНЪ. Чтобы жена со мной поѣхала.

ВАНЮШИНЪ. Вѣдь ты денегъ хотѣлъ?

КРАСАВИНЪ. Я вамъ вѣрю: вы отдадите, когда будутъ у васъ. Я вотъ какой человѣкъ! А безъ жены мнѣ возвращаться въ Москву неловко, стыдно... смѣяться будутъ...

ВАНЮШИНЪ. Такъ. Вотъ мы теперь и спросимъ у нея, хочетъ ли она возоращаться къ тебѣ. (Зоветъ) Людмилочка!

ЛЮДМИЛА (входитъ).

АРИНА ИВАНОВНА (изъ залы). Александръ Егоровичъ, иди чай пить! Послѣ будешь разговаривать.

ВАНЮШИНЪ. Погоди. (Обращается къ Людмилѣ) Вотъ мужъ въ Москву зоветъ—поѣдешь? Говори, что есть на душѣ; помни, отецъ у тебя не звѣрь, худого тебѣ не желаетъ, лишній ротъ не разоритъ его.

(Людмила недовѣрчиво относится къ словамъ отца и удивлена ими)

ЛЮДМИЛА. Я не знаю.

ВАНЮШИНЪ. Какъ не знаешь?

ЛЮДМИЛА. Ни къ нему ѣхать, ни у васъ не хотѣлось бы остаться. Это вы такъ говорите, а потомъ бу-

Digitized by Google

дете молчать да дуться. Отъ однихъ вашихъ взглядовъ убѣжишь.

КРАСАВИНЪ. Понятно такъ. Что на шеѣ у отца-то сидѣть... Поѣдемъ, Людмилочка.

(Ванюшина больно затрогиваютъ слова дочери; онъ хотѣлъ бы сказать ей, какъ она несправедлива, но не умѣетъ высказать этого)

ВАНЮШИНЪ. Нѣтъ, не такъ. Я всегда и тебѣ и другимъ желалъ только хорошаго, а выходитъ не то. Глядѣлъ—душа плакала, а вы злобу да вражду во взглядахъ моихъ видѣли. Отца-то вы не знаете.

ЛЮДМИЛА. Вы все молчите, а если говорите, то ругаетесь.

ВАНЮШИНЪ. А вотъ теперь тебѣ говорю и не ругаюсь: погоди ѣхать; видишь, какимъ онъ хахалемъ сталъ! Пусть перемѣнится, пить перестанетъ, за умъ возьмется, тогда самъ пошлю, самъ буду совѣтовать.

КРАСАВИНЪ. Да если, Людмилочка, ты поѣдешь—не узнаешь меня! Все забуду, языкъ самъ себѣ вырву, когда онъ хоть однимъ словомъ посмѣетъ намекнуть. Вотъ какъ!

ЛЮДМИЛА. А пить не будешь?

(Арина Ивановна, Клавдія, Леночка, заинтересованныя разговоромъ, стоятъ въ аркѣ)

КРАСАВИНЪ. Ни рюмки! За десятерыхъ буду работать! Черезъ два-три года на резиновыхъ шинахъ поѣдемъ...

ЛЮДМИЛА. Какой вы глупый!

КРАСАВИНЪ. Да ужъ книгъ не читаю, и считаю даже лишнимъ для коммерсанта это. Я человѣкъ торговый, у меня каждый палецъ коммерческій, каждый ноготь о выгодѣ думаетъ. Вы вотъ что во мнѣ цѣните! (Бьетъ себя кулакомъ въ грудь)

Digitized by Google

ЛЮДМИЛА. Все равно: и здѣсь скверно, и у васъ скверно. Я ѣду.

АРИНА ИВАНОВНА. Людмилочка, что ты!

ЛЕНОЧКА. Она шутитъ.

ЛЮДМИЛА. Я ѣду.

ВАНЮШИНЪ. Подумай, Людмила, что ты дѣлаешь!

КРАСАВИНЪ. И нечего думать! Прекрасно дѣлаетъ, хуже не будетъ! Я сейчасъ же и телеграмму дамъ о выѣздѣ. Завтра, а если успѣемъ, и сегодня уѣдемъ. (Идетъ и возвращается) Тебѣ, можетъ быть, на дорогу что-нибудь надо купить? Возьми. (Даетъ Людмилѣ сто рублей и уходитъ)

ВАНЮШИНЪ. Объясни мнѣ, что же это такое значитъ: пришла, отца обвинила, что насильно тебя замужъ вытолкалъ, а теперь сама къ нему бѣжишь? Ни достоинства, ни уваженія къ тебѣ: пріѣхалъ, надругался, а какъ только поманилъ резиновыми шинами, ты и бѣжишь къ нему... Меня-то еще больше позоришь.

ЛЮДМИЛА. Да какая жизнь здѣсь? За эти двѣ недѣли, что я у васъ, я измучилась... Вѣчно сознавать и чувствовать, что ты здѣсь лишняя, въ тягость... Это ужасно! А потомъ эти постоянныя ссоры, то изъ-за одного, то изъ-за другого...

КЛАВДІЯ. По-моему, Людмила дѣлаетъ прекрасно. Павликъ говоритъ, что лучше съ мужикомъ въ избѣ жить, чѣмъ здѣсь.

ЛЮДМИЛА. Отъ одного братца Костеньки сбѣжишь, куда глаза глядятъ.

(Входитъ Константинъ)

КЛАВДІЯ. Вотъ видите, онъ сейчасъ далъ ей сто рублей, а ей нужны были перчатки, такъ она ни у кого не могла достать здѣсь двухъ рублей,—у меня взяла.—Ты не забудь отдать.

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Я мѣшаю жить? Мнѣ кажется, послѣдняя прачка не возвратилась бы къ такому хаму.

КЛАВДІЯ. Это ты такъ только говоришь.

ЛЮДМИЛА. А самъ первый дашь почувствовать, что я здѣсь лишняя. Попроси у тебя двадцать копѣекъ, ты не дашь, да еще кричать начнешь.

КОНСТАНТИНЪ. И эти женщины чему-то и когда-то учились! Мелочны, какъ торговки съ толчка!

ВАНЮШИНЪ. Не ссорьтесь! Дайте хоть одинъ день мнѣ провести спокойно. Причащался я сегодня, думалъ по-другому жить начать, выше денегъ да торговли покой души считать, хоть бы разореніе черезъ это пошло... а выходитъ совсѣмъ иначе. Я съ добромъ, а вы съ коломъ.

КОНСТАНТИНЪ. Разоренія я во всякомъ случаѣ не допущу! Вамъ все равно, а у меня еще цѣлая жизнь впереди.

ВАНЮШИНЪ. Не то, Константинъ, не то. Развѣ я могу разорять тебя? Не дай Богъ увидать мнѣ васъ нищими! Не переживу я этого. А хочется мнѣ прежде всего о душахъ вашихъ больше думать; вижу я, что тьма въ нихъ, корысть, да вражда. Деньгами тутъ не поправишь. Говѣлъ я и думалъ...

КОНСТАНТИНЪ. Вы, кажется, въ ханжество ударились? Это, по мнѣнію нашего зятя Красавина, коммерческому лицу не къ лицу...

ЛЮДМИЛА. И онъ правъ. Распустите нюни, все сквозь пальцевъ потечетъ.

ВАНЮШИНЪ. Ну, будетъ. Разъ хотѣлъ съ вами по душѣ побесѣдовать—священникъ въ церкви мнѣ совѣтовалъ,—да вижу, не понять вамъ. Старуха, угощай чаемъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Самоваръ не потухъ-ли? Чудесный ты сегодня, Александръ Егоровичъ... душа моя радуется.

Digitized by Google

(Ванюшинъ, Арина Ивановна, Константинъ, Людмила и Клавдія уходятъ въ залъ, къ чайному столу. Оставшіяся Аня и Леночка стараются говорить тише)

АНЯ. Вотъ папаша какой сегодня!

ЛЕНОЧКА. Я его просто не узнаю. И что съ нимъ сдѣлалось.

АНЯ. Надо Алешу позвать, сегодня онъ его проститъ.

ЛЕНОЧКА. Какъ бы опять не разсердился? Сегодня не надо, такой день...

АНЯ. Я мамашу спрошу. (Подходитъ къ аркѣ) Мамаша!

АРИНА ИВАНОВНА (изъ зала). Асинька?

АНЯ. Можно вамъ на одну минуточку?

АРИНА ИВАНОВНА. Сейчасъ. (Входитъ)

(Въ это время въ залѣ появляется Щеткинъ. Онъ здоровается съ Ванюшинымъ и поздравляетъ его съ днемъ причастія. Клавдія сообщаетъ ему о рѣшеніи Людмилы возвратиться къ мужу. Щеткинъ очень доволенъ. За столомъ оживленный разговоръ)

АРИНА ИВАНОВНА. Что тебѣ?

АНЯ. Мы хотимъ позвать Алешу, чтобъ онъ съ папашей повидался.

АРИНА ИВАНОВНА. Хорошо, сегодня можно, онъ проститъ его.

(Входитъ Катя)

АНЯ. Я сейчасъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Скажи, что я велѣла... бояться нечего.

АНЯ. Я его притащу. (Обращается къ Катѣ)

КАТЯ. Куда?

АНЯ. Алешу звать... Идемъ, вмѣстѣ лучше уговоримъ.

КАТЯ. Папаша здѣсь.

Digitized by Google

АНЯ. Вотъ мы и хотимъ, чтобъ онъ сошелъ... папаша сегодня добрый, хорошій.

АРИНА ИВАНОВНА. Ступайте вмѣстѣ, скажите, что я велѣла.

КАТЯ. Идемъ. (Уходятъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Чай, не придетъ? Авось ради такого дня все исправится. А ты что, Леночка, что?

ЛЕНОЧКА. Я не хочу.

(Арина Ивановна уходитъ. Леночка садится у окна. Щеткинъ, еще въ залѣ замѣтивъ ее, подходитъ къ ней)

ЩЕТКИНЪ (здороваясь). Мое почтеніе. Въ уединеніи? Мечтаете? Вамъ есть о чемъ мечтать...

ЛЕНОЧКА. Каждый человѣкъ мечтаетъ.

ЩЕТКИНЪ. А вы въ особенности. Ахъ, да! Я долженъ передъ вами извиниться...

ЛЕНОЧКА. За что?

ЩЕТКИНЪ (подчеркивая каждое слово). Я наклеветалъ на Константина Александровича. Вы въ столовой были совершенно въ правѣ за него заступиться: онъ ни съ какой кассиршей не живетъ, да ему и не за чѣмъ.

ЛЕНОЧКА. Вы постоянно клевещете... И какое вамъ дѣло?

ЩЕТКИНЪ. Никакого дѣла, если это на сторонѣ, но разъ въ семьѣ, къ членамъ которой имѣю несчастіе принадлежать я,—это другое дѣло... Да съ.

ЛЕНОЧКА. О чемъ вы говорите?

ЩЕТКИНЪ. Вы прекрасно знаете. Слухами полна вся дворня.

ЛЕНОЧКА. (Вспыхнувъ) Я Костѣ скажу.

ЩЕТКИНЪ. Будетъ очень глупо; я передаю только какъ слухъ, но не утверждаю. (Уходитъ въ залъ)

(Входятъ изъ двери Аня, Катя и Алексѣй)

Digitized by Google

АНЯ. Иди! Онъ сегодня добрый, хорошій. (Тащитъ Алексѣя за рукавъ; Катя помогаетъ ей)

КАТЯ. Надо же когда-нибудь.

(Взволнованная и испуганная Леночка выходитъ въ залъ и, не видя въ немъ Константина, идетъ искать его)

АНЯ. Я пойду, скажу ему. (Нерѣшительно доходитъ до арки и говоритъ) Папаша, Алеша пришелъ.

ВАНЮШИНЪ. (Въ залѣ) Пришелъ! Гдѣ? (Входитъ въ гостиную. Пауза. Алексѣй послѣ нѣкотораго колебанія подходитъ къ нему и цѣлуетъ у него руку)

АЛЕКСѢЙ. Простите за все. Я вамъ много горя сдѣлалъ.

ВАНЮШИНЪ. Ну, ничего, ничего... Садись.

(Садится. Пауза. Аня и Катя выходятъ въ залъ)

ВАНЮШИНЪ. Горячъ я. Меня винить нельзя... отецъ, вѣдь... Садись.

(Алексѣй садится)

ВАНЮШИНЪ. Говори, что ты надумалъ? Говори прямо, какъ товарищу, не бойся.

(Алексѣй пораженъ перемѣной отца)

ВАНЮШИНЪ. Что ты молчишь? Говори. Нельзя такъ жить, ничего не дѣлая, наверху сидѣть. Самому, чай, тяжело?

АЛЕКСѢЙ. Мнѣ тяжело... Вы не думайте, что я дурной... Мои поступки нехорошіе—это я самъ знаю—но... (Сдерживая слезы) мнѣ хочется быть лучше.

ВАНЮШИНЪ. Не понимаю.

АЛЕКСѢЙ. Всѣ меня считаютъ какимъ-то погибшимъ, никуда негоднымъ. Если выгнали изъ гимназіи, такъ и не человѣкъ, значитъ, я? Никуда нельзя глаза показать, сожалѣютъ, читаютъ нравоученія, давятъ, гнетутъ, озлобляютъ до того, что хочется сдѣлать иногда что-нибудь дерзкое, жестокое.

Digitized by Google

ванюшинъ. Ужъ ты много сдѣлалъ.

алексѣй. Само собой все выходило,—не думалъ, а дѣлалось... Не мальчикъ я, и давно уже не мальчикъ, а меня считаютъ за какого-то маленькаго, не говорятъ, дерутъ, потчуютъ прописными моралями. Гимназическое начальство съ высоты своего величія изрыгало свои наставленія и ябедничало, сплетничало вамъ, какъ послѣдняя кухарка...

ванюшинъ. Не по головѣ же нужно было тебя гладить.

алексѣй. Не гладить, а только не злить, не возмущать.

ванюшинъ. Ты самъ всѣхъ возмущалъ. Самъ же сознаешься, что нехорошо велъ себя.

алексѣй. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я хорошо не знаю, дурно ли я велъ себя или нѣтъ.

ванюшинъ. Да какъ же не дурно, Алексѣй? Пьянствовалъ, кутилъ съ какими-то дѣвчонками — это въ твои-то годы! Начальство вѣдь все знало.

алексѣй. Начальство это знало, знали и вы, но что дѣлалось во мнѣ, вы этого не знали—до этого ни вамъ, ни имъ не было никакого дѣла. Дурной, выбившійся изъ рукъ мальчишка—бей его, запирай въ карцеръ, записывай въ кондуитъ, выгоняй! Простите, я, можетъ быть, говорю такъ, какъ не слѣдуетъ говорить сыну...

ванюшинъ. Нѣтъ, говори. Слушаю я тебя, и самъ не знаю, что думать. Ишь какой адвокатъ! Я не зналъ, что ты такъ и говорить-то умѣешь.

алексѣй. Не мудрено. Вѣдь какъ это ни странно, я съ вами говорю въ первый разъ въ жизни. Я многое могъ бы сказать вамъ, да мнѣ неловко и стыдно говорить съ вами.

ванюшинъ. Говори.

алексѣй. Не могу. Я только буду просить васъ поз-

Digitized by Google

волить мнѣ уѣхать отсюда. Дайте мнѣ на первое время денегъ, и я больше не буду васъ безпокоить ничѣмъ. Вотъ что я рѣшилъ.

ванюшинъ. И ты, значитъ, бѣжишь отъ меня? Всѣ бѣгутъ... Куда же ты поѣдешь?

алексѣй. Въ Петербургъ. Постараюсь сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и жить уроками.

ванюшинъ. Что же тебѣ дома не готовиться? Безъ всякихъ уроковъ могъ бы жить.

алексѣй. Дома! У насъ дома жить нельзя, а не только готовиться. Здѣсь, не говоря ни слова, молча, гнетутъ и сушатъ другъ друга. Дышать свободно нельзя!

ванюшинъ. Что у насъ ладу нѣтъ въ семьѣ, это я самъ чувствую, и тяжело мнѣ. Такъ вотъ ты и растолкуй мнѣ, старому старику, своимъ молодымъ умомъ, какъ быть. Что мнѣ дѣлать-то? Подсоби... Будь хоть ты человѣкомъ.

алексѣй. Я не знаю, что вамъ сказать. Вы просите у меня совѣта,—это такъ ново для меня, такъ необыкновенно.

(Константинъ появляется въ залѣ, онъ взволнованъ и блѣденъ. Проходя черезъ залу въ гостиную, онъ успѣваетъ бросить Щеткину слѣдующую фразу)

константинъ. Вы распространяете сплетни! Я вамъ покажу, какъ сплетничать! (Обращаясь къ Ванюшину, входитъ въ гостиную) Если вы не положите этому конецъ, я уйду изъ дому! Я требую, чтобы Щеткинъ не вмѣшивался въ нашу семью и въ домѣ у насъ не жилъ!

ванюшинъ. Что такое?

константинъ. Щеткинъ изволитъ на меня наговаривать пасквили...

(Щеткинъ вбѣгаетъ въ гостиную)

щеткинъ. Я никогда ничего не говорилъ. Вы съ ума сошли!

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Вы говорили, что я живу съ Еленой... Мерзавецъ! (Бросаетъ въ него пепельницей, но не попадаетъ)

(Клавдія вбѣгаетъ въ залъ и съ Алексѣемъ удерживаетъ Щеткина. Арина Ивановна, Людмила, Аня и Катя стоятъ въ аркѣ. Леночка появляется въ залѣ)

КОНСТАНТИНЪ. Ржавчина, проѣдающая каждаго до костей! Онъ смѣлъ моимъ дружескимъ, совершенно братскимъ отношеніямъ къ Еленѣ дать такое пошлое толкованіе! Я не потерплю этого!

АЛЕКСѢЙ. А если я скажу: ты врешь!

КОНСТАНТИНЪ. Что такое? И ты... Не можетъ быть, ты не Щеткинъ... Только онъ не можетъ допустить между женщиной и мужчиной обыкновенной дружбы.

АЛЕКСѢЙ. А что значатъ ея слезы? Я каждую ночь слышу за стѣной, какъ она плачетъ, придя отъ тебя наверхъ въ три, четыре часа.

ВАНЮШИНЪ. Гдѣ Елена? Елену сюда... (Леночка робко входитъ) Слышала? Что скажешь?

ЛЕНОЧКА. Это, дядя, неправда. Я съ Костенькой просто дружна... читаемъ, разговариваемъ...

КОНСТАНТИНЪ. Врутъ они оба! Они злятся на меня, одинъ за то, что я не одобряю его попрошайничества, а другой на каждаго кинуться радъ. Я не виноватъ, что тебя выгнали изъ гимназіи!

(Аня, до сихъ поръ сдерживающая себя, выступаетъ впередъ. Дыханіе ея учащено, часто хватается за горло и съ трудомъ можетъ говорить: спазмы и слезы мѣшаютъ ей говорить)

АНЯ. Не смѣешь... не смѣешь... Алешу обижать... тоже... папашу... въ глаза...

ЛЮДМИЛА. Полно, Аня... что съ тобой?

АНЯ. Мы съ Катей все знаемъ.... мы дневникъ ея

Digitized by Google

читали... письма... (Вскрикиваетъ, обращаясь къ Константину) Не хорошо! Не хорошо...

(Съ ней истерика, плачетъ и хохочетъ въ одно и то же время. Щеткинъ и Людмила выводятъ ее изъ гостиной. Арина Ивановна, потрясенная всѣмъ слышаннымъ, изъ доброй, кроткой старушки превращается въ непохожую на себя женщину. Съ отчаяніемъ, сжавъ кулаки, она подбѣгаетъ къ Леночкѣ, кричитъ и топаетъ ногами. Всѣ удивленно смотрятъ на нее)

АРИНА ИВАНОВНА. Вонъ, грѣховодница, изъ дому! Вонъ! (За этой вспышкой слѣдуетъ мгновенный упадокъ силъ. Она вся дрожитъ и съ трудомъ стоитъ на ногахъ. Катя и Клавдія сажаютъ ее на стулъ)

КОНСТАНТИНЪ. Послѣ такихъ сценъ тебѣ нельзя здѣсь оставаться ни минуты. Чтобъ прекратить этотъ скандалъ, я тебя отправлю домой. Ѣдемъ на вокзалъ.

ЛЕНОЧКА. Костенька.

КОНСТАНТИНЪ. Ѣдемъ. (Крѣпко сжимаетъ ей локоть) Только послѣ твоего отъѣзда они всѣ убѣдятся, что ихъ догадки не имѣютъ никакого основанія. (Уводитъ Леночку)

КЛАВДІЯ. Мама, лягте. Катя, отведи ее.

ВАНЮШИНЪ. Отведите... да за докторомъ пошлите.

(Клавдія и Катя уводятъ Арину Ивановну. Ванюшинъ опускается на стулъ, долго молчитъ и потомъ начинаетъ рыдать какъ ребенокъ. Алексѣй подходитъ къ нему)

АЛЕКСѢЙ. Не надо такъ огорчаться.... вы ни въ чемъ не виноваты.

ВАНЮШИНЪ. Какъ не виноватъ-то? Мои вѣдь вы!

АЛЕКСѢЙ. Вы дѣлали все, что по вашему убѣжденію было нужно намъ, трудились, работали для насъ, кормили, одѣвали, учили...

Digitized by Google

ванюшинъ. Такъ откуда же вы такіе?

алексѣй. Сверху. Вотъ въ томъ-то и дѣло, папаша, что мы жили наверху, а вы внизу. Внизу вы работали, трудились, чтобы намъ жилось спокойно наверху... и мы жили, какъ кто хотѣлъ, какъ Богъ на душу положитъ.

(Ванюшинъ перестаетъ рыдать и внимательно слушаетъ сына, покачивая головой)

ванюшинъ. Такъ... такъ...

алексѣй. Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаемъ, гдѣ-то бываемъ, но какъ мы воспринимаемъ, гдѣ бываемъ—вы этого не знали. По крышамъ, еще мальчишками, мы убѣгали сверху, и нерѣдко взрослыми продѣлывали то же самое. Насъ развращали няньки и горничныя, мы сами себя развращали—старшіе младшихъ. Все это дѣлалось наверху, и вы ничего не знали.

ванюшинъ. Такъ... такъ...

алексѣй. Вы рождали насъ и отправляли наверхъ. Рѣдко мы спускались къ вамъ, внизъ, если не хотѣлось пить и ѣсть, а вы поднимались къ намъ только тогда, когда находили необходимымъ ругать насъ и бить. И вотъ мы выросли, мы сошли сверху уже взрослыми людьми, со своими вкусами, желаніями и требованіями; и вы не узнаете насъ; вы спрашиваете, откуда мы такіе? Какъ, должно быть, тяжело вамъ! (Опирается руками на ручку кресла, на которомъ сидитъ Ванюшинъ и плачетъ)

(Ванюшинъ цѣлуетъ его въ голову)

алексѣй. Вы цѣлуете? Вѣдь это первый поцѣлуй отца! Папаша!.. (Склоняется передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ руку)

ванюшинъ. Поѣзжай... куда хочешь, поѣзжай, помогать буду... (Крѣпко прижимаетъ его къ груди) Родной мой!

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Новая обстановка въ той же гостиной. Арка задрапирована тяжелой матеріей, подъ цвѣтъ мягкой мебели; цвѣты въ кадкахъ и этажерка унесены; рояль замѣнена изящнымъ піанино; изысканная мебель въ современномъ вкусѣ и разныхъ фасоновъ, съ преднамѣренной небрежностью разбросана по всей гостиной; посрединѣ оттоманка, у которой стоитъ высокая лампа съ кружевнымъ абажуромъ; тяжелыя занавѣси на окнахъ и на двери; новый коверъ; на стѣнахъ остались старыя бра; художественныя картины замѣнены посредственными олеографіями, въ богатыхъ рамкахъ, и изящными полочками съ разными бездѣлушками—фарфоровыми куклами, коробочками и т. д.; на потолкѣ бронзовая лампа со свѣчами.

Въ залѣ новые, болѣе изящные стулья и небольшая люстра посрединѣ потолка. Электрическіе звонки. Семь часовъ вечера. Красный отблескъ заката блеститъ на полу и освѣщаетъ комнату красноватымъ свѣтомъ. Ванюшинъ выходитъ изъ двери въ халатѣ и съ компрессомъ на головѣ; идетъ онъ медленно, боязливо озираясь, какъ будто бы кого боится; садится у окна и долго смотритъ на закатъ; въ рукѣ у него пачка кредитныхъ денегъ, которую онъ прячетъ подъ халатъ.

ванюшинъ. Который часъ? А?.. Солнце заходитъ... (Сбрасываетъ съ головы компрессъ) Бумаги... мокрой бумаги лучше... пройдетъ. (Сжимаетъ голову. По улицѣ кто-то проѣзжаетъ,—слышенъ стукъ колесъ) Ѣдутъ... куда ѣдутъ? Не скоро. Надо деньги отдать... Спрятать... (Прячетъ деньги подъ коверъ; опять садится у окна и смотритъ на закатъ) Ты видишь... Весь я предъ Тобой! Ничего не надо... пусть, какъ сами хотятъ... ничего... Скорѣе! (Подходитъ къ двери и тихо зоветъ Арину Ивановну) Аринушка... Аринушка! Гдѣ она? Всѣ умерли... (Прислушивается) Тихо.

Digitized by Google

(Входитъ Арина Ивановна изъ залы. На ней шелковое платье; на плечахъ большой купеческій платокъ, на головѣ кружевная наколка)

АРИНА ИВАНОВНА. Вотъ ты гдѣ! А я тебя ищу... думала—ушелъ ужъ. Письмо отъ Алешеньки получили... Катя сейчасъ читала.

ВАНЮШИНЪ. Письмо... (Беретъ письмо и опускается на стулъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Пишетъ, что ужъ больно хорошо ему. Неправда, чай?

ВАНЮШИНЪ (посмотрѣвъ пристально на Арину Ивановну). Всѣмъ вамъ будетъ не хорошо. (Опускаетъ голову)

АРИНА ИВАНОВНА. Компрессъ-то зачѣмъ съ головы снялъ? Лучше, что ли?

ВАНЮШИНЪ. Да, лучше... совсѣмъ прошло.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, такъ иди, надѣнь сюртукъ. Вѣдь, скоро пріѣдутъ.

ВАНЮШИНЪ. Пріѣдутъ... (Съ улицы доносится стукъ колесъ) Ѣдутъ?..

АРИНА ИВАНОВНА. Да это не онѣ. Мало-ли по улицѣ ѣздитъ народу?

ВАНЮШИНЪ (испуганно). А если онѣ?

АРИНА ИВАНОВНА. Костенька говорилъ, что раньше половины девятаго не пріѣдутъ.

ВАНЮШИНЪ. Девятаго... девятаго... А теперь сколько? Свѣтаетъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Да что ты? Господь съ тобою! Чай, вечеръ.

ВАНЮШИНЪ. Ты вотъ что возьми... (Подводитъ ее къ тому мѣсту, гдѣ положилъ деньги подъ коверъ, и указываетъ пальцемъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Да никакъ ты рехнулся? Батюшки! Я огонь велю зажигать... пусти-ка!

Digitized by Google

ВАНЮШИНЪ (держа ее за руки). Не бойся, я такъ... разстроился... огня не надо... потомъ... деньги тутъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Да гдѣ?

ВАНЮШИНЪ. Подъ ковромъ. Я положилъ.

(Арина Ивановна достаетъ деньги)

ВАНЮШИНЪ. Ты ихъ того... спрячь. Еленѣ передай, скажи отъ меня ребенку.

АРИНА ИВАНОВНА. А самъ-то что?

ВАНЮШИНЪ. Константинъ узнаетъ, отыметъ. Напиши ей: боленъ, писать не можетъ, а деньги шлетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Обрадуется она, бѣдная...

ВАНЮШИНЪ. Обрадуется? И онъ обрадуется.

АРИНА ИВАНОВНА. Кто онъ?

ВАНЮШИНЪ. Высокій, ученый...

АРИНА ИВАНОВНА. Костенька-то? Она, чай, ему и не скажетъ.

ВАНЮШИНЪ. Я сяду.

АРИНА ИВАНОВНА. Шелъ бы лучше въ спальню, полежалъ бы съ часокъ, а потомъ одѣлся. Надо вѣдь выйти будетъ къ невѣстѣ сегодня.

ВАНЮШИНЪ. Надо... скорѣе надо... Я только отдохну. (Садится)

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, посиди-ка. Огонь велю зажигать. Гдѣ Акулина-то? (Выходитъ въ залу и кричитъ) Акулина! (Акулина появляется въ залѣ. Арина Ивановна что-то ей говоритъ. Залъ освѣщается)

ВАНЮШИНЪ. Слезы... много слезъ... (Видитъ въ рукѣ письмо). Отъ Алеши... (Подноситъ письмо близко къ глазамъ) Не видно... Онъ послѣ всѣхъ узнаетъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Ужъ я и не знаю,—въ залѣ люстру зажигать или нѣтъ?

ВАНЮШИНЪ. А?

АРИНА ИВАНОВНА. Люстру, говорю, въ залѣ зажигать или нѣтъ? Какъ посовѣтуешь?

Digitized by Google

ванюшинъ. Люстру? Какую люстру?

арина ивановна. Въ залѣ. Самъ, чай, вчера крючокъ ввертывалъ... что ужъ ты какой забывчивый сталъ?

ванюшинъ. Надо зажигать, зажигать надо...

арина ивановна. Акулина, Александръ Егоровичъ говоритъ, что надо зажигать.

акулина. Мнѣ все равно, только я слышала, Константинъ Александровичъ говорилъ Авдотьѣ, что не надо...

арина ивановна. Нѣтъ, лучше зажечь... торжественнѣе... Зажги.

акулина. Какъ прикажете. (Уходитъ въ залъ и зажигаетъ люстру)

арина ивановна. Ужъ больно у меня на сердцѣ не спокойно, Александръ Егоровичъ. И чего затѣваетъ — сами не знаемъ! Худая, желтая она вѣдь, а понравилась... Просто, какъ это Алешенька говорилъ, белены парень объѣлся.

ванюшинъ. Пусть... все равно.

арина ивановна. А грѣхъ-то какой на душѣ у него остается. Подумать страшно! Вотъ, говорятъ, можно было бы выхлопотать въ Петербургѣ, чтобъ ему жениться на Леночкѣ... ужъ лучше на ней, — денегъ-то все равно не беретъ.

ванюшинъ. Не надо... ничего теперь не надо... Все кончено... Полны ведра слезъ... Унеси-ка! Пусть несутъ... Тяжелы эти ведра.

арина ивановна. Какія еще тамъ ведра? Поди лягъ лучше... И не выйдешь къ нимъ — ничего, скажемъ—боленъ.

ванюшинъ. Нельзя этого.

(Входитъ Аня съ распущенными волосами въ голубомъ платьѣ, на шеѣ голубая ленточка)

Digitized by Google

АНЯ. Мы съ Катей уже одѣлись. Катя хотѣла надѣть сѣрое платье, а я настояла, чтобы голубое. Вѣдь это лучше, мамаша?

АРИНА ИВАНОВНА. Лучше. Покажись-ка отцу.

(Аня подходитъ)

ВАНЮШИНЪ. Нарядилась? (Ласково и любовно гладитъ Аню по головѣ)

АНЯ. Что это у васъ въ рукѣ? Письмо Алеши?

ВАНЮШИНЪ. Да, его.

АНЯ. Читали?

ВАНЮШИНЪ. Нѣтъ еще.

АНЯ. Хотите, я вамъ прочту?

ВАНЮШИНЪ. Читай.

АНЯ (читаетъ). „Дорогой папаша и милая мамаша! Деньги отъ васъ я получилъ и безконечно благодаренъ вамъ за нихъ. Я ждалъ меньше... высылайте не такъ много, съ меня достаточно и сорока рублей въ мѣсяцъ. О своей жизни ничего не могу сказать вамъ новаго,— все то же, что писалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ. Доволенъ и счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ. Мои сожители по квартирѣ оказались превосходными людьми: студентъ безплатно помогаетъ мнѣ заниматься, а съ академикомъ мы въ недѣлю стали самыми близкими друзьями. Каждый день бѣгаемъ въ Эрмитажъ,—такъ здѣсь называется картинная галлерея,—и цѣлые часы проводимъ у любимыхъ картинъ. Я кое-что начинаю понимать въ живописи, въ которой раньше ничего не смыслилъ. Лѣтомъ мы всѣ трое думаемъ жить въ деревнѣ подъ Петербургомъ и заниматься, заниматься съ утра до вечера. Свобода—это первое необходимое условіе...

(Ванюшинъ, разсѣянно слушавшій до сихъ поръ письмо и погруженный въ какія-то свои соображенія, какъ будто бы вдругъ пробуждается и встаетъ)

Digitized by Google

ВАНЮШИНЪ. Пальто мнѣ... шапку!

АНЯ. Куда вы? Въ халатѣ?..

ВАНЮШИНЪ. (Овладѣвъ собой и мгновенно сообразивъ, какъ ему нужно поступить дальше, чтобы привести въ исполненіе задуманное). Въ халатѣ нельзя... надѣну сюртукъ.

АНЯ. Вѣдь скоро невѣста пріѣдетъ... Куда вы?

ВАНЮШИНЪ. Купить ей—никому не говори—купить ей подарокъ... медальончикъ на шею, медальончикъ.

(Уходитъ въ дверь)

(Аня смотритъ ему вслѣдъ, инстинктъ подсказываетъ ей настроеніе отца. Съ этого момента она становится безпокойнѣе и тревожнѣе. Идетъ въ залъ, возвращается, подходитъ къ двери, въ которую вышелъ отецъ, и задумывается, взявшись за ручку двери. Арина Ивановна и Клавдія появляются въ залѣ и, разговаривая, входятъ въ гостиную)

АРИНА ИВАНОВНА. Все у насъ по новому. Смотри, какъ въ клубѣ, въ благородномъ собраніи.

КЛАВДІЯ. Онъ на себя денегъ не жалѣетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Говоритъ, что сама Кукарникова обѣщалась на свой счетъ принять обстановку. (Обращаясь къ Анѣ) Аня, гдѣ папаша?

АНЯ. Одѣваться пошелъ.

КЛАВДІЯ. И старой рояли нѣтъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Маленькую купилъ. Маленькая, а дороже большой стоитъ: пятьста заплатилъ. Ужъ и незнаю, что̀, Клавденька, будетъ? (Аня уходитъ) Самъ-то на все рукой махнулъ,—пусть говоритъ, живетъ своимъ умомъ.

(Клавдія разсматриваетъ вещи и до всего дотрогивается руками).

КЛАВДІЯ (щупая обивку стульевъ). Шелкъ или штофъ. Шелкъ, должно быть.

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Меня съ отцомъ изъ спальни гонитъ—наверху помѣстить хочетъ, а въ спальнѣ свой кабинетъ сдѣлать. Подумай-ка!

КЛАВДІЯ. А вы не переходите. Сорокъ лѣтъ жили, всѣхъ тамъ родили, да наверхъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Да какъ не перейдешь? Ходитъ, дуется, не говоритъ ни съ кѣмъ...

КЛАВДІЯ. Да правда-ли, что онъ велѣлъ мнѣ приходить?

АРИНА ИВАНОВНА. Не буду я обманывать. Спрашивала, сказалъ: пусть приходитъ, только безъ своего сахара-лимоновича, —это онъ мужа твоего такъ называетъ.

КЛАВДІЯ. Пора ужъ ему все забыть. Изъ-за чего теперь ссориться? Съ квартиры мы переѣхали. (Беретъ съ полочки фарфоровую статуэтку -- полунагую женщину) Безобразіе какое!

АРИНА ИВАНОВНА. Это что! У себя въ спальнѣ совсѣмъ нагую повѣсили. Подумай-ка!

КЛАВДІЯ. Павлику очень хочется опять бывать здѣсь. Онъ съ Кукарниковыми давно знакомъ, гимназистомъ еще бывалъ у нихъ.

АРИНА ИВАНОВНА. А ты скажи — можетъ быть и позволитъ.

КЛАВДІЯ. Посмотрю, какой буфетъ. Вотъ Леночка сюда пріѣхала бы! Порадовалась бы она.

(Арина Ивановна осматривается, беретъ Клавдію за руку, ведетъ въ уголъ, сажаетъ и тихо говоритъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Самому писала... о ребенкѣ призналась.

КЛАВДІЯ. Ну?

АРИНА ИВАНОВНА. Какъ Богъ святъ, писала.

КЛАВДІЯ. Что же папаша?

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Не велѣлъ онъ сказывать... да ужъ я тебѣ скажу. Ты только никому не говори. Не скажешь?

КЛАВДІЯ. Говорите.

АРИНА ИВАНОВНА. Мужу не говори. Денегъ далъ, велѣлъ послать.

КЛАВДІЯ. Сколько?

АРИНА ИВАНОВНА. Не считала. (Вынимаетъ изъ кармана деньги)

КЛАВДІЯ. Да тутъ много? Три пачки, должно быть по тысячѣ рублей. (Перелистываетъ одну пачку) Три тысячи, мамаша! Ей много... будетъ и двухъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Всѣ надо послать. Спрячь покуда ты ихъ у себя: наверхъ будемъ перетаскиваться, какъ бы Костенька не увидалъ... или нѣтъ, дай лучше мнѣ, я въ подушку зашью.

КЛАВДІЯ. Акулина ощупаетъ... смотрите...

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, возьми. Помни: все послать надо.

(Вбѣгаетъ Катя съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Она такъ же одѣта, какъ Аня)

КАТЯ. Какой букетъ! Какъ пахнетъ! Костя велѣлъ въ вазу поставить. (Ставитъ букетъ въ воду)

КЛАВДІЯ. Пришелъ?

КАТЯ. Переодѣвается въ своей комнатѣ.

АРИНА ИВАНОВНА. Эго онъ, должно быть, ей.

КАТЯ. Понятно... невѣста. Такъ всѣ дѣлаютъ.

(Входитъ Ванюшинъ, идетъ въ залъ. Онъ старается владѣть собой и гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первой сценѣ)

АРИНА ИВАНОВНА. Куда ты, Александръ Егорычъ?

КЛАВДІЯ (цѣлуя руку отца). Здравствуйте, папаша.

ВАНЮШИНЪ. Нужно. Надумалъ невѣстѣ подарокъ купить; это ей понравится.

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Да ужъ поздно, магазины, чай, заперли.

ВАНЮШИНЪ. Успѣю. Я... успѣю.

КАТЯ. (Вынимаетъ изъ вазы букетъ и подбѣгаетъ къ отцу) Посмотрите, папаша: какой букетъ!

ВАНЮШИНЪ. Букетъ... (Пристально смотритъ на Катю, гладитъ рукой по головѣ, хочетъ поцѣловать... и вдругъ быстро отвертывается и уходитъ) Такъ я скоро вернусь.

КАТЯ. Вотъ какая счастливая! И букетъ и подарки.

АРИНА ИВАНОВНА. А тебѣ женихъ вѣникъ подаритъ.

КАТЯ. Я его этимъ вѣникомъ такъ!.. (Обращается къ Клавдіи) А вы зачѣмъ пришли? Костя узнаетъ, что вы здѣсь...

КЛАВДІЯ. Мамаша, да вы говорили ли ему? Выгонитъ онъ, пожалуй, меня.

АРИНА ИВАНОВНА. Сказала, что позволилъ. А ты-то что, трещетка? Твое ли дѣло спрашивать? Шла бы наверхъ.

КАТЯ. Очень интересно сидѣть наверху.

(Константинъ входитъ въ залъ. Онъ въ черной парѣ, въ петлицѣ цвѣтокъ)

КОНСТАНТИНЪ. Къ чему это зажгли люстру? Я сказалъ, чтобы не зажигать. (Входитъ въ гостиную) Зачѣмъ зажгли?

КЛАВДІЯ (подавая руку). Здравствуй, Костенька.

КОНСТАНТИНЪ (не замѣчая протянутой руки). А это ты! Здравствуй! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ) Потушить надо. Вѣдь я говорилъ, чтобы было просто, обыкновенно. Онѣ пріѣдутъ къ намъ запросто, а не на вечеръ, не на балъ. Неужели вы этого не понимаете?

АРИНА ИВАНОВНА. Бѣда не велика, и потушить можно. (Выходитъ въ залъ и кричитъ) Акулина!

КОНСТАНТИНЪ. Зачѣмъ кричать, когда есть звонки?

Digitized by Google

До сихъ поръ привыкнуть не можете! (Нажимаетъ электрическій звонокъ)

АРИНА ИВАНОВНА (выходитъ изъ залы). Забываю все про звонки-то.

КОНСТАНТИНЪ. Пожалуйста, при нихъ не вздумайте кричать. (Входитъ Акулина) Потушите люстру! Достаточно одной лампы на столъ.

(Акулина тушитъ люстру)

КОНСТАНТИНЪ (обративъ вниманіе на костюмъ Кати). Ты это куда вырядилась? На свадьбу, что ли, собралась?

КАТЯ. Мамаша велѣла.

КОНСТАНТИНЪ. Мамаша! Могла сама догадаться—не маленькая—что это ни къ чему. Разъ люди пріѣзжаютъ къ намъ запросто, то они должны насъ встрѣтить такими, какими мы бываемъ обыкновенно. А это сейчасъ видно, что ты нарядилась для нихъ.

КАТЯ. Неужели же переодѣваться надо?

КОНСТАНТИНЪ. Какъ хочешь. Я только говорю, что все у насъ дѣлается глупо и нелѣпо. (Замѣтивъ шаль на Аринѣ Ивановнѣ) Затѣмъ вы надѣли эту дурацкую шаль?

АРИНА ИВАНОВНА. Развѣ не нужно?

КОНСТАНТИНЪ. При царѣ горохѣ нужно было. Снимите!

АРИНА ИВАНОВНА. Сейчасъ. А Катѣ съ Анечкой тоже снять?

КОНСТАНТИНЪ. Какъ хотятъ.

(Арина Ивановна и Катя уходятъ, Константинъ разваливается на оттоманкѣ)

КОНСТАНТИНЪ. Усталъ. Цѣлый день сегодня по магазинамъ, изъ одного въ другой, изъ другого въ третій. У насъ вѣдь ничего не умѣютъ дѣлать,—приходится все самому, даже закуску самъ покупалъ.—Какъ находишь обстановку?

КЛАВДІЯ. Прекрасно, со вкусомъ, очень хорошо. Неужели ты это одинъ покупалъ?

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Нѣтъ, бралъ съ собой покупать кучера Ивановича и кухарку Сергіевну! Ты до сихъ поръ не поумнѣла!

КЛАВДІЯ (принужденно смѣясь). Какой ты забавникъ сталъ... Должно быть, очень счастливъ?

КОНСТАНТИНЪ. Это мое дѣло. Пора тебѣ съ мужемъ отстать отъ привычки совать носъ, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

КЛАВДІЯ. Да ужъ мы не суемъ. Съ квартиры переѣхали... все недоволенъ...

КОНСТАНТИНЪ. Пятнадцать лѣтъ жили.

(Пауза. Клавдія ищетъ темы для разговора и подходитъ къ букету)

КЛАВДІЯ (щупая букетъ). Это, Костенька, изъ живыхъ цвѣтовъ или изъ искусственныхъ?

КОНСТАНТИНЪ. Не трогай руками!

КЛАВДІЯ. Не буду. Я думала...

КОНСТАНТИНЪ (увидавъ на стѣнахъ бра). Кто это опять повѣсилъ эти рогули? Вчера я снялъ...

КЛАВДІЯ. Я не знаю.

КОНСТАНТИНЪ (снимая бра). Чешутся руки, чортъ ихъ дери! Ни въ одномъ порядочномъ домѣ не найдешь теперь этихъ треножниковъ. (Входитъ Арина Ивановна) Костенька, гдѣ на столъ накрывать, въ залѣ?

КОНСТАНТИНЪ. Что?

АРИНА ИВАНОВНА. Столъ-то гдѣ накрывать?

КОНСТАНТИНЪ. Въ столовой.

АРИНА ИВАНОВНА. Тамъ вѣдь Авдотья спитъ.

КОНСТАНТИНЪ. Фу, ты! Столовая теперь у насъ въ моей комнатѣ.

АРИНА ИВАНОВНА. А я думала, въ залѣ лучше.

КОНСТАНТИНЪ. Я знаю, что лучше. Кто это бра повѣсилъ?

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Я велѣла. Что имъ въ кладовой-то лежать...

КОНСТАНТИНЪ. Ихъ надо выбросить въ помойную яму. (Отворяетъ дверь и бросаетъ бра) Пожалуйста, послѣдите, чтобы было на столѣ все прилично, какъ я говорилъ. Къ чайному столу рыбной закуски не подавать; ростбифъ подать цѣлымъ кускомъ и нарѣзать, какъ можно тоньше, только нѣсколько кусочковъ,—понимаете, какъ можно тоньше. Къ зеленому сыру не забудьте терочку. Да, нѣтъ, вы все забудете! Я лучше самъ займусь. (Идетъ и останавливается у двери) Да, что это папаши видать?

АРИНА ИВАНОВНА. Ушелъ онъ.

КОНСТАНТИНЪ. Куда?

АРИНА ИВАНОВНА. Подарокъ надумалъ купить невѣстѣ.

КОНСТАНТИНЪ. Это очень мило. Только не купитъ онъ ничего порядочнаго... жаль, что не поручилъ мнѣ. (Уходитъ)

КЛАВДІЯ. Все сердится, а на что, и самъ не знаетъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Такой ужъ у него характеръ. Говорила, что-ли, ему про мужа?

КЛАВДІЯ. Ну, вотъ еще! Я какъ на угляхъ съ нимъ сидѣла, говорить-то не знала что; съ чего ни начну, все оборветъ.

(Входитъ Аня)

АНЯ. Папаша не приходилъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ еще.

(Аня подходитъ къ окну и смотритъ въ него)

АРИНА ИВАНОВНА. Костенька говорилъ, чтобъ снять вамъ голубыя платья. Ступай, сними.

АНЯ. Все равно.

КЛАВДІЯ. Не пойти-ли мнѣ помочь чего-нибудь?

АРИНА ИВАНОВНА. Ступай.

Digitized by Google

КЛАВДІЯ. Какъ бы не прогналъ... Опять скажетъ: зачѣмъ носъ суешь! Лучше ужъ не пойду.

АРИНА ИВАНОВНА. Ты вотъ что мнѣ скажи: что мнѣ съ ней-то разговаривать?

КЛАВДІЯ. Съ кѣмъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Съ самой-то, съ Кукарниковой. Больно ужъ она важная: говоритъ, такъ не дождешься, когда скажетъ.

КЛАВДІЯ. Молчите, сидите да слушайте.

АНЯ. Кажется, дождь идетъ... первый дождь...

КЛАВДІЯ. Унижать себя предъ ней тоже не надо. Она гордится тѣмъ, что генеральша, а вы дайте ей почувствовать, что дочь-то ея берете безъ денегъ. Скажите: у Кости такія-то, такія то невѣсты богатыя были.

АРИНА ИВАНОВНА. Какъ бы не обидѣлась.

КЛАВДІЯ. Ничего, она обидится, такъ не покажетъ виду, что обидѣлась,—не узнаете.

АНЯ. Дождь идетъ, мамаша.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, что ты съ пустяками пристаешь? Пусть идетъ.

(Вбѣгаетъ Авдотья, она тоже одѣта по праздничному)

АВДОТЬЯ. Арина Ивановна, фруктовыхъ ножей не найдемъ... Костенька сердится.

АРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ же они? Тамъ вѣдь были, въ буфетѣ.

АВДОТЬЯ. Нѣтъ тамъ ни старыхъ, ни новыхъ. (Увидавъ Клавдію) Здравствуйте. Просто ногъ подъ собой не слышу, забѣгалась.

АРИНА ИВАНОВНА. Пойду, посмотрю.

АВДОТЬЯ. Идемте. (Уходятъ)

КЛАВДІЯ. Что ты такая скучная?

АНЯ. Я не скучная.

КЛАВДІЯ. Скажи мнѣ, на какія это деньги все куплено?

Digitized by Google

АНЯ. Не знаю.

КЛАВДІЯ. Я думаю—слышала разговоръ?..

АНЯ. Папаша не говоритъ ничего. (Пауза. Клавдія разсматриваетъ вещи) Онъ не пошелъ покупать... Какой подарокъ? Зачѣмъ? Ему смотрѣть на нихъ не хочется, вотъ онъ и ушелъ. Не придетъ онъ.

КЛАВДІЯ. Что ты! Развѣ это можно? Неделикатно, да и Костя обидится.

(Вбѣгаетъ Катя)

КАТЯ. Пріѣхали! Пріѣхали! Она вся въ черномъ, въ волосахъ брильянтовая звѣзда.

КЛАВДІЯ. Какъ же намъ? Итти туда, что-ли?

АНЯ. Я не знаю. Все равно.

КЛАВДІЯ. Пойдемте... Нѣтъ, лучше здѣсь подождемъ. Катя, посмотри, все-ли у меня въ порядкѣ?

КАТЯ (осматриваетъ Клавдію). Ничего, все хорошо. Платье старое.

КЛАВДІЯ. Братецъ на новое еще денегъ не далъ.

(Входитъ Кукарникова, Инна, Константинъ и Арина Ивановна. Кукарникова—пожилая сѣдая дама; бѣлится и подводитъ брови; одѣта со вкусомъ, говоритъ сквозь зубы, растягивая слова, близорука—смотритъ въ лорнетъ. Инна, двадцати-семилѣтняя, маленькая, худенькая брюнетка, съ желтымъ цвѣтомъ лица; симпатична; держится просто и непринужденно)

КОНСТАНТИНЪ (рекомендуя Аню). Вотъ Аня...

ИННА (цѣлуя Аню). Я такой васъ и воображала. Мы будемъ друзьями? Я хочу, чтобъ мы были друзьями.

КУКАРНИКОВА (поцѣловавъ Аню). Прелесть... Какъ къ лицу вамъ голубое.

КОНСТАНТИНЪ (взявъ изъ воды букетъ). Позвольте, Инна... (Вспомнивъ о Клавдіи) Ахъ, да! вотъ еще сестра Клавдія.

Digitized by Google

ИННА. Какой ты разсѣянный. Очень пріятно.

КЛАВДІЯ. И мнѣ тоже. (Подходитъ къ Кукарниковой) А васъ я давно знаю; мой мужъ о васъ такъ много говорилъ, восхищался вами... Онъ у васъ бывалъ въ домѣ еще гимназистомъ.

КУКАРНИКОВА. Да? Я, вѣроятно, вспомню. (Отходятъ въ сторону и продолжаютъ разговоръ)

ИННА (разсматриваетъ букетъ). Хорошъ... Только слишкомъ много пунцовыхъ розъ.

КОНСТАНТИНЪ. Я хотѣлъ изъ однѣхъ пунцовыхъ, но ихъ не могли набрать.

ИННА. Слишкомъ много яркаго. Блѣднѣе проще, а чѣмъ проще, тѣмъ прочнѣе. Comprenez vous, monsieur?

КОНСТАНТИНЪ. Chacun a sa fantaisie...

ИННА. Ахъ, только пожалуйста не по-французски! Не забывайте слова... (Обращается къ Анѣ и Катѣ) Можно брата за уши оттаскать, чтобы онъ не говорилъ по-французски? (Треплетъ за ухо Константина) Никогда не нужно дѣлать того, что мы не умѣемъ. (Катя и Аня смѣются)

КУКАРНИКОВА. Смотрите, смотрите, какъ мило! Инночка уже вступила въ свои права жены: таскаетъ мужа за уши.

КОНСТАНТИНЪ. Я хотѣлъ бы, мама, чтобъ она ихъ совсѣмъ выдернула.

КУКАРНИКОВА. Это восхитительно! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ) Какой онъ у васъ милый мальчикъ. Надѣюсь, вы не въ претензіи, что онъ меня уже называетъ мамой?

АРИНА ИВАНОВНА. Меня мамашей зоветъ.

КУКАРНИКОВА. А меня мамой... Ахъ, какъ это мило! Подойди, я тебя поцѣлую. (Цѣлуетъ Константина въ голову) У тебя—говорю не комплиментъ—масса вкуса... Мебель изящна, цвѣта подобраны прекрасно... Все мило и

Digitized by Google

просто. Но мнѣ кажется, что эта комната не носитъ опредѣленнаго, такъ сказать, характера: не то гостиная, не то будуаръ...

КОНСТАНТИНЪ. Я еще не успѣлъ хорошо обдумать, куда и что поставить... Это только набросокъ. Вотъ ужъ съ Инной мы распланируемъ все иначе.

КУКАРНИКОВА (подумавъ). По моему, рояль лучше поставить въ залъ. Этотъ приборъ (Указываетъ на маленькій диванчикъ, кресла и столъ) посрединѣ... (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ) Впрочемъ, простите... я какъ будто начинаю распоряжаться.

КОНСТАНТИНЪ. Пожалуйста, мама.

КУКАРНИКОВА. Нѣтъ, нѣтъ, предоставляю все тебѣ и милѣйшей Аринѣ Ивановнѣ.

АРИНА ИВАНОВНА. Пожалуйте чай кушать въ Костенькину комнату... то бишь, въ столовую.

КУКАРНИКОВА. Чай? Прекрасно. Идемте, Арина Ивановна. Я всегда пью въ девять часовъ.

АРИНА ИВАНОВНА. Клавденька, пойдемъ. (Подходитъ къ Иннѣ и, улыбаясь, очень учтиво спрашиваетъ) А вы-съ?

КОНСТАНТИНЪ. Мы здѣсь будемъ. Хорошо, Инна?

ИННА. Все равно.

КОНСТАНТИНЪ. Вы намъ пришлите сюда.

АРИНА ИВАНОВНА (обращаясь къ Кукарниковой). Пожалуйте!

КУКАРНИКОВА (беретъ за руку Арину Ивановну). Намъ нужно съ вами о многомъ поговорить. Мы—матери, и поймемъ другъ друга. (Уходятъ. Клавдія за ними)

КАТЯ. А намъ, Костя, можно итти?

ИННА. Вы не хотите остаться съ нами?

КАТЯ. Отчего... нѣтъ...

КОНСТАНТИНЪ. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой объ одномъ предметѣ. Онѣ могутъ потомъ прійти.

АНЯ. Мы уйдемъ. (Обѣ уходятъ)

Digitized by Google

ИННА. Это грубо. Самъ же говоришь, что онѣ мало воспитаны, и такъ обращаешься съ ними... Нехорошо.

КОНСТАНТИНЪ. Ничего. Я тебѣ буду очень благодаренъ, если ты ими займешься; онѣ не глупенькія, но положительно не воспитаны. Мамаша развѣ можетъ понимать что-нибудь въ воспитаніи?

ИННА (разваливается на оттоманкѣ). Ну-съ, давай секретничать.

КОНСТАНТИНЪ. Смотрю я на тебя, и не вѣрю глазамъ: неужели ты у меня въ домѣ?

ИННА. Не вѣришь глазамъ,—можешь осязать. (Показываетъ на щеку) Цѣлуй.

КОНСТАНТИНЪ (цѣлуетъ). Ты обворожительна сегодня!

ИННА. Какъ всегда.

(Константинъ продолжаетъ цѣловать)

ИННА (отстраняя Константина) Довольно. Сейчасъ чай подадутъ... Говори, что хотѣлъ.

КОНСТАНТИНЪ. Вотъ видишь ли... (Проходитъ по комнатѣ и садится на оттоманку къ ногамъ Инны)

ИННА. Я жду.

КОНСТАНТИНЪ. Когда чай принесутъ. (Опять встаетъ)

ИННА. Я не люблю, когда мямлютъ. Говори.

КОНСТАНТИНЪ. Скажи мнѣ: ты любишь меня?

ИННА. Люблю.

КОНСТАНТИНЪ. Я вѣрю, и потому только рѣшаюсь сегодня разсказать тебѣ... я могъ бы совсѣмъ не разсказывать, если бы не былъ увѣренъ въ тебѣ.

ИННА. Ты меня пугаешь.

КОНСТАНТИНЪ. Повторяю, я могъ бы не разсказывать, если бы не былъ увѣренъ въ тебѣ, но я счелъ своимъ долгомъ разсказать... да притомъ... я боюсь... слухи и сплетни постоянно искажаютъ факты...

ИННА. Я не люблю, кто мямлитъ. Говори.

(Акулина подаетъ чай и уходитъ)

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Вотъ видишь ли...

ИННА. Это скучно.

КОНСТАНТИНЪ. Я скажу прямо. Ты, понятно, настолько умна и настолько знаешь жизнь, что не представляешь себѣ мужчинъ какими-то безупречными ангелами...

ИННА. Дальше. Вы хотите говорить о вашемъ бывшемъ романѣ? Начинайте прямо съ нея... Кто она?

КОНСТАНТИНЪ. Вотъ видишь ли...

ИННА. Ничего я не вижу. Кто она?

КОНСТАНТИНЪ. У насъ здѣсь жила... моя родственница. Я былъ моложе, увлекся... думалъ сдѣлать изъ нея человѣка...

ИННА. И сдѣлали изъ нея любовницу?

КОНСТАНТИНЪ. Я искренно увлекся, Инна, и, можетъ быть, это увлеченіе не прошло бы до сихъ поръ, если бы она была другой... Но она оказалась такой мелкой, мѣщанской натурой, узкой и эгоистичной, что я не нашелъ съ ней ничего общаго. Когда же я сходился, у меня были честныя намѣренія: я мечталъ образовать ее,—она почти ничего не знала,—воспитать въ ней себѣ жену по своему идеалу, но изъ этого ровно ничего не выходило. Каждый день я убѣждался въ ея природной тупости, въ неспособности... ея буржуазные вкусы, наклонности возмущали меня, и я... Мы разстались. Ты, вѣроятно, услышала бы здѣсь эту исторію въ искаженной редакціи, и я счелъ необходимымъ разсказать тебѣ.

ИННА. Гдѣ она теперь?

КОНСТАНТИНЪ. Она уѣхала къ матери въ Самару. У ней три сестры, имѣютъ мастерскую, сами шьютъ... Я помогаю. (Беретъ Инну за руку) Прости меня. Чего я искалъ въ ней, я нашелъ въ тебѣ... Не разбивай моего счастія. (Молчаніе) Не молчи, говори скорѣе мой приговоръ.

ИННА. Благодарю васъ.

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Оставьте шутки.

ИННА. Я серьезно благодарю васъ.

КОНСТАНТИНЪ. За что?

ИННА. Вы облегчили меня: я должна была вамъ тоже сказать.. На все, что вы мнѣ сказали, я отвѣчу русской пословицей: „долгъ платежемъ красенъ". Вы тоже у меня будете не первымъ...

КОНСТАНТИНЪ. Ты шутишь?

ИННА. Нисколько.

(Константинъ ошеломленъ)

КОНСТАНТИНЪ. Но... я не вѣрю.

ИННА. Повѣрьте. Намъ лучше теперь прекратить нашъ разговоръ. Я знаю про васъ, вы про меня,—подумаемъ наединѣ, и если простимъ другъ другу, то встрѣтимся вновь друзьями. Пріѣзжайте къ намъ въ среду, а теперь довольно.

КОНСТАНТИНЪ. Но какъ же, Инна...

ИННА. Дальнѣйшій разговоръ на эту тему я считаю преждевременнымъ. Совѣтую, когда вы будете думать наединѣ, не забывать одного французскаго афоризма: tout comprendre c'est tout pardonner. Займемся чѣмъ-нибудь. Ты говоришь, что у тебя много новыхъ нотъ?

(Подходитъ къ піанино, выбираетъ ноты и играетъ. Константинъ остается на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ)

ИННА (взглянувъ на Константина). Мы будемъ думать наединѣ, не теперь... Идите сюда!

(Пауза. Константинъ не подходитъ къ ней)

ИННА. Нравится вамъ?

КОНСТАНТИНЪ. Я никакъ не могу представить...

ИННА. Мы будемъ говорить объ этомъ послѣ.

(Продолжаетъ играть. Пауза. Изъ залы выходятъ Кукарникова, Арина Ивановна, Клавдія, Аня и Катя)

Digitized by Google

КУКАРНИКОВА. Мы услыхали музыку и пришли васъ слушать.

(Садятся. Аня подходитъ къ окну)

КУКАРНИКОВА. Это любимая вещь Инночки. (Обращается къ Клавдіи) Вамъ нравится?

КЛАВДІЯ. Да.

(Всѣ слушаютъ. Черезъ нѣкоторое время Инна перестаетъ играть и украдкой смотритъ на Константина, который все еще сидитъ въ одной и той же позѣ)

АРИНА ИВАНОВНА. Костенька, что это папаши-то нѣтъ?

КОНСТАНТИНЪ (смотритъ на часы). Половина десятаго. Кто-нибудь задержалъ.

КУКАРНИКОВА. Человѣкъ дѣловой, общественный дѣятель.

АНЯ. Вотъ, кажется, калитка хлопнула. Это онъ.

КОНСТАНТИНЪ. Да, вѣроятно, онъ. (Уходитъ)

(Пауза. Инна перебираетъ клавиши. Константинъ входитъ)

КОНСТАНТИНЪ. Нѣтъ, это не онъ.

(Всѣ становятся тревожнѣе)

АРИНА ИВАНОВНА. Не послать ли къ Павлу Сергѣевичу? Можетъ быть, онъ у него?

КЛАВДІЯ. Павлика дома нѣтъ, мамаша.

АРИНА ИВАНОВНА. Такъ гдѣ же Александръ Егоровичъ? Ужъ я не знаю. (Пауза)

КОНСТАНТИНЪ. Вы простите, мама. Вѣроятно, что-нибудь папашу задержало.

КУКАРНИКОВА. Мы, кажется, не собираемся домой. Насъ скоро не спровадишь. Вотъ Инна намъ споетъ что-нибудь. Инночка, спой.

ИННА. Дуэтъ съ Костей.

КУКАРНИКОВА. Да, да, Костя, покажите-ка свои таланты.

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Я не могу, мама: всего взялъ только десять уроковъ, пою упражненія.

ИННА (обращаясь къ Костѣ). Что хотите, чтобъ я спѣла?

КОНСТАНТИНЪ (выбираетъ романсъ). Спойте вотъ это. Я слышалъ въ Москвѣ, какъ пѣла Форстремъ. Чудно!

ИННА. Хорошо. (Поетъ)

АНЯ. Его голосъ!.. Пришелъ.

(Инна перестаетъ пѣть. Всѣ смотрятъ въ залъ и ждутъ. Пауза)

КОНСТАНТИНЪ. Должно быть, тебѣ послышалось.

(Арина Ивановна выходитъ и скоро возвращается)

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, не онъ...

КОНСТАНТИНЪ. Продолжайте, Инна.

АНЯ. Простите, я вамъ помѣшала пѣть.

ИННА. Ничего. (Продолжаетъ пѣть)

(Черезъ нѣкоторое время доносится какой-то неопредѣленный шумъ. По залу пробѣгаетъ Акулина. Аня, Арина Ивановна и Константинъ прислушиваются къ шуму. Инна продолжаетъ пѣть. Шумъ ближе,—ясно слышно топанье ногъ. Скоро въ залѣ появляются незнакомые люди; кто-то изъ нихъ говоритъ: „сюда". Инна смолкаетъ. Въ гостиной тишина.—Вносятъ трупъ Ванюшина. Несутъ старикъ въ лохмотьяхъ, татаринъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ простонародья. Въ толпѣ замѣтенъ одинъ только интеллигентный человѣкъ въ цилиндрѣ. Люди съ трупомъ входятъ въ гостиную)

КОНСТАНТИНЪ (не уясняя происшедшаго, робко и тихо спрашиваетъ старика). Что съ нимъ?

СТАРИКЪ ВЪ ЛОХМОТЬЯХЪ (глухимъ голосомъ). Застрѣлился... въ саду.

(Константинъ дѣлаетъ шагъ впередъ и съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ

Digitized by Google

смотритъ на трупъ; Арина Ивановна остолбенѣла на мѣстѣ; лицо Клавдіи подергиваютъ судороги; Аня сейчасъ вскрикнетъ и упадетъ въ обморокъ. Кукарникова и Инна, недоумѣвая, глядятъ другъ на друга. Страшная пауза.

Еще моментъ—и трагедія ихъ душъ воплями и стонами вырвется наружу)

Digitized by Google

С. НАЙДЕНОВЪ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

ПЬЕСА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ, кожевенный заводчикъ.
СТЕПАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КОПТЕВЪ, его компаньонъ.
НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА, жена Степана.
МАКСИМЪ КОПТЕВЪ, человѣкъ безъ положенія.
МАША, сестра братьевъ Коптевыхъ.
АННА НИКИФОРОВНА, мать ихъ.
ЛИДІЯ ПЕТРОВНА БАРАБАНОВА, дочь богатаго коммерсанта.
АГАША, горничная.

Дѣйствіе происходитъ на кожевенномъ заводѣ, вблизи губернскаго города, на берегу Волги.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Кожевенный заводъ, на берегу Волги, Бычкова и К°. Домъ при заводѣ. Большая, широкая стеклянная терраса, замѣняющая лѣтомъ столовую. Передвижныя рамы надвигаются одна на другую и образуютъ широкія отверстія — окна безъ рамъ. Вершины деревьевъ и лѣтніе, пестрые цвѣты въ ящикахъ, окаймляющіе террасу съ внѣшней стороны, видны за стеклами. Деревянная стѣна дома, къ которой прилегаетъ терраса, съ лѣвой стороны; въ ней четыре окна и дверь посрединѣ. Справа впереди лѣстница, обнесенная перилами, ведущая въ такую же нижнюю террасу. На террасѣ обѣденный столъ, кругомъ его лѣтніе тростниковые стулья. Парусинныя задергивающіяся занавѣси — открыты. Майскій день. Терраса залита горячимъ солнечнымъ свѣтомъ. Вдали блеститъ и серебрится Волга. Виденъ правый берегъ ея, покрытый лѣсомъ.

(При поднятіи занавѣса раздается рѣзкій, тревожный пароходный свистокъ. Это требуютъ съ парохода лодку. Эхо гдѣ-то далеко въ горахъ повторяетъ свистокъ, отзывается чуть слышно еще разъ и замираетъ.

Маша читаетъ за столомъ книгу и часто вытираетъ платкомъ слезы. Она молоденькая, краснощекая дѣвушка, крайне чувствительная и жалостливая. Вступая въ жизнь, она еще какъ-будто бы робко прислушивается къ ней и передъ всѣмъ останавливается въ недоумѣніи, задумывается).

(Голосъ въ рупоръ съ парохода) Лодку! (Послѣ паузы) Скорѣй!..

(Изъ дому Степанъ выкатываетъ дѣтскую колясочку, въ которой лежитъ ребенокъ. Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти. Отъ всей его фигуры вѣетъ счастьемъ, довольствомъ, жизнерадостностью. Для него

Digitized by Google

все въ жизни ясно и просто, и все должно быть такъ, какъ существуетъ. Лицо добродушное, съ здоровымъ цвѣтомъ кожи. Голова острижена подъ гребенку; усы и борода выхолены. На немъ лѣтняя красивая пара и лакированные ботинки)

СТЕПАНЪ. Кажется, кто-то къ намъ?

(Маша не отвѣчаетъ и продолжаетъ читать)

СТЕПАНЪ. Лодку требовали?

МАША. Да.

СТЕПАНЪ (заглянувъ въ колясочку и откидывая верхъ). Проснулся?.. Ухъ, ты!.. Ну, ну... Маша, онъ потягивается... Агунюшки... поросунюшки... (Гладитъ ребенка) Улыбается, Маша! Посмотри... У, шельмецъ! (Дѣлаетъ „козу") Идетъ коза рогатая маленькихъ дѣтей бодать, бодать...

(Маша встаетъ, беретъ книгу и хочетъ итти)

МАША. Мѣста не найдешь почитать.

СТЕПАНЪ. Иди въ мой кабинетъ. Пупенку воздухъ нуженъ. Посмотри, онъ язычекъ высунулъ... (Смѣется довольнымъ веселымъ смѣхомъ)

МАША (любуясь ребенкомъ). Хорошенькій мой, маленькій... (Цѣлуетъ его и уходитъ)

СТЕПАНЪ. Ну, что? Не спишь? (Дѣлаетъ опять „козу") Идетъ коза рогатая маленькихъ дѣтей бодать, бодать... (Прячется за колясочку) Ау! Гдѣ папа? (Осторожно заглядываетъ въ колясочку и потомъ выскакиваетъ) Вотъ гдѣ папа! Вотъ онъ!..

(Продѣлываетъ это нѣсколько разъ съ большимъ увлеченіемъ. Въ это время съ нижней террасы входитъ Максимъ и останавливается у лѣстницы. Онъ человѣкъ лѣтъ 28-ми. Борода и усы растутъ въ безпорядкѣ. Онъ не внушаетъ къ себѣ никакого довѣрія, и кажется, что этотъ человѣкъ говоритъ объ одномъ, а думаетъ о

Digitized by Google

другомъ. Какъ будто бы ко всему равнодушенъ, холоденъ, но на самомъ дѣлѣ любящій жизнь и жаждущій ея. Полная противоположность брату Степану:—для него въ жизни — все не ясно, все не просто и все должно быть инымъ. Въ рукахъ у него грязная, красная безъ наволочки подушка и старый чемоданъ, перевязанный веревкой. На немъ когда-то дорогой, но теперь истасканный костюмъ съ обившимися концами брюкъ, старое лѣтнее пальто и выцвѣтшая желтая шляпа. Степанъ сначала не видитъ Максима и только спустя нѣкоторое время неожиданно повертывается назадъ и замѣчаетъ его)

СТЕПАНЪ. Максимъ!..

МАКСИМЪ. Я Степанъ...

(Пауза замѣшательства: имъ хочется, и что-то мѣшаетъ, крѣпко, по-братски обнять другъ друга. Здороваются холодно, цѣлуются три раза)

СТЕПАНЪ (растерявшись). Максимъ... Какъ это ты? Я сейчасъ... (Идетъ въ домъ, чтобы сообщить о пріѣздѣ брата) Маша!..

МАКСИМЪ. Постой... Прежде поговоримъ.

СТЕПАНЪ. Успѣемъ еще... Какъ удивятся всѣ!

МАКСИМЪ. Вотъ видишь ли... Я рѣшилъ тотчасъ же, какъ увижу тебя, сказать, зачѣмъ я пріѣхалъ... — Потомъ труднѣе будетъ... Я выбился изъ силъ... дай мнѣ работу у тебя на заводѣ... Мнѣ необходимъ заработокъ...

СТЕПАНЪ. Неужели у тебя не осталось денегъ?!

МАКСИМЪ. Нѣтъ.

СТЕПАНЪ. Всѣ прожилъ?

МАКСИМЪ. Всѣ.

СТЕПАНЪ. Я говорилъ... Я это зналъ... Видишь, мои слова оправдываются... Какъ же быть то? Я, право, не знаю... Помнишь, какъ я просилъ тебя не брать послѣд-

Digitized by Google

нихъ денегъ, а ты... Ахъ, Максимъ, Максимъ!.. Ты три года ничего не писалъ.

МАКСИМЪ. Все сдѣлалось такъ, какъ сдѣлалось. Твои сожалѣнія не помогутъ... Скажи прямо: могу я достать работу у тебя на заводѣ?

СТЕПАНЪ. Понятно... Только это страшно удивляетъ... Надо поговорить объ этомъ съ Бычковымъ. Не даромъ я боялся за тебя... Я зналъ, навѣрное зналъ, что это такъ будетъ... Какъ это ты?..

МАКСИМЪ. Ты, кажется, очень доволенъ, что твои слова оправдались?

СТЕПАНЪ. Мнѣ такъ часто представлялось, что ты пріѣдешь безъ денегъ... больной... Я боялся этого...

МАКСИМЪ. Степанъ, мнѣ нужно навѣрное знать, буду я здѣсь лишнимъ или нѣтъ?

СТЕПАНЪ. Что ты говоришь? Какъ это лишній? Ты вѣдь братъ...

МАКСИМЪ. Ты понимаешь, что я долженъ былъ вынести, чтобы рѣшиться пріѣхать сюда въ этомъ положеніи... Это не такъ просто.

СТЕПАНЪ. Понятно... Да, ты не видалъ еще... Посмотри, какой карапузъ! Витюркой зовутъ, а мы всѣ пупенкомъ называемъ. (Беретъ Максима за руку и подводитъ къ колясочкѣ) А? На кого похожъ?

МАКСИМЪ. На тебя.

СТЕПАНЪ (довольный и польщенный). Всѣ говорятъ—на меня.

(Изъ дому выходитъ Анна Никифоровна, дряблая, сморщенная старушка. Увидѣвъ Максима, она вся затряслась и, не помня себя, плача, стала обнимать и цѣловать его голову, лицо, плечи)

АННА НИКИФОРОВНА. Максимушка... Сыночекъ... Максимушка...

МАКСИМЪ (цѣлуя мать). Мамаша...

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Забылъ, забылъ ты меня... Какъ постарѣлъ-то...

МАКСИМЪ. Да и вы не помолодѣли...

АННА НИКИФОРОВНА. Дорогой мой... (Снова обнимаетъ и цѣлуетъ Максима. Максимъ закусываетъ губу, чтобы сдержать слезы, и отходитъ отъ матери) Какъ же это ты? Ни словечка, ни словечка... Сколько лѣтъ не ѣхалъ... Максимушка..

МАКСИМЪ. Пріѣхалъ... Вотъ видите—здѣсь...

АННА НИКИФОРОВНА. Здѣсь, опять здѣсь! (Отъ радости не знаетъ, что дѣлать) Самоваръ... Кушать хочешь?... Гдѣ Маша-то? Степочка, Максимушка здѣсь...

СТЕПАНЪ. Вижу я... (Входитъ Маша и, пораженная пріѣздомъ Максима, останавливается у двери)

АННА НИКИФОРОВНА. Маша, Машенька, посмотри-ка кто... (Максимъ подходитъ къ Машѣ)

МАКСИМЪ. Здравствуй. (Цѣлуются) Какъ ты выросла... Тебя не узнаешь.

МАША (какъ бы про себя). И ты совсѣмъ другой... Я другимъ тебя помню...

СТЕПАНЪ. Я пойду Надю разбужу... Она еще спитъ. Вотъ удивится-то. Она никогда тебя еще не видала... Мамаша, какъ бы пупенокъ не заплакалъ. Лучше я его къ нянѣ увезу. (Увозитъ ребенка въ домъ)

МАКСИМЪ (обращаясь къ Машѣ). Что ты такъ смотришь на меня удивленно?

МАША. Я ничего...

МАКСИМЪ. Некрасивый братъ у тебя... старый...

АННА НИКИФОРОВНА (кричитъ на нижнюю террасу, подойдя къ лѣстницѣ). Иванъ Потапычъ! Максимушка пріѣхалъ. Не слышитъ... (Обращаясь къ Максиму) Сходи къ дядѣ-то... Онъ вѣдь овдовѣлъ... Внизу у насъ живетъ...

МАКСИМЪ. Успѣю.

АННА НИКИФОРОВНА. Пирожковъ надо велѣть сдѣлать, самоваръ поставить... Я сейчасъ... (Идетъ въ домъ и останавливается) Чай, у Степочки въ кабинетѣ помѣ-

Digitized by Google

стить его, Машенька? Какъ ты думаешь? Степочка ничего не скажетъ.

МАША. Ему тамъ хорошо будетъ. Я помню, когда ты жилъ тамъ. Отъ меня на крючокъ запирался.

АННА НИКИФОРОВНА. Я сейчасъ... (Уходитъ)

МАКСИМЪ. Что ты такъ смотришь?

МАША. Какой ты... Въ альбомѣ совсѣмъ, совсѣмъ другой... одни усы, бороды нѣтъ...

МАКСИМЪ. Выросла борода.

(Молчаніе. Они не знаютъ, что говорить другъ съ другомъ. Маша краснѣетъ, чувствуетъ себя сконфуженной, даже потъ выступаетъ у нея на лбу. Максимъ смотритъ на Волгу, и что-то теплое, грустное пробуждается въ его душѣ)

МАКСИМЪ. Волга... Все та же... „Какой тебя я въ дѣтствѣ зналъ, такой и нынѣ увидалъ".

МАША. Это изъ Некрасова... (Пауза) Я тебя боюсь... Не знаю, что съ тобой говорить... Ты не сердись.

МАКСИМЪ. Чего же ты боишься?

МАША. Не знаю.

МАКСИМЪ. Бояться нечего... Я такой же человѣкъ, какъ всѣ.

МАША. Я не очень умная, Максимъ... Ты подумаешь, что я дура.

МАКСИМЪ. Вотъ вздоръ! Что же ты, кончила гимназію? Есть у тебя женихъ?

МАША. Я не кончила... На второй годъ осталась въ шестомъ... и вышла.

МАКСИМЪ. На это наплевать... Не въ этомъ счастье...

МАША. А въ чемъ?

МАКСИМЪ (продолжая смотрѣть на Волгу). Что это на томъ берегу? Раньше не было.

МАША. Мельница, Мыльниковъ выстроилъ.

МАКСИМЪ. Давно?

Digitized by Google

МАША. Года два... Большая, электричествомъ освѣщается.

(Пауза. Максимъ крѣпко о чемъ-то задумывается и какъ будто забываетъ про Машу)

МАША. Максимъ... ты умылся бы... грязный... Костюмъ грязный.

МАКСИМЪ. Другого у меня, Маша, нѣтъ.

МАША (почти вскрикиваетъ). Нѣтъ!.. (Замолкаетъ въ изумленіи и нервно грызетъ кончикъ своей косы. Входитъ Агаша; это преданная горничная, искренно привязанная къ семьѣ Коптевыхъ)

АГАША. Здравствуйте, Максимъ Николаевичъ, съ пріѣздомъ! Ручку пожалуйте... (Хочетъ поцѣловать у него руку. Максимъ не даетъ)

МАКСИМЪ. Здравствуй, Агаша. Какъ живешь?

АГАША. Ничего... Вы-то какъ?

МАКСИМЪ. Мы тоже ничего...

АГАША. Хорошо, что пріѣхали. Мамаша велѣла бѣлье разобрать, кроватку вамъ приготовить... Гдѣ чемоданъ-то вашъ?

МАКСИМЪ. Чемоданъ-то вонъ, у лѣстницы. Только разбирать-то въ немъ, Агаша, нечего.

АГАША. Ну, какъ нечего... (Беретъ чемоданъ и подушку) Въ дѣтской я вамъ приготовлю... (Уходитъ)

МАША (все еще находясь подъ настроеніемъ изумленія). Максимъ...

МАКСИМЪ. Что?

МАША. Ты не разсердишься? Можно тебя спросить?

МАКСИМЪ. Спрашивай.

МАША. Отчего ты такой? Гдѣ ты былъ? Что дѣлалъ?

МАКСИМЪ. Это долго разсказывать.

МАША. Отъ тебя всѣ мы ждали писемъ... Ты не писалъ... (Пауза) Я воображала, что ты пріѣдешь къ намъ счастливымъ, гордымъ... знаменитымъ... Думала, на-

Digitized by Google

учишь меня, какъ жить... Я ничего не знаю... и все мнѣ кажется, какъ-то странно... Я ждала тебя.

МАКСИМЪ. Вотъ это-то и тяжело... Всѣ вы ждали меня инымъ... А я вотъ пріѣхалъ сюда кончать жизнь приказчикомъ на заводѣ.

МАША. Не можетъ быть! Всѣ говорили, что ты умный и гордый... Я такимъ тебя и представляла. Лидія Петровна тоже говорила, какъ бы тебѣ ни было плохо тамъ... ты не пріѣдешь сюда... не пріѣдешь несчастнымъ...

МАКСИМЪ. Она это говорила?

МАША. Да. Мы часто разговаривали съ ней о тебѣ. Она все спрашивала меня: пишешь ли ты? Ей женихъ подарилъ лошадь... Она недавно была здѣсь, пріѣзжала амазонкой показывать лошадь. Счастлива, какъ ребенокъ... Уѣхала въ монастырскую рощу. Кажется, еще заѣдетъ сюда,—увидишь ее. Она будетъ рада увидать тебя.

(Пауза. Максимъ всталъ и прошелся по террасѣ. Повидимости разговоръ съ Машей сильно взволновалъ его)

МАКСИМЪ (подумавъ). Едва-ли... Я чувствую, что я скоро могу уѣхать отсюда.

МАША (испугавшись). Что ты? Почему?

МАКСИМЪ. На дѣлѣ выходитъ такъ, что за простое, обыкновенное дѣло взяться иногда труднѣе, чѣмъ за что-нибудь дурное. Мнѣ казалось все такъ просто,—пріѣхалъ и сказалъ: дайте работы, я ѣсть хочу; оказывается, что это не то...

МАША. Ты говоришь что-то нехорошее... Зачѣмъ такъ... Я думала...

МАКСИМЪ. Что ты думала?

МАША (робко). Что ты другой, совсѣмъ другой.

(Входятъ Степанъ и Надежда Михайловна. Она—женщина лѣтъ 25-ти, практическая, уравновѣшенная и ко всему равнодушная. Кажется, спитъ и во снѣ ходитъ,

Digitized by Google

какой-то механически заведенный человѣкъ; всегда смотритъ въ точку, какъ-будто бы кругомъ никого и ничего нѣтъ; и дѣйствительно, дальше того, во что оформилась ея жизнь, она ничего не видитъ)

СТЕПАНЪ (показывая на Максима). Вотъ онъ... (Обращаясь къ Максиму) Надежда Михайловна, моя жена.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА (подавая холодную, деревянную. руку) Очень пріятно... (Пауза замѣшательства, — говорить не о чемъ)

СТЕПАНЪ. Да, да... Вотъ онъ какой, Максимъ, Надя.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Сядемте. (Садится первая и позѣвываетъ)

МАША. Степанъ, можно сказать, чтобы лошадь заложили?.. Я только за Лидіей въ рощу.

СТЕПАНЪ. Какъ это, Маша? Пріѣхалъ братъ, а ты...

МАКСИМЪ. Ничего, пусть ѣдетъ.

МАША. Я не поѣду. (Уходитъ въ домъ)

МАКСИМЪ. Было бы лучше, Степанъ, если бы меньше придавали значенія моему пріѣзду. Я думаю, не особенно оно радостно.

СТЕПАНЪ. Какъ можно? Что ты?

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Вы на долго къ намъ?

МАКСИМЪ. Пока не знаю.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Вы что же теперь?

МАКСИМЪ. Какъ что? Вы хотите сказать, что я изъ себя представляю? Ничто.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Развѣ такъ можно жить? У человѣка должно быть все опредѣленно, все ясно.

СТЕПАНЪ. Понятно... Я удивляюсь на тебя, Максимъ, какъ ты такъ можешь жить?.. Я дня не прожилъ бы.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Вы что умѣете дѣлать? Знаете вы что-нибудь? Степанъ говоритъ, что вы хотите къ намъ поступить... Но, вѣдь, каждому дѣлу надо учиться.

МАКСИМЪ. Какъ будто бы каждому?

Digitized by Google

СТЕПАНЪ. Понятно, Максимъ... Какъ же иначе? Вонъ дядя съ мальчиковъ началъ заниматься нашимъ дѣломъ, и отъ этого все хорошо.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Я, понятно, не знаю, что Степанъ можетъ вамъ предложить, но мнѣ кажется, трудно начинать въ ваши годы съ чего бы ни было...

(Максимъ недружелюбно взглядываетъ на нее. Степанъ замѣчаетъ, что этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ брату, и говоритъ)

СТЕПАНЪ. Надя жалѣетъ тебя, Максимъ. Ей, какъ и мнѣ, хочется что-нибудь тебѣ сдѣлать...

МАКСИМЪ. Иногда жалость бываетъ слишкомъ тягостна, и лучше, если бы не жалѣли... Мнѣ хотѣлось бы, Степанъ, умыться и немного почиститься.

СТЕПАНЪ. Ну, что же, иди... Тебѣ тамъ все приготовили. (Максимъ уходитъ)

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Какой-то онъ дикій... бѣдно одѣтъ.

СТЕПАНЪ. Да... да... Ты замѣтила, какія брюки? Внизу лохмотья.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Онъ не пьетъ ли?

СТЕПАНЪ. Не знаю... Я ничего про него не знаю,— онъ такой скрытный. Три года не писалъ... Знаешь, когда меня спрашиваютъ, что вашъ братъ дѣлаетъ? — мнѣ стыдно дѣлается.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Да откуда онъ теперь?

СТЕПАНЪ. Не знаю... Боюсь спрашивать. Я его немножко боюсь.

(Входитъ Анна Никифоровна съ заплаканными глазами. Въ рукахъ у нея чемоданъ Максима)

АННА НИКИФОРОВНА. Степочка, посмотри-ка,—бѣлья-то у него совсѣмъ нѣтъ... Одна-то рвань. (Раскрываетъ на стулѣ чемоданъ)

СТЕПАНЪ. Ну?.. (Разсматривая бѣлье) И въ самомъ дѣлѣ, чернота, чернота-то какая!

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Посмотри-ка... (Вынимаетъ какую-то грязную, дырявую рубашку и, разсматривая ее, плачетъ) И гдѣ былъ? Что дѣлалъ? (Агаша приготовляетъ столъ для чая: приноситъ самоваръ, посуду, пирожки и т. п.)

АННА НИКИФОРОВНА. И на немъ, чай, такая же грязнота... Далъ бы ему, Степочка, пока... Я починить да вымыть заставлю.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Я сейчасъ достану изъ твоего холостого бѣлья. Терпѣть его не могу.

АННА НИКИФОРОВНА. Поскорѣй, пока онъ умывается.. Агаша возьми чемоданъ-то.

(Агаша уноситъ чемоданъ. Надежда Михайловна и Анна Никифоровна пошли-было въ домъ, но остановились при входѣ, Бычкова, который входитъ съ нижней террасы по лѣстницѣ. Онъ низенькій коренастый, крѣпкаго тѣлосложенія человѣкъ, лѣтъ 45-ти. У него двойной подбородокъ, толстая, короткая шея, --куски мяса висятъ на воротничкѣ сорочки; борода и усы рѣдкіе, мочалистые. Самодовольный, упитанный. Щеголевато одѣвается. Куритъ постоянно сигару, имѣетъ привычку выпускать колечками дымъ и снова ловить его ртомъ, напоминая въ это время лающую собаку)

БЫЧКОВЪ. Правда, что пріѣхалъ Максимъ?

СТЕПАНЪ. Да.

АННА НИКИФОРОВНА. Правда, Иванъ Потапычъ.

БЫЧКОВЪ. Что онъ? Зачѣмъ пріѣхалъ?

СТЕПАНЪ. Я еще съ нимъ не говорилъ, какъ слѣдуетъ, не разспрашивалъ... Да, вѣдь, онъ ничего не скажетъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Измучился онъ... Видно, надоѣло ему парусничать. Бѣлья-то у него нѣтъ ничего, Иванъ Потапычъ... Ужъ такой несчастный! Пойдемъ, Наденька, поищемъ у Степочки...

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Вотъ начнется это... то одно, то другое...

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Ну, ничего, Наденька...

(Уходятъ)

СТЕПАНЪ. Представьте, дядя, у него не осталось ни копейки денегъ!

ВЫЧКОВЪ. Ну!.. Впрочемъ, я въ этомъ былъ увѣренъ. Что же онъ намѣренъ дѣлать?

СТЕПАНЪ. Да говоритъ... Мнѣ даже стыдно и говорить... Предполагаетъ заниматься у насъ на заводѣ.

ВЫЧКОВЪ (подумавъ). Это неудобно... Принимая во вниманіе его прошлое, это прямо неудобно. Ты сказалъ ему?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, я ничего не говорилъ, но я думалъ, что это тоже неудобно.

ВЫЧКОВЪ. Понятно.

СТЕПАНЪ. Что же съ нимъ дѣлать-то? Это ужасно, я ума не приложу.

ВЫЧКОВЪ. Надо подумать... Можетъ быть, ему лучше на какое-нибудь частное мѣсто поступить? Но я рѣшительно отказываюсь хлопотать за него. Спросятъ: а чѣмъ раньше занимался вашъ племянникъ? Ничѣмъ, журавлей въ небѣ ловилъ. Некрасивое положеніе... Потомъ...

СТЕПАНЪ. Я понимаю это, дядя.

ВЫЧКОВЪ. Я не вѣрю ему. Онъ ничего не можетъ дѣлать, кромѣ какъ разглагольствовать о томъ, до чего ему никакого дѣла нѣтъ.

СТЕПАНЪ. Теперь онъ все молчитъ; кажется, все выбросилъ изъ головы.

ВЫЧКОВЪ. Уходили сивку крутыя горки... (Входятъ Анна Никифоровна и Надежда Михайловна)

АННА НИКИФОРОВНА. Не хочетъ перемѣнять бѣлье-то, не беретъ. Господи, несчастный-то какой онъ! Иванъ Потапычъ, что съ нимъ дѣлать-то?

ВЫЧКОВЪ. Я не знаю... Вотъ не было печали...

(Садятся пить чай. Надежда Михайловна записываетъ расходъ въ маленькой книжкѣ, которую она вынула изъ кармана)

Digitized by Google

СТЕПАНЪ (обращаясь къ Аннѣ Никифоровнѣ). Что онъ тамъ дѣлаетъ?

АННА НИКИФОРОВНА. Сидитъ на окнѣ, въ садъ смотритъ. Сказалъ, что придетъ сейчасъ чай пить.

БЫЧКОВЪ. Пойду къ нему... (Идетъ и останавливается) Даже видѣть тяжело. (Садится)

АННА НИКИФОРОВНА (разливая чай). Чай и креста-то на немъ нѣтъ?.. (Пауза)

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Степа, ты вчера сколько извозчику отдалъ, пятиалтынный или двугривенный?

СТЕПАНЪ. Пятиалтынный. (Надежда Михайловна записываетъ)

БЫЧКОВЪ. Сколько въ нынѣшній мѣсяцъ прожили?

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Только триста.

БЫЧКОВЪ. Важно! Вотъ это дѣло... Сто рублей на приходъ въ сапожкахъ идутъ.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Да ужъ я стараюсь,—все до копеечки пишу.

БЫЧКОВЪ. Важно.

СТЕПАНЪ. Дядя, а если сказать Константину Константиновичу, не возьметъ ли онъ его въ казначейство?

БЫЧКОВЪ. Я говорить не буду... Неловко, мнѣ стыдно... Его, я увѣренъ, нигдѣ не возьмутъ. Что посѣешь, то и пожнешь.

СТЕПАНЪ. Но, дядя, какъ же такъ, надо же какъ-нибудь его устроить... Не чужой вѣдь онъ... У насъ на заводѣ что-ли?

(Входитъ Максимъ и останавливается у двери. Его никто не видитъ)

БЫЧКОВЪ. Да что дѣлать ему у насъ? Отказывать что ли людямъ изъ-за него? Это можно, только ничего изъ этого не будетъ толку: черезъ полгода онъ броситъ все и удеретъ опять журавлей въ небѣ ловить. Да какъ отказывать? Кому? Петровъ двадцать лѣтъ служитъ; Герасимовъ пятнадцать...

Digitized by Google

МАКСИМЪ. Не безпокойся, дядя...

(Общее смущеніе. Бычковъ всталъ и не знаетъ, что ему дѣлать: подойти ли къ Максиму, или ждать, пока онъ подойдетъ)

БЫЧКОВЪ. Я здѣсь говорю... Здравствуй... Съ пріѣздомъ...

(Подходитъ къ Максиму, и они холодно цѣлуются одинъ разъ; хотѣли было поцѣловаться еще разъ, но это не вышло: они отвернулись другъ отъ друга и разошлись. Пауза)

АННА НИКИФОРОВНА. Садись, Максимушка... Кушай пирожки. (Максимъ садится. Пауза)

БЫЧКОВЪ. Ну, какъ ты? Что?

МАКСИМЪ. Ничего... (Ѣстъ пирожки и пьетъ чай)

БЫЧКОВЪ. Это ты хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда.

СТЕПАНЪ. Понятно. (Пауза)

БЫЧКОВЪ. Разскажи что-нибудь... Ты такъ много видѣлъ; говорятъ, за границей былъ...

МАКСИМЪ. Видѣлъ много, очень много, можно было бы и меньше.

АННА НИКИФОРОВНА (подвигая къ Максиму тарелку съ пирожками). Ты съ мясомъ-то, Максимушка... Кругленькіе-то съ мясомъ, а такіе-то съ капустой... Ты тѣхъ и другихъ...

БЫЧКОВЪ. Гдѣ же ты былъ за границей? Что дѣлалъ?

МАКСИМЪ. Эти вопросы: что дѣлалъ? что дѣлалъ?— всюду преслѣдуютъ меня, какъ фуріи.

БЫЧКОВЪ. Интересно знать.

МАКСИМЪ. Интересно? Любопытно? Любопытно... интересно... (Пауза)

БЫЧКОВЪ. Ты на какомъ пароходѣ пріѣхалъ?

МАКСИМЪ. Купеческомъ.

СТЕПАНЪ. А какъ названіе?

Digitized by Google

МАКСИМЪ. Батракъ.

(Пауза)

ВЫЧКОВЪ. Да... (Пауза) Ну, ничего, Максимъ,.. Жизнь еще впереди... Глупо жилъ до сихъ поръ, да что дѣлать-то? Съ кѣмъ чего не бываетъ...

СТЕПАНЪ. Вонъ Анисимовъ сынъ до чего доходилъ, прямо по кабакамъ ходилъ, а теперь какой сталъ!.. Деньги наживаетъ, женился, въ думѣ гласный.

АННА НИКИФОРОВНА. Женить его надо.

ВЫЧКОВЪ. Не мѣшаетъ. У тебя въ жизни баланса не хватаетъ.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Прежде надо зарабатывать... каждый человѣкъ долженъ зарабатывать.

МАКСИМЪ. И ходить ногами.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Не головой же? Вотъ вы ходили внизъ головой, какъ люди не ходятъ, что же вышло?

МАКСИМЪ. Дурно вышло.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Сами сознаетесь.

МАКСИМЪ. Еще бы не сознаться! Совсѣмъ пропалъ... Ни къ чорту, какъ говорится... (Улыбается)

ВЫЧКОВЪ. Кто же тебѣ это говоритъ? Ты человѣкъ способный... (Максимъ встаетъ)

МАКСИМЪ. Пойду въ садъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Что же такъ мало покушалъ? Успѣешь садъ-то посмотрѣть...

МАКСИМЪ. Не хочется. (Сходитъ съ лѣстницы)

СТЕПАНЪ. Кажется, онъ обидѣлся?

ВЫЧКОВЪ. На что? Развѣ я неправду говорилъ?

СТЕПАНЪ. Такъ-то такъ, но...

АННА НИКИФОРОВНА. Вы ужъ его не очень, пожалѣйте...

ВЫЧКОВЪ. Я всей душой готовъ, но чего сдѣлать-то, не знаю... Вотъ обуза-то! Обидно за него: тридцатилѣтній мужикъ, и чуть ли не въ опоркахъ...

Digitized by Google

СТЕПАНЪ. И какъ ему хочется...

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. А по-моему, изъ него ничего не можетъ выйти. — Разъ деньги свои прожилъ, такъ ужъ тутъ чего говорить...

АННА НИКИФОРОВНА. Да что же ему, Наденька, умирать теперь, значитъ, надо?

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Я этого не говорю.

ВЫЧКОВЪ (посмотрѣвъ на часы). Мнѣ въ городъ пора. (Обращаясь къ Степану) Ты не поѣдешь?

СТЕПАНЪ. Я и не знаю какъ... Надо бы кое-что пупенку купить... Какъ бы Максимъ не обидѣлся?

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Не сидѣть же изъ-за него все дома.

СТЕПАНЪ (прислушиваясь). Постой!.. кажется, пупенокъ плачетъ? (Всѣ прислушиваются)

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ, это тебѣ показалось.

СТЕПАНЪ (идя въ домъ). Лучше посмотрѣть... (Обращаясь къ Бычкову) Я поѣду съ вами...

ВЫЧКОВЪ. Хорошо. Повѣрь мнѣ, если меньше на него обращать вниманія, онъ себя лучше будетъ чувствовать.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Разумѣется... Кажется, и въ самомъ дѣлѣ плачетъ... (Уходитъ за Степаномъ въ домъ)

АННА НИКИФОРОВНА. Что-то онъ будетъ дѣлать?

ВЫЧКОВЪ. Поживетъ, да уѣдетъ... Можно денегъ дать на дорогу. У этихъ людей какой-то зудъ, — они долго на одномъ мѣстѣ не могутъ сидѣть.

АННА НИКИФОРОВНА. Да какой же онъ? Такой, какъ всѣ.

ВЫЧКОВЪ. Вотъ то-то и есть, что не такой.

АННА НИКИФОРОВНА. Ничего кажется... Женить бы его.

ВЫЧКОВЪ. Да какая пойдетъ? Что вы, смѣетесь, что-ли? Скажите Степану, чтобъ поскорѣе онъ тамъ... (Уходитъ съ лѣстницы. Изъ дому выходитъ Агаша)

АГАША. Убирать, что-ли?

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Нѣтъ, погоди, можетъ-быть Максимушка еще поѣстъ. Покричать его... (Кричитъ въ садъ) Максимушка! А?.. Максимушка! Голосу-то у меня нѣтъ, покричи ты.

АГАША (громко и звонко). Максимъ Николаевичъ! (Изъ дому выбѣгаетъ Степанъ въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ)

СТЕПАНЪ. Что ты, съ ума сошла? Пупенокъ спитъ.. Разбудишь... Дура! (Сходитъ съ лѣстницы)

АННА НИКИФОРОВНА. Безъ нихъ онъ лучше поѣстъ... Чай, скоро самъ придетъ, или лучше ступай поищи его въ саду.

АГАША. А они откуда сейчасъ пріѣхали?

АННА НИКИФОРОВНА. Будетъ говорить-то... Ступай, поищи.

АГАША. А правду говорятъ, что онъ всѣ деньги прожилъ?

АННА НИКИФИРОВНА. Будетъ! Люди болтаютъ, и ты тоже... Не смѣй у меня. Ступай.

(Агаша уходитъ въ садъ. Анна Никифоровна, оставшись одна, начинаетъ мыть посуду. Сердце ея переполнено горемъ, руки трясутся. Неожиданно выпадаетъ изъ рукъ чашка и разбивается; она какъ-будто бы не замѣчаетъ этого, наклоняется на столъ и тихо рыдаетъ. Пауза. Изъ дому доносится голосъ Лидіи: „Гдѣ онъ? Покажите мнѣ его!“ Черезъ нѣсколько времени входятъ Лидія и Маша. Лидія—красивая блондинка, лѣтъ 22-хъ. Напоминаетъ актрису: слѣдитъ за своими движеніями, словами, и, кажется, постоянно смотрится въ зеркало и любуется собой. Такъ и говоритъ ея фигура: вотъ какая я. На ней костюмъ амазонки)

МАША. А гдѣ Максимъ?

АННА НИКИФОРОВНА. Въ саду... Сейчасъ придетъ, Агаша за нимъ пошла.

ЛИДІЯ. Здравствуйте, Анна Никифоровна! Славная,

Digitized by Google

хорошая. (Цѣлуетъ ее) Милая. (Еще разъ цѣлуетъ) Я такъ васъ люблю...

АННА НИКИФОРОВНА. Максимушка къ намъ пріѣхалъ.

ЛИДІЯ. И его буду цѣловать, какъ васъ... Онъ тоже хорошій... Мнѣ всѣхъ хочется цѣловать... Я счастлива... Душечка, Анна Никифоровна, вѣдь скоро моя свадьба... (Цѣлуетъ ее) Посмотрите, какую мнѣ лошадь женихъ подарилъ... Я теперь каждый день буду кататься и къ вамъ заѣзжать... (Обращаясь къ Машѣ) Что, Надя встала?

МАША. Да.

ЛИДІЯ. Мнѣ необходимо съ ней посовѣтоваться... Она такая умная... Какъ чудно, Маша, въ монастырской рощѣ.

АННА НИКИФОРОВНА. Тамъ хорошо... А у насъ Максимушка-то не очень... Пріѣхалъ не то больной, не то... Богъ знаетъ, что съ нимъ.

ЛИДІЯ. Гдѣ же онъ? (Кричитъ въ садъ) Максимъ Николаевичъ! Гдѣ вы тамъ?

АННА НИКИФОРОВНА. Викторочка у насъ спитъ... (Входитъ Агаша)

АГАША. На берегъ ходила... Сейчасъ идутъ... Здравствуйте, Лидія Петровна.

ЛИДІЯ. Здравствуй, Агаша.

(Агаша уходитъ въ домъ)

АННА НИКИФОРОВНА. Вы съ нимъ поговорите... Спросите... его, что ему нужно, чего онъ хочетъ? Намъ-то онъ ничего не говоритъ... Кажется, идетъ...

(Входитъ Максимъ и какъ бы ошеломляется, увидѣвъ Лидію. Небольшая пауза У Лидіи сразу пропадаетъ жизнерадостное настроеніе, и ей дѣлается почему-то и стыдно, и неловко)

МАКСИМЪ (подавая руку Лидіи). Вотъ вы какая стали... Не узнаешь.

Digitized by Google

ЛИДІЯ. Васъ тоже не узнаешь... Зачѣмъ вы такую безобразную бороду отпустили? Раньше было лучше.

(Оба чувствуютъ, что между ними нѣтъ и не можетъ быть прежнихъ отношеній)

МАКСИМЪ. Н-да...

ЛИДІЯ. Что да?

МАКСИМЪ. Это не то...

ЛИДІЯ. А вы что бы хотѣли? Стриженые волосы, очки на носу?

МАКСИМЪ. Это слишкомъ... Отъ васъ страшно пахнетъ духами.

ЛИДІЯ. А вы хотѣли бы, чтобы пахнуло коровникомъ? Полноте, Максимъ, я все та же... Мнѣ нужно о многомъ съ вами поговорить... Я ждала васъ... Пойдемте въ садъ. Анна Никифоровна, я утащу сына отъ васъ... Вы успѣете еще налюбоваться... Ну, давайте руку!

МАКСИМЪ. Нѣтъ, ужъ лучше безъ руки, я боюсь дотронуться до васъ, до такой роскошной, пышной.

ЛИДІЯ. Ну, идемте, мрачный человѣкъ... (Сходятъ съ лѣстницы въ садъ)

АННА НИКИФОРОВНА. Лучше бы не пріѣзжала. Зачѣмъ она.

МАША. Къ Надѣ... Она ужъ во второй разъ сегодня здѣсь... Надя спала.

АННА НИКИФОРОВНА (смотря въ садъ на удаляющихся Максима и Лидію). И чего смѣется? Развѣ можно съ нимъ смѣяться? У него душа плачетъ.

(Пауза. Маша тоже подошла къ Аннѣ Никифоровнѣ и смотритъ въ садъ)

МАША. Мамаша, кто онъ?

АННА НИКИФОРОВНА. Кто?

МАША. Максимъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Кушай, вонъ, пирожки.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Та же терраса. Лунная ночь. На столѣ горятъ садовые подсвѣчники. Въ домѣ играетъ и поетъ Лидія. Агаша убираетъ со стола послѣ ужина. Маша сидитъ на перилахъ лѣстницы и гадаетъ на пальцахъ.

АГАША. О чемъ вы это, барышня, гадаете?

МАША. Сказать или не сказать? (Продолжая гадать) Сказать.

АГАША. А давеча, Манечка, какъ они записку-то давали, рубль дали мнѣ.

МАША. А ты что сказала, когда онъ далъ записку?

АГАША. Да вѣдь я вамъ говорила.

МАША. Скажи еще разъ!

АГАША. Сказала, что вы не будете нынче у Карповыхъ,—къ вамъ братъ пріѣхалъ.

МАША. А онъ?

АГАША. Они ничего...

МАША (огорченная). Ничего...

АГАША. Нѣтъ такъ, какъ будто бы печальные сдѣлались. Поклонъ, говорятъ, ей передай.

МАША. А ты что же передала? Свинушка.

АГАША. Забыла. (Пауза) А они, Манечка, когда кончатъ курсъ, кто же такіе будутъ?

МАША. Докторъ. Ему два года осталось учиться.

АГАША. Я къ вамъ въ няньки пойду.

МАША (смѣясь). А я не возьму.

АГАША. Возьмете.

(Беретъ скатерть и оставшуюся посуду и уходитъ въ домъ. Маша подходитъ къ открытой рамѣ, срываетъ съ дерева листъ, жуетъ его и прислушивается къ тишинѣ сада. Входитъ Анна Никифоровна)

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Машенька, я тебя ищу. Хоть ты ей сказала бы... Наденька обижается... Обѣдала, ужинала и все сидитъ, поетъ... Викторочка вѣдь спитъ.

МАША. Какъ же я скажу, мамаша, неловко. Да Максимъ обидится.

АННА НИКИФОРОВНА. Ну, что ему обижаться-то? Вижу, что смѣется она надъ нимъ... Не пара они,—о чемъ тутъ толковать-то имъ?

МАША. Вы не знаете, есть имъ о чемъ говорить или нѣтъ?

АННА НИКИФОРОВНА. Ужъ какъ не знать! Сама-то что не спишь?

МАША. Не хочу.

АННА НИКИФОРОВНА. Замужъ тебѣ надо.

(Выходятъ изъ дому Степанъ и Бычковъ)

СТЕПАНЪ. Такъ, значитъ, дядя, я могу сказать ему...

БЫЧКОВЪ. Погоди до завтра, еще подумаемъ. Другого дѣла я ему не могу поручить.

СТЕПАНЪ. Боюсь, чтобъ не обидѣлся... Человѣкъ въ университетѣ былъ, и вдругъ пріемщикъ!..

БЫЧКОВЪ. Повѣрь, что онъ и этого не сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ. Каждое дѣло требуетъ навыка... А самое лучшее — пожилъ бы здѣсь мѣсяцъ, два, ну цѣлое лѣто, и уѣхалъ бы куда-нибудь. Зачѣмъ непремѣнно служить здѣсь? Не понимаю. Можно было бы дать немного денегъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Да что вы, Иванъ Потапычъ, куда ему дѣться? Гдѣ же, какъ не дома, ему жить?

БЫЧКОВЪ. Я увѣренъ, что долго онъ здѣсь не усидитъ самъ... Вотъ мы заботимся о немъ, толкуемъ, а онъ изволитъ слушать пѣніе.

СТЕПАНЪ. Удивляюсь его беззаботности!..

(Маша сходитъ съ лѣстницы)

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Машенька, куда ты?

МАША. Въ садъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Иди спи! На ночь глядя, гулять вздумала.

МАША. Я только до пруда пройду. (Уходитъ).

БЫЧКОВЪ. А лучше, пока ничего не говори, Степанъ. Посмотримъ, что будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, пускай самъ начнетъ говорить, ему вѣдь надо работы, а не намъ. Я думаю, языкъ у него есть, не отвалится сказать.

АННА НИКИФОРОВНА. Я поговорю ему, чтобъ онъ васъ, какъ слѣдуетъ, попросилъ, поучтивѣе...

БЫЧКОВЪ. Ну, это тамъ, какъ хотите... Вообще, я чувствую, что съ этой исторіей придется долго возиться. Не одно, такъ другое... Не было печали... Спокойной ночи.

(Уходитъ въ нижнюю террасу)

СТЕПАНЪ. Ахъ, какъ это непріятно. Въ кабинетѣ Надя хотѣла сдѣлать дѣтскую пупенку,—теперь нельзя.

АННА НИКИФОРОВНА. Что же? Максимушка можетъ перейти во флигель; пустой стоитъ...

СТЕПАНЪ. Не всегда же онъ будетъ пустой. (Входитъ Надежда Михайловна)

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА (обращаясь къ Степану). Это нельзя... Ступай, скажи ей, чтобы она прекратила свое завываніе...

СТЕПАНЪ. Надя, неловко...

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Очень ловко! Съ людьми, которые не понимаютъ приличія, иначе нельзя... Ступай!

СТЕПАНЪ. Я право...

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Иди!

(Дергаетъ его за рукавъ. Степанъ уходитъ въ домъ, за нимъ Надежда Михайловна и Анна Никифоровна. Сцена нѣкоторое время пуста. Входятъ Максимъ и Лидія)

Digitized by Google

ЛИДІЯ. Кажется, мнѣ пора бы домой... Меня выпроваживаютъ... Я вообще замѣчаю, что я скоро надоѣдаю людямъ. Это нехорошо. Папа говоритъ, что я терпима въ маленькой дозѣ. Но мнѣ все-таки не хочется ѣхать... Мы съ вами еще посидимъ на террасѣ... Здѣсь, вѣроятно, можно,—пупенокъ не услышитъ. (Садится и смотритъ въ садъ. Пауза) Говорите что-нибудь.

МАКСИМЪ. Что говорить? Все ясно безъ словъ... Мы друзья...

ЛИДІЯ. Друзья...

МАКСИМЪ. Это жалко... Я думалъ...

ЛИДІЯ. Постойте... Что это? Коростель кричитъ? (Прислушивается) Какой глупый,—и что кричитъ?.. Говорите. (Максимъ ходитъ по террасѣ. Пауза) Все было бы иначе, если бы вы были посмирнѣе, не парусничали, какъ говоритъ Анна Никифоровна. Счастье ближе... Еще грибоѣдовская Софья сказала: „зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?“

МАКСИМЪ (отвѣчая на свои мысли). Это невозможно...

ЛИДІЯ. Что?

МАКСИМЪ. Я представляю васъ женой конторщика, приказчика и... Дикая картина.

ЛИДІЯ. Я даже не представляю себя въ этой роли.

МАКСИМЪ. Не представляете... Послушайте, Лидія, можно мнѣ говорить прямо, просто, искренно... Я долго молчалъ, мнѣ кажется, что я промолчалъ всю жизнь...

ЛИДІЯ. Говорите... Интересно...

МАКСИМЪ (подумавъ). Куда ни шло! Попытаю въ послѣдній разъ свое счастье... Не скрою отъ васъ, это желаніе говорить связано съ надеждой: не окажетесь ли вы для меня той соломенкой, за которую я, какъ утопающій, могъ бы схватиться...

ЛИДІЯ. Я начинаю бояться.

МАКСИМЪ. Мнѣ тяжело жить... Я несчастенъ... Но

Digitized by Google

это еще не значитъ, что я погибъ совершенно. Я еще здоровъ, молодъ, не утратилъ желанія жить, быть дѣятельнымъ, энергичнымъ, а главное—не утратилъ вѣру въ жизнь вообще. Но вотъ въ чемъ мое несчастье: мое прошлое лежитъ на моей спинѣ тяжелымъ камнемъ и давитъ меня, еще здороваго, крѣпкаго, полнаго жизни... Я прилагалъ и прилагаю всевозможныя старанія сбросить этотъ камень, но онъ такъ тяжелъ, что у меня не хватаетъ силы сдѣлать это безъ посторонней помощи... Вотъ за ней-то я къ вамъ и обращаюсь.

лидія. О, мой другъ, всегда, всей душой.

максимъ. Я не стану говорить о всемъ пережитомъ въ послѣдніе годы и скажу только, что эти годы были безплоднымъ временемъ. Какъ это случилось,—разбирать долго, да сколько бы я не копошился въ своемъ прошломъ—настоящее остается настоящимъ. Чувствуя, какъ тонка моя ниточка, на которой я вишу, я жадно ищу средствъ и возможности сплести ее съ другой, крѣпкой нитью; бросаюсь въ практическія дѣла, подаю заявленія въ разныя правленія о принятіи меня на службу; но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ. Я скитаюсь по Россіи въ самомъ удрученномъ настроеніи, не зная, гдѣ остановиться, гдѣ приклонить свою голову... Живу... Если бы вы знали, какъ я живу!..

лидія. Это ужасно.

максимъ. Мнѣ невыносимо скучно жить и страстно хочется жить; хочется свободно наслаждаться благами жизни, искусствомъ, природой, общественной дѣятельностью, и, наконецъ, спокойнымъ созерцаніемъ всей жизни, во всей ея сложной совокупности. Да, я не скрываю, мнѣ хочется всего этого, только въ такой жизни я вижу смыслъ. Между тѣмъ, что мнѣ предстоитъ? Неинтересное, пошлое существованіе человѣка, жизнь котораго сведена на добываніе себѣ пропитанія. Вѣдь

Digitized by Google

это все равно, что не жить, не чувствовать, что живешь.

ЛИДІЯ (тронутая словами Максима). Но что же я могу сдѣлать? Что, дорогой, скажите?

МАКСИМЪ. Спасите меня... Вы богаты. Будьте моей женой.

ЛИДІЯ (растерявшись). Что?!

МАКСИМЪ. Ради Бога не подумайте, что я аферистъ! Для афериста женитьба на богатой — выгодное предпріятіе, для меня — спасеніе во мнѣ человѣка, всего лучшаго, что живетъ въ моей душѣ, и безъ чего я не понимаю жизни и не могу жить... (Лидія хочетъ что-то сказать, но не можетъ и продолжаетъ, совершенно растерявшись, слушать его) Аферистъ еще на школьной скамьѣ мечтаетъ о выгодной карьерѣ, о деньгахъ, я же никогда не мечталъ о нихъ, и лучшимъ доказательствомъ правды моихъ словъ служитъ вся моя жизнь и настоящій итогъ ея. Я любилъ книги; годами зачитывался ими, и по вычитаннымъ теоріямъ ломалъ свою жизнь... Я никогда и ничего не любилъ и не дѣлалъ дурного и только за то, что я не имѣлъ времени въ порывахъ увлеченія спеціализироваться, втиснуть свою жизнь въ извѣстныя рамки,—я нахожусь въ ужасномъ положеніи человѣка безъ опредѣленныхъ занятій, отъ котораго всѣ отвертываются,—почти презираютъ... Спасите меня.

ЛИДІЯ. Я не знаю, что вамъ сказать... Зачѣмъ вы это сказали мнѣ? Вѣдь вы знали,—я вамъ говорила,— что я выхожу замужъ.

МАКСИМЪ. Утопающій хватается за соломенку...

ЛИДІЯ. Зачѣмъ вы уѣхали? Зачѣмъ не писали? Теперь поздно... сами виноваты.

МАКСИМЪ. Лидія, я говорилъ съ женщиной такъ искренно и просто въ первый разъ въ жизни,—игривыя, банальныя фразы здѣсь не у мѣста.

ЛИДІЯ. Я не знаю, повѣрьте мнѣ, я не знаю, что

Digitized by Google

вамъ сказать... Мнѣ васъ жалко.. Будь у меня деньги, я дала бы вамъ, но онѣ у отца.

МАКСИМЪ. И только.

ЛИДІЯ. Не то... Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣла сказать... Простите.. Я не могу... Мнѣ, кажется, нехорошо... Я уѣду сейчасъ и подумаю, подумаю надъ всѣмъ, что вы мнѣ сказали... Принесите изъ комнаты мою шляпку и хлыстъ...

(Максимъ уходитъ въ домъ и скоро возвращается съ хлыстомъ и шляпкой)

МАКСИМЪ. Вотъ...

(Лидія поспѣшно надѣваетъ шляпку и хочетъ итти. Максимъ схватываетъ ее за руки)

МАКСИМЪ. Скажите мнѣ, если бы я былъ богатъ, былъ бы не тѣмъ, что я есть, а, ну, хоть вашимъ инженеромъ, вы ушли бы отъ меня такъ?

ЛИДІЯ. Пустите!

МАКСИМЪ. Скажите правду!

ЛИДІЯ. Пустите. (Вырываетъ руку и спускается съ лѣстницы)

МАКСИМЪ. Погодите... Я еще много, много долженъ сказать вамъ...

(Убѣгаетъ за ней. Пауза. Съ нижней террасы доносится истерическое рыданіе Лидіи. Изъ дома выбѣгаютъ Степанъ, Надежда Михайловна и Агаша)

СТЕПАНЪ. Что такое тамъ? Надя, идемъ...

АГАША. Это барышня, Лидія Петровна.

(Всѣ спускаются съ лѣстницы. Навстрѣчу имъ поднимается испуганная Маша; бѣжитъ въ домъ за водой и скоро возвращается. Анна Никифоровна выходитъ за ней)

АННА НИКИФОРОВНА. Говорила я, что не мѣсто ей здѣсь... И чего ей надо?

МАША. Потомъ, мамаша, потомъ...

(Сбѣгаетъ съ лѣстницы. Анна Никифоровна подходитъ къ периламъ и слушаетъ, что дѣлается на нижней террасѣ. Лидія перестаетъ рыдать. Входитъ Бычковъ)

Digitized by Google

Бычковъ. Это, чортъ знаетъ, что такое! Безобразіе... На дѣло насъ нѣтъ, а на такія штуки къ вашимъ услугамъ.

Анна Никифоровна. Да что такое съ ней сдѣлалось? Отчего она?

Бычковъ (ходя въ волненіи по террасѣ). И не то будетъ... Хорошо, если она отцу не доложитъ... У меня съ нимъ дѣло, приходится брать иногда денегъ... Хорошъ гусь... Пріѣхалъ!

Анна Никифоровна. Да она, чай, такъ... взбалмошная вѣдь она... Сидѣла, сидѣла, да досидѣлась.

Бычковъ. Некрасиво... Можетъ быть, съ ихъ точки зрѣнія и полагается, а по нашему некрасиво...(Входитъ Степанъ)

Анна Никифоровна. Отчего съ ней, Степочка?

Степанъ. Не знаю, мамаша, не знаю, ничего не добился...

Бычковъ. Да нечего и добиваться-то... Я сидѣлъ на террасѣ. Сбѣжала она, за ней онъ, — схватилъ ее за руки и понесъ какой-то вздоръ... Она въ истерику...

Степанъ. Какъ это онъ!

Анна Никифоровна. Ишь, невидаль какая! Что ужъ больно... Сама цѣлый день юлила, юлила передъ нимъ, да въ истерику! Не сахарная...

Бычковъ. А главное — по какому праву? Штановъ у насъ нѣтъ необорванныхъ, а туда же... За ней вѣдь полтораста тысячъ!..

Степанъ. Нѣтъ, дядя, у нихъ и въ тотъ пріѣздъ его что-то такое было. Я не знаю что, а что-то было...

Бычковъ. Ну, тогда онъ имѣлъ образъ человѣческій, да деньги у самого были...

Степанъ. Испортилъ себѣ всю жизнь...

(Входитъ Надежда Михайловна)

Надежда Михайловна. Уѣхала... Лошадь пять часовъ ждала... Изъ дому три раза посылали... (Обращаясь къ Степану) Ну, не по-моему-ли выходитъ? Говорила я...

Digitized by Google

СТЕПАНЪ. Какая ты странная... Не гнать же его? Право, какая ты...

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Тамъ какъ хочешь, только во флигелѣ ему будетъ лучше... Посмотри ступай,—онъ вездѣ натыкалъ окурковъ въ цвѣты, въ вазочки...

СТЕПАНЪ. Ну?!

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА. Вездѣ окурки... (Зѣваетъ) Спокойной ночи, мамаша. (Цѣлуетъ у Анны Никифоровны руку) Прощайте, Иванъ Потапычъ. (Уходитъ)

АННА НИКИФОРОВНА. Гдѣ они еще? Запирать террасу-то надо.

ВЫЧКОВЪ. Мнѣ и смотрѣть-то ему въ глаза стыдно... Пойду къ себѣ.

(Спускается съ лѣстницы)

СТЕПАНЪ. Прощайте, мамаша.

АННА НИКИФОРОВНА. Степочка, у тебя тамъ въ столѣ крестикъ старый валялся, дай его Максимушкѣ. Умывался онъ, я и замѣтила, что на немъ креста-то нѣтъ. Какъ безъ креста можно!.. — Дай, тебѣ не надо, а у меня цѣпочка есть бабушкина, — надѣну ему... На цѣпочкѣ-то не потеряетъ...

СТЕПАНЪ. Обязательно, мамаша, надо. Возьмите.

(Уходитъ; за нимъ Анна Никифоровна. Сцена нѣкоторое время пуста, и потомъ входятъ по лѣстницѣ Максимъ и Маша. Максимъ садится.

МАКСИМЪ. Маша, иди спи. Уже поздно...

МАША. А ты что? Усталъ съ дороги.

МАКСИМЪ. Я не хочу еще. Иди.

МАША. Мнѣ тоже не хочется спать...

(Пауза. Максимъ, смотря на Волгу, замѣчаетъ на другомъ берегу яркопылающій костеръ)

МАКСИМЪ. Что это за огонь?

МАША. Рыбаки.

Digitized by Google

МАКСИМЪ. Старый Ефремъ... Все онъ еще держитъ ватагу.

МАША. Да. У него въ прошломъ году умеръ внукъ. Помнишь, мальчикъ былъ—Вася.

МАКСИМЪ. Помню... Хорошо здѣсь... Но все это не для нашего брата.

МАША. Что ты говоришь?

МАКСИМЪ. Устрой свою жизнь такъ, чтобъ никогда не покидать родныхъ береговъ. Тамъ, за этими горами, ничего нѣтъ. Если тебя дразнитъ даль, манитъ, не вѣрь ей.

МАША. Нехорошо тебѣ было, Максимъ, тамъ...

МАКСИМЪ. Хвалиться нельзя.

МАША. Скажи мнѣ, что ты дѣлалъ?

МАКСИМЪ. Поговоримъ послѣ. Ступай спи.

МАША. Мнѣ не хочется. (Пауза) Я хотѣла спросить тебя, Максимъ: можно довѣрять людямъ... (Опустивъ голову) Мужчинамъ.

МАКСИМЪ. Есть разные люди... Впрочемъ, лучше вѣрь всѣмъ... Придетъ время, и не будешь вѣрить.

МАША. Я тебѣ мѣшаю? Ты не хочешь разговаривать.

(Максимъ чувствуетъ, что между нимъ и сестрой могла бы возстановиться дружба, что она хочетъ и нуждается въ этомъ, но сознаніе, что онъ здѣсь лишній, охлаждаетъ въ немъ возрождающееся дружелюбное чувство)

МАКСИМЪ. Я тебѣ мало могу сказать... Прежде я что-то зналъ, зналъ, что дурно, что хорошо, что нужно и что не нужно, а теперь все это смѣшалось, строчки слились, и стоитъ надъ ними только одинъ огромный вопросительный знакъ... Ты понимаешь меня.

МАША. Не совсѣмъ, Максимъ. Я только чувствую, что ты очень несчастный человѣкъ, и не знаю, что мнѣ дѣлать.

МАКСИМЪ. Ничего не дѣлай... Ступай и спи. (Пауза)

Digitized by Google

МАША. Я гадала на пальцахъ: сказать тебѣ или не сказать? Вышло сказать...

МАКСИМЪ. Скажи...

МАША. Не до меня тебѣ... Зачѣмъ она такъ поступила съ тобой? Она тебя не любитъ, а такъ только говоритъ, и всѣ здѣсь не рады, что ты пріѣхалъ.

МАКСИМЪ. Это я вижу. Глупо было пріѣзжать сюда, глупо было надѣяться встрѣтить что-либо другое. (Входитъ Анна Никифоровна)

АННА НИКИФОРОВНА. Что спать-то нейдешь? Максимушка, ложился бы, усталъ вѣдь съ дороги... (Обращаясь къ Машѣ) А ты что не спишь? Иди!.. И что это, Машенька?..

МАША. Иду.

(Уходитъ полная задумчивости, многозначительно взглядываетъ на Максима, какъ бы ожидая, что онъ остановитъ ее)

АННА НИКИФОРОВНА (робко). Максимушка, на тебѣ креста-то нѣтъ.—Умывался ты—видѣла я, что нѣтъ.—Нельзя жить безъ креста. На вотъ, надѣнь. Степочка крестъ далъ, а я нашла бабушкину цѣпочку... Шнурочки-то часто рвутся.

МАКСИМЪ. Давайте. (Надѣваетъ крестъ)

АННА НИКИФОРОВНА. Да вотъ еще хотѣла съ тобой что поговорить... Бычковъ-то строптивый, любитъ уваженіе, ты съ нимъ поласковѣе, попочтительнѣе—все и устроится... и работу дадутъ... Что по свѣту-то мыкаться?.. Будетъ, чай, напарусничался...

МАКСИМЪ. Усталъ я.

АННА НИКИФОРОВНА. Какъ не устать-то? Сколько лѣтъ покоя не зналъ... Духъ-то у тебя мятежный.

МАКСИМЪ. А что, если бы умеръ я, мамаша? Вы поплакали бы, а другіе, пожалуй, и плакать не стали бы...

АННА НИКИФОРОВНА. Что ты? Жить надо.

МАКСИМЪ. Зачѣмъ?

Digitized by Google

АННА НИКИФОРОВНА. Богу такъ угодно.

МАКСИМЪ. Жить-то мнѣ хочется... Люблю я жизнь,— вотъ бѣда—жить-то не даютъ, каждый къ землѣ давитъ. Ты, говорятъ, въ дѣтствѣ носъ ушибъ, такъ пресмыкайся... Нѣтъ тебѣ ни порядочной женщины на землѣ, ни сноснаго существованія... Будь рабомъ, служи намъ... Ты дуракъ, а мы умные.

АННА НИКИФОРОВНА. А ты ужъ не разстраивай меня, Максимъ,—мнѣ и такъ не по себѣ.

МАКСИМЪ. Это я такъ... Не обращайте вниманія на мои слова.

АННА НИКИФОРОВНА. Здоровье-то какъ твое? Что-то ты покашливаешь?

МАКСИМЪ. Здоровье ничего...

АННА НИКИФОРОВНА. А зимой-то ты въ чемъ ходишь? Шуба-то у тебя есть ли?

МАКСИМЪ. Есть.

АННА НИКИФОРОВНА. Чай, въ церкви-то ты не бываешь?

МАКСИМЪ. Мамаша, я уѣду отъ васъ.

АННА НИКИФОРОВНА. Куда ты? Что ты дѣлаешь, сыночекъ?

МАКСИМЪ. Нехорошо мнѣ здѣсь... Чувствую, что не переварю я этой жизни. На каждомъ шагу мнѣ будутъ давать знать, что ты прихлебатель, лишній...

АННА НИКИФОРОВНА. Не пущу я тебя! Не пущу... (Плачетъ и обнимаетъ Максима) Куда ты поѣдешь? У тебя вѣдь ни копеечки...

МАКСИМЪ. Полноте... Никуда я не поѣду...

АННА НИКИФОРОВНА. Вижу, вижу, что затѣваешь ты недоброе... Пускай Степочка поговоритъ съ тобой... Пошлю его, чай, не спитъ еще.

МАКСИМЪ. Не надо.

АННА НИКИФОРОВНА. И слышать ничего не хочу, пошлю.

Digitized by Google

(Уходитъ. У Максима является желаніе уйти въ садъ, чтобъ не видаться съ братомъ, и онъ спускается съ лѣстницы, но потомъ возвращается и садится на ступеньку лѣстницы. Черезъ нѣкоторое время входитъ Степанъ. Онъ въ халатѣ, въ туфляхъ, со свѣчей въ рукѣ. Повидимости спалъ уже)

СТЕПАНЪ (не видя Максима). Максимъ!.. А, Максимъ? Въ комнатахъ должно быть...

МАКСИМЪ. Я здѣсь...

СТЕПАНЪ. Здѣсь. Ты что не спишь? (Облокачивается на перила лѣстницы) Мамаша говоритъ, что ты уѣхать хочешь?

МАКСИМЪ. Я такъ сказалъ ей.

СТЕПАНЪ. Кто же тебя обидѣлъ? Мы всѣ желаемъ тебѣ только хорошаго... Если Бычковъ что-нибудь, такъ вѣдь онъ такъ только. Онъ хочетъ все какъ бы дѣлу лучше... А тебѣ поможетъ. Въ этомъ я увѣренъ. Онъ человѣкъ хорошій... Скажи мнѣ, ты что хочешь? (Пауза. Максимъ молчитъ) Не стоитъ тебѣ ужъ больно гореватьто... Старое забудь и живи себѣ, какъ мы, тихо, спокойно... У насъ хорошо... Надя славная... Вотъ такъ поживешь годъ, два, и всѣ иначе на тебя будутъ смотрѣть... Жениться можно будетъ...

МАКСИМЪ. Знаешь что, Степанъ? Пойдемъ спать.

СТЕПАНЪ. Пойдемъ. Вотъ это лучше... Утро вечера мудренѣе. (Идутъ въ домъ) А ты подумай, что я тебѣ сказалъ... Правда такъ, Максимъ... Жизнь вѣдь гораздо проще, чѣмъ ты думаешь.

(Уходятъ. Дверь на террасу запирается. Долгая пауза. Маша осторожно отпираетъ дверь и выходитъ на террасу. Ей не спится; она взволнована впечатлѣніями дня. Въ лицѣ брата Максима жизнь встала передъ ней огромной и страшной, и она какъ будто бы растерялась передъ ней.—Смотритъ въ садъ и ей кажется, что это уже не тотъ тѣнистый, милый садъ, который она знала раньше.

Максимъ осторожно выходитъ изъ дому

Digitized by Google

и крадется къ лѣстницѣ, въ рукахъ у него чемоданъ и пальто, на головѣ--шляпа)

МАША. Максимъ... Ты?!.. Ты уходишь! (Подбѣгаетъ къ нему и крѣпко схватывается за грудь руками)

МАКСИМЪ. Говори тише. (Послѣ небольшой паузы) Ухожу, Маша.

МАША. Куда? куда?..

МАКСИМЪ. Не знаю. Поѣду до города, утромъ сяду на пароходъ.

МАША. Не пущу! Я всѣхъ разбужу.

МАКСИМЪ. Не могу я быть здѣсь... Мнѣ тяжело здѣсь... Все равно я уйду... Сегодня, завтра—это все равно...

МАША. Почему?

МАКСИМЪ. Прощай. (Цѣлуетъ ее)

МАША. Пожалѣй мамашу.

(Что-то схватило и сжало сердце Максима; лицо его исказилось. Моментъ колебанія)

МАША. Пожалѣй...

МАКСИМЪ. Я буду помнить, что у меня есть ты и она, и буду жить. Я приду къ вамъ, но не униженнымъ и оскорбленнымъ, а гордымъ и славнымъ... Оставаться же въ этомъ положеніи я не могу... Это слишкомъ тяжело... Прощай!

МАША. Максимъ...

МАКСИМЪ. Прощай... (Цѣлуетъ ее) Ты славная, хорошая...

МАША. Пиши мнѣ...

МАКСИМЪ (прислушиваясь). Постой... Кто-то идетъ... Такъ будетъ лучше. (Быстро спускается съ лѣстницы. Маша подбѣгаетъ къ открытой рамѣ и, смотря въ садъ, тихо и робко произноситъ)

МАША. Максимъ... вернись... вернись...

(Пауза. Съ вершины на вершину дерева, около самой террасы, пролетѣла сова. Маша въ испугѣ отбѣжала отъ рамы и замерла)

Digitized by Google

С. НАЙДЕНОВЪ.

НОМЕРЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ КАРТИНАХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЕДОРОВЪ, бухгалтеръ.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА, неизвѣстная.

ГРИГОРЬЕВЪ, скрипачъ.

СТЕПАНЪ, корридорный лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ столичныхъ меблированныхъ комнатахъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Номеръ тринадцатый.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

№ 13-й въ меблированныхъ комнатахъ. Небольшая грязная комната, съ закоптѣлымъ потолкомъ и отсталыми отъ стѣнъ обоями отъ сырости, перегороженная на двѣ комнаты деревянной, не доходящей до потолка перегородкой. Вторая, задняя часть комнаты, тоже раздѣлена на двѣ части такой же перегородкой—спальню и прихожую. Дверныя отверстія изъ спальни и прихожей въ переднюю часть комнаты задрапированы грязнымъ дешевымъ ситцемъ. Между ними стоитъ диванъ, два кресла и столъ, на столѣ тусклогорящая лампа, самоваръ, хлѣбъ, закуска. У раскрытаго ломбернаго стола, съ правой стороны, желѣзная печь, отопляющая лампой „молнія". На противоположной сторонѣ комодъ и зеркало Одно окно.

Сумерки. Дождливый вечеръ. Въ комнатѣ скучно и тихо. Пройдетъ ли кто по корридору, стукнетъ ли гдѣ дверь — все слышно. Въ сосѣднемъ номерѣ играетъ монотонныя ученическія упражненепія на скрипкѣ скрипачъ Григорьевъ.

Бухгалтеръ Федоровъ, полный, въ очкахъ, съ окладистой бородой и опухшій отъ вина мужчина среднихъ лѣтъ, ходитъ по номеру, садится, встаетъ, подходитъ къ окну и выбиваетъ „дробь" Его мучаетъ тоска. Полбутылки водки уже давно выпита имъ передъ чаемъ, но вино не облегчило и не опьянило его. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать: недопитый стаканъ чаю забытъ на столѣ, надоѣвшій ему старый номеръ газеты брошенъ на полъ.

Побарабанивъ по стеклу, онъ опять начинаетъ ходить и, подойдя къ полуоткрытой двери, замѣчаетъ въ корридорѣ котенка, присаживается на полъ и ласково зоветъ его.

ФЕДОРОВЪ. Кисъ, кисъ, кисъ... Чего боишься? Иди... иди, дуракъ!.. (Выходитъ въ корридоръ и возвращается съ котенкомъ въ рукахъ, садится и ласкаетъ его) Поешь?.. Пой... Тебя, можетъ быть, завтра пьяный мужикъ колесомъ

Digitized by Google

переѣдетъ... раздавитъ... Дуракъ ты, — вотъ что... Зачѣмъ живешь?.. Такъ-то, котъ... Вонъ скрипачъ за стѣной играетъ... Тоже дѣло дѣлаетъ... Да, ну все къ чорту... Думать нечего... Сколько не думай, ничего не будетъ... Хочешь колбасы? Постой, я тебѣ дамъ кусочекъ... (Достаетъ со стола кусочекъ колбасы и кормитъ котенка) Ну, ѣшь!.. Принимай подаяніе.. Котишка, ты, котишка... (Продолжаетъ ласкать его нѣжнѣе. Робко и нерѣшительно стучатъ въ дверь. Федоровъ не слышитъ. Стукъ повторяется) Войдите! (Въ номеръ никто не входитъ. Пауза. Стучатъ опять) Кто это? (Встаетъ и отворяетъ дверь)

(Въ дверяхъ появляется Екатерина Ивановна, женщина лѣтъ 26—27. У ней крупныя, строгія черты лица, большіе, холодные, съ застывшимъ выраженіемъ удивленія глаза. И вся она какая-то строгая, недоступная. Уличные ловеласы не посмѣли бы подойти къ ней на улицѣ. Красива, но отъ нея вѣетъ чѣмъ-то сухимъ, холоднымъ, что и дѣлаетъ ее несимпатичной.

Гордая нищая. Одѣта по лѣтнему: соломенная шляпа, легкая кофточка, черныя перчатки съ прорванными пальцами. Сначала Федоровъ не узнаетъ ее, и только тогда, когда она говоритъ—„здравствуйте“,—онъ вспоминаетъ, кто она, и гдѣ онъ ее видѣлъ)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (протягивая руку). Здравствуйте. Не узнали?

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ... (Вспоминая) Ахъ, да... Екатерина...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ивановна.

ФЕДОРОВЪ. Ивановна... Да, да, конка... Вспомнилъ... (Смотритъ на нее съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая, что ей нужно. Пауза) Пожалуйте... (Выбрасываетъ котенка въ корридоръ)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (робко). Я вамъ не помѣшаю?..

ФЕДОРОВЪ. Нисколько... Я очень радъ... Скучища... Сейчасъ отъ скуки съ котенкомъ разговаривалъ.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вы скажите прямо, если я... Я могу прійти въ другой разъ...

ФЕДОРОВЪ. Васъ сильно промочило дождемъ. Переждите хоть дождь...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Хорошо... Я посижу пять минутъ... Устала... Не могу подниматься высоко по лѣстницамъ...

(Садится, облокачивается на спинку дивана, закидываетъ голову и поднимаетъ глаза. Федоровъ только теперь замѣчаетъ, какъ она бѣдно одѣта, и съ удивленіемъ смотритъ на нее. Пауза)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (открывая глаза). Хорошо у васъ... Уютно... Тепло... Но все-таки надо итти...

ФЕДОРОВЪ. Я вижу, вы страшно устали, отдохните...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я зашла отдать только долгъ... (Ищетъ въ карманѣ деньги) Неужели забыла?.. Какъ это я...

ФЕДОРОВЪ. Какой долгъ?

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Восемъ копеекъ за конку... Помните, тогда вы за меня заплатили?..

ФЕДОРОВЪ. Пустяки... Стоитъ помнить...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, нѣтъ, я отдамъ... Я страшно забывчива... Мнѣ такъ неловко... Прощайте...

ФЕДОРОВЪ. Оставайтесь... Поболтаемъ... Я помню тогда мы съ вами успѣли въ часъ переговорить столько, сколько съ другимъ въ годъ не переговоришь...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Неловко... Вы, можетъ быть, подумаете... Отчего вы не зашли ко мнѣ на дачу?..

ФЕДОРОВЪ. Я заходилъ, мнѣ сказали: никакой Екатерины Ивановны нѣтъ.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я перепутала номера дачъ... Страшно сожалѣла потомъ и рѣшила сама узнать вашъ адресъ въ адресномъ столѣ.

ФЕДОРОВЪ. А гдѣ вы теперь живете?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Тамъ же... на дачѣ...

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. До сихъ поръ на дачѣ?!.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я люблю осень... первые заморозки. Буду жить, пока не выпадетъ снѣгъ... Прощайте...

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ, я васъ не пущу, что тутъ толковать, — пришли, такъ оставайтесь... Снимайте-ка кофточку... (Разстегиваетъ пуговицы ея кофточки)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я право не знаю... Мы съ вами разъ только видѣлись... Если бы не конка и восемь копѣекъ, мы не были бы знакомы...

ФЕДОРОВЪ. Это ничего не значитъ. Изъ этихъ случайныхъ уличныхъ встрѣчъ происходятъ иногда преинтересныя знакомства.

(Екатерина Ивановна хотѣла бы снять кофточку, но испугалась почему-то Григорьева, который вошелъ въ номеръ, и отошла отъ Федорова.

Григорьевъ — человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ длинными волосами и плохой растительностью на лицѣ, худъ до невозможности. Въ рукахъ у него скрипка и смычокъ, на плечѣ грязный платокъ, который онъ подкладываетъ подъ шею, играя на скрипкѣ. Ходитъ онъ на цыпочкахъ, неслышно. Мученикъ, рабъ скрипки)

ГРИГОРЬЕВЪ (входя). Федоровъ, мнѣ нужно... (Замѣтивъ Екатерину Ивановну) Ахъ, вы не одинъ...

ФЕДОРОВЪ. Въ чемъ дѣло?

ГРИГОРЬЕВЪ. Я относительно того... На счетъ вчерашняго.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я мѣшаю?.. Я сейчасъ уйду...

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь... Вотъ рекомендую вамъ, маэстро, будущая знаменитость, играетъ по 22 часа въ сутки, два часа спитъ и сытъ звуками...

ГРИГОРЬЕВЪ. Будетъ вамъ смѣяться. Маленгауэръ до 67 лѣтъ игралъ упражненія. Вы ничего не пони-

Digitized by Google

маете въ музыкѣ. Скрипка вѣдь это не утюгъ. День два не позанимайся, и того ужъ, не то...

ФЕДОРОВЪ. Сапожникомъ будешь, не музыкантомъ...

ГРИГОРЬЕВЪ. Именно... Надо, чтобы пальцы вотъ какъ... (Показываетъ на скрипкѣ, какъ надо, чтобы были развиты пальцы у музыканта)

ФЕДОРОВЪ. Вы ужъ мнѣ много разъ это объясняли... Надоѣли... Какъ же дѣло-то?..

ГРИГОРЬЕВЪ (кивая головой на Екатерину Ивановну) Я не знаю, можно-ли при нихъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я уйду..

ФЕДОРОВЪ. Оставайтесь... Я только на два слова... Маэстро, пойдемте въ корридоръ...

(Уходитъ. Екатерина Ивановна оставшись одна, торопливо и жадно ѣстъ сыръ и колбасу, оглядываясь на дверь. Кладетъ нѣсколько кусковъ хлѣба въ карманы платья и кофточки.

Входитъ Федоровъ и замѣчаетъ только-что засованный въ карманъ кусокъ хлѣба. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но пораженный поступкомъ Екатерины Ивановны замолчалъ и сконфузился)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я хотѣла... Вы такъ скоро пришли. (Принужденно смѣется) Стянула у васъ кусокъ хлѣба... Тутъ у вашихъ номеровъ стоялъ такой несчастный, когда я проходила. Я ухожу...

ФЕДОРОВЪ. Куда же?.. Оставайтесь...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Хорошо... Но, можетъ быть лучше уйти...

ФЕДОРОВЪ. Зачѣмъ... Чувствуйте себя, какъ дома... Снимайте кофточку, пейте чай... Самоваръ, кажется, еще не простылъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Можно?..

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. Понятно можно... Что вы какая странная...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, я ничего... Благодарю васъ... (Раздѣвается, наливаетъ стаканъ чаю, скоро выпиваетъ его и наливаетъ еще)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. А вамъ налить?...

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ, я не хочу...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Это у васъ хлѣбъ?.. Я возьму...

ФЕДОРОВЪ. Пожалуйста. . (Съ удивленіемъ смотритъ на нее. Екатерина Ивановна замѣчаетъ его взглядъ и смущается)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Что вы на меня смотрите? Я страшно хочу чаю... и ѣсть хочу... Сейчасъ сдѣлаю себѣ бутербродъ. Можно?

ФЕДОРОВЪ. Понятно...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Видите, какая я безцеремонная гостья. (Дѣлаетъ два бутерброда) Вы дорого платите за номеръ?

ФЕДОРОВЪ. Двадцать рублей.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Недорого... Хорошо у васъ... Уютно... Мнѣ нравится... (Съ жадностью ѣстъ бутерброды и говоритъ, чтобы только отвлечь его разговоромъ отъ наблюденія за ней) Ваша комната напоминаетъ мнѣ одну комнату въ мезонинѣ у дяди, въ деревнѣ. Я любила эту комнату. Мы всегда съ мамой, пріѣзжая къ дядѣ, останавливались въ ней. Бывало мама заснетъ, а я отворю окно и сижу, часъ, два, три, до разсвѣта... Мнѣ хорошо было тогда, весело жилось... беззаботно...

ФЕДОРОВЪ. А теперь?.. Вамъ плохо... Да?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, ничего... Я живу съ мамой... служу... (Стараясь перемѣнить разговоръ) У меня былъ двоюродный братъ, чрезвычайно похожій на васъ... Теперь онъ умеръ... Глаза особенно походили на ваши, такіе суровые, холодные, а когда присмотришься къ нимъ, то они кажутся ласковыми, добрыми.,. У васъ хорошіе глаза... Можно еще бутербродъ сдѣлать?..

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. Что вы спрашиваете... Понятно...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я съ сыромъ... (ѣстъ и продолжаетъ говорить) Вы не смотрите на меня—я не люблю, когда ѣшь и смотрятъ... Это у меня наслѣдственное: папа тоже не любилъ... Странный онъ былъ человѣкъ—любилъ противорѣчить... Хорошій сыръ... (Продолжаетъ ѣсть) О чемъ я вамъ говорила? О братѣ? Да... да... У него были такіе глаза, какъ у васъ. Его мама звала жукъ... Онъ былъ черный, черный, какъ цыганъ...

ФЕДОРОВЪ (подходя къ столу и въ недоумѣніи смотря на нее, какъ бы спрашивая—кто она такая). Но я, кажется, не похожъ на цыгана?

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вы?.. Нѣтъ...

ФЕДОРОВЪ. А вы сказали, что я похожъ на брата...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Развѣ я это сказала?.. (Смѣется) Я удивительно забывчива... У меня два брата...

(Переходитъ на диванъ. Согрѣтая и сытая теперь, она чувствуетъ себя безконечно счастливой, пріятная истома разливается по ея тѣлу, глаза закрываются. Она вѣчно хотѣла бы такъ сидѣть и ни о чемъ не думать)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (послѣ большой паузы). Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ... Я хотѣла бы такъ сидѣть и слушать, слушать безъ конца...

ФЕДОРОВЪ. Да намъ разсказывать нечего... Живемъ, небо коптимъ... Утромъ на службу, вечеромъ со службы... Баночку, другую, третью за галстухъ—ну и повеселѣе станетъ. Въ другой разъ такая навалится тоска, что мѣста себѣ не находишь.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Сядьте на диванъ и говорите.

ФЕДОРОВЪ. Интереснаго мало... Жизнь сложилась какъ-то глупо, нелѣпо... Мнѣ уже 32 года, приниматься за что-нибудь новое поздно, да и желанія нѣтъ. При-

Digitized by Google

ходится вотъ такъ одинокимъ сычемъ коротать свой вѣкъ... Семь лѣтъ живу въ этомъ номерѣ... Подлый номеръ, тринадцатый, и не могу изъ него выбраться... Даже это тяжело сдѣлать... Платятъ мнѣ на службѣ жалованье грошовое, а я служу и не ищу ничего другого... Облѣнился...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (совершенно не слушая его, погруженная въ свои мысли, въ свои воспоминанія). Мнѣ вашъ голосъ напоминаетъ голосъ отца... У насъ собирались часто гости, много гостей... Я была маленькой... Голосъ отца такъ рѣзко выдѣлялся изъ другихъ голосовъ... Я любила его слушать... Онъ какъ-то заставлялъ слушать себя...

(Федоровъ встаетъ съ дивана и отходитъ къ окну. Онъ обиженъ; ему хотѣлось говорить о себѣ, и она его не слушала. Онъ начинаетъ возмущаться, между тѣмъ, какъ Екатерина Ивановна продолжаетъ разсказывать и злитъ его еще болѣе)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Помню, какъ-то разъ.. Нѣтъ, это лучше не вспоминать... Это грустно... У насъ были вечера... я участвовала на любительскихъ спектакляхъ... Братъ „жукъ“ тоже игралъ. У него былъ товарищъ, Доминъ. Какъ сейчасъ его вижу закрытыми глазами. Доминъ это чиновникъ при губернаторѣ, онъ недурно писалъ стихи и когда говорилъ ихъ, то былъ очень смѣшенъ...

ФЕДОРОВЪ. Я не знаю никакихъ Доминыхъ. Мнѣ не интересно...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Да, да, понятно, вамъ неинтересно... Простите... Я замечталась у васъ. Вы что-то хотѣли разсказать мнѣ?..

ФЕДОРОВЪ. Ничего я не хотѣлъ.

(Пауза. Екатерина Ивановна смотритъ на Федорова и видитъ, что онъ

Digitized by Google

чѣмъ-то недоволенъ, не знаетъ, что дѣлать. Ей хочется и не хочется уходить отъ тепла и свѣта)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Подите сюда... Сядьте на диванъ. Я еще немного, немного посижу у васъ...

(Федоровъ садится. Она закрываетъ опять глаза и облокачивается на спинку дивана. Пауза. Екатерина Ивановна ощупью, не открывая глазъ, находитъ его руку и крѣпко сжимаетъ ее)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вы хорошій, порядочный?.. Да?..

(Федоровъ отдергиваетъ руку. Мысль, что она пришла къ нему съ обыкновенной пошлой задней цѣлью мгновенно проносится въ его головѣ. Онъ вскакиваетъ)

ФЕДОРОВЪ. Я не люблю лжи, не перевариваю ее въ женщинахъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Что съ вами?

ФЕДОРОВЪ. Лучше прямо. Это честнѣе. Я знаю теперь, зачѣмъ вы ко мнѣ пришли... А я такъ довѣрчиво. Вотъ вамъ пять рублей... (Вынимаетъ деньги и суетъ ей въ руку) Я не настолько глупъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Что?.. Вы... (Бросаетъ монету на столъ, она, звеня, скатывается на полъ) Вы...

(Торопливо. дрожа, какъ въ лихорадкѣ, надѣваетъ кофточку и со шляпой въ рукѣ, выбѣгаетъ въ корридоръ)

ФЕДОРОВЪ (кричитъ, подбѣжавъ къ двери) Екатерина Ивановна... (Пауза) Ушла... Ну, теперь больше не придетъ...

Digitized by Google

Digitized by Google

Номеръ тринадцатый.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Поздній вечеръ. Проходитъ нѣсколько дней. По поднятіи занавѣса большая пауза, потомъ слышенъ стукъ въ дверь и разговоръ Степана съ Екатериной Ивановной.

СТЕПАНЪ. (Въ корридорѣ) Вамъ кого?

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. (Въ корридорѣ) № 13 дома?

СТЕПАНЪ. Кажется нѣтъ.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я оставлю записку. Можно ключъ?

СТЕПАНЪ. Они никогда не запираютъ. (Отворяетъ дверь и входитъ вмѣстѣ съ Екатериной Ивановной)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я только напишу.

СТЕПАНЪ (подозрительно осматривая ее). Хорошо-съ. Не велятъ они безъ нихъ.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я только напишу.

(Степанъ зажигаетъ свѣчку и уходитъ, нарочно оставляя дверь открытой. Екатерина Ивановна садится за столъ и пишетъ. Движенія ея нервны и порывисты. Написавъ нѣсколько строкъ, она хочетъ встать и, какъ подкошенная, опускается снова на кресло. Степанъ заглядываетъ въ номеръ)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я сейчасъ... (Степанъ скрывается) Надо итти... Куда?.. Опять бульваръ... Полицейскіе...

(Изъ корридора доносится разговоръ: это объясняетъ Григорьеву Степанъ, что въ № 13 пришла какая-то женщина. Ясно слышатся слова Степана: „да тамъ сидятъ". Екатерина Ивановна прислушивается къ разговору. Входитъ Григорьевъ въ пальто, калошахъ, вязаной теплой шапкѣ

Digitized by Google

и перчаткахъ, съ футляромъ для скрипки въ рукахъ)

ГРИГОРЬЕВЪ (притворяясь). Вы дома?.. (Замѣчаетъ Екатерину Ивановну) Это вы? Здравствуйте. Мы, кажется, немного знакомы?

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Да. Его нѣтъ... Я зашла оставить записку...

ГРИГОРЬЕВЪ. Онъ рѣдко бываетъ дома. Я рядомъ живу и по нѣсколько дней не вижу его. (Садится и потираетъ руки) Озябъ... Холодно на улицѣ... Снѣгъ выпалъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ онъ бываетъ?..

ГРИГОРЬЕВЪ. Богъ его знаетъ. А вы зачѣмъ къ нему?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА У меня дѣло...

ГРИГОРЬЕВЪ. Дѣло... (Пауза) Вы кто такая?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я думаю, вамъ все равно...

ГРИГОРЬЕВЪ. Да, если хорошенько подумать, мнѣ все равно... Интересно... Нѣтъ, вру, даже неинтересно...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Люди вообще мало интересуются другъ другомъ...

ГРИГОРЬЕВЪ. И хорошо дѣлаютъ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Жутко жить...

ГРИГОРЬЕВЪ. Вамъ-то?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, я не про себя...

ГРИГОРЬЕВЪ. Я тоже не про себя, а скажу вамъ: скверно жить... Скрипка требуетъ постояннаго упражненія, а тутъ приходится бѣгать по урокамъ. Ученики дубье. Музыки никто не уважаетъ... (Пауза)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я пойду...

ГРИГОРЬЕВЪ. Не хотите дожидаться?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я приду потомъ... (Въ корридорѣ слышенъ голосъ Федорова „кто“, и какія-то неразборчивыя слова Степана)

ГРИГОРЬЕВЪ. Да вонъ, кажется, онъ пришелъ...

(Екатерина Ивановна взволновалась,

Digitized by Google

заторопилась уйти, но потомъ сообразила, что ужъ поздно уходить. Федоровъ входитъ и раздѣвается въ прихожей. Григорьевъ подходитъ къ нему и здоровается)

ГРИГОРЬЕВЪ. Васъ дожидаются...

ФЕДОРОВЪ. Знаю...

(Григорьевъ ударяетъ его по спинѣ, подмигиваетъ и уходитъ)

ФЕДОРОВЪ. Здравствуйте... Не ожидалъ... (Зажигаетъ лампу) Садитесь... Ну, какъ вы?.. Что?..

(Екатерина Ивановна, молча, садится и напряженно о чемъ-то думаетъ. Пауза)

ФЕДОРОВЪ. Что вы молчите?... Не упрекаете, не ругаете?.. (Пауза) Я думалъ, что вы не придете. Вѣроятно, я васъ тогда не такъ понялъ, мнѣ показалось... Потомъ я раскаивался... Дѣло въ томъ, что мнѣ приходится жить въ обществѣ дурныхъ женщинъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если я въ васъ усумнился и подумалъ, что и вы такая.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Къ чему это вы говорите??... Я здѣсь опять, не смотря на ваше оскорбленіе, слѣдовательно...

(Пауза. Федоровъ опять начинаетъ недовѣрчиво и подозрительно на нее смотрѣть)

ФЕДОРОВЪ. Кто вы такая? Я знаю только, что васъ зовутъ Екатериною Ивановной и больше ничего...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Довольно и этого...

ФЕДОРОВЪ. Вы несчастны?.. (Пауза) Вы несчастны... Нельзя въ лѣтнемъ костюмѣ ходить въ такую погоду... Можно простудиться...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ну, такъ что же... Я можетъ быть, этого и хочу... Оставьте допросы.. Я пришла къ вамъ... Если хотите, угостите меня чаемъ...

ФЕДОРОВЪ. Съ удовольствіемъ... (Отворяетъ дверь и

Digitized by Google

кричитъ въ корридоръ) Степанъ, дай самоваръ!.. (Недовѣріе его возрастаетъ. Ея присутствіе начинаетъ тяготить его)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (нѣсколько оживившись). Вотъ опять будетъ тоже, какъ тогда... Понятно до тѣхъ поръ, покуда вы не сошли съ ума. (Смѣясь) Вы позволите снять шляпку, кофточку?

ФЕДОРОВЪ. Прошу.

(Екатерина Ивановна раздѣвается и подходитъ къ зеркалу. Федоровъ внимательно слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ и удивляется)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (у зеркала). Я не люблю на себя смотрѣть, но иногда приходится... Нехорошая я сегодня, желтая. Я вамъ не нравлюсь?..

ФЕДОРОВЪ (удивленно). Что?

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я некрасивая женщина. Да?..

ФЕДОРОВЪ. Этого нельзя сказать... У васъ строгія черты лица... Вы напоминаете мнѣ классную даму, начальницу пансіона...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Это мнѣ не нравится... (Отходитъ отъ зеркала и садится на диванъ) Въ настоящее время я хотѣла бы быть красивой... (Подчеркивая) Очень красивой женщиной...

ФЕДОРОВЪ. Что вы говорите?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вы не слышали?..

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ, я слышалъ...

(Пауза. Степанъ вноситъ самоваръ и посуду, ставитъ на столъ и завариваетъ чай. Екатерина Ивановна наливаетъ стаканъ и пьетъ. Федоровъ ходитъ по комнатѣ. Теперь каждое движеніе Екатерины Ивановны раздражаетъ его, онъ насмѣшливо иногда взглядываетъ на нее и, пожавъ плечами, продолжаетъ ходить. Между тѣмъ Екатерина Ивановна, не замѣчая его настроенія, отдыхаетъ и тѣломъ и душой за чайнымъ столомъ, послѣ

Digitized by Google

утомительнаго дня и, можетъ быть, нѣсколькихъ безсонныхъ ночей на бульварѣ. Ей слишкомъ хорошо теперь, чтобы обращать вниманіе на кого-либо)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (наливъ второй стаканъ чаю). Я буду пить... Вы, какъ хотите... По вечерамъ чай гораздо вкуснѣе, чѣмъ утромъ... Вечерній чай въ деревнѣ, на балконѣ. Вамъ приходилось пить по вечерамъ чай въ деревнѣ, когда мимо балкона прогоняютъ стадо?.. Я всегда это любила... (Пауза) О чемъ вы думаете?..

ФЕДОРОВЪ. Я думаю: почему во мнѣ никто и никогда не нуждался, кромѣ самыхъ несчастныхъ женщинъ?.. Неужели я такой жалкій и ничтожный?..

(Екатерина Ивановна перестаетъ пить чай и смотритъ на него)

ФЕДОРОВЪ. Что вы на меня такъ смотрите?...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ничего...

(Напряженная пауза. Екатерина Ивановна начинаетъ говорить, чтобы только нарушить ее).

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. У моего дяди была привычка щелкать языкомъ, когда ему что-нибудь очень нравилось... Помню, какъ-то разъ, въ первый день Пасхи, я была въ бѣломъ платьѣ... Онъ подошелъ ко мнѣ и щелкнулъ языкомъ... (Принужденно смѣется и чуть не плачетъ)

ФЕДОРОВЪ (выйдя изъ себя). Послушайте, скажите мнѣ прямо: кто вы? Зачѣмъ вы ходите ко мнѣ?.. Что вамъ нужно отъ меня?..

(Екатерина Ивановна блѣднѣетъ, встаетъ и гордо смотритъ на него. У нея является желаніе схватить стаканъ и бросить ему его въ лицо, но она себя сдерживаетъ, сжимаетъ стаканъ въ рукахъ и потомъ говоритъ холодно и зло)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вы мнѣ нравитесь...

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. Вздоръ! Вздоръ! Какое тамъ нравитесь!.. Вы думаете меня одурачить своимъ благороднымъ безкорыстіемъ. Такъ знайте, что я вамъ не вѣрю!.. Вы ходите ко мнѣ съ цѣлью сойтись со мной, денегъ не берете, потому, что знаете, это можетъ повредить вашей цѣли... вы противны мнѣ... Уходите.

(Екатерина Ивановна вскрикиваетъ и, истерически рыдая, валится на диванъ. Федоровъ въ недоумѣніи. Она лежитъ и бьется головой объ ручку дивана, всхлипываетъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и, глотая слезы, съ трудомъ выговариваетъ слова, твердя нѣсколько разъ одну и туже фразу)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Мнѣ холодно... Итти некуда... Грѣться пришла... Грѣться...

ФЕДОРОВЪ. Успокойтесь... Успокойтесь... (Разстегиваетъ ей платье, мочитъ голову водою и говоритъ, чтобы только успокоить ее) Простите меня, простите... Трудно узнавать людей... Можетъ быть вы и не такая... Вы такъ себя странно держали... Меня винить нельзя... Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчаться съ порядочными женщинами... (Екатерина Ивановна рыдаетъ тише, но все еще бьется всѣмъ тѣломъ) Какъ вы дошли до такого положенія? Гдѣ ваша родина?.. Гдѣ семья?.. (Екатерина Ивановна вскрикиваетъ) Не надо, ничего не говорите... Только успокойтесь... Мнѣ васъ жалко... Если бы я зналъ... Повѣрьте, мнѣ мнѣ васъ жалко... Простите меня...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Перестаньте!!

ФЕДОРОВЪ (утѣшая ее). Надо терпѣть... Надо терпѣть, Екатерина Ивановна... Не вы одна страдаете... Бываютъ еще хуже вашего положенія... Человѣку стоитъ только немного опуститься, и въ него начнутъ швырять камнями... Трудно жить...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Перестаньте, не мучьте меня... Я сейчасъ уйду... (Встаетъ и, шатаясь, идетъ)

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. Нѣтъ, я не пущу васъ. Потомъ... послѣ... лягьте на кровать и успокойтесь...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я уйду...

ФЕДОРОВЪ. Я не пущу... Пойдемте я васъ положу... (Поддерживая уводитъ ее въ спальню) Полежите такъ часъ, два... Старайтесь не дѣлать движеній и ни о чемъ не думайте...

(Черезъ нѣкоторое время тихо выходитъ изъ спальни и садится на диванъ. Онъ боится теперь сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобы не помѣшать Екатеринѣ Ивановнѣ. Въ комнатѣ унылая тишина. Слышны иногда глубокія всхлипыванія Екатерины Ивановны; она, должно быть, плачетъ и сдерживаетъ слезы)

ФЕДОРОВЪ (тихо). Я потушу свѣтъ... (Тушитъ лампу и свѣчу. Въ комнатѣ густой мракъ... Федоровъ ложится на диванъ. Пауза)

ФЕДОРОВЪ. Екатерина Ивановна, вы спите?..

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ.

ФЕДОРОВЪ. Напрасно вы такъ... Лучше пришли бы и все прямо сказали бы. Я поступилъ бы иначе...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (рѣзко и убѣжденно). Неправда...

ФЕДОРОВЪ. Пожалуй... (Помолчавъ) Ко мнѣ въ прошломъ году обратился товарищъ, пришелъ и сказалъ прямо, что онъ голоденъ. Я далъ ему рубль и велѣлъ швейцару говорить, что меня нѣтъ дома...

(Долгая пауза. По корридору кто-то прошелъ, со звономъ отперъ дверь и сказалъ: „спичекъ дай“, отчего стало какъ будто еще тише. Федоровъ засыпаетъ на диванѣ. Екатерина Ивановна встаетъ, выходитъ изъ спальни, ощупью находитъ кофточку и шляпку и выходитъ изъ номера)

Digitized by Google

Digitized by Google

С. НАЙДЕНОВЪ.

БОГАТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТЕПЛОВЪ, кассиръ, артельщикъ и управляющій дома Купоросова.

АННА ФЕДОРОВНА, его жена.

СУСЛИКОВЪ, ея отецъ, бывшій артельщикъ.

КУПОРОСОВЪ, потомственный почетный гражданинъ.

МЯСНИКОВЪ, его довѣренный.

САША, дѣвушка, живущая въ домѣ Купоросова.

ТЕРПИГОРЕВА, учительница, дальная родственница Теплова.

ЩЕТИНИНЪ, артельный староста.

КОНСТАНТИНОВЪ, артельщикъ.

ПУШКАРЕВЪ, конторщикъ изъ артельщиковъ.

НИКОЛАЙ, швейцаръ.

БѢЛЬКОВИЧЪ, ученикъ консерваторіи.

ВАСЯ, мальчикъ при конторѣ Купоросова.

ВИКТОРІЯ, пѣвица.

БУХГАЛТЕРЪ.

УКЛАДЧИКЪ.

ГИМНАЗИСТЪ.

ГИМНАЗИСТКА.

Конторщики, приказчики, ихъ жены—гости Купоросова.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Старый дворянскій домъ въ одномъ изъ тихихъ переулковъ Москвы, принадлежащій купцу Купоросову. Роскошныя сѣни, напоминающія сѣни въ домѣ Фамусова. Съ лѣвой стороны мраморная лѣстница, ведущая на площадку, на которой стоитъ чучело медвѣдя и съ которой лѣстница раздѣляется на два подъема. Входная дверь со стеклами заставлена фонаремъ съ правой стороны. На первомъ планѣ у фонаря—зеркало съ подзеркальникомъ; на подзеркальникѣ графинъ съ водой и стаканъ. За фонаремъ вѣшалка и ларь для обуви, представляющій изъ себя диванъ. Дверь въ контору въ глубинѣ сцены, на двери небольшая вывѣска, черная, золотыми буквами подъ стекломъ: „Контора". У двери конторы телефонъ. Въ конторѣ за конторками и письменными столами занимаются нѣсколько человѣкъ конторщиковъ. Подъ лѣстницей комната швейцара; въ нее ведетъ маленькая дверка, у которой стоитъ деревянный полированный диванъ. На первомъ планѣ съ лѣвой стороны находится еще дверь, ведущая въ небольшую комнату, гдѣ служащіе пьютъ чай и обѣдаютъ. Предполагается, что изъ этой комнаты есть выходъ на дворъ. Сѣни освѣщаются электричествомъ. Широкія бархатныя дорожки разостланы по направленію конторы и лѣстницы. Девять часовъ утра.

Швейцаръ Николай пьетъ на диванѣ, у своей комнаты, чай и читаетъ „Московскій Листокъ". Это полный, краснощекій, съ рыжими солдатскими усами, здоровый парень, лѣтъ 30-ти, въ швейцарской формѣ. У него суровое лицо, странные глаза: онъ привыкъ закатывать зрачки и не смотритъ на людей, оттого у него какъ будто бы одни бѣлки.

По поднятіи занавѣса большая пауза. Слышенъ звонокъ. Николай лѣниво встаетъ съ дивана и отпираетъ парадную дверь. Входитъ въ ротондѣ и шляпкѣ Саша, миловидная дѣвушка, картинка съ кондитерской коробки, съ неподвижнымъ кукольнымъ лицомъ. Въ рукахъ у нея въ бѣломъ платкѣ просфоры.

НИКОЛАЙ (пропуская ее въ сѣни). Черезъ парадное нынче...

САША. Я на хорошемъ извозчикѣ.. Не на дворъ же въѣзжать...

Digitized by Google

НИКОЛАЙ (посмотрѣвъ на улицу въ дверь). Лихачъ... Такъ-съ... Дѣлать-то намъ нечего...

(Снимаетъ съ нея ротонду, заботливо встряхиваетъ и вѣшаетъ. Саша между тѣмъ подходитъ къ зеркалу и поправляетъ волосы)

НИКОЛАЙ. Въ Рождественскомъ монастырѣ были?

САША. Да... Хорошо тамъ поютъ...

НИКОЛАЙ. Все жениха вымаливаете?

САША. Не ваше дѣло.

НИКОЛАЙ (замѣтивъ на ларѣ положенныя Сашей просфоры). А это въ платкѣ-то просфоры? Дайте одну...

САША. Нельзя, вы чай пили...

НИКОЛАЙ. Не полагается... (Осматривая на ней платье) А платье-то опять новое?

САША. Не ваше дѣло... Постоянно съ разговорами... (Идетъ къ лѣстницѣ)

НИКОЛАЙ. Постойте...

САША. Что еще вамъ?

НИКОЛАЙ. Сію минуту... (Уходитъ въ швейцарскую и скоро возвращается съ книжкой сберегательной кассы) Посмотрите. (Раскрываетъ книжку и показываетъ) Было двѣ тысячи сто, стало двѣ тысячи триста... Вчера вложилъ двѣсти... Въ сберегательной кассѣ чиновникъ сказалъ: богатѣть изволите, сударь... Понимаете? Почетъ уже...

САША. Не хвалитесь... У меня десять есть...

НИКОЛАЙ. Вилами на водѣ писаны...

САША. Нѣтъ, захочу, такъ сегодня будутъ... Скажу... пошлетъ положить въ банкъ на мое имя... Онъ обѣщалъ...

НИКОЛАЙ. Фантазія... А вы слушайте... Господинъ Семеновъ изъ Троицкаго посада пишетъ: домикъ-то съ переводомъ за полторы тысячи купить можно. Хорошій домъ, и монастырь близко.

САША. И покупайте. Мнѣ это неинтересно... Ищите по себѣ... Неужели вы этого понять не можете?

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. А мнѣ кажется, было бы ничего...

САША. Не приставайте ко мнѣ съ такими разговорами. Никогда я не буду швейцарихой... Всѣ конторщики смѣяться будутъ.

(Изъ конторы выходитъ Мясниковъ съ торговой книгой, толстый, ожирѣвшій, низенькій господинъ, съ заплывшими глазками. Лицо испорчено оспой, носъ расплывшійся по щекамъ, рѣдкая небольшая борода—лопаткой. Говоритъ онъ тихо, чуть слышно; мягокъ и грубъ)

МЯСНИКОВЪ. Вѣчно вы здѣсь въ сѣняхъ толчетесь, Александра Степановна. Самъ не любитъ этого... вы знаете...

САША. Я сейчасъ изъ церкви пріѣхала.

МЯСНИКОВЪ. Положимъ не сейчасъ... Я видѣлъ изъ конторы, когда вы пріѣхали... Нехорошо, барышня!.. Пойдемте-ка наверхъ... (Обращаясь къ Николаю) Всталъ Савелій Игнатьевичъ?

НИКОЛАЙ. Въ гимнастической упражняются...

МЯСНИКОВЪ (подымаясь съ Сашей по лѣстницѣ). Кажется, сегодня въ десять часовъ придетъ.. Тогда спуститесь сверху... Взойдите въ контору, спросите меня...

САША. Неужели?.. Мнѣ надо переодѣться?..

МЯСНИКОВЪ (бормоча про себя). Какъ хотите... Поскорѣе бы... Намозолили вы здѣсь всѣмъ глаза..

(Изъ комнаты служащихъ входитъ Тепловъ и проходитъ къ вѣшалкѣ. На немъ осеннее пальто, вязаная шапка, галоши. Онъ красивый молодой человѣкъ, въ очкахъ и съ небольшой бородкой. Видъ у него человѣка, не спавшаго ночь, истомленнаго, постоянно чѣмъ-то удрученнаго. Средній человѣкъ, не лишенный художественнаго дарованія, но оцѣнивающій себя выше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ Большой фразеръ)

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Эй, эй, сударь!.. Ваше благородіе! Что вы въ галошахъ въ сѣни? Сказано вѣдь вамъ, оставлять галоши въ задней передней.

(При входѣ Теплова, Мясниковъ останавливается на лѣстницѣ. Обрадованная сообщеніемъ Мясникова, Саша весело убѣгаетъ наверхъ)

ТЕПЛОВЪ. Я забылъ... Вамъ не мѣшало бы быть, Николай, повѣжливѣе. (Идетъ назадъ въ комнату, чтобы снять галоши)

МЯСНИКОВЪ (останавливаетъ его). Послушайте!..

ТЕПЛОВЪ. Я сейчасъ... (Уходитъ и, возвратившись, раздѣвается у вѣшалки)

МЯСНИКОВЪ (бормоча про себя). Фонъ-баронъ... Не тронь насъ пальцемъ... Фыркъ перефыркъ... (Посмотрѣвъ на часы) Девять часовъ... Вамъ должно быть небезызвѣстно, что у насъ занятія съ восьми?..

(Тепловъ раздѣвается и идетъ въ контору)

МЯСНИКОВЪ. Я говорю: вамъ небезызвѣстно, что у насъ занятія съ восьми?..

ТЕПЛОВЪ. Опоздалъ... (Идетъ)

МЯСНИКОВЪ. Стойте, съ вами разговариваютъ!

(Тепловъ останавливается, держитъ себя совершенно непринужденно. Такое отношеніе къ себѣ злитъ Мясникова. Онъ хочетъ что-то сказать и ничего не выходитъ. Пауза. Стоятъ и враждебно смотрятъ другъ на друга)

ТЕПЛОВЪ. Я слушаю.

МЯСНИКОВЪ. Сегодня вотъ староста обѣщался здѣсь быть... Я доложу... Вамъ, должно быть, опять хочется получить выговоръ отъ артельнаго общаго собранія? (Послѣ паузы) Эхъ вы! Вамъ только бы полировать мостовыя... Будете!.. Этимъ кончится!.. Вы получаете жалованье, вамъ не кожурки платятъ, а деньги...

ТЕПЛОВЪ. Шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ! За нихъ

Digitized by Google

я исполняю должность и кассира, и старшаго дворника... У меня нѣтъ свободнаго часа ни днемъ, ни вечеромъ.

МЯСНИКОВЪ. Вы сами назвались управлять домомъ за квартиру. Васъ никто не принуждалъ... До васъ эту должность прекрасно исполнялъ дворникъ.

ТЕПЛОВЪ. Трудно жить въ Москвѣ на шестьдесятъ рублей...

МЯСНИКОВЪ. Вотъ въ томъ-то и дѣло. (Повертывается и идетъ по лѣстницѣ, бормоча про себя) Кассиры, артельщики... чортъ васъ возьми...

(Тепловъ, немного постоявъ и посмотрѣвъ ему вслѣдъ, уходитъ въ контору. Николай садится на диванъ и опять читаетъ газету. Пауза. Изъ комнаты служащихъ выходитъ мальчикъ лѣтъ 14-ти Вася, въ гимназической курточкѣ и, подойдя къ двери конторы, кричитъ)

ВАСЯ. Самоваръ!

(Въ конторѣ оживленіе: конторщики повскакивали съ мѣстъ и оживленно заговорили, обрадовавшись, что дождались чаю. Выходятъ человѣкъ восемь и проходятъ въ комнату служащихъ. Въ числѣ ихъ Пушкаревъ, бухгалтеръ и Тепловъ)

ПУШКАРЕВЪ (обращаясь къ бухгалтеру). Что вы говорите? Вы газетъ не читаете... Андре погибъ, это каждому извозчику извѣстно... Да какъ ему не погибнуть? Летитъ на сѣверный полюсъ...

БУХГАЛТЕРЪ. Ну, васъ къ чорту съ вашимъ Андре! У меня отчетъ не сходится... Какая у васъ привычка приставать къ людямъ!.. (Уходятъ)

ТЕПЛОВЪ (останавливая Пушкарева и, отводя его въ сторону, тихо говоритъ). Послушайте, Пушкаревъ, я попросилъ бы васъ поменьше болтать о нашей семейной жизни и о томъ, что я будто бы пьянствую...

ПУШКАРЕВЪ. Я ничего не болталъ...

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Я васъ предупреждаю... Если вы не прекратите свою болтовню, я буду говорить съ вами иначе.

ПУШКАРЕВЪ. Я ничего не говорилъ. Неужели вы не понимаете русскаго языка?

ВАСЯ (обращаясь къ Теплову). На хлѣбъ денегъ пожалуйте.

ПУШКАРЕВЪ. Вы лучше раньше денегъ давали бы... а то чай пить, а хлѣба нѣтъ. Потомъ нельзя ли обойтись безъ французскаго? Прикажите купить плюшечекъ, розанчиковъ... Надоѣлъ французскій... Каждый день французскій... (Уходитъ въ комнату служащихъ. Тепловъ идетъ въ контору, чтобы выдать деньги на хлѣбъ)

ВАСЯ (идя за нимъ). Я сбѣгалъ бы раньше, да васъ не было.

(Проходитъ изъ конторы въ комнату служащихъ. Тепловъ въ конторѣ сидитъ и склоняетъ голову на письменный столъ, сжимая ее руками. Послѣ безсонной ночи онъ чувствуетъ себя отвратительно. Его видно въ открытую дверь конторы.

Со двора входитъ Сусликовъ, старикъ лѣтъ 70, впадающій въ дѣтство, трусливое, робкое существо. Онъ бывшій артельщикъ, незамѣтный труженикъ. Прожилъ жизнь за прилавкомъ; за дѣломъ просмотрѣлъ ее и имѣетъ обо всемъ смутное, ребяческое представленіе. Внѣшность его удивительно соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію: маленькая, тщедушная, пришибленная фигура, надъ которой замахнулись какъ будто бы палкой и вотъ-вотъ ударятъ. На немъ мѣховой картузъ и лисья потертая шуба)

НИКОЛАЙ (удивленный его появленіемъ). Вы собственно зачѣмъ?

СУСЛИКОВЪ. Андрюшу нужно было бы повидать... Утромъ-то не довелось видѣть.

НИКОЛАЙ. Такъ-съ... (Осматриваетъ его и напускаетъ на себя важности)

Digitized by Google

СУСЛИКОВЪ. Можно ихъ будетъ повидать?

НИКОЛАЙ. На службу они опаздываютъ... Сегодня выговоръ былъ... Служить надо аккуратно, какъ полагается...

СУСЛИКОВЪ (смутившись). Да, да... какъ требуется... Выговоръ былъ, вы говорите?

НИКОЛАЙ. Слышно дома рѣдко бываетъ?

СУСЛИКОВЪ. Нѣтъ, онъ всегда дома, когда не уходитъ... Вотъ какъ бы повидать? Мнѣ только два словечка бы...

НИКОЛАЙ. Да вотъ онъ сидитъ. (Показываетъ на дверь конторы и грубо обращается къ Теплову) Къ вамъ тутъ... (Уходитъ въ швейцарскую. Выходитъ Тепловъ)

ТЕПЛОВЪ. Зачѣмъ вы сюда?

СУСЛИКОВЪ. Ты не обижайся, Андрюша. Я не пришелъ бы, да Анечка просила зайти узнать—здѣсь ли ты?

ТЕПЛОВЪ (стараясь говорить тише). Гдѣ же я могу быть, какъ не на службѣ?

СУСЛИКОВЪ. И я говорю, гдѣ же ему быть?.. Не вѣритъ... Сходить просила... Ночь-то она всю не спала... Тебя ждала.

ТЕПЛОВЪ. Она знала, что я у Калинина былъ...

СУСЛИКОВЪ. Такъ-то такъ... Да вотъ... (Хочетъ сказать и не рѣшается) Не былъ ты тамъ, не былъ Андрюшенька... Мы вчера прогуляться ходили... въ квартирѣ темно было и... не было тебя тамъ...

ТЕПЛОВЪ. Вы въ окна подглядывали?

СУСЛИКОВЪ. Не сердись... Я не пошелъ бы... Все Анечка. А вотъ теперь я вижу, что ты здѣсь и на службѣ... Сейчасъ побѣгу къ ней, успокою...

ТЕПЛОВЪ. И, пожалуйста, никогда не приходите сюда... Здѣсь и такъ болтаютъ про меня, а тутъ еще вы...

СУСЛИКОВЪ. Хорошо, Андрюша, хорошо... я не буду... (Тепловъ идетъ въ комнату служащихъ)

Digitized by Google

СУСЛИКОВЪ. Андрюша, ты вчера денегъ на базаръ не оставилъ... Сегодня на базаръ, а денегъ нѣтъ...

ТЕПЛОВЪ (вынувъ изъ кармана кошелекъ и пересчитывая деньги). Сколько вамъ?

СУСЛИКОВЪ. Рублика два...

ТЕПЛОВЪ. У меня только шестьдесятъ копѣекъ.

СУСЛИКОВЪ (нерѣшительно). А вчера семь рублей было...

ТЕПЛОВЪ. Погодите. (Подходитъ къ швейцарской и обращается къ Николаю) Николай, нѣтъ-ли у васъ двухъ рублей? Я отдамъ вамъ перваго числа.

НИКОЛАЙ (важничая). Дать можно... только я Кузьмѣ Ивановичу скажу, чтобы онъ удержалъ изъ жалованья.

ТЕПЛОВЪ. Хорошо, давайте...

(Николай медленно, многозначительно посматривая на Теплова, — вотъ дескать какой я, деньги даю вашему брату, —отсчитываетъ серебромъ два рубля. Звонокъ)

НИКОЛАЙ. Звонокъ... Погодите... (Кладетъ въ карманъ деньги и идетъ отпирать дверь)

ТЕПЛОВЪ. Вы давайте... откроете послѣ...

НИКОЛАЙ. Нѣтъ ужъ вы „послѣ"... Не хлѣбъ за животомъ ходитъ, а животъ за хлѣбомъ.

ТЕПЛОВЪ (обращаясь къ Сусликову). Я пришлю съ мальчикомъ. Ступайте домой... (Уходитъ въ комнату служащихъ)

(Николай отпираетъ дверь. Входитъ артельный староста Щетининъ и артельщикъ Константиновъ. Щетининъ мужчина среднихъ лѣтъ, блондинъ, съ краснымъ пятнистымъ и угреватымъ лицомъ, щеголевато одѣвается, носитъ цилиндръ, старается быть интеллигентнымъ и воспитаннымъ; шельмоватый, умный приказчикъ, попавшій въ артельные старосты и чувствующій себя хозяиномъ надъ людьми. Въ рукахъ у него портфель. Константиновъ, молодой артельщикъ, недавно пріѣхавшій

Digitized by Google

изъ глухой провинціи. Безличность съ черненькими усиками)

ЩЕТИНИНЪ (обращаясь къ Николаю и снимая цвѣтныя перчатки) Кузьма Ивановичъ при исполненіи своихъ обязанностей?

НИКОЛАЙ. Заняты... Наверхъ пошли... Придется подождать.

ЩЕТИНИНЪ (замѣтивъ Сусликова). Вы зачѣмъ здѣсь?

СУСЛИКОВЪ (кланяясь и подавая руку). По дѣлу... къ Андрюшѣ...

ЩЕТИНИНЪ (нехотя давая пожать свою руку). Какъ живете?

СУСЛИКОВЪ. Богъ грѣхамъ терпитъ... Слава Богу...

ЩЕТИНИНЪ. Не скучно безъ дѣла? Напрасно вышли изъ артели, вонъ еще какимъ молодцомъ смотрите.

СУСЛИКОВЪ. Староватъ, староватъ сталъ. Куда ужъ? Сорокъ лѣтъ въ артельщикахъ состоялъ, будетъ... Пусть зять послужитъ на мой паекъ.

НИКОЛАЙ. Пожалуйте раздѣться.

ЩЕТИНИНЪ (обращаясь къ Константинову). Раздѣнемся (Раздѣваются)

СУСЛИКОВЪ (обращаясь къ Константинову). А ты не робѣй, Иванъ Ивановичъ, не робѣй... Робость много вредитъ, я самъ по себѣ знаю... Я всю жизнь робѣлъ, да такъ съ однимъ паечкомъ и остался... (Обращаясь къ Щетинину и похлопывая по плечу Константинова) Родственникъ вѣдь по женѣ покойницѣ... Вотъ надо бы съ артели могарычъ за новаго члена. Я посовѣтовалъ поступить-то ему... Письмо написалъ и пріѣхалъ...

ЩЕТИНИНЪ. Подайте заявленіе на общее собраніе, можетъ быть, постановятъ.

СУСЛИКОВЪ. Слѣдовало бы—шестого ставлю... Ужъ вы, Василій Федоровичъ, постарайтесь его пристроить какъ-нибудь у Купоросовыхъ. Чего бы лучше...

ЩЕТИНИНЪ. Надѣюсь.

Digitized by Google

СУСЛИКОВЪ. Шесть мѣсяцевъ безъ дѣла ходитъ... Въ другихъ артеляхъ этого не бываетъ...

ЩЕТИНИНЪ. Вы теперь не членъ нашей артели, и ваши замѣчанія излишни... Передали пай-то... Накачали намъ гуся на шею... Нечего сказать, хорошъ работникъ вашъ зятекъ...

СУСЛИКОВЪ. Вѣдь онъ никогда не служилъ... Къ нему нельзя строго... (Выходитъ Тепловъ)

ТЕПЛОВЪ (обращаясь къ Сусликову). Вы еще здѣсь?

СУСЛИКОВЪ. Заговорился... Я сейчасъ... (Уходитъ. Тепловъ, молча, здоровается съ Щетининымъ и Константиновымъ и проходитъ въ контору)

НИКОЛАЙ. Присядьте. (Показываетъ на ларь и уходитъ въ швейцарскую. Щетининъ и Константиновъ садятся. Пауза)

ЩЕТИНИНЪ. Видите, домъ-то какой? Одинъ живетъ...

КОНСТАНТИНОВЪ. Ужъ чего не домъ! Вотъ бы въ нашъ городъ такой, ахнули бы... У насъ три каменныхъ дома во всемъ городѣ...

ЩЕТИНИНЪ. У Купоросова служить все равно, что въ могилѣ лежать,—вѣчно и покойно можно... Движеній не бываетъ, жалованья не прибавляютъ, но зато основательному человѣку долго служить можно. Прибавки не ждите.

КОНСТАНТИНОВЪ. Только поступить бы... (Осматриваясь кругомъ) Богатство-то какое... Далъ же Богъ людямъ...

ЩЕТИНИНЪ. А какъ вы думаете, сколько такой домъ стоитъ!

КОНСТАНТИНОВЪ. Не знаю!

ЩЕТИНИНЪ. Триста тысячъ, если не больше...

КОНСТАНТИНОВЪ. Вотъ здорово!

(Пауза)

ЩЕТИНИНЪ (посмотрѣвъ на ларь и желая удивить чѣмъ-нибудь Константинова) А вотъ эта штука, напримѣръ, ерунда, а стоитъ рубликовъ семьдесятъ...

КОНСТАНТИНОВЪ. Какая штука?

Digitized by Google

ЩЕТИНИНЪ. Ларь, на которомъ мы сидимъ... Дубовый...

КОНСТАНТИНОВЪ. Ой, ой, ой! (Даже привсталъ съ ларя и пощупалъ то мѣсто, на которомъ сидѣлъ. Пауза. Константиновъ замѣчаетъ кольцо на пальцѣ Щетинина)

КОНСТАНТИНОВЪ (показывая на кольцо). А сколько такое кольцо стоитъ?

ЩЕТИНИНЪ. Сто шестьдесятъ.

КОНСТАНТИНОВЪ. Тоже комаръ не начихаетъ.

ЩЕТИНИНЪ. Есть кольца по пяти тысячъ и дороже... Вы держите себя развязнѣе, не мокрой курицей... Дѣловой человѣкъ долженъ быть бравымъ, энергичнымъ.

КОНСТАНТИНОВЪ. Какъ-то не выходитъ у меня...

(Изъ комнаты служащихъ выходитъ Пушкаревъ и здоровается съ Щетининымъ)

ПУШКАРЕВЪ (кивая головой на Константинова). Съ новенькимъ?.. Говорили про него здѣсь... (Тихо, наклоняясь къ старостѣ:) Тепловъ сегодня дома не ночевалъ.

ЩЕТИНИНЪ. Что же я буду дѣлать?

ПУШКАРЕВЪ. Когда у насъ общее собраніе?

ЩЕТИНИНЪ. Получите повѣстку...

(Съ лѣстницы спускается Мясниковъ. Пушкаревъ, замѣтивъ его, уходитъ въ контору)

ЩЕТИНИНЪ (тихо, дергая за рукавъ Константинова). Идетъ... Встаньте! (Почтительно подходитъ къ Мясникову и кланяется, улыбаясь масляной улыбкой)

МЯСНИКОВЪ (подавая руку старостѣ). Привели?

ЩЕТИНИНЪ. Точно такъ... (Показывая на Константинова) Вотъ они будутъ...

МЯСНИКОВЪ (подавая руку Константинову и внимательно осматривая его съ ногъ до головы). Сколько вамъ лѣтъ?

КОНСТАНТИНОВЪ. Двадцать три.

МЯСНИКОВЪ. Молодоваты.

ЩЕТИНИНЪ. Это ничего...

МЯСНИКОВЪ. Женаты?

Digitized by Google

КОНСТАНТИНОВЪ. Нѣтъ.

МЯСНИКОВЪ (подумавъ и обращаясь къ Щетинину). Дѣло-то едва ли подойдетъ... Хозяину хочется на эту должность обязательно женатаго... Неудобно тамъ, далеко, да и мѣсто такое курортное. Это не такъ просто, молодой человѣкъ, управлять дачами... Публика тамъ почтенная, богатая, надо быть свѣдущимъ, такъ сказать порасторопнѣе... Тамъ и курзальчикъ есть, зальцо и все такое...

ЩЕТИНИНЪ. Я это имъ, Кузьма Ивановичъ, все подробно объяснялъ. Они могутъ... А относительно того, что они не женаты, такъ это не такъ долго.

МЯСНИКОВЪ. Было бы желаніе. Савелію Игнатьевичу хочется развить это мѣстечко, сдѣлать въ родѣ Гурзуфа. Но это, понятно, дѣло далекаго будущаго... Пойдемте ко мнѣ... Я васъ подробнѣе ознакомлю. Покажу карточки... У насъ со всего сняты карточки... Мѣсто, рай земной, море, скалы... А жалованье маленькое... Николай! (Николай выходитъ изъ швейцарской) Скажи Савелію Игнатьевичу, что артельный староста здѣсь... Да еще попроси Александру Степановну принести мнѣ въ комнату этого... Какъ его... Бутербродовъ со свѣжей икрой... Ѣсть что-то захотѣлось... Пойдемте.

(Уходятъ въ контору. Николай подымается по лѣстницѣ. Пауза, во время которой конторщики по одному и по два проходятъ опять въ контору. Сверху въ богатомъ халатѣ и туфляхъ сходитъ, вмѣстѣ съ Николаемъ, Купоросовъ, человѣкъ лѣтъ 35—37. У него умное, интеллигентное лицо и изящныя манеры. Носитъ пенснэ. Въ немъ живутъ какъ будто два человѣка: одинъ болѣе-менѣе культурный, съ чуткимъ сердцемъ; другой—тщеславный, скупой купецъ, самодурствующій и сдерживающій себя. Такая раздвоен-

Digitized by Google

ность натуры очень тяготитъ его.—Наслѣдственность, какъ насильно привитая болѣзнь, отравляетъ его жизнь)

КУПОРОСОВЪ. Гдѣ они?

НИКОЛАЙ. Должно быть въ комнатѣ у Кузьмы Ивановича. Сегодня, Савелій Игнатьевичъ, Тепловъ дома не ночевалъ...

КУПОРОСОВЪ. Это тебя, Николай, не касается... Я никакого ябедничества не терплю...

(Проходитъ въ контору. Сверху спускается съ бутербродами Саша)

НИКОЛАЙ. Не женихъ ли? Не этого ли вамъ изволитъ сватать Кузьма Ивановичъ?

САША. Не ваше дѣло. (Идетъ въ контору)

НИКОЛАЙ (горячо, преграждая ей дорогу). А вотъ мое дѣло! Мое! Возьму и скажу — кто вы здѣсь въ домѣ... какая родственница...

САША. Не смѣете! Васъ съ мѣста прогонятъ.

НИКОЛАЙ. И наплевать. У меня двѣ тысячи триста... Я никого не боюсь... Я для себя Купоросовъ, и больше никакихъ...

САША. Я тоже васъ не боюсь... Мнѣ денегъ дадутъ... Съ деньгами всякій возьметъ, хоть и узнаетъ, кто я такая... Сама скажу. Мамаша говоритъ, чтобъ я сказала, я такъ и сдѣлаю. А съ вами больше разговаривать не буду!..

(Уходитъ въ контору. Николай тронутъ и огорченъ. Видно, что этотъ здоровый, рыжій парень по своему любитъ Сашу. Онъ садится на диванъ около своей швейцарской, задумывается и глубоко вздыхаетъ. Вынимаетъ изъ кармана книжку сберегательной кассы, бережно и любовно перелистываетъ ее)

НИКОЛАЙ. Двѣ тысячи триста... А что толку-то? Больше надо...

(Дверь комнаты служащихъ тихо отворяется. Нерѣшительно и застѣнчиво вхо-

Digitized by Google

дитъ Анна Федоровна, молодая, симпатичная женщина, робко любящая, робко живущая и терпѣливо терпящая жизнь; кроткое и мягкое существо. На ней поношенная мѣховая кофточка и барашковая шапочка)

НИКОЛАЙ (не вставая съ дивана, грубо). Вамъ кого?

АННА ФЕДОРОВНА. Мужа...

НИКОЛАЙ. Нельзя... Онъ занимается (Пауза. Теплова не уходитъ) Я говорю, онъ занимается... Отецъ былъ, теперь вы...

(Теплова хочетъ итти и отворяетъ дверь)

НИКОЛАЙ (останавливая ее). Вамъ зачѣмъ его?

АННА ФЕДОРОВНА. Очень нужно... Денегъ онъ не оставилъ дома... Обѣщался папашѣ прислать съ мальчикомъ и не прислалъ... А деньги-то очень нужны. На базаръ я собралась...

НИКОЛАЙ. Кому они не нужны? Погодите, можетъ быть выйдетъ... (Пауза. Николай достаетъ изъ кармана два рубля и играетъ ими, подбрасывая на ладони)

НИКОЛАЙ. У меня просили... Хотѣлъ дать, а у нихъ амбиція... Чай, плачетесь съ мужемъ-то? Мужъ долженъ быть человѣкъ обстоятельный, и скопленіе, и по службѣ, и все такое... Женщины не разумѣютъ мужчинъ, а оттого бываетъ вотъ такъ, какъ у васъ.

АННА ФЕДОРОВНА. Нельзя ли мнѣ послать его?

НИКОЛАЙ. Погодите.

(Звонокъ. Николай отворяетъ дверь. Входитъ ученикъ консерваторіи, Бѣльковичъ — торопливый, живой, нервный сангвиникъ. Быстро раздѣвается, бросая фразы Николаю)

БѢЛЬКОВИЧЪ. Немного опоздалъ... Можетъ быть не вставалъ еще?

НИКОЛАЙ. Въ конторѣ.

БѢЛЬКОВИЧЪ. Скажите, чтобы шелъ... У меня время

Digitized by Google

сегодня нѣтъ. Еще нашелъ урокъ... Съ девяти часовъ на ногахъ.

НИКОЛАЙ. Подождите.

БѢЛЬКОВИЧЪ. Вы не разсуждайте, а ступайте и скажите!

(Вбѣгаетъ на лѣстницу. Николай уходитъ въ контору и скоро возвращается)

НИКОЛАЙ (обращаясь къ Тепловой). Вы вышли бы на время. Посидите хоть у меня, въ швейцарской... Хозяинъ сейчасъ выйдетъ. Они не любятъ, чтобъ тутъ съ посторонними дѣлами...

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ конторы). Кузьма Ивановичъ, на одну минуту...

НИКОЛАЙ. Идетъ... схоронитесь...

(Теплова уходитъ въ швейцарскую. Изъ конторы выходятъ Мясниковъ и Купоросовъ)

КУПОРОСОВЪ. Не подходитъ... Туда надо что-нибудь пообтесаннѣе. Этотъ двухъ словъ не умѣетъ сказать. Должно быть, между артельщиками нечего искать человѣка.

МЯСНИКОВЪ. Вотъ развѣ кассиръ нашъ Тепловъ?

КУПОРОСОВЪ. Мнѣ его лицо не нравится... Дѣлайте какъ-нибудь... (Идетъ къ лѣстницѣ) У меня музыкальный часъ.

МЯСНИКОВЪ. А какъ же относительно Александры Степановны? Онъ ей нравится и подходилъ бы...

КУПОРОСОВЪ. Это меня мало касается... Впрочемъ... (Подумавъ) Устройте его при оптовомъ складѣ рублей на сорокъ... А посылать такого олуха царя небеснаго въ Крымъ невозможно... Стыдно имѣть тамъ такого управляющаго... Однимъ словомъ безъ меня... Но, чтобы на слѣдующей недѣлѣ былъ управляющій... (Уходитъ)

МЯСНИКОВЪ (идя въ контору и бормоча про себя). Безъ меня, безъ меня... Знаю я это... какъ безъ тебя... (Въ

Digitized by Google

дверяхъ конторы сталкивается съ выходящими оттуда Щетининымъ и Константиновымъ)

МЯСНИКОВЪ. Староста, ко мнѣ на минуту.

(Щетининъ остается съ Мясниковымъ въ конторѣ. Константиновъ подходитъ къ лѣстницѣ. Входитъ Саша и проходитъ наверхъ, задѣвая нарочно плечомъ Константинова)

КОНСТАНТИНОВЪ (смутившись). Простите...

САША (стоя на лѣстницѣ). Васъ какъ зовутъ?

КОНСТАНТИНОВЪ. Иваномъ.

САША. Неужели? Мнѣ гадалка сказала, моего мужа будутъ называть Иваномъ. (Быстро вбѣгаетъ на лѣстницу)

НИКОЛАЙ. Изволили поступить?

КОНСТАНТИНОВЪ. Еще неизвѣстно. Дай-то Богъ. Шесть мѣсяцевъ безъ мѣста... Пріѣхалъ изъ провинціи... и вотъ...

НИКОЛАЙ. Поступить-то къ намъ радость небольшая... У насъ служить все равно, какъ въ каторгѣ быть... Всѣ служащіе нищими умираютъ.

КОНСТАНТИНОВЪ. А все же лучше, чѣмъ такъ... Тоска такъ... ходишь, ходишь по Москвѣ-то...

НИКОЛАЙ. Хозяину-то не совсѣмъ понравились... Проходилъ тутъ, такъ не очень деликатно про васъ говорилъ...

КОНСТАНТИНОВЪ. Я передъ нимъ перетрусилъ не много... Очень ужъ онъ важный...

НИКОЛАЙ. Зачѣмъ въ артельщики-то пошли? Умному человѣку съ деньгами въ Москвѣ безъ артели хорошо... Въ артель способный, умный человѣкъ не пойдетъ...

КОНСТАНТИНОВЪ. Такъ-то такъ... А все какъ-то поспокойнѣе за артелью, за другими... (Входитъ Щетининъ)

ЩЕТИНИНЪ (обращаясь къ Константинову). Ну, батюшка, вы въ сорочкѣ родились! Радуйтесь, чортъ васъ

Digitized by Google

возьми! Поѣзжайте на извозчикѣ къ Иверской, свѣчи ставьте...

КОНСТАНТИНОВЪ. Взяли?

ЩЕТИНИНЪ. Въ Крымъ не пошлютъ, молодъ говорятъ, а въ Москвѣ, при оптовомъ складѣ оставятъ. Да штука не въ этомъ!.. Одѣвайтесь скорѣе, дорогой все разскажу... (Хлопая по плечу) Счастливчикъ!.. Въ сорочкѣ, говорю, родился. (Смѣется непріятнымъ смѣхомъ. Оба одѣваются, Николай помогаетъ старостѣ. Входитъ Тепловъ)

ТЕПЛОВЪ (обращаясь къ Константинову). Иванъ Ивановичъ, жена просила прислать денегъ немного, рубля два... Не могу здѣсь ни у кого достать, дайте ей дома...

КОНСТАНТИНОВЪ. За вами уже тридцать четыре рубля...

ТЕПЛОВЪ. Я вамъ отдамъ при первой возможности. Дайте, жена безпокоится...

НИКОЛАЙ. Она здѣсь.

ТЕПЛОВЪ. Гдѣ?

НИКОЛАЙ. У меня въ швейцарской.

ТЕПЛОВЪ. Зачѣмъ? (Входитъ Анна Федоровна)

ТЕПЛОВЪ. Зачѣмъ ты?

АННА ФЕДОРОВНА. Я... Съ нашей дѣвочкой что-то нехорошо, Андрюша, тошнитъ ее... Я пришла.. а тутъ хозяинъ... На базаръ пошла.

ТЕПЛОВЪ (замѣтивъ, какъ она неловко себя чувствуетъ). Я приду къ обѣду... Ты напрасно такъ много безпокоишься... (Обращаясь къ Константинову) Иванъ Ивановичъ, пожалуйста, о чемъ я васъ просилъ.

КОНСТАНТИНОВЪ. Хорошо.

ЩЕТИНИНЪ (тихо). Не давайте.

(Щетининъ, Константиновъ и Анна Федоровна уходятъ. Николай запираетъ за ними дверь и садится на диванъ. Только теперь онъ понялъ, что фактъ выхода замужъ Саши можетъ легко свер-

Digitized by Google

шиться, и разстроился. Теплову не до занятій, онъ сѣлъ на ларь, закурилъ папиросу, задумался, чувствуя себя виноватымъ передъ женой. Раздражается; бросаетъ папиросу на полъ. Она ему противна)

НИКОЛАЙ (какъ бы обрадовавшись случаю на чемъ-нибудь сорвать свое недовольство). Зачѣмъ вы бросаете папиросы на полъ? Здѣсь не кабакъ...

ТЕПЛОВЪ. Будьте повѣжливѣе...

НИКОЛАЙ. Да что вы важничаете? Кто вы такой? На чужія деньги служите, считаете себя образованнымъ господиномъ, а жену впроголодь держите... Тоже!..

ТЕПЛОВЪ. Дуракъ!

НИКОЛАЙ. Я двѣнадцать лѣтъ служу здѣсь, и меня никто дуракомъ не называлъ... Что это за обида?.. Я сейчасъ Кузьмѣ Ивановичу доложу. Вы думаете нѣтъ? Вотъ сейчасъ пойду и скажу... (Уходитъ въ контору и скоро возвращается. Тепловъ въ волненіи ходитъ по сѣнямъ. Звонокъ) Шли бы заниматься... Что ходите здѣсь, какъ маятникъ? (Отворяетъ дверь и уходитъ въ фонарь) Нельзя!.. У насъ занятія до восьми часовъ (Пауза) Я говорю вамъ нельзя.

(Тепловъ подходитъ къ фонарю и смотритъ на улицу. Узнаетъ Терпигореву; лицо его принимаетъ изумленное выраженіе, онъ какъ бы не вѣритъ своимъ глазамъ, и потомъ его охватываетъ приливъ радости. Онъ вбѣгаетъ въ фонарь)

ТЕПЛОВЪ. Можно! Можно! (Отстраняетъ Николая и втаскиваетъ за руку Терпигореву)

НИКОЛАЙ. Я къ Кузьмѣ Ивановичу... Пусть самъ онъ... (Уходитъ въ контору)

(Терпигорева некрасивая, но пріятная дѣвушка, лѣтъ 27-ми. На ней — несуразно сшитая длинная шуба, какая-то маленькая смѣшная шапочка и порыжѣвшій старый пледъ на плечахъ).

ТЕПЛОВЪ (все еще не вѣря глазамъ и крѣпко пожимая руку

Digitized by Google

Терпигоревой). Просто не вѣрится... Ты здѣсь!.. Чортъ знаетъ что такое! Это сонъ... Какимъ образомъ, когда?

ТЕРПИГОРЕВА. Сейчасъ съ вокзала. У меня здѣсь и вещи на извозчикѣ... Я не знаю совершенно Москвы,— скажи, куда ѣхать, чтобы подешевле и можно было бы жить? Какъ-нибудь, это неважно...

ТЕПЛОВЪ. Остановись у меня... я живу внизу здѣсь... Двадцать лѣтъ, кажется, собиралась...

ТЕРПИГОРЕВА. Три года. Накопила сто рублей и пріѣхала на Рождественскіе праздники.

ТЕПЛОВЪ. Въ три года сто рублей! Неужели до сихъ поръ получаешь семнадцать рублей?

ТЕРПИГОРЕВА. О, нѣтъ, тридцать пять... Я теперь завѣдующая школой, главная учительница, квартира при школѣ. (Смѣются)

ТЕПЛОВЪ (пожимая ей руку). Какъ я радъ! Какъ я радъ! (Входитъ Мясниковъ и Николай)

НИКОЛАЙ (въ дверяхъ конторы). Они насильно... Я имъ говорилъ... Развѣ такъ можно?

ТЕПЛОВЪ (обращаясь къ Мясникову). Кузьма Ивановичъ, ко мнѣ пріѣхала моя родственница, учительница, старый другъ. Могу ли я не заниматься сегодня? Кстати дѣлать нечего, полученій не предвидится, разсчеты кончены...

МЯСНИКОВЪ. Да что вы, милостивый государь, съ ума сошли?! Опоздали на службу, цѣлый день къ вамъ сегодня то папаши, то мамаши, а тутъ еще какія-то подруги. (Выйдя изъ себя, кричитъ) Вы въ гостяхъ здѣсь или на службѣ? На службѣ или въ гостяхъ?

ТЕПЛОВЪ. Я подымусь сейчасъ къ Савелію Игнатьевичу, онъ интеллигентнѣе васъ и пойметъ...

МЯСНИКОВЪ. Онъ вашу рожу не переваривaетъ и объясняться съ вами не будетъ... У него музыкальный часъ...

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Въ такомъ случаѣ я объяснюсь съ нимъ послѣ... А сейчасъ иду... (Надѣваетъ пальто и шапку)

ТЕРПИГОРЕВА. Можетъ быть, я одна...

ТЕПЛОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, я съ тобой.

МЯСНИКОВЪ. Съ ума сошелъ человѣкъ...

ТЕПЛОВЪ. Съ вами сойдешь съ ума!

(Сверху сбѣгаетъ возмущенный Бѣльковичъ. За нимъ Купоросовъ. Въ рукахъ у него шляпа и плащъ Фауста)

КУПОРОСОВЪ (останавливаясь наверху лѣстницы). Это глупо, Бѣльковичъ, вернитесь!

БѢЛЬКОВИЧЪ (стоя на половинѣ лѣстницы). Я не могу! Это меня раздражаетъ! Вы часъ будете одѣваться Фаустомъ, часъ Трубадуромъ, часъ Раулемъ... Я не могу, у меня нѣтъ времени.

КУПОРОСОВЪ. Вѣдь, вы сами находите, и я это чувствую, что у меня лучше выходитъ, когда я пою въ костюмѣ.

БѢЛЬКОВИЧЪ. Простите... Я люблю и уважаю музыку, и присутствовать при балаганномъ переодѣваніи у меня не хватаетъ нервъ!

КУПОРОСОВЪ. Ваше дѣло только аккомпанировать. Вы получаете деньги за каждый часъ,—не все ли вамъ равно?

БѢЛЬКОВИЧЪ (одѣваясь у вѣшалки). Да ну васъ съ вашими деньгами! У меня есть уроки, гдѣ мнѣ тоже платятъ деньги, и гдѣ я занимаюсь съ удовольствіемъ. (Самъ отпираетъ дверь и уходитъ)

(Саша во время сцены Бѣлькович а съ Купоросовымъ тоже появляется на лѣстницѣ, Николай уходитъ въ швейцарскую)

КУПОРОСОВЪ (про себя). Скотина!

ТЕПЛОВЪ (дѣлая нѣсколько шаговъ къ лѣстницѣ). Савелій Игнатьевичъ, ко мнѣ пріѣхала...

Digitized by Google

КУПОРОСОВЪ. Нашли время разговаривать... Вы видите... что я... (Хочетъ итти)

ТЕПЛОВЪ. Мнѣ необходимо.

МЯСНИКОВЪ. Они изволили здѣсь скандалить... (Купоросовъ останавливается) Вотъ собрались... Видите, въ шапкѣ и пальто. Имъ говорятъ, со службы не уходятъ, а они-съ... Къ нимъ дама изволила пожаловать...

КУПОРОСОВЪ. Что это за безобразіе? Если къ намъ будутъ являться всякія дамы,—у насъ „Яръ" получится... Гурзуфъ!

ТЕРПИГОРЕВА. Милостивый государь, я не „всякая" дама... Я учительница Терпигорева, пятаго приходского Симбирскаго училища. Обо мнѣ можно справиться въ Симбирской Городской Управѣ, или въ канцеляріи попечителя учебнаго округа. (Оскорбленная, обращается къ Теплову) Гдѣ ты служишь? У кого?

ТЕПЛОВЪ. Это другъ моего дѣтства. Мы выросли на одной улицѣ. Весьма естественно, что именно сегодня, въ день пріѣзда этой женщины, я прошу свободы. Мнѣ, можетъ быть, этотъ день значительнѣе праздниковъ, которые такъ чтутся въ коммерческомъ мірѣ... Понятно, этого не могъ понять вашъ управляющій и позволилъ меня оскорбить, какъ послѣдняго рабочаго. Я обратился къ вамъ, предполагая, что вы болѣе воспитанный человѣкъ.

КУПОРОСОВЪ (совершенно сконфузившись и растерявшись) Ну да, да я понимаю... Простите... Знаете, по утрамъ такъ разстраиваешься. Ничего не соображаешь... Прошу васъ, куда хотите, на всѣ четыре стороны.

ТЕПЛОВЪ. Благодарю васъ. (Обращаясь къ Терпигоревой) Пойдемъ. (Уходятъ. Купоросовъ, недовольный собой, задумавшись стоитъ на лѣстницѣ)

МЯСНИКОВЪ. Прикажете разсчетъ?

КУПОРОСОВЪ. Кому? Зачѣмъ?

Digitized by Google

МЯСНИКОВЪ. Теплову... Зачѣмъ же намъ такіе служащіе?..

КУПОРОСОВЪ. Вамъ самимъ надо разсчетъ! Не умѣете различать людей... Черезъ васъ самъ хамомъ какимъ-то дѣлаешься. Мнѣ было стыдно и его... Надо быть вообще повѣжливѣе вамъ.

МЯСНИКОВЪ (идя въ контору, обиженно бормочетъ про себя) Надо быть повѣжливѣе... Самъ-то больно вѣжливъ...

КУПОРОСОВЪ. Не бормотать! (Медленно, задумавшись идетъ наверхъ)

САША (на площадкѣ лѣстницы). Надѣньте шляпу Фауста... Она такъ идетъ къ вамъ... Можно въ кабинетъ прійти?

КУПОРОСОВЪ (отстраняя ее). Я тебѣ сказалъ: выкинь разъ навсегда все изъ головы...

САША (забѣгая впередъ, преграждая ему дорогу, вульгарно и цинично). Если такъ, давай деньги! Десять тысячъ давай! Иначе меня никто не возьметъ... Мамаша говорила, чтобъ я требовала, и я буду требовать!

КУПОРОСОВЪ. Тише... (Зажимая уши руками) Какая пошлость! Какая пошлость! (Быстро вбѣгаетъ наверхъ)

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Тотъ же домъ. Подвальный этажъ. Небольшая комната со сводами, представляющая изъ себя и залъ, и кабинетъ, и столовую. Окна расположены высоко подъ потолкомъ; полъ недавно выкрашенъ и ярко блеститъ. Двѣ двери: съ правой стороны—въ переднюю, съ лѣвой—въ смежныя комнаты. Въ глубинѣ, у стѣны—большой удобный турецкій диванъ; передъ нимъ столовый столъ; на полу подъ столомъ—клеенка. На стѣнѣ, у которой стоитъ диванъ,—большой коверъ; остальная часть стѣны задрапирована такъ, что стѣны не видать. На коврѣ виситъ пейзажъ работы Теплова въ самодѣльной рамѣ. Другія двѣ стѣны тоже украшены красиво подобранной матеріей кругомъ картинъ. Драпировки на дверяхъ повѣшены съ такой преднамѣренной небрежностью и такъ оригинально, какъ не встрѣтишь ни въ одномъ домѣ. На первомъ планѣ стоитъ мольбертъ съ начатой картиной; около него табуретка съ художественными принадлежностями. По срединѣ свода на потолкѣ—трапеція. Въ комнатѣ еще находятся: письменный столъ, часы съ механической кукушкой, буфетъ, легкіе стулья. Въ общемъ, изъ дурной, сырой подвальной комнаты получается своеобразный, уютный уголокъ.

(Третій день Рождества. Темно.

По поднятіи занавѣса, изъ часовъ выскакиваетъ кукушка и кукуетъ шесть часовъ.

Сусликовъ, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ и напѣваетъ что-то церковное.

Пауза. Входитъ съ работой въ рукахъ Анна Федоровна)

АННА ФЕДОРОВНА. Шесть?

СУСЛИКОВЪ. Да, шесть уже...

(Анна Федоровна садится за столъ. Пауза)

Digitized by Google

АННА ФЕДОРОВНА. Не идутъ...

СУСЛИКОВЪ. Придутъ... Гдѣ имъ пропасть?.. Придутъ...

АННА ФЕДОРОВНА. Въ девять часовъ ушли... Не обѣдали...

СУСЛИКОВЪ. У ней деньжонки есть,—зашли куда-нибудь... А ты не грусти... Вотъ третій день Рождества—Крещенье скоро... Уѣдетъ... Она вѣдь только до Крещенья...

АННА ФЕДОРОВНА. Не то, папаша, не то... Она мнѣ не мѣшаетъ, пусть живетъ.,. Андрюшѣ съ нею веселѣе... Онъ пить пересталъ. Она взяла съ него слово не пить, и онъ не пьетъ...

СУСЛИКОВЪ. Вѣдь это хорошо... Это хорошо, Анечка...

АННА ФЕДОРОВНА. Конечно хорошо. Я сколько просила, онъ все пилъ... Вотъ, если бы я была, папочка, такая, какъ она... умная, развитая... тогда было бы все другое, совсѣмъ другое.

(Задумывается и, положивъ руки на столъ, кладетъ на нихъ голову)

СУСЛИКОВЪ. Перестань, перестань, дурашка!.. Вотъ я сейчасъ свѣтъ зажгу... при огнѣ веселѣе... (Зажигаетъ лампу) Москву онъ ей показываетъ... Скоро ее не покажешь,—вонъ какая деревня... Что сокрушаться-то?.. Вѣдь она ему не чужая...

АННА ФЕДОРОВНА. Они сегодня въ Третьяковскую галлерею пошли.

СУСЛИКОВЪ. Ну, вотъ, видишь, въ галлерею пошли... Надо бы и тебѣ съ ними, а я тутъ остался бы...

АННА ФЕДОРОВНА. Я помѣшала бы имъ.

СУСЛИКОВЪ. Ну, вотъ, жена, да помѣшала бы!

АННА ФЕДОРОВНА. Я имъ мѣшаю... Когда они вдвоемъ,—весело разговариваютъ и долго, а когда я съ ними, они какъ будто бы не хотятъ говорить при мнѣ...

Digitized by Google

И простыя они слова говорятъ, и я, кажется, сказала-бы ихъ, да вотъ не могу... (Пауза) Онъ кается, папаша, что на мнѣ женился... я это чувствую... не говоритъ, а кается...

СУСЛИКОВЪ. Ну, вотъ тебѣ!

АННА ФЕДОРОВНА (какъ бы раздумывая про себя). Кажется... Онъ кается... Къ Калининымъ ходитъ... Тамъ Лидія Петровна... Она тоже картины пишетъ...

СУСЛИКОВЪ. Будетъ тебѣ! Ишь лампа-то какъ свѣтло горитъ.... Эта горѣлка лучше.

(Замѣчаетъ страдальческое, блѣдное лицо дочери, и ему хочется чѣмъ-нибудь облегчить ее, но онъ не знаетъ, что ему сдѣлать. Садится за столъ и вдругъ начинаетъ смѣяться фальшивымъ дѣланнымъ смѣхомъ)

АННА ФЕДОРОВНА. Что вы смѣетесь?

СУСЛИКОВЪ. А мнѣ вспоминалась одна исторія... Интересная исторія... Былъ парадъ на театральной площади... Великій князь пріѣзжалъ... Одинъ товарищъ-артельщикъ и говоритъ мнѣ: пойдемъ, Сусликовъ, на парадъ... Пошли... народу видимо-невидимо... И надо было намъ попасть впередъ... Товарищъ и говоритъ мнѣ: смотри, тебя казакъ лошадью... А я: ничего... И только я успѣлъ сказать это ничего,—казакъ тутъ, какъ тутъ... Повернулъ лошадь и претъ на народъ. Я бы въ сторонку, да носомъ-то прямо въ задъ лошади... (Старается смѣяться веселѣе) Носомъ, Анечка, прямо въ задъ... (Пауза. Сусликовъ видитъ, что его разсказъ не развеселилъ дочь, и очень огорчается) Давай въ дураки играть... Праздникъ вѣдь...

АННА ФЕДОРОВНА. Не хочу... И кто онъ такой, папаша?

СУСЛИКОВЪ. Кто?

АННА ФЕДОРОВНА. Андрей... Вѣдь онъ хорошій, очень хорошій, только... Вотъ, если-бы у насъ деньги,— онъ не скучалъ бы, сталъ бы заниматься картинами, и былъ бы другимъ... веселымъ...

Digitized by Google

СУСЛИКОВЪ. Да что ты думаешь все объ одномъ и томъ-же? Если-бъ, да если-бъ! А ты будь довольна тѣмъ, что есть...

АННА ФЕДОРОВНА (отвѣчая на свои мысли). Мнѣ надо быть лучше. А какъ это сдѣлать, я не знаю...

СУСЛИКОВЪ. Будетъ тебѣ... Давай въ дураки играть...

(Тасуетъ карты. Пауза. Вбѣгаетъ Вася)

ВАСЯ. Барышня дома?

СУСЛИКОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ еще... Что ты бѣгаешь?.. Надоѣлъ...

ВАСЯ. Савелій Игнатьевичъ приказали тотчасъ же доложить, когда они придутъ.

СУСЛИКОВЪ. Что ее ему нужно? Не пришла еще.

ВАСЯ. Я такъ и скажу...

(Уходитъ)

СУСЛИКОВЪ. Что это, Анечка? Вчера былъ, третьяго дня былъ... опять сегодня хочетъ прійти...

АННА ФЕДОРОВНА. Такъ, отъ скуки ходитъ... Сидитъ одинъ тамъ наверху въ тридцати комнатахъ... Лучше не ходилъ бы, не люблю я его...

СУСЛИКОВЪ. Да то-то, кажись, дѣлать-то ему здѣсь нечего... Раньше никогда не бывалъ... Андрюшѣ и руки не подавалъ... А тутъ—на-ка! Въ гости. Что бы это значило? Давай въ дураки играть...

АННА ФЕДОРОВНА. Не буду...

(Работаетъ. Сусликовъ опять ходитъ по комнатѣ и поетъ, мурлыча про себя. Пауза)

АННА ФЕДОРОВНА. Теперь въ Кусковѣ озеро въ снѣгу... Не видно острова... все снѣгъ...

СУСЛИКОВЪ... Теперь вездѣ снѣгъ, ну, и пусть его...

АННА ФЕДОРОВНА. Надо нынче лѣтомъ поѣхать въ Кусково... Тамъ хорошо... Отчего, папаша, лѣтомъ Андрей пьетъ, а зимой не пьетъ?

СУСЛИКОВЪ. А Богъ его знаетъ... (Пауза)

Digitized by Google

АННА ФЕДОРОВНА (безпокойно). Они къ Калининымъ пошли... Просидятъ тамъ... Лидія Петровна задержитъ... Она всегда... Знаетъ, что непріятно, а дѣлаетъ... Злая она...

(Въ передней съ шумомъ распахивается входная дверь, и вбѣгаетъ Саша и швейцаръ Николай)

СУСЛИКОВЪ. Вонъ, кажется, они...

(Голосъ Саши въ передней; „Оставьте меня! Оставьте!“ Вбѣгаетъ въ комнату; за ней входитъ Николай)

САША (вбѣгая въ комнату). Оставьте меня! Что пристали, какъ банный листъ? Куда я, туда и вы... Анна Федоровна, нѣтъ ли у васъ бензину? Я собралась въ театръ, а перчатки-то грязныя... Стыдно ѣхать-то въ такихъ... Магазины-то всѣ заперты, праздники...

АННА ФЕДОРОВНА. У меня нѣтъ...

НИКОЛАЙ Вотъ я предлагаю свои нитяныя взять, швейцарскія...

САША. Глупо, очень глупо... Нравится вамъ платье?

(Вертится передъ Анной Федоровной)

АННА ФЕДОРОВНА. Хорошо...

САША. Пятьдесятъ рублей стоитъ...

НИКОЛАЙ. Вамъ деньги—соръ...

САША. Не копить же, какъ вы копите... Я въ пятый рядъ иду... За билетъ заплатила два рубля сорокъ копеекъ... (Съ восторгомъ) „Цыганскія пѣсни“ сегодня!.. „Пара гнѣдыхъ!..“ Въ антрактѣ кофе пойду пить...

НИКОЛАЙ. Савелій Игнатьевичъ не пуститъ... Напрасно расфрантилась...

САША. А онъ ужъ пустилъ! Что? Выкусили?

НИКОЛАЙ. Глупо сдѣлалъ...

САША. Жалко, васъ не спросилъ... А вчера я, Анна Федоровна, у одной знакомой была... Было весело... Одинъ блондинъ съ остренькой бородкой все смѣшныя

Digitized by Google

пѣсни пѣлъ подъ гитару... Какъ это онъ пѣлъ? (Вспоминаетъ и поетъ)

„Если-бъ женщины въ картошку обратилися,
То мужчины бы копать ихъ всѣхъ пустилися,
Всегда, всегда
Съ утра и до утра“...

(Привскакиваетъ, щелкаетъ пальцами и заливается веселымъ смѣхомъ)

НИКОЛАЙ. Паскудству поучаетесь... По утрамъ по церквамъ ходите, а по вечерамъ-то...

САША. Оставьте свои нравоученія!.. Что онъ, Анна Федоровна, ко мнѣ пристаетъ? Уходите отсюда! Я по лѣстницѣ съ вами не пойду... Тамъ огня нѣтъ. Не уйду отсюда, покуда вы не уйдете... (Садится)

НИКОЛАЙ. Напрасно бояться изволите... Я не какой-нибудь... Всѣмъ извѣстно, что... что мы въ другихъ не нуждаемся... И можемъ даже уважать самихъ себя.

САША (не слушая его, вспоминая про перчатки и огорчаясь). Какъ же я въ такихъ перчаткахъ-то? Скажутъ: Купоросовская, а перчатки-то грязныя...

(Звонокъ)

СУСЛИКОВЪ. Должно быть, Андрюша... Что онъ звонитъ? Дверь-то незаперта.

(Уходитъ въ переднюю)

САША. Я уйду... Я боюсь его... (Обращаясь къ Николаю и стукнувъ ногой по полу) Не ходите за мной! Все равно ничего не будетъ...

(Уходитъ)

НИКОЛАЙ. Жаль дѣвушку... Легкомысленность большая... Ею многія женщины страдаютъ...

(Входятъ Терпигорева, Тепловъ и Сусликовъ)

СУСЛИКОВЪ (проходя въ другія комнаты). Я сейчасъ самоваръ... Я скоро, живой рукой...

АННА ФЕДОРОВНА (обращаясь къ мужу). Можетъ быть, ѣсть хотите?

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Нѣтъ, мы въ кондитерской кофе пили и кулебяку ѣли...

АННА ФЕДОРОВНА. Я все-таки чего-нибудь приготовлю къ чаю...

(Уходитъ)

ТЕПЛОВЪ (обращаясь къ Николаю). Вамъ чего?

НИКОЛАЙ. Ничего... Такъ пришелъ... Вотъ картиночками вашими залюбовался... Ничего, важно... Вамъ бы ихъ на Сухаревку, тамъ такого товара много... Полтинникъ, рубль продаютъ, а то, и дороже... Значитъ, зависитъ отъ достоинства...

(Тепловъ садится за письменный столъ и, сдерживая себя, молчитъ. Кукушка кукуетъ семь часовъ)

НИКОЛАЙ (садясь). Гдѣ изволили побывать? Савелій Игнатьевичъ изволили справляться, дома ли вы? (Многозначительно посмотрѣвъ на Терпигореву) Интересуются... Вамъ, чай, Москва-то въ диковинку?.. Я, когда въ первый разъ сюда солдатикомъ въ казармы пришелъ, такъ былъ много времени вродѣ какъ бы обалдѣлымъ...

ТЕПЛОВЪ. Мы, Николай, устали, цѣлый день ходили... хочется отдохнуть, а не разговаривать съ вами...

НИКОЛАЙ (обидѣвшись). Такъ-съ... Гнушаетесь? Будемъ знать... (Встаетъ) Напрасно-съ... Нынче вѣдь отъ крестьянина до барина одинъ шагъ,—было-бъ вотъ только тутъ... (Показываетъ на карманъ) Сдѣлались управляющимъ дома, такъ носъ задрали... Чинъ-то невеликъ, до васъ дворникъ эту службу справлялъ... Лишили бѣднаго человѣка мѣста, а онъ вѣдь дядей мнѣ приходится...

ТЕПЛОВЪ. Ему не я отказалъ.

НИКОЛАЙ. Знаю, не вы... Только я упросилъ-бы, если-бъ вы носа не сунули... „Буду за квартиру домомъ управлять“... Хороша квартира!.. Я и то жить-бы не сталъ...

(Уходитъ)

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Совершенно не могу переваривать этого человѣка!.. Его и его хозяина... Это двѣ откормленныя свиньи... Вѣдь я знаю, что онъ грубъ, тупъ, дикъ, и обращать вниманіе на его слова не слѣдуетъ, а вѣдь онъ меня задѣлъ... Мнѣ стало непріятно...

ТЕРПИГОРЕВА. Я это понимаю, Андрей.

(Входитъ Анна Федоровна)

ТЕРПИГОРЕВА (обращаясь къ ней). Напрасно вы не пошли съ нами, Анна Федоровна... Если-бъ я жила въ Москвѣ, я ходила бы въ эту галлерею каждую недѣлю... Есть замѣчательныя картины, удивительныя...

АННА ФЕДОРОВНА. Я была два раза, съ Андреемъ ходила... Пошла бы съ вами, да побоялась оставить дѣвочку. Она, кажется, немного нездорова.

ТЕПЛОВЪ. Но, это тебѣ, по обыкновенію, только кажется!... (Замѣчаетъ тревожное и подавленное настроеніе жены и подходитъ къ ней) Ну, а здѣсь ты не скучала? Не плакала? У тебя опять кислое личико... Не надо быть такой, слышишь? Не надо... (Ласково гладитъ по головѣ).

АННА ФЕДОРОВНА (тронутая лаской мужа, оживляясь). Я ничего... Это ты выдумалъ... Я не видала, какъ время прошло... Работала, играла съ папашей въ карты, любовалась на Машу. Она спитъ въ кроваткѣ такъ забавно, разметалась, красненькая такая... Поди, посмотри. (Обращаясь къ Терпигоревой) А вы любите дѣтей?

ТЕРПИГОРЕВА. Да. Мнѣ нельзя не любить дѣтей, я учительница. Мнѣ ихъ всѣхъ почему-то жалко. Иногда, когда дѣти что-нибудь пишутъ, и въ классѣ бываетъ тихо, посмотришь на нихъ, и станетъ вдругъ жалко... Они всѣ, когда молчатъ, такъ похожи другъ на друга, какъ будто бы эти дѣти одного отца и матери... Это, вѣроятно, оттого, что я уже слишкомъ девять лѣтъ учительствую.

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Ты хочешь сказать, что ты уже устала, утомилась? Я это замѣтилъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, я этого не хотѣла сказать... Мнѣ уже приходится встрѣчать своихъ учениковъ съ бородами... Большинство изъ нихъ ремесленники и ничѣмъ не отличаются отъ моихъ учениковъ. Такіе же пьяницы, такъ же бьютъ своихъ женъ, сидятъ по тюрьмамъ за кражи и драки... И вотъ въ классѣ мнѣ часто приходитъ въ голову, особенно осенью,—осенью я плохая учительница, — что и эти дѣти будутъ такими же ремесленниками. Дѣлается грустно... Какой-нибудь грязный карапузъ, сынъ кузнеца, читаетъ, ломая слова „Птичку Божію". Слушаешь и думаешъ: зачѣмъ тебѣ эта птичка Божія? Развѣ ты не будешь бить свою жену, зная эту птичку, такъ же, какъ твой отецъ? Нѣтъ, Андрей, и любимымъ трудомъ заниматься не всегда весело.

ТЕПЛОВЪ. Но это все-таки не то, что быть кассиромъ, получать и выдавать сальныя деньги.

ТЕРПИГОРЕВА. Ты, пожалуйста, не начинай киснуть... Будь такимъ, какимъ былъ въ галлереѣ и въ кондитерской. Анна Федоровна, пойдемте посмотримъ вашу дѣвочку. (Беретъ ее за талію) Я васъ полюбила. Вы мнѣ очень, очень нравитесь.

(Уходятъ. Тепловъ беретъ большую папку, стоящую на полу около мольберта, раскладываетъ ее на письменномъ столѣ, вынимаетъ и пересматриваетъ этюды и композиціи. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сосредоточивается и задумывается. Входитъ Сусликовъ)

СУСЛИКОВЪ. Пыхтитъ... У меня всѣхъ скорѣе пыхтитъ. Тебѣ по-моему не ставить самовары, Андрей... и Аннѣ не угоняться. (Вынимаетъ изъ буфета посуду и приготовляетъ столъ для чая) Я въ артельной конторѣ ставилъ самоваръ... Тамъ вонъ какой, какъ на вокзалахъ — ве-

Digitized by Google

дерный... Любятъ въ конторѣ чаекъ попить, любятъ... Сахару девяносто фунтовъ въ мѣсяцъ выходитъ... много, много у насъ въ артели расходовъ непроизводительныхъ... Вотъ ты, Андрюша, на общемъ собраніи какъ-нибудь проѣхался бы насчетъ этихъ непроизводительныхъ расходовъ... Дѣло-то это артельное, общее... Я всегда говорилъ, да меня не слушали, — голосъ тихій. На нашихъ артельныхъ собраніяхъ надо голосъ густой и звонкій, у кого онъ есть — за тѣмъ и правда...

ТЕПЛОВЪ. Нѣтъ, отче, говорить больше не буду. Довольно послѣдняго раза. Опять мерзавцемъ кто-нибудь назоветъ... Позволять управлять судьбами людей такимъ общимъ собраніямъ — преступленіе.

СУСЛИКОВЪ. А если не говорить, такъ они тамъ что надѣлаютъ.

(Анна Федоровна вноситъ самоваръ, за ней входитъ Терпигорева)

СУСЛИКОВЪ (подбѣгая къ дочери и стараясь взять у ней самоваръ). Зачѣмъ ты? Кто тебя просилъ?

АННА ФЕДОРОВНА. Пустите! обварите... Донесу сама...

СУСЛИКОВЪ. Сама! Гдѣ тебя не спрашиваютъ — не лѣзь... Сама!

(Обиженный, какъ ребенокъ, садится за столъ и мурлычитъ что-то себѣ подъ носъ. Анна Федоровна заваривaетъ чай и хлопочетъ около стола. Терпигорева подходитъ къ Теплову и беретъ одинъ изъ его этюдовъ)

ТЕПЛОВЪ (выдергивая изъ ея рукъ этюдъ). Оставь это!.. Скверно... (Смѣясь) Какъ ты меня ни увѣряй, а я далеко не Левитанъ... Мои этюды рядомъ съ его и лежать не должны...

ТЕРПИГОРЕВА (садясь рядомъ съ нимъ и разсматривая другіе этюды). Я тебя не сравниваю съ нимъ. Если бы всѣ думали и разсуждали, какъ ты, у насъ не было бы ни

Digitized by Google

художниковъ, ни писателей, ни музыкантовъ... Если Левитанъ большой талантъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что ты не долженъ быть художникомъ... Надо работать... Ты всегда былъ лѣнтяемъ... Оттого такъ мало и сдѣлалъ...

ТЕПЛОВЪ (опять вырывая изъ ея рукъ какой-то набросокъ, но довольный тѣмъ, что она разсматриваетъ его работу). Эго уже совсѣмъ скверно... Брось!.. Чего ты смотришь при огнѣ? Вотъ завтра утромъ я тебѣ покажу... (Вынимаетъ изъ папки небольшое полотно) Эту штуку... Мнѣ кажется, она мнѣ удалась. Это островъ на озерѣ въ Кусковѣ — есть тутъ подъ Москвой такое дачное мѣстечко... Аня этотъ островокъ хорошо знаетъ.

АННА ФЕДОРОВНА (подходя къ нимъ). Онъ очень красивый, особенно ночью...

(Терпигорева смотритъ на вынутое Тепловымъ полотно, Анна Федоровна объясняетъ ей)

АННА ФЕДОРОВНА. Видите, какія деревья. Низко, низко наклонились надъ водой. (Показываетъ пальцемъ) А вотъ эта вѣточка у него невѣрно написана... Она совсѣмъ, совсѣмъ въ водѣ...

ТЕПЛОВЪ (прижимая жену). Знаешь, Лиза, мы съ ней сосватались на этомъ островкѣ...

АННА ФЕДОРОВНА (отстраняя мужа и идя къ чайному столу). Идите чай пить.

(Терпигорева положила этюдъ на столъ и отошла. Настроеніе ея измѣнилось,—не то зависть, не то жалость къ самой себѣ пробудилась въ ней... Вѣдь у ней нѣтъ никакихъ воспоминаній объ островкахъ! Она подошла къ чайному столу, сѣла и, въ налитой чашкѣ чаю начала нервно размѣшивать сахаръ)

ТЕПЛОВЪ (воодушевленный теплымъ участіемъ женщины

Digitized by Google

къ его работѣ). А вотъ, Лиза, посмотри кой-какіе наброски карандашемъ... Ихъ при огнѣ смотрѣть можно...

(Вынимаетъ изъ папки нѣсколько рисунковъ и даетъ ей. Она беретъ и холодно разсматриваетъ ихъ. Пауза. Тепловъ тоже садится пить чай и наблюдаетъ, какое впечатлѣніе производятъ на нее рисунки)

ТЕПЛОВЪ. Тебѣ, кажется, не нравятся?

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, хорошо.

ТЕПЛОВЪ. Ты говоришь это „хорошо" такимъ тономъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Хорошо, хорошо, Андрей. Ты талантливый. Я всегда была въ тебѣ увѣрена. (Стараясь замаскировать свое настроеніе) Мнѣ просто сейчасъ, смотря на твои работы, сдѣлалось больно за тебя... Я не ожидала встрѣтить тебя... (Ищетъ выраженія) встрѣтить тебя въ этомъ подвалѣ...

ТЕПЛОВЪ. Спасибо... Вотъ если бы всегда меня кто-нибудь подбадривалъ, я, можетъ быть, и не былъ бы здѣсь... Не смотри на меня такъ, Аня, ты этого не можешь... У тебя прекрасная душа, но вѣчная забота о деньгахъ порядочно-таки помяла ее... Да, да, это вѣрно. Никогда я не сталъ бы управляющимъ, если бъ ты этого не хотѣла... Эта глупая должность рѣшительно лишаетъ меня свободы...

ТЕРПИГОРЕВА. Андрей, вспомни нашъ разговоръ на улицѣ... Нехорошо... У тебя постоянно виноваты другіе, но не ты самъ.

(Тепловъ замолчалъ и закусилъ губу. Анна Федоровна огорчена. Пауза. Теплову хочется сказать женѣ что-нибудь ласковое, но, вмѣсто словъ, онъ беретъ ея руку и крѣпко сжимаетъ)

СУСЛИКОВЪ (выпивая уже третій стаканъ чаю). А скверно будетъ, Андрюша, если общее собраніе постановитъ увеличить пай... Въ Чаровской артели, положимъ, увеличили, но вѣдь тамъ...

Digitized by Google

АННА ФЕДОРОВНА. Папаша, не говорите объ артели.

СУСЛИКОВЪ (посмотрѣвъ на Терпигореву). Нельзя? Ну, не буду...

(Пауза)

ТЕРПИГОРЕВА. Сегодня двадцать седьмое?

АННА ФЕДОРОВНА. Да...

ТЕРПИГОРЕВА. Пятаго я уѣду... Опять Симбирскъ, и Москвы какъ не бывало...

ТЕПЛОВЪ. Это ты оставь пожалуйста... Прекрасно можешь прожить еще недѣлю сверхъ отпуска... А мнѣ очень хотѣлось бы побывать въ Симбирскѣ... посмотрѣть нашу „Узенькую улицу". Что еще существуетъ колодецъ, съ такимъ большимъ скрипучимъ колесомъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Да.

ТЕПЛОВЪ. Помню, какъ ты гимназисткой носила изъ этого колодца въ гимназическомъ платьѣ, рваныхъ ботинкахъ, воду на коромыслѣ и не стѣснялась...

ТЕРПИГОРЕВА. А помнишь какъ баранъ утонулъ въ немъ?..

ТЕПЛОВЪ. Помню... Ты плакала... Она, Аня, когда была гимназисткой, не ѣла мяса и собирала всѣхъ котятъ съ улицы... До сихъ поръ помню твою исторію съ мамашей изъ-за котенка съ разбитой мордочкой...

(Дверь тихо отворяется, входитъ Купоросовъ въ бобровой шапкѣ и кашнэ)

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ какъ-то робко). Могу?

(Всѣ встаютъ)

ТЕПЛОВЪ. Прошу васъ.

СУСЛИКОВЪ. Дверь-то я опять не заперъ... (Уходитъ въ переднюю, скоро возвращается и стоитъ у дверей)

КУПОРОСОВЪ. Добрый вечеръ... (Со всѣми здоровается)

(Анна Федоровна, поздоровавшись съ Купоросовымъ, уходитъ, тяготясь его присутствіемъ)

КУПОРОСОВЪ. На этотъ разъ, Андрей Сергѣевичъ,

Digitized by Google

я къ вамъ и безъ дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ по большому дѣлу... Позвольте присѣсть?

ТЕПЛОВЪ. Прошу васъ... извините...

КУПОРОСОВЪ. Безъ дѣла, такъ сказать, съ точки зрѣнія коммерческой, по дѣлу—съ гуманитарной, если такъ можно выразиться...

ТЕПЛОВЪ (садясь на стулъ). Къ вашимъ услугамъ.

КУПОРОСОВЪ. Я видите-ли... (Не знаетъ какъ начать говорить. Ему неловко) Задумался... Да, да! именно задумался... Другого выраженія не могу подыскать... Задумался надъ жизнью моихъ служащихъ, людей, которымъ я такъ много обязанъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Это подъ вліяніемъ нашего послѣдняго разговора?

КУПОРОСОВЪ. Да, отчасти, пожалуй... Мнѣ раньше, конечно, приходилось задумываться надъ этимъ, но послѣ нашего разговора,—не скрою отъ васъ,—меня особенно сильно захватили мысли, мысли объ отношеніяхъ хозяина къ служащимъ и служащихъ къ хозяину... Я много думалъ и не могъ прійти ни къ чему опредѣленному, чтобъ приступить съ увѣренностью къ какой-нибудь реформѣ... И вотъ я рѣшилъ ближе узнать людой, о судьбѣ которыхъ я думаю, познакомиться съ ихъ личной жизнью, войти въ кругъ интересовъ и такъ дальше... Сегодня кой у кого побывалъ на квартирѣ... И, скажу вамъ, вынесъ грустное впечатлѣніе...

ТЕРПИГОРЕВА. Это мнѣ нравится...

КУПОРОСОВЪ (исключительно обращаясь къ ней). Вы представьте... У меня въ одной Москвѣ сто двадцать служащихъ и еще больше въ провинціи... Всего человѣкъ триста приблизительно. Считая, что у каждаго служащаго по пяти человѣкъ семейства,—выходитъ, что моимъ дѣломъ кормятся тысяча пятьсотъ человѣкъ... Вѣдь это цѣлый полкъ. И вотъ мнѣ захотѣлось быть полезнымъ

Digitized by Google

этимъ людямъ... Я подумалъ и ужаснулся—какъ много могу я сдѣлать и какъ мало я сдѣлалъ имъ! Меня увлекла эта идея... Я почувствовалъ подъемъ, въ нѣкоторомъ родѣ вдохновеніе... Даже кое-что задумалъ набросать на бумагѣ; нѣсколько проектовъ въ публицистической формѣ.

ТЕПЛОВЪ. Нашли новое развлеченіе?

КУПОРОСОВЪ. Почему вы такъ дурно думаете? Впрочемъ, я понимаю... (Обращаясь къ Терпигоревой) Меня не любятъ служащіе... Да и за дѣло... Я почти на нихъ не обращалъ до сихъ поръ никакого вниманія. Разговаривалъ только съ довѣренными, и то о дѣлахъ... Но теперь я думаю быть другимъ и, надѣюсь, Андрей Семеновичъ,—Сергѣевичъ, встрѣтить въ васъ не врага... У насъ найдется кое-что общее... Я тоже люблю искусство.

ТЕРПИГОРЕВА. Если бы вы захотѣли, вы Андрею, дѣйствительно, могли бы много сдѣлать... Жизнь его могла бы совершенно измѣниться. Онъ нуждается во времени, въ другихъ условіяхъ труда... Ему приходится заниматься двѣнадцать часовъ въ день — съ восьми до восьми. Подумайте, не ужасно ли это?

КУПОРОСОВЪ. Да... Но вѣдь такъ всѣ, такъ занята вся коммерческая Москва.

ТЕРПИГОРЕВА. Но у другихъ есть свободный вечеръ, которымъ они распряжаются, какъ кто хочетъ... а Андрей этого не можетъ: онъ художникъ, писать, какъ вамъ извѣстно, при огнѣ нельзя.

ТЕПЛОВЪ. Я согласенъ за три свободныхъ часа днемъ, вечеромъ заниматься хоть до одиннадцати часовъ.

КУПОРОСОВЪ. Жалко, что вы кассиръ... Это такая должность, которая требуетъ постояннаго присутствія...

ТЕРПИГОРЕВА. Неужели ничего нельзя сдѣлать?

КУПОРОСОВЪ. Я этого не говорю... Я обязательно что-нибудь сдѣлаю. Сначала надо подумать...

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Написать проектъ публицистическаго характера?

КУПОРОСОВЪ. Вы злая женщина... Коммерческое дѣло машина, свинченная множествомъ винтиковъ, если одинъ винтикъ ослабъ, надо рядомъ тотчасъ же привернуть другой, а то машина станетъ...

ТЕРПИГОРЕВА. И тогда вы разоритесь и сдѣлаетесь нищимъ.

КУПОРОСОВЪ. Вы какъ будто бы на меня сердитесь? Напрасно, я обязательно сдѣлаю что-нибудь Андрею Семеновичу. Прежде всего вамъ надо другой родъ службы, не быть кассиромъ.

ТЕПЛОВЪ. Все, что хотите! Пять лѣтъ жизни за три часа свободы днемъ. Я буду вамъ чрезвычайно благодаренъ.

СУСЛИКОВЪ. Андрюша, предложи чаю...

КУПОРОСОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь... Если вы пили безъ меня, такъ продолжайте...

СУСЛИКОВЪ. Мы уже отпивались.

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, я еще не „отпилась", и буду пить. (Наливаетъ чай) Посмотрите рисунки Андрея карандашемъ. Вотъ они на столѣ передъ вами.

КУПОРОСОВЪ. Это очень интересно.

(Пересматриваетъ рисунки довольно невнимательно, небрежно, видимо не придавая никакого значенія имъ и совершенно не довѣряя способностямъ Андрея. Послѣдній возмущается такимъ отношеніемъ, и готовъ почти вырвать рисунки изъ его рукъ)

КУПОРОСОВЪ. Недурно, очень недурно...

ТЕПЛОВЪ (съ напускной увѣренностью). Нѣтъ, это хорошо!

ТЕРПИГОРЕВА. И мнѣ кажется, что это хорошо...

КУПОРОСОВЪ. Нѣкоторые есть дѣйствительно отличные. Вотъ этотъ напримѣръ. (Показываетъ на одинъ изъ рисунковъ)

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Напротивъ, это очень дурной! (Беретъ рисунокъ, разрываетъ и бросаетъ въ папку. Купоросовъ смущенъ. Пауза)

ТЕРПИГОРЕВА. Артисты самолюбивы.

КУПОРОСОВЪ. Это мнѣ хорошо понятно. (Замѣчая, что Тепловъ очень недоволенъ) Какъ вы, Андрей Сергѣевичъ, умѣли устроиться въ этомъ, надо признаться, дурномъ помѣщеніи... Мило, уютно... Вотъ живете вы по человѣчески... А у другихъ я былъ сегодня. Грязь, пахнетъ щами, пищатъ дѣти. Куда ушла ваша жена?

ТЕПЛОВЪ. Она немного больна. Прикрыть сырость и грязь дешевымъ ситцемъ еще не значитъ имѣть приличную квартиру и жить по человѣчески.

КУПОРОСОВЪ. О, да конечно. Но все же внѣшность— тусклое отраженіе души человѣка... Мнѣ у васъ пріятно сидѣть... Даже пріятно, что вы разговариваете со мной такимъ тономъ. (Обращаясь къ Терпигоревой) Со мной служащіе по человѣчески не разговариваютъ... Подойдешь, спросишь чего-нибудь, — сейчасъ же на лицѣ глупая улыбка, и заговоритъ вкрадчивымъ, рабскимъ голосомъ... Противно смотрѣть и слушать... Глядишь на такого господина и думаешь: холуйская у тебя, должно быть, душа... И дѣйствительно большинство изъ нихъ на людей только похожи...

ТЕПЛОВЪ. При двѣнадцати-часовомъ трудѣ немудрено походить только на человѣка...

КУПОРОСОВЪ (пропуская слова Теплова мимо ушей, вынимая портсигаръ и обращаясь къ Терпигоревой). Вы курите?

ТЕРПИГОРЕВА (удивленно). Нѣтъ.

КУПОРОСОВЪ (закуривая папиросу). Я думалъ, что вы обязательно курите.

ТЕРПИГОРЕВА. Почему?

КУПОРОСОВЪ. Такъ... Вамъ какъ-то шло бы курить... Многія учительницы курятъ.

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Вы хотите сказать, что я не женственна, ко мнѣ идутъ мужскія привычки? Не стѣсняйтесь, я это отъ многихъ мужчинъ слышала.

КУПОРОСОВЪ. О, нѣтъ, не то! Вамъ шло бы курить именно какъ учительницѣ... Вы удивительно симпатичная. Гдѣ вы сегодня побывали? Нравится-ли вамъ Москва?

ТЕРПИГОРЕВА. Были въ Третьяковской галлереѣ... Москва мнѣ нравится.

КУПОРОСОВЪ. Посмотрите ее хорошенько, поживите у насъ... Вотъ, напримѣръ, сейчасъ не хотите ли прокатиться за городъ? Андрей Сергѣевичъ, какъ вы думаете? Поѣдемте.

ТЕПЛОВЪ. Мы только недавно пришли... Лиза устала.

КУПОРОСОВЪ. Жаль... (Ласково и нѣжно обращаясь къ Терпигоревой) И то, можетъ быть, поѣдемъ? Мнѣ какъ-то сегодня скучно, даже не скучно, а грустно... Ѣхать никуда не хочется... Клубы, театры, знакомые, все надоѣло... Поѣдемте, Елизавета Николаевна. У насъ въ Москвѣ принято ѣздить за городъ.

ТЕРПИГОРЕВА. Вы, кажется, за мной собираетесь ухаживать? такъ напрасно: я не интересная... Я нравлюсь только сначала, а потомъ, кто ближе узнаетъ меня, говоритъ: она скучная. И въ самомъ дѣлѣ я скучная... Вы обратили вниманіе на мои руки? Посмотрите, (Показываетъ руки) Огромныя какъ у мужика...

КУПОРОСОВЪ. При чемъ тутъ руки?

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, вы все-таки примите это къ свѣдѣнію... Мнѣ почему-то кажется, что вы относитесь къ женщинамъ, какъ къ лошадямъ,—и вотъ я стараюсь показать вамъ свои недостатки... Еще смотрите талія—безобразная, короткая... Это тоже примите во вниманіе.

КУПОРОСОВЪ. Относительно рукъ и таліи прямо смѣшно...

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Нисколько... Мнѣ кажется, если бы у меня были другія руки и другая талія, и все было бы иначе... Я была бы счастлива...

(Тепловъ придаетъ значеніе послѣднимъ словамъ Терпигоревой и многозначительно на нее смотритъ. Ей почему-то вдругъ сдѣлалось неловко отъ своихъ словъ. Это почувствовалъ и Купоросовъ, и тоже смутился. Пауза)

КУПОРОСОВЪ. Вы меня извините, но мнѣ кажется это смѣшнымъ.

ТЕРПИГОРЕВА. Я не изъ тѣхъ женщинъ, передъ которыми извиняются...

КУПОРОСОВЪ. Женщины всѣ одинаковы; и мужчины должны...

ТЕРПИГОРЕВА. Неправда... Женщины не всѣ одинаковы... Это вы знаете лучше меня.

КУПОРОСОВЪ. Какой у васъ увѣренный тонъ.

ТЕРПИГОРЕВА. Иначе я не умѣю говорить. По-моему лучше молчать, чѣмъ говорить неувѣренно.

КУПОРОСОВЪ. Такъ мнѣ пришлось промолчать бы всю жизнь. А вотъ съ вами мнѣ хочется говорить... Былъ бы очень радъ, если бы завтра вечеромъ поднялись ко мнѣ на чашку чаю... Андрей Сергѣевичъ, приходите съ Елизаветой Николаевной... Я вамъ разовью свои планы... Есть много интереснаго... Вотъ, напримѣръ, мнѣ пришло въ голову устраивать у себя въ домѣ вечера для служащихъ... Знаете въ родѣ вечеровъ, какіе устраиваются обществами трезвости... Музыка, чтеніе, что-нибудь въ этомъ родѣ...

ТЕРПИГОРЕВА. Это интересно... Я приду.

КУПОРОСОВЪ. Буду очень радъ... До свиданія...

(Многозначительно пожимаетъ ея руку, прощается съ Тепловымъ и, на этотъ разъ, съ Сусликовымъ, и довольный собой уходитъ. Тепловъ и Терпигорева

Digitized by Google

провожаютъ его. Сусликовъ подходитъ къ двери, въ которую ушла Анна Федоровна и, отворяя ее, говоритъ)

СУСЛИКОВЪ. Уходитъ...

(Анна Федоровна входитъ въ комнату и составляетъ чайную посуду на подносъ. Кукушка кукуетъ восемь часовъ. Входятъ Тепловъ и Терпигорева)

ТЕПЛОВЪ. Я не вѣрю ни одному его слову!.. Все это дѣлается отъ скуки, отъ полной праздности...

ТЕРПИГОРЕВА. Онъ не производитъ на меня такого впечатлѣнія. Да отчего отъ скуки не дѣлать хорошихъ вещей? Вѣдь это лучше чѣмъ играть въ карты, пить...

ТЕПЛОВЪ. Я вообще его не перевариваю... Какое самодовольство, самообольщеніе! Онъ до всего, даже до искусства, снисходитъ съ высоты своего величія...

ТЕРПИГОРЕВА. Не кажется-ли тебѣ это?

ТЕПЛОВЪ. Ахъ, полно! Онъ увѣренъ, что онъ геніальный пѣвецъ, музыкантъ, замѣчательный коммерсантъ, культурный человѣкъ... Когда я подумаю о томъ, до какой степени я отъ него зависимъ, меня бросаетъ въ жаръ и холодъ...

АННА ФЕДОРОВНА. Зачѣмъ онъ повадился къ намъ? Раньше не ходилъ...

ТЕПЛОВЪ. Дружиться, оказывать покровительство... А можетъ быть и того хуже... Ты понимаешь меня, Лиза?

ТЕРПИГОРЕВА. Это тебѣ кажется.

АННА ФЕДОРОВНА. Лучше бы подальше отъ него.

ТЕПЛОВЪ. Вотъ у ней сердце чуткій барометръ... Дѣйствительно, лучше подальше отъ него. (Сусликовъ уноситъ самоваръ) Онъ мнѣ испортилъ все настроеніе... Какъ я себя прекрасно чувствовалъ, возвратясь изъ галлереи. (Садится и задумывается)

АННА ФЕДОРОВНА (унося на подносѣ посуду). Андрей,

Digitized by Google

пощупай у дѣвочки голову... Мнѣ кажется, у ней жаръ. (Уходитъ)

ТЕПЛОВЪ. Хорошо... (Пауза) Почему ты такъ держала себя съ нимъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Какъ?

ТЕПЛОВЪ. Излишне фамиліарно... Съ какой-то напускной развязностью?..

ТЕРПИГОРЕВА. Просто дурачилась... Онъ держалъ себя такъ важно, корректно... а я подумала: дай-ка я буду проще, и стала дурачиться...

ТЕПЛОВЪ. Мнѣ показалось, что ты нѣсколько фразъ сказала не дурачась, а отъ чистаго сердца...

ТЕРПИГОРЕВА. Какихъ?

ТЕПЛОВЪ. Относительно своего счастья...

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, это тоже дурачество,..

ТЕПЛОВЪ. Странная ты... Все та же... Всегда была неоткровенной, такой и осталась... Отчего ты не хочешь разсказать мнѣ ничего о себѣ? Недѣлю уже здѣсь, а я почти ничего отъ тебя не слыхалъ.

ТЕРПИГОРЕВА. Нечего разсказывать... Живу, какъ жила... Хожу въ школу, изъ школы домой, пью, ѣмъ, сплю... Все одно и тоже...

АННА ФЕДОРОВНА (изъ другой комнаты). Андрей!

ТЕРПИГОРЕВА. Тябя жена зоветъ...

(Отпираетъ свой маленькій чемоданъ, лежащій на полу около дивана и достаетъ тетрадь)

ТЕПЛОВЪ. Неправда, что тебѣ нечего разсказывать... Я вижу, чувствую, что ты несчастна... Скажи мнѣ, что у тебя есть... Я вѣдь не чужой тебѣ... Ты при Купоросовѣ сказала искренно...

ТЕРПИГОРЕВА. Я дурачилась... понимаешь—дурачилась. Оставь... Я хочу писать.

АННА ФЕДОРОВНА (входя въ комнату). Андрей, поди къ дѣвочкѣ, пощупай голову.

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Вѣроятно, ничего нѣтъ...

(Уходитъ съ Анной Федоровной. Терпигорева, оставшись одна, зажигаетъ на письменномъ столѣ свѣчу, раскрываетъ дневникъ и съ увлеченіемъ что-то пишетъ въ немъ. Останавливается. Прочитываетъ какое-то мѣсто въ дневникѣ, и тихо, сдерживая слезы и закусывая губу, плачетъ. Входитъ Тепловъ. Она вынимаетъ платокъ и вытираетъ слезы)

ТЕПЛОВЪ (подходя къ письменному столу). Ты плакала?

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ...

ТЕПЛОВЪ. Это у тебя дневникъ? Покажи мнѣ, дай прочесть...

ТЕРПИГОРЕВА. Никогда... Никогда и никому...

ТЕПЛОВЪ. Въ немъ есть про меня?

ТЕРПИГОРЕВА. Много.

ТЕПЛОВЪ (тише, наклоняясь на столъ). Про наши старыя отношенія?

ТЕРПИГОРЕВА (подумавъ). Да. (Пауза)

ТЕПЛОВЪ. Я помню данное тебѣ три года тому назадъ слово—не возобновлять разговора о нашихъ отношеніяхъ. Я держу его.

ТЕРПИГОРЕВА. И молчи... Къ чему? Теперь нужно молчать... Ты женатъ, а я... Я не люблю тебя... (Пауза. Тепловъ прошелся по комнатѣ и снова подошелъ къ столу)

ТЕПЛОВЪ. Будь со мной откровенна... Скажи мнѣ все... Я вижу, что ты пріѣхала въ Москву совсѣмъ не смотрѣть ее, а развѣять свое какое-то тяжелое горе.. Вѣдь это такъ, Лиза?

ТЕРПИГОРЕВА. Оставь меня! (Переходитъ на диванъ. Пауза. Тепловъ садится и говоритъ, какъ бы про себя)

ТЕПЛОВЪ. Скверно, безрадостно сложилась наша жизнь, и моя, и твоя... А сколько было положено труда, борьбы съ нищетой, чтобы какъ-нибудь дотянуть лямку—тебѣ въ гимназіи, мнѣ—въ художественной

Digitized by Google

школѣ. Казалось, только въ этомъ счастье... Жизнь страшно нелѣпа...

ТЕРПИГОРЕВА. Жизнь не нелѣпа, Андрей, а жестока...

(Эта фраза, сказанная съ глубокой печалью, окончательно убѣждаетъ Теплова въ его догадкахъ. Онъ подходитъ къ ней, облокачивается на столъ и говоритъ ласково и нѣжно)

ТЕПЛОВЪ. Лиза, я тебя чувствую, хоть ты ничего не говоришь, но я всю тебя чувствую... Ты несчастна? Одинока? Да, Лиза?

ТЕРПИГОРЕВА. Не будемъ говорить...

ТЕПЛОВЪ. Поговори со мной, хоть разъ въ жизни о самой себѣ... Тебѣ будетъ лучше... (Пауза) Ты одинока... Но вотъ меня любятъ, меня, Андрея, но не человѣка-художника во мнѣ... Этотъ человѣкъ никогда не зналъ ни любви, ни уваженія, его оскорбляли и оскорбляютъ на каждомъ шагу, всѣ даже люди, любившіе меня, всѣ, кромѣ тебя... Они спокойно смотрятъ, какъ гибнетъ во мнѣ этотъ человѣкъ, не угадывая, что въ этомъ моя тяжелая драма...

(Ходитъ по комнатѣ и, подойдя опять къ столу, продолжаетъ горячо говорить)

Представь себѣ ясно мое положеніе... Меня выкидываютъ за бортъ, низводятъ въ общество меркантильныхъ людей, въ общество приказчиковъ, артельщиковъ, гдѣ я чувствую себя и обиженнымъ, и оскорбленнымъ, не имѣя ничего общаго съ ними... Кто выкидываетъ? Повальное отрицаніе, повальное непризнаніе во мнѣ способнаго человѣка, обстоятельства и проклятыя деньги, изъ-за которыхъ я долженъ губить время, когда оно такъ нужно!.. (Ударяетъ кулакомъ по столу)

ТЕРПИГОРЕВА. Правда-ли это, Андрей? Бѣлинскому, говорятъ, приходилось жить въ прачешной, но это не помѣшало ему быть Бѣлинскимъ...

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Это только говорятъ, повѣрь мнѣ, только говорятъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Это всѣмъ извѣстно... Я не хочу, Андрей, сказать этимъ...

(Входитъ Анна Федоровна. Въ рукахъ у нея подушка, одѣяло и простыня)

АННА ФЕДОРОВНА. Я хочу вамъ постель сдѣлать... Вы устали, цѣлый день ходили, можетъ быть, раньше захотите спать лечь.

ТЕРПИГОРЕВА. Вы опять обо мнѣ безпокоитесь? Я сама это сдѣлаю... Я не привыкла, чтобъ за мной ухаживали... Я сама... (Хочетъ взять у ней принесенныя вещи Анна Федоровна не даетъ)

АННА ФЕДОРОВНА. Я постелю... Оставьте...

ТЕПЛОВЪ. Это, Аня, Лиза можетъ сама сдѣлать...

АННА ФЕДОРОВНА. Ну, а если я хочу!.. Ты лучше пошелъ посидѣлъ бы пока въ дѣтской... Мнѣ надо еще посуду вымыть въ кухнѣ... Папаша совсѣмъ спитъ, ребенокъ можетъ лампу стащить...

(Тепловъ уходитъ. Анна Федоровна отодвигаетъ столъ и приготовляетъ на диванѣ постель. Терпигорева помогаетъ ей)

АННА ФЕДОРОВНА. Вы не мѣшайте... Я не люблю, когда дѣлаешь что-нибудь и мѣшаютъ...

(Терпигорева отходитъ отъ нея. Пауза. Постель готова. Анна Федоровна садится на нее и нерѣшительно начинаетъ говорить)

АННА ФЕДОРОВНА. Елизавета Николаевна, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами.

ТЕРПИГОРЕВА. Въ чемъ дѣло.

АННА ФЕДОРОВНА. Я... Андрей не обидѣлся на то, что я не пошла съ вами въ галлерею?

ТЕРПИГОРЕВА. Кажется, нѣтъ... На что же тутъ обижаться?

Digitized by Google

АННА ФЕДОРОВНА. А мнѣ показалось... Я вѣдь была тамъ два раза... У меня голова кружится... тамъ такъ много картинъ... Потомъ я боялась дѣвочку оставить на папашу.

ТЕРПИГОРЕВА. Вы не объ этомъ хотѣли говорить. (Садится съ ней рядомъ на диванъ) Говорите, что хотѣли...

АННА ФЕДОРОВНА. Я и это хотѣла... Да еще вотъ что... Скажите мнѣ, какъ мнѣ быть-то съ нимъ... съ Андреемъ-то? Недоволенъ онъ мной, а я не знаю, что дѣлать...

ТЕРПИГОРЕВА. Ничего... Вы любите его и любите... Это самое большее, что надо... Остальное все неважно.

АННА ФЕДОРОВНА. Да я не объ этомъ... Вотъ думаетъ, что я ему работать какъ будто мѣшаю, не работать, а картины писать... А это неправда. Онъ самъ не работаетъ... Жили мы въ Грузинахъ, тамъ печка дымила, ему мѣшала, здѣсь сырость, хозяинъ, говоритъ, раздражаетъ, и охоты нѣтъ писать... И такъ онъ всегда... Возьметъ краски, попачкаетъ что-нибудь, да и броситъ... А меня винитъ. Онъ только говоритъ о себѣ, а дѣла-то не дѣлаетъ... Я слышала, какъ онъ вамъ говорилъ тутъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Это грустно... Милая Анна Федоровна, поговоримъ объ этомъ послѣ... Я, дѣйствительно, немножко устала, и голова болитъ...

АННА ФЕДОРОВНА. Вы что-же мнѣ не сказали? Я сейчасъ уйду... Ложитесь...

(Уходитъ. Терпигорева ложится на приготовленную постель и, широко раскрывъ глаза, какъ будто къ чему-то прислушивается. Кукушка кукуетъ девять часовъ. Пауза. Она достаетъ изъ кармана письмо, бѣгло его прочитываетъ и рветъ... Потомъ, немного подумавъ, быстро встаетъ съ дивана и идетъ въ переднюю. Скоро возвращается въ шубѣ и шапкѣ. Подходитъ къ двери смежныхъ комнатъ и говоритъ)

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. (Въ дверяхъ) Андрей! Я хочу немного пройтись... У меня голова болитъ. (Входитъ Тепловъ)

ТЕПЛОВЪ. Пойдемъ вмѣстѣ... Хорошая ночь...

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, нѣтъ... Я одна... Мнѣ хочется быть одной... Я скоро приду... Запри за мной дверь... (Идетъ)

ТЕПЛОВЪ. Здѣсь не Симбирскъ, Лиза, одной уже поздно...

ТЕРПИГОРЕВА. Ничего, я не боюсь... Я одна...

ТЕПЛОВЪ (останавливаетъ, беря ее за руки). Отъ кого ты вчера получила письмо? говори! Я замѣтилъ, что послѣ его ты сдѣлалась совсѣмъ иной...

ТЕРПИГОРЕВА. Зачѣмъ тебѣ знать?

ТЕПЛОВЪ (смотря ей въ глаза). Ты не Москву пріѣхала смотрѣть... Ты забыла въ Симбирскѣ свое счастье? Да?

ТЕРПИГОРЕВА. Хотя бы и такъ, не все-ли тебѣ равно?... (Выдергивая руки) Запри за мной дверь...

(Уходитъ. Тепловъ идетъ за нею)

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Залъ въ домѣ Купоросова. Это длинная, узкая комната, напоминающая залы въ провинціальныхъ клубахъ. Высота его не соотвѣтствуетъ длинѣ,—онъ низокъ, но все-таки въ глубинѣ сдѣланы хоры, которые поддерживаются двумя толстыми колонками. Цѣлый рядъ оконъ идетъ по лѣвой сторонѣ, занавѣси на окнахъ—длинныя нити, на которыхъ нанизаны разноцвѣтныя мелкія бусы. Во всей залѣ нѣтъ ни одного куска матеріи. Оно все бѣлое,—бѣлыя стѣны, стулья, зеркала, рояль, стоящій на первомъ планѣ. У колоннъ на высокихъ подставкахъ бюсты Чайковскаго и Бетховена. Никакихъ другихъ украшеній, кромѣ двухъ электрическихъ люстръ—нѣтъ. Вѣетъ холодомъ и пустотой.

Двѣ двери на заднемъ планѣ за колоннами: одна въ пунцовую гостиную, другая—въ библіотеку. Въ библіотекѣ видны шкафы съ книгами, круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, надъ которымъ горитъ одна электрическая лампочка. Драпировки надъ дверями такія же, какъ на окнахъ.

Шесть часовъ вечера. Въ залѣ темно, только слабый свѣтъ изъ библіотеки падаетъ на блестящій паркетный полъ.

По поднятіи занавѣса сцена долгое время пуста, потомъ слышно гдѣ-то далеко, въ другихъ комнатахъ, стукъ ногъ бѣгущихъ людей. Немного спустя выбѣгаетъ Саша и прячется за рояль. Она въ шелковой цвѣтной юбкѣ съ черными кружевами и въ ночной кофточкѣ. Волосы распущены. Скоро за ней вбѣгаетъ Николай.

НИКОЛАЙ. Здѣсь вы? (Заглядываетъ въ библіотеку) Гдѣ вы? Не мнѣ вы нужны, мамаша васъ спрашиваетъ... На крыльцѣ стоитъ... Погодишь ты... (Отвертываетъ электрическій краникъ. Залъ ярко освѣщается)

САША (выскакивая изъ-за рояля). Какъ вы смѣли? Я не одѣта! Савелій Игнатьевичъ не любитъ, когда залъ освѣщенъ. (Завертываетъ краникъ) Что вамъ отъ меня нужно? Выдумали мамашу. Самимъ хочется посмотрѣть... полюбоваться... Влюбились... Не надо мнѣ вашей любви!

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Честное слово мамаша спрашиваетъ, на крыльцѣ стоитъ поди больше получаса.

САША. Что ей нужно? Я не велѣла ей сегодня приходить.

НИКОЛАЙ. Хочется имъ на вашего суженаго взглянуть... Проситъ, чтобы я не говорилъ вамъ и провелъ куда-нибудь, гдѣ можно было бы хоть однимъ глазкомъ увидать... А я думаю: нѣтъ, раньше спрошу...

САША. И хорошо сдѣлали... Нельзя этого... Нельзя!.. Кто-нибудь увидитъ, узнаетъ, пойдутъ разговоры... Я не хочу...

НИКОЛАЙ. Да все равно, когда-нибудь узнаютъ...

САША. Только не сегодня.

НИКОЛАЙ. Напрасно стыдиться изволите; своей матери... Это нехорошо... Такъ что же, что прачка? Прачка тоже человѣкъ.

САША. Оставьте свои разсужденія? Я буду въ бѣломъ платьѣ, послала за парикмахеромъ, чтобы волосы мнѣ причесалъ, а тутъ непріятности могутъ выйти... Нельзя! Скажите, чтобы ушла...

НИКОЛАЙ. Грѣшно... грѣшно...

САША (не слушая его и важничая). У меня гирлянда будетъ на плечѣ изъ цвѣтовъ...

НИКОЛАЙ. Гирлянда... А вотъ онъ пріѣдетъ, я буду шубу снимать, да и брякну ему все... Вотъ вамъ и будетъ гирлянда!

САША. Сдѣлайте милость. Онъ все знаетъ, я ему сама все разсказала, и ничего, даже остался очень доволенъ.

НИКОЛАЙ. И глупая же вы! Вы воображаете должно быть, что это для васъ вечеръ-то назначенъ?

САША. Ну, не для меня, а все-таки онъ сегодня будетъ.. Да какое вамъ дѣло? (Идетъ изъ залы)

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Пропадете... Не миновать вамъ бульваровъ... (Схватывая ее за руку) Слушайте! Не дадутъ вамъ денегъ... гроши дадутъ... За нихъ, до дѣла дойдетъ, онъ васъ не возьметъ...

САША. Пустите... Закричу!.. (Выдергиваетъ руку)

(Входитъ Купоросовъ)

КУПОРОСОВЪ. Вы что здѣсь?

НИКОЛАЙ. Вотъ барышня изволили за парикмахеромъ посылать...

КУПОРОСОВЪ (посмотрѣвъ на Сашу). Какая глупость...

(Николай уходитъ. Купоросовъ садится за рояль и начинаетъ фантазировать)

САША (послѣ паузы, нерѣшительно). Отчего же вы сказали „глупость"? Мнѣ хочется ему понравиться... Я знаю, мнѣ у васъ не жить... А я не какая-нибудь,—мнѣ хочется замужъ... и мамаша совѣтуетъ...

КУПОРОСОВЪ (продолжая фантазировать). Уходите отсюда.

САША. Говорили, что вы воспитанный человѣкъ, и никогда не позволите поступить, какъ другіе... прямо на улицу...

КУПОРОСОВЪ (вѣжливо). Ступайте вонъ... Вы мѣшаете... Я фантазирую...

(Саша уходитъ. Купоросовъ, оставшись одинъ, долго фантазируетъ. Выходитъ что-то меланхолическое, грустное. Онъ скучаетъ. Переставъ играть, зажигаетъ на роялѣ свѣчу. Задумывается. Входитъ Мясниковъ)

МЯСНИКОВЪ. Что же вы здѣсь одинъ сидите? Впотьмахъ-то? (Хочетъ отвернуть электрическій краникъ)

КУПОРОСОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не надо освѣщать!.. Я не люблю свѣта и, особенно, въ этомъ залѣ...

МЯСНИКОВЪ. Что же гости-то впотьмахъ будутъ?

КУПОРОСОВЪ. Пусть они тамъ—въ столовой, гостиной, маленькой залѣ...

Digitized by Google

мясниковъ. Такъ-съ... Назвали гостей и видѣть не хотимъ... Вотъ вамъ и обобщеніе со служащими... А ужъ тамъ кое-кто пришелъ.

купоросовъ. Какъ пришелъ? Я вѣдь сказалъ сбираться въ восемь...

мясниковъ. А они думаютъ — пораньше, такъ повѣжливѣе, поучтивѣе.

купоросовъ. Что же съ ними дѣлать? Пускай пока тамъ чай пьютъ въ столовой.

мясниковъ. Вотъ и выходитъ, что не дѣло затѣяли... Между хозяиномъ и служащимъ должно быть извѣстное разстояніе... А вы вечера для служащихъ затѣваете... Другіе узнаютъ, смѣяться будутъ...

купоросовъ. Ни эти другіе, ни вы ничего не понимаете.

мясниковъ. Да ужъ какъ же! Гдѣ понять!

купоросовъ. Вы мнѣ мѣшаете... Я сидѣлъ и фантазировалъ.

мясниковъ. Я къ вамъ по дѣлу... Будетъ здѣсь этотъ хахаль, женишокъ-то...

купоросовъ. Опять эта пошлость?

мясниковъ. Да какая пошлость? Набѣдокурить наше дѣло, а разбираться-то нѣтъ... Мать у ней пройдоха, всѣ судейскіе закоулки пронюхала... Я ему скажу сегодня, что три тысячи у ней есть... Дать три?

купоросовъ. Довольно тысячи.

мясниковъ. Ничего не выйдетъ... Вѣдь онъ все-таки артельщикъ, у него артельный пай...

купоросовъ (раздражаясь). Ну, чортъ съ ними! Дѣлайте, какъ хотите... Ступайте туда, занимайтесь съ ними, угощайте ихъ чаемъ. Я приду... Сейчасъ немного разстроенъ...

мясниковъ. Вотъ и выходитъ скверно.. Мы норовимъ все какъ бы подешевле, а выходитъ дороже...

Digitized by Google

Другіе-то такихъ дамъ держатъ на квартирахъ, а мы къ себѣ въ домъ, да такую, что плюнуть не на что, прости Господи. И позоръ намъ ничего... Вѣдь ни одинъ дуракъ не вѣритъ, что она родственница.

КУПОРОСОВЪ. Довольно!.. Дайте три!..

МЯСНИКОВЪ. То-то три... (Увидѣвъ проходящую по гостиной Терпигореву) Вонъ, кажется, учительница пришла... Ея не доставало...

КУПОРОСОВЪ (оживившись и обрадовавшись). Гдѣ? Тамъ, въ гостиной? (Быстро уходитъ въ гостиную)

МЯСНИКОВЪ (идя за нимъ, бормочетъ подъ носъ). Опять новое... Чортъ неугомонный... (Уходитъ. Скоро Купоросовъ возвращается въ залъ съ Терпигоревой)

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ). Пойдемте сюда. Это мой любимый залъ.

ТЕРПИГОРЕВА (войдя въ залъ и осматриваясь). Какой-то сарай... Почему здѣсь темно?

КУПОРОСОВЪ. Мы еще зажжемъ одну свѣчу. (Зажигаетъ на рояли вторую свѣчу) Будутъ свѣтить два огонька въ пустынномъ, холодномъ царствѣ... Я не люблю яркаго освѣщенія...

ТЕРПИГОРЕВА. Дѣйствительно здѣсь вѣетъ холодомъ... Все бѣлое, точно снѣгъ... Какъ вы можете жить въ такихъ комнатахъ?

КУПОРОСОВЪ. Я чувствую себя въ этой залѣ еще болѣе одинокимъ, и это мнѣ нравится... Садитесь на мое постоянное мѣсто... (Сажаетъ ее за рояль) Наконецъ то вы у меня... Я столько разъ просилъ, и вы не хотѣли прійти ко мнѣ запросто. И если бы не этотъ вечеръ, вы, можетъ быть, и сегодня не пришли бы...

ТЕРПИГОРЕВА. А вонъ тамъ дверь... Кажется библіотека?

КУПОРОСОВЪ. Да, и очень большая... Мы туда потомъ пойдемъ... Библіотека, рояль, вотъ этотъ залъ и днев-

Digitized by Google

никъ,—вотъ гдѣ и въ чемъ проходитъ вся моя жизнь... Здѣсь я живу какъ „скупой“ Пушкина въ подвалѣ, чувствуя себя отдѣленнымъ огромной стѣной отъ улицы... Но объ этомъ послѣ... Зачѣмъ вы заставили меня томиться?

ТЕРПИГОРЕВА. Я васъ?

КУПОРОСОВЪ. Вы обѣщали прійти въ пять, теперь семь... За эти два часа я много испыталъ... Мнѣ стало грустно, перемѣнилось настроеніе... Я тутъ сидѣлъ и фантазировалъ на рояли... Выходило что-то вродѣ похороннаго марша... У меня удивительно быстро мѣняются настроенія.

ТЕРПИГОРЕВА. Я прошлялась по Москвѣ... Вышла изъ дому въ три часа, зашла куда-то за городъ, гдѣ уже огороды, и лѣсъ въ полѣ виднѣлся.

КУПОРОСОВЪ. И не вспомнили, что васъ здѣсь ждутъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Не вспомнила, такъ не пришла бы...

КУПОРОСОВЪ. Я начиналъ думать: она не придетъ... И весь этотъ затѣянный мною вечеръ для служащихъ сталъ казаться такимъ глупымъ, лишнимъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Такъ, это, значитъ, для меня, а не начало осуществленія вашихъ проектовъ сближенія?

КУПОРОСОВЪ. Нѣтъ, начало само по себѣ... Но у меня вдругъ пропала всякая энергія...

ТЕРПИГОРЕВА. Ну, ничего, явится... За вчерашнее вамъ спасибо... Хоть и глупо проводить такъ время, но иногда не мѣшаетъ... Дѣлается легче... У насъ въ Симбирскѣ тоже катаются, только на скверныхъ почтовыхъ лошадяхъ и не въ рестораны, а въ деревню верстъ за пятнадцать отъ города... Мы въ складчину зимой раза два устраиваемъ такія поѣздки. Я еще люблю кататься на простыхъ розвальняхъ... Знаете такія бываютъ широкія и большія?.. Въ нихъ какъ будто плывешь по снѣгу.

Digitized by Google

КУПОРОСОВЪ. Въ васъ живетъ артистка... Странно, что вы сдѣлались учительницей.

ТЕРПИГОРЕВА. И въ моемъ трудѣ есть поэзія...

КУПОРОСОВЪ. Да, но это не то... (Пауза)

ТЕРПИГОРЕВА. Вы многаго не можете понять въ моей жизни, какъ я въ вашей... Я, напримѣръ, не могла бы жить въ такихъ комнатахъ...

КУПОРОСОВЪ. А я живу... Этотъ залъ мнѣ напоминаетъ обширный міръ и мое одиночество въ немъ... Въ сумеркахъ и ночью я брожу въ немъ, какъ тѣнь Чацкаго... Вѣдь этотъ домъ старый, стариннаго дворянскаго рода,—и мнѣ иногда представляется, что именно въ такомъ домѣ Фамусовъ давалъ свои балы... Здѣсь, по этому полу, можетъ быть, ходила Софья; грустный, озлобленный Чацкій стоялъ у этой колонны и читалъ монологъ „Французикъ изъ Бордо"... Ей-Богу, мнѣ это иногда представляется, и я читаю одинъ вслухъ монологи... Я недурно декламирую...

ТЕРПИГОРЕВА. Вы купили этотъ домъ изъ тщеславія?

КУПОРОСОВЪ. Нѣтъ... Это глупость моей покойной жены... Ей почему-то обязательно хотѣлось имѣть старый дворянскій домъ въ одномъ изъ тихихъ переулковъ Москвы...

ТЕРПИГОРЕВА. Кто она была?

КУПОРОСОВЪ. Не знаю... Она дочь извѣстнаго здѣсь богача въ Москвѣ, но что это былъ за человѣкъ — не знаю... Я съ ней прожилъ пять лѣтъ и рѣшительно не знаю... Это была какая-то льдинка... Она никогда не огорчалась, не радовалась, не восхищалась, не плакала... ко всему какъ-то относилась равнодушно, безучастно... Спала и во снѣ ходила. Я приводилъ ее въ самые лучшіе уголки міра, и ее ничто не трогало... ни музыка, ни книги, и, кажется, было одно только желаніе — имѣть дворянскій домъ. И умерла она тоже какъ-то не-

Digitized by Google

слышно, безъ словъ, безъ страданій, заледенѣла на своей постели... Я уже говорилъ вамъ, что я не былъ никогда счастливъ...

(Входитъ Мясниковъ)

МЯСНИКОВЪ. Савелій Игнатьевичъ, что же вы не идете? Тамъ всѣ собрались, ждутъ васъ и не знаютъ, что дѣлать... Неловко...

КУПОРОСОВЪ. Я сейчасъ... Скажите, что я занятъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Мнѣ кажется неудобно... Надо итти туда...

КУПОРОСОВЪ. Кузьма Ивановичъ, мы сейчасъ... Ступайте. Чаемъ ихъ побольше угощайте, они любятъ чай...

(Мясниковъ уходитъ)

КУПОРОСОВЪ. Какъ жаль, что вы пришли поздно... Мнѣ хотѣлось такъ говорить съ вами, почитать вамъ дневникъ... Вы опоздали съ намѣреніемъ опоздать?

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, такъ вышло какъ-то само собой.. Я съ удовольствіемъ прослушала бы вашъ дневникъ...

КУПОРОСОВЪ. Можетъ быть, не пойдемъ туда?

ТЕРПИГОРЕВА. Это неудобно и неприлично по отношенію вашихъ подчиненныхъ...

КУПОРОСОВЪ. Ну, да, конечно... Такъ въ другой разъ... Вы придете?

ТЕРПИГОРЕВА. Можетъ быть, если не уѣду...

КУПОРОСОВЪ. Зачѣмъ же уѣзжать? Я надѣюсь, вы еще поживете... Какая жалость... Мнѣ ужасно хочется, чтобъ вы узнали, кто я, и что я... Въ дневникѣ одна правда, я не пощадилъ бы себя и прочелъ все... Вы удивились бы, какая во мнѣ смѣна настроеній... Читая дневникъ, я самъ поражаюсь... Какъ будто бы его писали два человѣка,—одинъ дурной, очень дурной, другой порядочный, если хотите даже хорошій... Я не льщу себѣ... Я одаренъ самоанализомъ...

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Вы говорите только о себѣ. Это я такъ, между прочимъ, не обращайте вниманія... Скажите мнѣ лучше: зачѣмъ вамъ нужно, чтобъ я знала все о васъ?

КУПОРОСОВЪ (затрудняясь). Вы такой человѣкъ, съ которымъ хочется откровенно держать себя, хочется быть другомъ, какъ-то невольно вамъ довѣряешь...

ТЕРПИГОРЕВА. Ахъ, если бы вы знали, сколько у меня друзей! Мой удѣлъ — быть другомъ, другомъ всѣхъ... Пойдемте туда... Мы опять заговорились...

КУПОРОСОВЪ. Постойте... Я съ вами чувствую себя такъ легко и свободно... Я ненавижу женщинъ нашего круга... Онѣ воспитаны всѣ по-дурацки, на дворянскую колодку, смазанную деревяннымъ масломъ бабушекъ... Я хочу этимъ сказать...

(Входитъ Тепловъ)

ТЕПЛОВЪ (выходя изъ гостиной). А я тебя ищу, Лиза. Мнѣ сказали, что ты здѣсь...

КУПОРОСОВЪ (съ подлѣльной радостью). Здравствуйте... Радъ... Радъ, очень радъ.

ТЕПЛОВЪ (пожимая его руку). Здравствуйте... Васъ тамъ всѣ ждутъ. Сидятъ, какъ дураки, и не знаютъ, что дѣлать...

КУПОРОСОВЪ (предлагая руку Терпигоревой). Сейчасъ... Сейчасъ. Пойдемте...

ТЕПЛОВЪ. Мы сейчасъ придемъ. Мнѣ нужно поговорить съ Лизой.

(Купоросовъ идетъ и останавливается)

КУПОРОСОВЪ. Жаль, что не идете со мной... Мнѣ, видите, хочется сказать что-нибудь, вродѣ рѣчи... не рѣчь, а такъ повести разговоръ, чтобы незамѣтно объяснить имъ, что я именно хочу и жду отъ нихъ...

ТЕПЛОВЪ. Вы можете это сдѣлать безъ насъ.

КУПОРОСОВЪ. Вы помогли бы мнѣ развить разговоръ, поддержать его. Я боюсь быть ими непонятымъ...

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Я сейчасъ приду. И если смогу, помогу вамъ...

КУПОРОСОВЪ. Хорошо... Прекрасно... Теперь можно освѣтить залъ. (Отвертываетъ электрическій краникъ и уходитъ)

ТЕПЛОВЪ. Ты здѣсь съ трехъ часовъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Нѣтъ, я пришла недавно... Я гуляла по Москвѣ...

ТЕПЛОВЪ. Прости меня, но я не понимаю тебя... Неужели тебѣ интересно быть здѣсь?

ТЕРПИГОРЕВА. Интересно... Онъ далеко не такой, какъ тебѣ представляется... Въ немъ есть много хорошаго. Мнѣ кажется, если бы у него не было денегъ, онъ былъ бы вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и, можетъ быть, извѣстнымъ музыкантомъ... Потомъ, этотъ вечеръ дѣйствительно интересенъ...

ТЕПЛОВЪ. А я думаю, что онъ очень пошлъ... Мнѣ пришло въ голову, что все это затѣяно для тебя, чтобы расположить тебя въ свою пользу, заинтересовать... Онъ знаетъ, что тебѣ можетъ нравиться... И я думаю, что всѣ эти проекты, праздничныя награды, вечера, посѣщенія служащихъ, все сводится къ одному, — къ перемѣнѣ женщины... Я въ этомъ неувѣренъ... Я въ этомъ неувѣренъ... Я только предупреждаю тебя, Лиза...

ТЕРПИГОРЕВА. Это неправда... Ты несправедливъ къ нему, Андрей. Въ тебѣ говоритъ нехорошее чувство, не то зависть, не то озлобленіе. Ты, мнѣ кажется, чувствуешь то, что чувствуетъ большинство неудачниковъ по отношенію къ болѣе счастливымъ людямъ... А это нехорошо...

ТЕПЛОВЪ. Такъ, такъ... И ты начинаешь относиться ко мнѣ, какъ къ неудачнику, жалкому человѣку, какъ всѣ относятся.

ТЕРПИГОРЕВА. Зачѣмъ же ты такъ держишь себя?

Digitized by Google

Жена опять мнѣ жаловалась... Она нисколько не мѣшаетъ твоей работѣ, это ты выдумываешь... Вторую ночь сегодня при мнѣ не ночевалъ дома... Сейчасъ отъ тебя виномъ пахнетъ... Ступай лучше домой, ты въ очень нервномъ состояніи, кажется.

ТЕПЛОВЪ. А ты будешь развивать здѣсь съ этимъ хамомъ гуманныя идеи передъ людьми, живущими впроголодь на его жалованье?

ТЕРПИГОРЕВА. Что ты хочешь отъ меня? Почему ты лишаешь меня свободы? Почему я должна сидѣть у тебя въ квартирѣ? Право, насъ, учительницъ, считаютъ какими-то безполыми существами, созданными для изліянія другихъ душъ. Ты, кажется, только теперь, въ эту нашу встрѣчу догадался, что я тоже женщина. Оставь меня въ покоѣ! Что хочу, то и дѣлаю... И, можетъ быть, сегодня опять поѣду кататься съ нимъ...

ТЕПЛОВЪ. Что ты говоришь.

ТЕРПИГОРЕВА. Дай мнѣ хоть въ Москвѣ пожить, какъ душѣ хочется... Вѣчный надзоръ за моимъ учительскимъ поведеніемъ начальства мнѣ надоѣлъ... Я еще успѣю въ Симбирскѣ скучать, скучать долгіе, однообразные, мучительные годы... Вѣдь мнѣ, Андрей, жить хочется... жить!

ТЕПЛОВЪ. Я понимаю... Успокойся... Но... при чемъ онъ тутъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Мнѣ все равно онъ или кто-нибудь другой, лишь не было бы скучно!..

ТЕПЛОВЪ. Это отчаяніе... Ты страдаешь... Ты очень страдаешь. (Беретъ ее за руки) Ты должна мнѣ все сказать... Да, да!.. Я отъ небя не отстану... Пойдемъ... вотъ сюда въ библіотеку, здѣсь никто не помѣшаетъ. Я отъ тебя не отстану.

(Почти насильно уводитъ ее въ библіотеку и сажаетъ у стола, продолжая о чемъ-

Digitized by Google

то говорить. Въ открытую дверь ихъ видно. Черезъ нѣкоторое время входитъ Купоросовъ)

КУПОРОСОВЪ (входя въ залъ). Елизавета Николаевна...

(Видитъ ее въ библіотекѣ и отходитъ въ сторону, чтобъ его не замѣтили; потомъ тихо, на цыпочкахъ подкрадывается къ двери и собирается подслушать... Ему стыдно и хочется узнать, о чемъ они говорятъ, онъ то сосредоточится, наклонится ухомъ къ двери, то опять выпрямится, отойдетъ и подойдетъ къ библіотекѣ... Наконецъ, замѣчаетъ проходящаго по гостиной Мясникова и останавливаетъ его)

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ гостиной тихо). Кузьма Ивановичъ! (Мясниковъ подходитъ къ двери) Вы не замѣтили, что этотъ... какъ его? Тепловъ немного пьянъ? Такая у него дутая рожа, наглые глаза...

МЯСНИКОВЪ. Нѣтъ.

КУПОРОСОВЪ. Мнѣ непріятно, что онъ здѣсь... Нельзя ли его какъ-нибудь сплавить?.. Постарайтесь это сдѣлать, пошлите куда-нибудь, за какимъ-нибудь дѣломъ... Ну, его совсѣмъ къ чорту!

МЯСНИКОВЪ. Его что то не видать...

КУПОРОСОВЪ. Онъ въ библіотекѣ. Я сейчасъ уведу оттуда Елизавету Николаевну, а вы его... (Идетъ въ библіотеку и начинаетъ говорить, подходя къ дверямъ, напускнымъ неестественнымъ тономъ) Елизавета Николаевна, такъ нельзя. Идите, поддержите, право, ничего не выходитъ... (Входитъ въ библіотеку, предлагаетъ руку и опять выходитъ вмѣстѣ съ ней) Хотѣлъ говорить теплое слово, получается какое-то нравоученіе о непослушаніи родителямъ... Самъ чувствую, что не то... Стыдно стало—убѣжалъ... Я думаю, немного помузицировать имъ.

(Проходитъ въ гостиную. Тепловъ выходитъ изъ библіотеки и идетъ въ гостиную, но его задерживаетъ Мясниковъ)

Digitized by Google

мясниковъ. Тепловъ...

тепловъ. Что вамъ?

мясниковъ. У васъ... (Выдумывая) Готовъ разсчетъ съ Докучаевымъ? И счета, и векселя?

тепловъ. Онъ просилъ приготовить къ десятому... Раньше онъ не хотѣлъ быть въ Москвѣ.

мясниковъ. Какъ это такъ?.. Я знаю, когда нужно... Прошу васъ приготовить къ завтрашнему дню. . Ступайте домой и сдѣлайте все... Кстати здѣсь и дѣлать нечего...

тепловъ. Я не пойду, я знаю, что это не такъ необходимо... Я не понимаю, чѣмъ я вамъ мѣшаю?

мясниковъ (разгорячившись). Не мнѣ, а хозяину... Онъ не хочетъ, чтобъ вы были здѣсь...

тепловъ (изумляясь). Не можетъ быть! Онъ самъ меня лично приглашалъ два раза, присылалъ письмо, чтобы я приходилъ съ женой и съ Елизаветой Николаевной...

мясниковъ. Я тамъ не знаю, а только онъ сейчасъ говорилъ... Вообще, ему не нравится ваше лицо... Я много разъ говорилъ вамъ это... Да что тутъ толковать? Онъ просто мнѣ сказалъ, чтобъ убирались вы къ чорту... Вотъ и все!.. (Уходитъ въ гостиную)

тепловъ. Не можетъ быть!.. Не можетъ быть!..

(Пройдясь въ волненіи по залу и все еще не довѣряя словамъ Мясникова, уходитъ въ гостиную. За минуту до его ухода, въ гостиной стали появляться гости. Это приказчики Купоросова разныхъ возрастовъ и положеній. Люди съ положеніемъ сторублеваго жалованія, рѣзко отличаются отъ людей съ тридцатирублевымъ жалованіемъ. Послѣдніе болѣе робки и болѣе подавлены окружающей обстановкой. Между ними Щетининъ и Пушкаревъ. Нѣкоторые приказчики съ женами и дѣтьми. У одной женщины на рукахъ

Digitized by Google

ребенокъ. Гимназистъ лѣтъ 13-ти и гимназистка такого же возраста. Саша въ бѣломъ бальномъ платьѣ подъ руку съ Константиновымъ тоже появляется въ гостиной, и черезъ нѣкоторое время они первые входятъ въ залъ)

САША (объясняя Константинову). Это залъ... Любимая комната Савелія Игнатьевича... Онъ здѣсь самъ себѣ концерты устраиваетъ... Одѣнется въ костюмъ и ходитъ... Мечтаетъ, воображаетъ...

КОНСТАНТИНОВЪ. Кажется стѣны мраморныя? (Щупаетъ руками)

САША. Вы не трогайте руками-то.... Они никого здѣсь не принимаютъ и не любятъ, чтобы кто-нибудь здѣсь былъ... Ну, а мнѣ можно... Я по всѣмъ комнатамъ сижу, гдѣ хочу.. Вонъ тамъ библіотека... Видите?

КОНСТАНТИНОВЪ. Да.

(Гуляютъ по залу)

КОНСТАНТИНОВЪ. О чемъ вы думаете?

САША. Я представляю себѣ, что я дочь богатыхъ, богатыхъ родителей... И меня привезли въ первый разъ на балъ. Музыка... много народу... Я съ молоденькимъ. богатымъ фабрикантомъ подъ руку... Честная, хорошая, самая красивая... И всѣ спрашиваютъ: кто это такая?.. А мамаша за нами идетъ и улыбается...

КОНСТАНТИНОВЪ. У васъ мечты завлекательныя.. Жалко, что у насъ дѣло-то не очень чисто...

САША. А вы не вспоминайте, не конфузьте меня... Будемъ ходить и мечтать, что мы хорошіе, хорошіе...

(Продолжаютъ гулять. Изъ гостиной входятъ нѣсколько человѣкъ и съ любопытствомъ разглядываютъ залъ. Впереди вошедшихъ Щетининъ и Пушкаревъ)

ЩЕТИНИНЪ (обращаясь къ Пушкареву). Констанчикъ-то нашъ каковъ! Въ сорочкѣ родился...

Digitized by Google

САША (довольно безцеремонно, воображая себя хозяйкой дома). Зачѣмъ вы, господа, въ залѣ? Можетъ быть, Савелій Игнатьевичъ этого не хочетъ...

(Купоросовъ появляется въ дверяхъ гостиной. Съ нимъ Терпигорева. Онъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ въ гостинной. Тѣ, которые вышли раньше, разступились отъ двери и дали ему ходъ)

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ). Прошу васъ, господа, въ залъ. Не стѣсняйтесь... идите всѣ, всѣ идите...

(Пропускаетъ у дверей гостей и проходитъ съ Терпигоревой къ рояли. Гости чувствуютъ себя крайне не по себѣ, никому не хочется стоять впереди, близко къ хозяину; ютятся по стѣнамъ. Гимназистка недоумѣвающими глазами смотритъ на Купоросова)

КУПОРОСОВЪ. Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь... Чувствуйте себя какъ дома... Я, ей Богу, нестрашный, такой же человѣкъ, какъ вы... Садитесь... Что вы стоите? (Обращается къ бѣдно одѣтому укладчику съ тридцатирублевымъ жалованьемъ) Прошу покорно... Садитесь... Что я васъ никогда не видалъ?

УКЛАДЧИКЪ. Я при складѣ... Въ развѣсной палаткѣ...

КУПОРОСОВЪ. Да, да... Такъ вѣдь васъ пятнадцать человѣкъ?

УКЛАДЧИКЪ. Точно такъ.

КУПОРОСОВЪ. А другіе здѣсь?

УКЛАДЧИКЪ. Нѣтъ, постѣснялись пойти...

КУПОРОСОВЪ. Такъ скажите имъ, чтобы они въ другой разъ не стѣснялись... Я буду обижаться... Да, вообще, господа, я прошу всѣхъ здѣсь присутствующихъ передать отсутствующимъ, что я очень сожалѣю, что они не пришли... Я не хочу быть букой, огороднымъ пугаломъ... Хозяинъ есть только центръ, вокругъ ко-

Digitized by Google

тораго вертится дѣловое колесо, въ которомъ каждая спица имѣетъ свою цѣнность... Если хоть одна изъ нихъ выпадетъ, то скоро расшатается колесо, и пострадаетъ центръ... (Подходитъ къ Терпигоревой, тихо) Опять не то... Глупо, книжно... Я лучше имъ помузицирую.

ТЕРПИГОРЕВА (тихо). Перестаньте говорить... (Громко) Будемъ танцовать. (Развязно подходитъ къ нѣкоторымъ молодымъ людямъ) Вотъ я вижу тутъ много молодыхъ людей... Вѣроятно, они танцуютъ... У насъ, въ провинціи, торговый народъ такъ закатываетъ — пляшетъ, только подошвы трещатъ.

ТЕРПИГОРЕВА (обращаясь къ Пушкареву). Вы, вѣроятно, молодой человѣкъ, танцуете? Давайте со мной... Савелій Игнатьевичъ, сыграйте намъ какую-нибудь польку. (Беретъ Пушкарева за руки и тащитъ)

ПУШКАРЕВЪ (упираясь). Нѣтъ-съ я... Я не умѣю...

КОНСТАНТИНОВЪ. Онъ умѣетъ... Стѣсняется... Первый танцоръ у насъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Ну, вы давайте... Берите меня за талію...

КОНСТАНТИНОВЪ. Я ужъ совсѣмъ не умѣю...

ТЕРПИГОРЕВА (подходя къ одному, другому, третьему молодому человѣку, которые отъ нея всѣ пятятся назадъ и качаютъ головами). Ну, вы... Вы? Вы? Никто не хочетъ... (Замѣтивъ гимназиста) Вотъ гимназистъ со мной будетъ танцовать! (Подходитъ къ нему и поражается его грустнымъ, задумчивымъ лицомъ) Отчего ты такой грустный, мальчикъ? Боленъ? (Обнимаетъ его и цѣлуетъ голову) Пойдемъ, разскажи мнѣ...

(Отводитъ гимназиста къ роялю и что-то любовно говоритъ ему. Гимназистъ черезъ нѣкоторое время улыбается и тоже начинаетъ что-то оживленно разсказывать)

ЩЕТИНИНЪ. Вы лучше намъ сыграйте, Савелій Иг-

Digitized by Google

натьевичъ. Вѣдь обѣщали поиграть... И такъ всѣ довольны...

нѣсколько голосовъ. Сыграйте, Савелій Игнатьевичъ. Сыграйте, доставьте удовольствіе...

щетининъ. Вся Москва знаетъ про ваши способности. Интересно было-бы послушать... Гофманъ намъ не по карману.

опять голоса. Сыграйте. Доставьте удовольствіе...

купоросовъ. Хорошо, господа... Мнѣ пріятно будетъ играть передъ такими слушателями. (Садится за рояль и задумывается) Что бы такое вамъ сыграть? (Помолчавъ) Вы, господа, вѣроятно, знаете, слышали или читали нашего знаменитаго русскаго писателя Льва Николаевича Толстого. Онъ написалъ, какъ извѣстно всему міру, „Крейцерову Сонату", но что такое Крейцерова Соната и соната вообще?

терпигорева (подойдя къ нему). Мнѣ кажется, это длинно.

купоросовъ. Вы хотите сказать серьезно? Пожалуй... (Помолчавъ) Господа, я вамъ сыграю другое... Что-нибудь русское... (Послѣ паузы) Какому русскому неизвѣстна, господа, русская пѣсня? Она вѣдь поется въ каждой деревенькѣ нашей обширной матушки Россіи... Въ ней выливается народная душа, самые глубокіе тайники ея, которые не передаются словами... И вотъ нашъ великій композиторъ, Глинка, чутко подслушалъ русскую душу...

терпигорева. Мнѣ кажется, вы лучше прямо играли-бы...

купоросовъ. Я хотѣлъ нѣсколько словъ о Глинкѣ...

терпигорева. Глинка самъ разскажетъ о себѣ... Играйте.

купоросовъ. Ну, хорошо...

(Играетъ на память „Жизнь за Царя".

Digitized by Google

Въ залѣ глубокое молчаніе. Большая пауза, во время которой появляется Тепловъ, подходитъ къ роялю, облокачивается на него, возмущаясь, едва сдерживая себя, смотритъ злыми глазами на Купоросова. Купоросовъ продолжаетъ играть и не замѣчаетъ Теплова)

ТЕПЛОВЪ. Потомственный почетный гражданинъ, купецъ первой гильдіи, Савелій Игнатьевичъ Купоросовъ, культивируетъ служащихъ... Но это ему не мѣшаетъ за угломъ посылать этихъ служащихъ къ чорту и распоряжаться выталкивать ихъ за шиворотъ на улицу...

КУПОРОСОВЪ (переставая играть). Что такое?

ТЕПЛОВЪ (не владѣя собой, въ изступленіи ударяя кулакомъ по роялю). Вы сказали, чтобы я убирался къ чорту изъ вашего дома! Вы это сказали... Я явился потому, что вы меня звали, писали, приглашали съ женой и вотъ съ ней... (Показываетъ на Терпигореву)

КУПОРОСОВЪ. Я ничего подобнаго не говорилъ... Вы пьяны!

ТЕПЛОВЪ. Мнѣ передалъ вашъ довѣренный. Онъ здѣсь...

КУПОРОСОВЪ (взбѣшенный). Убирайтесь вонъ отсюда! Вонъ!

ТЕРПИГОРЕВА (подбѣгая къ Теплову). Это правда?

ТЕПЛОВЪ. Я сейчасъ уйду... (Обращаясь къ Терпигоревой) Ты можешь оставаться на этомъ просвѣтительномъ вечерѣ, но я тебя долженъ предупредить, что ты еще будешь присутствовать на свадебной вечеринкѣ содержанки купца Купоросова, которая сбывается съ рукъ за ничтожную сумму одному изъ присутствующихъ здѣсь служащихъ...

КУПОРОСОВЪ. Что? Вонъ! Вонъ! Уберите его... Вы-

Digitized by Google

киньте изъ окна на мостовую этого мерзавца! И сами всѣ уходите... Уходите всѣ!..

(Толпа окружаетъ Теплова)

ЩЕТИНИНЪ. А вы, братцы, своимъ судомъ...

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ. Своимъ судомъ! Онъ хозяина оскорбилъ! Кормильца... Своимъ судомъ!

(Возбужденіе возрастаетъ, особенно слышно слово: кормильца)

ТЕРПИГОРЕВА (посмотрѣвъ съ презрѣніемъ на волнующихся). Идіоты...' (Беря Теплова за руку) Пойдемъ...

(Уходятъ. Гости съ шумомъ выходятъ изъ залы, продолжая возмущаться. Остаются Мясниковъ, Саша за колонной и Купоросовъ)

КУПОРОСОВЪ (склонясь на рояль). Такъ оскорбить... За что? За что?..

(Пауза. Потомъ онъ быстро что-то вспоминаетъ, соображаетъ и выбѣгаетъ изъ залы. Мясниковъ идетъ за нимъ. Саша преграждаетъ ему путь)

САША (выходя изъ-за колонны). Какъ же я это? Послѣ такого позора нечего и думать...

МЯСНИКОВЪ. Оставьте! Не до васъ... Поѣзжайте къ матушкѣ, тамъ скоро устроимъ... въ ночь сегодня, чтобы васъ здѣсь не было... Куда онъ побѣжалъ? (Уходитъ)

САША (идя за нимъ). Ну, я вамъ не пятьсотъ, тысячу дамъ, только устройте... Онъ такъ мнѣ нравится...

(Сцена нѣкоторое время пуста. Въ дверяхъ гостиной снова появляется Купоросовъ съ Терпигоревой. На ней надѣта шуба, шапку она держитъ въ рукахъ. Очевидно, онъ упросилъ ее вернуться въ сѣняхъ. Самъ онъ очень взволнованъ, логически не можетъ говорить и ясно не сознаетъ, чего онъ хочетъ)

Digitized by Google

КУПОРОСОВЪ (въ дверяхъ). Пять минутъ... пять минутъ...

(Видя, что она какъ-то нерѣшительно входитъ въ залъ, схватываетъ ее за руку. Она отдергиваетъ руку)

КУПОРОСОВЪ. Раздѣньтесь...

ТЕРПИГОРЕВА. Я сказала, что я не буду раздѣваться... Что вамъ нужно?

КУПОРОСОВЪ. Не обижайтесь... Вѣдь я, кажется, сдѣлалъ все, что могъ... Объяснился съ нимъ, попросилъ извиненія... Если нужно еще что-нибудь, я сдѣлаю...

ТЕРПИГОРЕВА. Вы должны были это сдѣлать.

КУПОРОСОВЪ. Конечно... Раздѣньтесь... Только пять минутъ... Я не могу собраться съ мыслями, съ чего начать...

ТЕРПИГОРЕВА. Я не буду раздѣваться...

КУПОРОСОВЪ. Мнѣ такъ жалко, что я васъ теряю... Я ужъ давно, давно себя не чувствовалъ такъ, какъ въ послѣднее время, познакомясь съ вами. Какъ будто возвратилось студенческое время, вѣра въ себя, что-то крѣпкое, здоровое, бодрящее... И вдругъ ничего... Одиночество и этотъ огромный, пустой домъ... Вѣдь вы все-таки не такъ жестоки и несправедливы ко мнѣ, какъ онъ,—вы говорили, что во мнѣ живетъ что-то хорошее, искреннее... и это правда... Я самъ нерадъ, что я такой... А онъ несправедливъ, онъ озлобленный неудачникъ... Что вамъ еще сказать? Да, да... объ этой женщинѣ... Можно отнестись къ этому факту гораздо проще.. Я вѣдь мужчина, это такъ понятно...

ТЕРПИГОРЕВА. Мнѣ рѣшительно это все равно... Вы можете завести у себя въ домѣ цѣлый гаремъ...

КУПОРОСОВЪ. Это жалко... Жалко, что вы такъ относитесь ко мнѣ... Я мечталъ, что вы будете моимъ

Digitized by Google

другомъ, что мы будемъ писать другъ другу, потомъ я поѣду въ Симбирскъ... Я жилъ этимъ... Мнѣ казалось, что если мы съ вами больше сблизимся, узнаемъ еще другъ друга, и я все сообразилъ бы, взвѣсилъ, то легко даже могъ бы сдѣлать вамъ предложеніе...

ТЕРПИГОРЕВА (оскорбленная). Все сообразилъ бы! Взвѣсилъ! Легко даже могъ! Эхъ вы, человѣкъ? Я начинаю думать, что Тепловъ правъ... Онъ говоритъ, что вы хотите замѣнить мной свою содержанку.

КУПОРОСОВЪ. Это ложь! Это ложь! Никогда, ни одну минуту я не думалъ объ этомъ... Вы не можете не довѣрять мнѣ, я такъ старался быть съ вами искреннимъ и простымъ... Вы этому не вѣрите? Да?

ТЕРПИГОРЕВА. Послѣ того, что здѣсь произошло, это все равно—повѣрю я или нѣтъ... Меня для васъ не существуетъ... (Идетъ)

КУПОРОСОВЪ. Постойте... (Она останавливается) Пожалѣйте меня... Скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать? Изъ всѣхъ моихъ добрыхъ порывовъ, побужденій никогда ничего не выходитъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Надо быть лучше, лучше, господинъ Купоросовъ! (Уходитъ)

КУПОРОСОВЪ. Постойте. (Потерявъ всякую надежду) Пусть. (Пауза. Въ немъ просыпается вторая половина натуры—хищная и дикая) Онъ... И это черезъ него... Ну, погоди же ты... (Судорожно сжимаетъ кулакъ и грозитъ имъ передъ своимъ лицомъ, какъ будто бы себѣ... Впадаетъ въ отчаяніе,—ему хочется закричать, изломать что-нибудь. Ударяетъ кулакомъ по колоннѣ) Ахъ!

(За этимъ напряженіемъ нервовъ, слѣдуетъ мгновенно упадокъ... Какъ слабый больной, онъ падаетъ на колонну спиной и стоитъ, опустивши голову)

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Декорація перваго дѣйствія 7 часовъ вечера. Въ сѣняхъ темно, только въ комнатѣ швейцара горитъ свѣча.

Николай не въ формѣ, а въ тужуркѣ сидитъ передъ столомъ и тихо поетъ. На столѣ передъ нимъ полбутылки водки и закуска на бумагѣ. Онъ запилъ и пьетъ уже съ того дня, какъ Саша ушла изъ дома Купоросова и поступила пѣвицей въ „Гурзуфъ".

НИКОЛАЙ (поетъ). Ахъ, бѣднымъ-то я бѣдна,
Бѣдно я одѣта,—
Никто замужъ не беретъ,
Собственно за это...

(Кончивъ куплетъ, онъ снова повторяетъ его и, повидимому, давно уже проводитъ такъ время. Наверху слышенъ голосъ Купоросова: „Такъ пожалуйста.. Я васъ прошу... Мясниковъ поѣдетъ съ вами"... Сходятъ сверху и Мясниковъ и Щетининъ. Купоросовъ остается на площадкѣ)

КУПОРОСОВЪ (сходя на площадку). Николай, отчего не освѣщено?

(Николай не слышитъ. Мясниковъ отвертываетъ самъ электрическій краникъ. Сѣни освѣщаются. Николай, увидѣвъ свѣтъ, выбѣгаетъ изъ швейцарской и держитъ себя такъ, что нельзя подумать, что онъ пьянъ)

МЯСНИКОВЪ (обращаясь къ Николаю). Отчего не освѣщено?

НИКОЛАЙ. Сами же приказываете, когда никого нѣтъ...

МЯСНИКОВЪ. Никого нѣтъ... Ты должно быть ослѣпъ?

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Виноватъ...

(Щетининъ и Мясниковъ одѣваются у вѣшалки)

КУПОРОСОВЪ. Такъ и помните, староста, въ случаѣ того... я перейду въ чижовскую артель... Поставьте на видъ общему артельному собранію, что у меня служатъ сорокъ человѣкъ артельщиковъ... Общій ихъ заработокъ кажется... Сколько Кузьма Ивановичъ?

МЯСНИКОВЪ. Двадцать семь тысячъ...

КУПОРОСОВЪ. Такъ вотъ, двадцать семь тысячъ... Артель потеряетъ эти деньги, если общее собраніе не сочтетъ нужнымъ наказать своего члена, вреднаго для всей артельной семьи...

ЩЕТИНИНЪ. Ужъ вы не безпокойтесь, Савелій Игнатьевичъ, общее собраніе оштрафуетъ и исключитъ его изъ артели... Только вотъ на какую сумму-то? На стоимость всего пая,—многовато... Вѣдь это пять тысячъ... Мы на той недѣлѣ повысили пай-то...

КУПОРОСОВЪ. Ну, это тамъ какъ хотите... Вы знаете мое мнѣніе... До свиданья. (Уходитъ)

МЯСНИКОВЪ. На весь пай хочетъ... Должно быть придется какъ-нибудь устраивать...

ЩЕТИНИНЪ. Поставимъ баллотировочный ящикъ... Вѣрнѣе будетъ... Направо—шарики за штрафъ, налѣво—противъ...

МЯСНИКОВЪ. Вы думаете вѣрнѣе это?

ЩЕТИНИНЪ. Еще бы! Всякій пойметъ: штрафъ на полный пай выгоднѣе,—капиталъ возростетъ,—да никто этого не скажетъ при Тепловѣ, а шарикъ-то всякій положитъ направо,—не видать...

МЯСНИКОВЪ. Разумѣется такъ... Надо гоноръ-то сбить... А потомъ въ Московскій...

ЩЕТИНИНЪ. Что Московскій!.. Бывали тамъ...

МЯСНИКОВЪ. Осетра изъ серебра поѣдимъ...

Digitized by Google

щетининъ. Это другое дѣло...

мясниковъ. Только на много, староста, не разсчитывай... Дѣло того не стоитъ...

щетининъ. Ну, тамъ видно будетъ... Поѣдемте скорѣе, а то меня общее собраніе за опозданіе оштрафуетъ раньше Теплова.

мясниковъ. Я поѣду, только чтобы первое разбиралось это дѣло...

щетининъ. Черезъ полчаса все будетъ готово... Что тутъ разбирать? Ящикъ и конецъ...

мясниковъ. Николай, запри за нами...

(Уходятъ. Николай запираетъ дверь и ложится на диванъ. Пауза. Ему, повидимому, очень тоскливо и скучно)

николай (зоветъ). Вася! (Помолчавъ) Васюкъ! (Изъ комнаты служащихъ выходитъ Вася) Сооруди еще... (Вася беретъ въ швейцарской со стола полбутылки)

вася (показываетъ на полубутылку). Давайте денегъ...

николай. Денегъ? А если безъ денегъ?

вася. Не отпустятъ...

николай. Не отпустятъ... Вотъ и выходитъ, что деньги вещь важная... (Помолчавъ) А двѣ тысячи триста, Вася, много денегъ?

вася. Еще бы не много...

николай. Врешь! (Приподнимается и садится) Двѣ тысячи триста. (Плюетъ на полъ и показываетъ на плевокъ) Вотъ двѣ тысячи триста... Опять ложится) Сто тысячъ — деньги... Будь у меня они,—ей не жить бы тамъ... (Пауза)

вася. Такъ давайте... не отпустятъ такъ...

николай. Я забылъ...

(Даетъ деньги. Вася уходитъ. Николай опять мурлычитъ пѣсенку про бѣдную невѣсту и задремливаетъ на диванѣ. Пауза. Дверь комнаты служащихъ пріотворяется, и показывается голова Саши въ огромной и крикливой шляпкѣ)

Digitized by Google

САША (высунувъ голову). Николай! (Видитъ его на диванѣ и обращается къ стоящей позади Викторіи) Онъ, кажется, спитъ.

(Входятъ Саша и Викторія. Обѣ онѣ въ огромныхъ шляпкахъ и цвѣтныхъ ротондахъ)

САША (подойдя къ дивану). Николай!

(Николай, очнувшись отъ дремоты, встряхивается и удивленно смотритъ на нихъ)

САША. Очнулся? (Обращаясь къ Викторіи, смѣясь) Вотъ это женихъ мой... Къ вѣнцу за тобой пріѣхала...

НИКОЛАЙ (обидѣвшись, грубо). Чего вамъ здѣсь надо? Кажется, ничего не забыли...

САША. Твое дѣло молчать!.. Савелій Игнатьевичъ велѣлъ самъ пріѣхать намъ... Пойдемъ, Викторія, наверхъ... Я весь домъ знаю, какъ свои пять пальцевъ... Пожила, слезъ-то здѣсь много выплакала... Слава Богу... Пойдемъ...

НИКОЛАЙ (не пуская ихъ и становясь у лѣстницы). Не пущу! Не приказалъ онъ... Въ такихъ случаяхъ они приказываютъ.

САША. Врешь, дуракъ! Онъ за Викторіей ухаживаетъ, вчера съ ней ужиналъ и просилъ меня пріѣхать вмѣстѣ къ нему...

ВИКТОРІЯ. Вы не можете меня не пустить. Онъ за мной ухаживаетъ...

НИКОЛАЙ. А вотъ не пущу! Приказалъ онъ, чтобъ никакихъ Викторій не пускать..

САША. Онъ вретъ... Онъ сердится на меня за то, что я за него замужъ не пошла.

НИКОЛАЙ. Никогда я на васъ жениться не хотѣлъ... Выдумываете. Позорите...

САША. Ужъ чего!.. Только слово сказала бы, такъ сейчасъ бы... У него, Викторія, 2300 денегъ есть... Выходи за него... Онъ все меня ими сманивалъ...

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Выдумываете... Срамница!.. Недолго попрыгаете... годъ, другой...

САША. Вы пожалуйста!.. Я пѣвица...

НИКОЛАЙ. Все равно... Мамаша сегодня опять была, просила, чтобы урезонить васъ... Да развѣ съ вами можно говорить?

(Вася возвращается съ водкой, ставитъ покупку въ швейцарской на столъ и уходитъ)

САША. Я вѣдь ей вчера двадцать пять рублей дала. Чего ей нужно? Она отъ меня никогда столько не получала... У меня теперь денегъ много... Узнали, что Купоросовская въ хоръ поступила, отбою нѣтъ...

НИКОЛАЙ. Плохо, Александра Степановна, плохо...

САША. Сама знаю, что плохо... Да мнѣ теперь все равно. Несчастная я... Хотѣла по хорошему, не вышло... (Махнувъ рукой) А теперь ужъ все равно!.. Чѣмъ веселѣе, тѣмъ лучше... Не выходить же замужъ за васъ?..

(Звонокъ)

НИКОЛАЙ. Вонъ кто-то пріѣхалъ...

ВИКТОРІЯ. Поѣдемъ, Саша.... Ну, ихъ къ чорту!

САША. Поѣдемъ. (Идутъ къ фонарю)

НИКОЛАЙ (останавливая ихъ). Нѣтъ, ужъ вы черезъ заднiй ходъ... Гдѣ вошли, туда и выходите... У насъ такихъ черезъ заднiй ходъ пускаютъ...

ВИКТОРІЯ. Дуракъ! (Выходитъ)

НИКОЛАЙ (по выходѣ Викторіи). Александра Степановна...

САША (останавливаясь у двери). Ну?

НИКОЛАЙ. Оставьте все... Возвратитесь къ мамашѣ...

САША. Въ четвергъ послѣ дождика приходите, тамъ буду...

(Уходитъ. Николай пошелъ было за ней, желая еще что-то сказать, но остановился у двери и задумался. Слабый зво-

Digitized by Google

нокъ. Онъ не слышитъ звонка и, постоявъ еще въ какомъ-то обалдѣніи, встряхивается, пріободряется, идетъ въ швейцарскую и выпиваетъ рюмку водки. Звонокъ раздается еще разъ и звучитъ уже совсѣмъ робко, чуть слышно)

НИКОЛАЙ. Подождите... (Отпираетъ дверь и говоритъ въ фонарѣ) По вечерамъ не принимаютъ... Нельзя... Нельзя!.. Куда лѣзете?

(Голосъ Анны Федоровны: „намъ нужно! очень нужно!" Сусликову удается проскользнуть въ сѣни. Николай вбѣгаетъ за нимъ и, взявъ его за рукавъ, старается вывести)

НИКОЛАЙ (выпроваживая Сусликова). Что за безобразіе? Полицію что ли звать?

СУСЛИКОВЪ (отбиваясь отъ него). Дѣло есть... неотложное...

(Въ то время, когда между ними идетъ препирательство, Анна Федоровна, блѣдная и взволнованная, выскакиваетъ изъ фонаря и бѣжитъ прямо на лѣстницу. Успѣваетъ подняться на нѣсколько ступенекъ. Николай оставляетъ Сусликова и бѣжитъ за ней)

НИКОЛАЙ (схватывая ее за руку). Куда вы лѣзете? Что это? Скандалъ прямо.

СУСЛИКОВЪ. Анечка, ты ему рубликъ, рубликъ... У меня нѣтъ денегъ-то.

АННА ФЕДОРОВНА (вырывая руку). Пустите! Вы не можете насъ не пустить. У насъ дѣло...

НИКОЛАЙ. Нельзя, нельзя... Пожалуйте?.. Что за безобразіе?

(Тащитъ ее съ лѣстницы, въ это время Сусликовъ бѣжитъ по лѣстницѣ наверхъ)

Digitized by Google

НИКОЛАЙ (выпуская Анну Федоровну и схватывая Сусликова, громко кричитъ). Василій!

(Выбѣгаетъ Вася. Въ это же время на лѣстницѣ появляется Купоросовъ)

КУПОРОСОВЪ. Что это такое, Николай? Что ты орешь на весь домъ?

(Сходитъ на площадку)

НИКОЛАЙ. Да вотъ, Савелій...

СУСЛИКОВЪ (перебивая его, стоя на первыхъ ступеняхъ лѣстницы). Мы къ вамъ... Дѣло у насъ... Я Сусликовъ... Сусликовъ я... Изволите знать, видѣли, когда изволили у насъ бывать. Тридцать четыре года былъ артельщикомъ, тридцать два прослужилъ у одного хозяина. Довѣрялись суммы тысячныя... Но никогда ни одной копѣйки...

АННА ФЕДОРОВНА (волнуясь не меньше отца). Постойте, папаша... Тамъ... въ артельной конторѣ сейчасъ общее собраніе... Всѣ хотятъ оштрафовать моего мужа на всѣ деньги, потому что вы этого хотите... Это деньги не его... деньги папаши...

СУСЛИКОВЪ. И не мои, а моего батюшки... Я тридцать четыре года берегъ ихъ; паишко въ артели купилъ, чтобы посохраннѣе было... Старъ сталъ, на мѣста не берутъ... Я зятю пай-то и передалъ... Мои деньги, пожалѣйте... Вотъ за этимъ, за этимъ мы къ вамъ... тамъ галдятъ, кричатъ въ собраніи-то, а мы тихонько на извозчика, да и къ вамъ...

КУПОРОСОВЪ. Постойте... Тамъ гдѣ-то, въ артельной конторѣ, общее собраніе штрафуетъ,—и за дѣло, артельщика Теплова, а я съ вами стою и разговариваю на лѣстницѣ, слѣдовательно не я это дѣлаю, а общее собраніе. Я тутъ не при чемъ... Я его прогналъ со службы, какъ негоднаго служащаго, и больше ничего... Что вы

Digitized by Google

ко мнѣ? Вы просите общее собраніе... А меня оставьте въ покоѣ... Я тутъ не при чемъ...

(Повертывается и поднимается по лѣстницѣ)

АННА ФЕДОРОВНА (идя за нимъ). Какъ же вы не при чемъ? Тамъ всѣ говорятъ, что это отъ васъ зависитъ... Добрые люди насъ и послали сюда...

КУПОРОСОВЪ (кричитъ, повернувшись къ ней лицомъ). Да что я артельщикъ, что ли? Имѣю право голоса на артельныхъ собраніяхъ?..

АННА ФЕДОРОВНА. Имѣете... Вы хоть молчите, и нѣтъ васъ тамъ, а громче всѣхъ говорите. Къ вамъ прислушиваются...

КУПОРОСОВЪ. Оставьте меня въ покоѣ!

(Быстро уходитъ. Анна Федоровна стоитъ на лѣстницѣ, не зная что дѣлать... Сусликовъ смотритъ остолбенѣвшими глазами наверхъ, все еще не вѣря потерянной надеждѣ. Потомъ садится на ступеньку и хнычетъ старческимъ слабымъ голосомъ)

СУСЛИКОВЪ. Денежки мои... денежки...

НИКОЛАЙ. Ничего, старикъ... Уладится.. Ты приди завтра, послѣ завтра приди, недѣлю ходи, въ концѣ концовъ онъ сдѣлаетъ, какъ тебѣ нужно... Я его знаю... Ты ходи, проси и больше ничего... Я тебя пускать буду...

СУСЛИКОВЪ (обрадовавшись и вскочивъ съ лѣстницы). Правда? Правда это? Мнѣ говорили, что онъ добрый... Анечка, дай ему рубликъ...

АННА ФЕДОРОВНА. Завтра поздно... Общее собраніе постановитъ сегодня, сейчасъ. (Схватываетъ отца за руку) Пойдемте... Надо просить Елизавету Николаевну... Она одна можетъ... Пойдемте.

(Уходитъ. Николай запираетъ дверь. Наверху лѣстницы появляется Купоро-

Digitized by Google

совъ, Вася, по появленіи его, уходитъ въ комнату)

КУПОРОСОВЪ (тихо сверху). Ушли?

НИКОЛАЙ. Ушли.

(Купоросовъ сходитъ съ лѣстницы, подходитъ къ телефону и звонитъ)

КУПОРОСОВЪ. Ты не помнишь, номеръ артельной конторы?

НИКОЛАЙ. 21101.

КУПОРОСОВЪ (приставивъ трубку къ уху). Центральная? Дайте 21101 (Вѣшаетъ трубку и опять говоритъ немного спустя) Артельная контора? Купоросовъ... Позовите къ телефону старосту... (Пауза. Звонокъ) Это вы, староста?.. Въ какомъ положеніи дѣло?.. Результатъ баллотировки?.. А? что? Не слышу... Пятьдесятъ шесть штрафныхъ, два противъ?.. Прекрасно... Что съ нимъ? въ судъ? Ничего не будетъ... Артель вѣдь дѣйствовала по уставу... До свиданія... Выразите негласно мою признательность общему артельному собранію...

(Кончивъ говорить, идетъ къ лѣстницѣ. Звонокъ. Онъ останавливается)

КУПОРОСОВЪ. Кто тамъ? Не принимай.

(Идетъ дальше. Николай отпираетъ дверь, узнаетъ, кто пришелъ, и докладываетъ Купоросову)

НИКОЛАЙ. Учительница Терпигорева.

КУПОРОСОВЪ. Ты сказалъ не принимаютъ?

НИКОЛАЙ. Ничего не сказалъ.

КУПОРОСОВЪ (подумавъ). Проси.

(Уходитъ наверхъ. Николай впускаетъ Терпигореву. Она въ сильномъ возбужденіи... говоритъ нервно, вызывающе, обрывисто)

НИКОЛАЙ. Пожалуйте раздѣться...

ТЕРПИГОРЕВА. Я раздѣваться не буду... Здѣсь нѣтъ жены Теплова!

Digitized by Google

НИКОЛАЙ. Недавно были. Минутъ пять всего... Надо бы встрѣтиться.

ТЕРПИГОРЕВА. Должно быть разъѣхались...

НИКОЛАЙ (замѣчая ея волненіе). Что съ вами, барышня? Раздѣньтесь...

ТЕРПИГОРЕВА. Я не буду! Позовите мнѣ сюда вашего барина...

(Николай уходитъ наверхъ. Она ходитъ по сѣнямъ большими шагами, раскачивающейся походкой, заложивъ назадъ руки и разстегнувши шубу. Николай появляется на площадкѣ и говоритъ оттуда)

НИКОЛАЙ. Они просятъ васъ наверхъ.

ТЕРПИГОРЕВА (выходя изъ себя, настойчиво). Не пойду! Позовите мнѣ его сюда!

(Николай уходитъ. Она продолжаетъ ходить. Черезъ нѣсколько времени сходитъ Купоросовъ, за нимъ Николай. Послѣдній. не желая мѣшать ихъ разговору, уходитъ въ комнату служащихъ и потомъ куда-то на дворъ)

КУПОРОСОВЪ (спускаясь съ лѣстницы). Елизавета Николаевна, что вы не взойдете наверхъ?.. Я думалъ, вы давно уѣхали... (Подавая руку) Радъ, очень радъ опять васъ видѣть... Удивленъ... Не ожидалъ...

ТЕРПИГОРЕВА (небрежно пожимая его руку и становясь передъ нимъ въ вызывающую позу). Здѣсь была жена Теплова?

КУПОРОСОВЪ. Да... Раздѣвайтесь... Пойдемте наверхъ, тамъ будемъ говорить...

ТЕРПИГОРЕВА. Что вы ей сказали?

КУПОРОСОВЪ (смущаясь). Вы что-то очень возбуждены...

ТЕРПИГОРЕВА. Что вы ей сказали?

КУПОРОСОВЪ. Она очень странная женщина... Тамъ гдѣ-то артельное собраніе по поводу поступка ея мужа.

Digitized by Google

Артельное общество возмущается имъ, хочетъ наказать его, а она ко мнѣ. Какъ будто бы я общество...

ТЕРПИГОРЕВА. Такъ... такъ... Я понимаю... (Не можетъ стоять на мѣстѣ и опять начинаетъ ходить)

КУПОРОСОВЪ. Вы не волнуйтесь... Я хорошо и не понимаю,—въ чемъ тутъ дѣло? При чемъ я?

ТЕРПИГОРЕВА. Я сейчасъ оттуда... изъ этого общаго собранія... Какое это собраніе? Это стадо... Собраніе быковъ и барановъ, но не людей...

КУПОРОСОВЪ. Развѣ женщинъ пускаютъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Въ залъ нѣтъ. Я была въ другихъ комнатахъ. Это все равно,—они такъ кричатъ, что ихъ слышно на улицѣ... Но дѣло не въ томъ... Я возмущена, возмущена вами, ими, всѣми возмущена!

КУПОРОСОВЪ. Не волнуйтесь... объясните, въ чемъ дѣло?

ТЕРПИГОРЕВА (подойдя къ нему и топая ногой). Вы знаете... Вы все знаете! Разрѣшеніе дѣла Андрея не подлежало баллотировкѣ... Андрей горячо, на основаніи ихъ же артельнаго устава, доказывалъ это... Но они все-таки поставили вопросъ на баллотировку... Почему?

КУПОРОСОВЪ. Я не знаю... Я не былъ въ собраніи...

ТЕРПИГОРЕВА. Они сдѣлали это потому, что этого желали вы... Да, да, да! Я не въ курсѣ артельныхъ дѣлъ, но я это поняла... Въ противномъ случаѣ вы лишали артель двадцати семи тысячнаго годового заработка... Общее собраніе было вынуждено приступить къ баллотировкѣ...

КУПОРОСОВЪ. Елизавета Николаевна, вы заблуждаетесь... Но допустите на время, что это такъ... Скажите мнѣ: какой результатъ баллотировки?

ТЕРПИГОРЕВА. Я не знаю... Я не могла быть тамъ и ушла, какъ только было рѣшено приступить къ баллотировкѣ... Но Андрей говоритъ, что результатъ не мо-

Digitized by Google

жетъ быть въ его пользу, что эта баллотировка только для того, чтобы оштрафовать его... И это правда... Кто вы такой? Вѣдь еще недѣли нѣтъ, какъ мы устраивали въ этомъ домѣ вечеръ для служащихъ, и вдругъ... Прямо не вѣрится... Да понимаете ли вы, знаете ли вы самого себя, культурный дикарь?

(Звонокъ. Купоросовъ обрадовался, что кто-то пришелъ)

КУПОРОСОВЪ. Николай! Звонокъ... Елизавета Николаевна, я вижу, въ какомъ вы невмѣняемомъ состояніи, и придавать особенное значеніе вашимъ словамъ не могу... Повторяю, вы заблуждаетесь... Я утверждаю: общее артельное собраніе дѣйствовало самостоятельно... Если оно поступило такъ, какъ вы говорите, я не сторонникъ общаго собранія... (Продолжительный звонокъ) Николай! (Подходитъ къ двери комнаты служащихъ и, отворивъ ее, говоритъ) Николай, что ты не слышишь? Звонокъ... Василій! Никого нѣтъ.... (Опять подходитъ къ Терпигоревой) Я не на сторонѣ общаго собранія, и если будетъ постановлено оштрафовать господина Теплова на стоимость всего пая, я употреблю свое вліяніе и, думаю, въ ближайшее общее собраніе это постановленіе будетъ отмѣнено... Въ этомъ я увѣренъ... Даю вамъ слово, что я поступлю такъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Я вамъ вѣрю... Дайте мнѣ въ контору артели письмо, протестующее противъ такого постановленія...

(Опять звонокъ)

КУПОРОСОВЪ. Николай! (Послѣ небольшой паузы; пожавъ плечами) Приходится самому... (Выходитъ въ фонарь отпирать дверь и живо, какъ облитый холодной водой, увидѣвъ Теплова, выскакиваетъ изъ фонаря и бѣжитъ наверхъ)

ТЕПЛОВЪ (догоняя его). Вы отъ меня не убѣжите!.. Я найду васъ во всѣхъ комнатахъ!.. (Настигаетъ его на лѣст-

Digitized by Google

ницѣ, какимъ-то образомъ оборачиваетъ къ себѣ лицомъ и прижимаетъ къ перилам)

КУПОРОСОВЪ. Николай...

ТЕПЛОВЪ. Что вы дѣлаете со мной? Что вы дѣлаете съ моей семьей? Вѣдь это преступленіе!.. (Безъ сознанія, въ изступленіи принаравливается, чтобы сбросить его черезъ перила внизъ)

ТЕРПИГОРЕВА (подбѣгаетъ къ Теплову и отстраняетъ его отъ Купоросова). Опомнись... Адрей, опомнись...

ТЕПЛОВЪ (приходя въ себя). Ты здѣсь...

ТЕРПИГОРЕВА (сводя его съ лѣстницы и ведя на ларь) Опомнись... Милый, приди въ себя... Я все устроила... Онъ обѣщалъ... Онъ все сдѣлаетъ...

ТЕПЛОВЪ (кричитъ). Онъ долженъ! Онъ долженъ!

(Терпигорева сажаетъ его на ларь, наливаетъ въ стаканъ воды изъ графина, который стоитъ на подзеркальникѣ у ларя, и поитъ его. Въ это время возвращается со двора Николай и входитъ въ сѣни. Купоросовъ, приходя въ себя и что-то соображая, все еще стоитъ на лѣстницѣ)

ТЕРПИГОРЕВА (успокаивая Теплова и гладя по головѣ). Успокойся... Нельзя такъ волноваться... Ты могъ-бы убить его... Онъ все сдѣлаетъ...

ТЕПЛОВЪ (потерявъ силы, слабо, какъ на что-то жалуясь). Онъ долженъ, Лиза, долженъ...

КУПОРОСОВЪ (замѣтивъ стоящаго у лѣстницы Николая) Николай, поди ко мнѣ...

(Тихо продолжая о чемъ-то думать, подымается по лѣстницѣ. Онъ какъ-то сразу сдѣлался другимъ—жалкимъ, смирившимся, Николай идетъ за нимъ. Купоросовъ останавливается, говоритъ что-то Николаю и уходитъ наверхъ. Николай спускается въ сѣни)

НИКОЛАЙ. Савелій Игнатьевичъ проситъ васъ по-

Digitized by Google

корнѣйше подождать... Они сейчасъ что-то напишутъ вамъ... (Уходитъ наверхъ)

ТЕРПИГОРЕВА (садясь на ларь рядомъ съ Тепловымъ). Ну, вотъ, видишь, все устраивается... Это, вѣроятно, онъ напишетъ письмо въ контору... Я просила... Мнѣ кажется, это нелишнее...

ТЕПЛОВЪ... Да... (Пожимая ей руку) Спасибо... (Помолчавъ и вздохнувъ) Фу-ты, Господи, какія исторіи приходится переживать въ жизни... Я, дѣйствительно, могъ бы убить его... Теперь мнѣ понятно, какъ легко и неожиданно совершаются убійства...

ТЕРПИГОРЕВА. Ты засталъ его врасплохъ... Я не успѣла сообразить ничего и увидала тебя уже на лѣстницѣ... Я тоже безъ тебя здѣсь сильно поволновалась... Мнѣ до сихъ поръ то холодно, то жарко... Посмотри, какія холодныя руки. (Дотрогивается до его рукъ)

ТЕПЛОВЪ. Будешь помнить Москву! Пріѣхала, помучилась, поволновалась и...

ТЕРПИГОРЕВА. И сегодня уѣду... Еще есть поѣздъ въ часъ.

ТЕПЛОВЪ. Нѣтъ, сегодня ты не уѣдешь...

ТЕРПИГОРЕВА. Вѣдь у насъ было рѣшено: если на собраніи удачно—я ѣду.

ТЕПЛОВЪ. Но собраніе было неудачно...

ТЕРПИГОРЕВА. Такъ или иначе все устроится благополучно... Я ѣду сегодня. (Посмотрѣвъ на свои маленькіе часы) Теперь еще только половина одиннадцатаго...

ТЕПЛОВЪ. Ты не поѣдешь сегодня.

ТЕРПИГОРЕВА. Почему не ѣхать? День раньше, день позже—не все ли равно?... Я вѣдь и такъ уже просрочила пять дней, дожидаясь этого возмутительнаго собранія... И за это будетъ нагоняй...

ТЕПЛОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, завтра.

Digitized by Google

ТЕРПИГОРЕВА. Поѣду сегодня... Я уже передъ собраніемъ чемоданъ уложила.

(Пауза)

ТЕПЛОВЪ. Лиза, ты даешь мнѣ слово не встрѣчаться съ этимъ господиномъ.

ТЕРПИГОРЕВА. Его сейчасъ нѣтъ въ Симбирскѣ... Онъ въ имѣніи...

ТЕПЛОВЪ. Но если онъ пріѣдетъ и будетъ стараться возобновить все старое, ты мнѣ напишешь... Я пріѣду въ Симбирскъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Очень можетъ быть, напишу... Я не знаю... Не знаю, какъ поступлю тогда...

ТЕПЛОВЪ. Ты должна его забыть,—онъ не стоитъ тебя, не стоитъ...

ТЕРПИГОРЕВА (увидѣвъ спускающагося сверху Николая). Вотъ несутъ намъ отпускъ...

НИКОЛАЙ (передавая Терпигоревой пакетъ). Вамъ велѣно передать.

(Терпигорева раскрываетъ пакетъ и вынимаетъ письмо въ конвертѣ, адресованное старостѣ артели, банковскій чекъ и листъ почтовой бумаги, на которомъ написано письмо ей)

ТЕРПИГОРЕВА. Что это такое (Прочитавъ надпись на конвертѣ) Письмо къ старостѣ... (Передавая Теплову чекъ) А это что?

ТЕПЛОВЪ. Это банковскій чекъ на двѣ тысячи...

ТЕРПИГОРЕВА (развернувъ листъ бумаги). Онъ пишетъ мнѣ... (Читаетъ вслухъ, но тихо, стараясь, чтобы не слыхалъ Николай) „Елизавета Сергѣевна! Мнѣ стыдно стало оставаться въ сѣняхъ, стыдно васъ и самого себя... Только что пережитое никогда не забудется мной и будетъ тяжелымъ гнетомъ лежать на моей совѣсти... Помогите мнѣ хоть сколько-нибудь облегчить совѣсть отъ вѣчныхъ упрековъ,—повидайтесь со мной... Мнѣ нужно такъ

Digitized by Google

много сказать вамъ... Уговорите Теплова взять по прилагаемому чеку деньги взаймы отъ меня. Пусть онъ отдастъ мнѣ ихъ тогда, когда будетъ въ состояніи зарабатывать много своимъ любимымъ искусствомъ... Что же касается его дѣла съ артелью, то письмо, адресованное къ старостѣ, обязательно должно повлечь за собой отмѣну приговора артельнаго собранія... Еще разъ прошу позволить мнѣ видѣть васъ"...

(Пауза. И онъ, и она задумались)

ТЕПЛОВЪ. Что дѣлать съ чекомъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Отдать назадъ...

ТЕПЛОВЪ. Но вѣдь это могло устроить всю мою жизнь... Я два года могъ бы свободно работать съ этими деньгами... Нисколько не быть обязаннымъ женѣ, отцу... (Послѣ паузы) Лиза, я возьму...

ТЕРПИГОРЕВА. Отдай назадъ.

ТЕПЛОВЪ. Да почему? (Подумавъ) Я вотъ что... (Вынимаетъ изъ кармана карандашъ, бумагу, подходитъ къ подзеркальнику, чтобы писать, и задумывается)

ТЕРПИГОРЕВА. Что ты хочешь писать?

ТЕПЛОВЪ. Постой... Не мѣшай... Я думаю... Такъ... (Скоро и увѣренно пишетъ.. Написавъ нѣсколько строкъ, останавливается и опять задумывается) Такъ... (Смѣло доканчиваетъ письмо) Слушай (Читаетъ): „Я благодаренъ. Беру ваши деньги, бывши вполнѣ увѣреннымъ въ своихъ художественныхъ способностяхъ заработать ихъ и отдать при первой возможности... Беря деньги, я не считаю себя ничѣмъ вамъ обязаннымъ, и не удивляйтесь, если я при встрѣчѣ съ вами на улицѣ, не сочту нужнымъ поклониться вамъ. Этотъ заемъ, по моему мнѣнію, и благодѣяніе, по мнѣнію многихъ,—не можетъ ослабить антагонизма между такимъ хозяиномъ, какъ вы, и разумнымъ служащимъ"... Что, хорошо?

ТЕРПИГОРЕВА. Андрей, вѣдь это компромиссъ... Громкія фразы... Ты не возьмешь деньги!

Digitized by Google

ТЕПЛОВЪ. Вѣдь для него эти двѣ тысячи все равно, что двадцать рублей...

ТЕРПИГОРЕВА. Отдай, отдай!

НИКОЛАЙ. Зачѣмъ же отдавать, коли даютъ?.. Дуракомъ надо быть...

ТЕПЛОВЪ. Ты не вѣришь, что я могу ихъ заработать? Не вѣришь въ мои способности?

ТЕРПИГОРЕВА. Да, если ты возьмешь,—да, ты не художникъ!

ТЕПЛОВЪ. Вѣдь ты знаешь, какъ тяжело мнѣ... Сколько я испыталъ въ погонѣ за кускомъ хлѣба... Но вѣдь съ деньгами я могу работать спокойно, можетъ быть, сдѣлать что-нибудь (Обрадовавшись новой мысли) Я долженъ ихъ взять ради искусства... Лиза, я возьму... Не сердись на меня.

ТЕРПИГОРЕВА. Какъ хочешь... Ты не художникъ.

ТЕПЛОВЪ. Николай, отнеси это письмо (Даетъ письмо, Николай идетъ къ лѣстницѣ)

ТЕРПИГОРЕВА. Постойте. (Немного подумавъ) Скажите барину, что я его здѣсь жду...

(Николай уходитъ)

ТЕПЛОВЪ. Ты недовольна?

ТЕРПИГОРЕВА. Я этого не сдѣлала бы...

ТЕПЛОВЪ. Я пойду... Я подожду тебя на улицѣ...

ТЕРПИГОРЕВА. Тебѣ стыдно? Ты не хочешь встрѣчаться съ нимъ. (Пауза) Отдай деньги.

ТЕПЛОВЪ (послѣ нѣкотораго колебанія). Нѣтъ, Лиза, я не отдамъ... Я буду ждать тебя на улицѣ.

(Быстро уходитъ. Терпигорева, огорченная Тепловымъ, садится на ларь и задумывается. Пауза. Сверху спускаются Николай и Купоросовъ. Николай проходитъ въ комнату служащихъ)

КУПОРОСОВЪ. Мнѣ стыдно смотрѣть вамъ въ глаза... (Пауза) Я долженъ быть ужасно противенъ. Если

Digitized by Google

бы вы отвѣтили хоть на одно письмо и хоть однимъ словомъ, злоба на Теплова не овладѣла бы такъ мной, я не потерялъ бы разума и могъ бы ненавистное чувство къ нему заглушить бы въ себѣ. Но вы молчали...

ТЕРПИГОРЕВА. Я не отвѣтила на ваши письма, и Тепловъ сталъ виноватъ...

КУПОРОСОВЪ. Какъ я вамъ противенъ!

ТЕРПИГОРЕВА. Больше жалки...

КУПОРОСОВЪ. Я много хотѣлъ сказать вамъ, и вотъ теперь все испарилось изъ головы...

ТЕРПИГОРЕВА. Я согласилась васъ видѣть не для того, чтобы разговаривать съ вами... Я хотѣла только сказать, что Тепловъ противъ моего желанія взялъ деньги. Я буду настаивать, чтобъ онъ вернулъ ихъ, и надѣюсь, что онъ вернетъ... Прощайте. (Идетъ)

КУПОРОСОВЪ. Постойте... Не прерывайте со мной всего. Позвольте писать вамъ, пріѣхать въ Симбирскъ...

ТЕРПИГОРЕВА. Это лишнее...

КУПОРОСОВЪ. Погодите...

ТЕРПИГОРЕВА. Меня ждетъ Тепловъ на улицѣ...

КУПОРОСОВЪ. Онъ больше, чѣмъ родственникъ вамъ?

ТЕРПИГОРЕВА. Что такое? Какъ вы смѣете? Впрочемъ, все равно... (Берется за ручку двери)

КУПОРОСОВЪ. Я не то, не то хотѣлъ сказать... (Хватаетъ ее за руку) Мнѣ хотѣлось бы вернуть ваше расположеніе... Я готовъ Теплову дать еще и еще денегъ...

ТЕРПИГОРЕВА (выдергивая руку). Вы одурѣли отъ вашихъ денегъ... Я вѣдь только что вамъ сказала... Вы не повѣрили мнѣ? Богъ съ вами!.. (Уходитъ)

КУПОРОСОВЪ. Опять ничего не вышло... (Постоявъ немного въ сѣняхъ, тихо, опустивъ голову, подымается по лѣстницѣ и говоритъ) Николай! (Входитъ Николай) Запри дверь.

(Николай запираетъ дверь и ложится на диванъ около своей швейцарской.

Digitized by Google

Большая пауза. Наверху начинаетъ играть на рояли Купоросовъ. Въ сѣняхъ доносящіеся звуки рояля звучатъ грустными отголосками невозвратно прожитаго)

НИКОЛАЙ. Тоска... (Пауза) Васюкъ! (Лѣниво встаетъ съ дивана и отворяетъ дверь въ комнату служащихъ) Спишь уже, что ли? Проснись (Уходитъ, будитъ Васю и скоро возвращается вмѣстѣ съ нимъ. Вася выходитъ заспанный и босой)

НИКОЛАЙ. Ты вотъ что... ложись на ларь... Спи.. Спать ты больно здоровъ, не услышишь въ комнатѣ звонка... А я, братецъ, пойду. Тоска...

ВАСЯ. Не ходите... Я боюсь...

НИКОЛАЙ. Вздоръ! Неси войлокъ, подушку, ложись, и спи.

(Вася уходитъ въ комнату за войлокомъ и подушкой и, возвратившись, стелетъ себѣ постель на ларѣ. Николай одѣвается въ швейцарской и говоритъ, обращаясь не то къ Васѣ, не то къ самому себѣ):

НИКОЛАЙ. Была Сашурка, хоть кто-нибудь въ домѣ скакалъ. По вечерамъ было съ кѣмъ слово сказать, а теперь хоть бѣги... Могила, не домъ... (Выходитъ изъ швейцарской и говоритъ, смотря на потолокъ) Играй... Веселѣе не будетъ... Все одинъ будешь... (Обращаясь къ самому себѣ) Что за человѣкъ, коль онъ одинъ?.. А ничего не подѣлаешь. Васюкъ... (Идя въ комнату служащихъ) Запри за мной, да свѣтъ потуши...

(Уходитъ. Вася запираетъ за нимъ дверь и возвращается въ сѣни; тушитъ свѣтъ, ложится на ларь и трусливо закрывается съ головой одѣяломъ, чтобы меньше было страшно. Наверху черезъ нѣкоторое время смолкаетъ рояль. Пауза, Купоросовъ сходитъ сверху со свѣчей въ рукѣ)

КУПОРОСОВЪ. (Тихо) Николай!.. (Подходитъ къ швейцарской и заглядываетъ въ нее, свѣтя передъ собой свѣчей) Опять ушелъ... (Проходитъ въ комнату служащихъ и скоро возвра-

Digitized by Google

щается) Никого... Въ цѣломъ домѣ одинъ... (Подходитъ къ телефону и звонитъ. Вася вскакиваетъ съ ларя. Купоросовъ въ испугѣ обертывается)

КУПОРОСОВЪ. Кто тутъ? (Увидѣвъ Васю) Это ты? Гдѣ Николай?

ВАСЯ. Ушелъ.

КУПОРОСОВЪ. И я уѣду... Ступай, вели заложить лошадь. (Вася идетъ) Или нѣтъ... Позови мнѣ извощика... Лошадь долго будутъ закладывать...

(Вася выходитъ на улицу. Скоро съ улицы слабо слышенъ его голосъ: извозчикъ! Купоросовъ звонитъ въ телефонъ и потомъ говоритъ:)

КУПОРОСОВЪ. Центральная? Дайте 9537... (Черезъ нѣкоторое время) Гурзуфъ?.. Купоросовъ... Скажите Сашѣ и Викторіи... Что? Да той, которая на дняхъ поступила... Я сейчасъ пріѣду. Оставьте мнѣ кабинетъ...

(Вася возвращается съ улицы)

КУПОРОСОВЪ. Позвалъ?

ВАСЯ. Да.

КУПОРОСОВЪ. Дай шубу.

(Надѣваетъ шубу, беретъ въ руки шапку и садится на ларь)

КУПОРОСОВЪ. Не охота ѣхать...

(Пауза)

КУПОРОСОВЪ (посмотрѣвъ пристально на Васю). У тебя отецъ есть?

ВАСЯ. Есть въ деревнѣ... Старенькій, шестьдесятъ лѣтъ...

(Пауза)

КУПОРОСОВЪ. А ты чего больше всего хочешь?

ВАСЯ (не понимая его). Какъ?

КУПОРОСОВЪ. Если бы тебѣ кто-нибудь сказалъ: чего ты хочешь, Василій, то я и дамъ... ты что бы отвѣтилъ?

ВАСЯ. Денегъ.

КУПОРОСОВЪ. Такъ... такъ... Всѣ... Начиная съ швей-

Digitized by Google

царя Николая. Всѣ одного... даже дѣти... Ужасно... (Задумывается) Слушай... Стоялъ одинъ бѣдный мальчикъ, грустный, задумчивый, можетъ быть, больной... Кругомъ его было весело, пѣли, играли на роялѣ, говорили, много говорили... и никто этого мальчика не замѣчалъ... Но вотъ одна дѣвушка увидала его, подошла къ нему, любовно поцѣловала и, ласково обнявъ его, стала спрашивать: отчего онъ такой грустный? Что съ нимъ? И мальчикъ повеселѣлъ и забылъ свое маленькое горе... А дѣвушка... Дѣвушка ушла... Вотъ тебѣ и мнѣ, и всѣмъ надо не денегъ, надо быть такой дѣвушкой... (Встаетъ и треплетъ Васю по плечу) Не забудь эту сказочку... Я ее давно зналъ, но всегда забывалъ... (Помолчавъ, чуть слышно, сдерживая слезы) И вотъ теперь ночью къ Викторіи... въ ресторанъ... (Идетъ и, взявшись за ручку двери, просто говоритъ) Раньше утра не вернусь...

(Уходитъ. Вася запираетъ дверь, тушитъ свѣчу и, пугливо оглядѣвшись кругомъ, забивается подъ одѣяло)

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 1 марта 1907 г. Цѣна.

Сборникъ т-ва «Знаніе»: Книги I—XVII . . . . . по 1 р. — к
„Нижегородскій сборникъ“ . . . . . 1 » — »
М. Горькій. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII. . . . . по 1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 акт. *Только въ перепл.* . . 1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины . . . . . — » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—IV . . . . . по 1 » — »
Снитальцъ. Разсказы и Пѣсни. Томы I—II . . . . . по 1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII . . . . . по 1 » — »
Ив. Бунинъ. Разсказы и Стихотворенія. Томы I—III. . . . по 1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 » — »
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томы I—II . . . . . по 1 » — »
А. Куприпъ. Разсказы. Томы I—II . . . . . по 1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томы I—IV . . . . . по 1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томы I—II. . . . . по 1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы . . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты. . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты. . . . . 1 » — »
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчьжуріи и Ляод. полуострову . . 1 » — »
Н. Гаринъ. Корейскія сказки. . . . . — » 60 »
А. Яблоновскій. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 » — »
С. Елеонскій. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 » — »
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томы I—III . . . . . по 1 » — »
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I . . . . . 1 » — »
Д. Айзманъ. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 » — »
Эсхилъ. Скованный Прометей . . . . . — » 30 »
Софоклъ. Эдипъ-царь. . . . . — » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ . . . . . — » 40 »
Софоклъ. Антигона. . . . . — » 40 »
Эврипидъ. Медея. . . . . — » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ . . . . . — » 40 »
Гёте. Фаустъ. . . . . 2 » — »
Байронъ. Манфредъ . . . . . — » 40 »
Шелли. Собраніе сочиненій. Томы I—III . . . . . по 2 » — »
Шелли. Освобожденный Прометей . . . . . — » 50 »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд. . . . . 2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе . . . . . — » 80 »
Т. Шевченко. Кобзарь . . . . . 1 » — »
Красинскій. Иридіонъ . . . . . — » 60 »
Имре-Мадачъ. Человѣческая трагедія . . . . . — » 50 »
Гауптманъ. Роза Берндтъ . . . . . — » 50 »
Бьернсонъ. Перчатка . . . . . — » 40 »
Э. Золя. Углекопы Изд. *3-е* . . . . . 1 » — »
Эрманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ . . . . . — » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. *2-е* . 1 » 50 »
А. Петрищевъ. Замѣтки учителя. . . . . 1 » — »
Мертваго. Не по торному пути . . . . . 1 » 50 »
Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. . . . . 1 » 20 »
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи . 1 » 50 »

Digitized by Google

Списокъ отъ 1 марта 1907 г. Цѣна.

Нуно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. IV: Кантъ. Ч. 1-я . 4 р. — к.
Нуно Фишеръ. » » » Т. V: Кантъ. Ч. 2-я . 3 » 50 »
Гюйо. Исторія и критика совр. англ. ученій о нравственности. 2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура . . 2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали . . . . 2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. . . . . 1 » 50 »
Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія . . . . . 2 » — »
Гюйо. Стихи философа. . . . . 1 » — »
Мутеръ. Исторія живописи (отъ среднихъ вѣковъ). Т. I—II. по 2 » 50 »
Мутеръ. » » » Т. III. . . 2 » — »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Въ 4-хъ томахъ . 17 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *3-е. Распродано* . . . 2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящ. и будущ. вселенной. *Распродано.* 1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. *2-е. Распродано.* . . . . . 1 » 50 »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста . . . . . 2 » — »
Тиндаль. Звукъ. Изд. *второе* . . . . . 1 » 50 »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища . . . . . 1 » 20 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *3-е.* . . . . . — » 80 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. 2 тома. . . . . 6 » — »
Пеклеръ. Воспитаніе и общество въ Англіи . . . . . 3 » — »
Левассеръ. Народн. образов. въ цивилизованныхъ странахъ. 3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи. 1 » 50 »
» » Настольная книга по народ. образ. 3 т. . 8 » — »
» » Внѣ-школьное образованіе. . . . . 2 » — »
» » Учительскія семинаріи. . . . . 2 » — »
» » Испытанія на званія учит. и 1 кл. чинъ 1 » 20 »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію. *Поступило въ продажу 20 книжекъ* . . — » — »
В. Чарнолускій. Итоги обществ. мысли въ обл. нар. образ. . — » 50 »
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. . 4 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи . . . . . 1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція . . . . . 2 » 50 »
Курти. Исторія народн. законодат. и демократіи въ Швейцаріи. 1 » — »
Л. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. . . . 1 » 20 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ . . . . . 1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши . . . . . — » 50 »
Финляндія . . . . . 3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ. 1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рёскина . . . . . 1 » 50 »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни. . . . . 1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ . . . . . 1 » — »
П. Кропоткинъ. Записки революціонера . . . . . 1 » — »
П. Кропоткинъ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ . . 1 » — »
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ Русской Литературѣ . . . . . 1 » — »
Дешевая библіотека беллетристическая. (*Особый списокъ*) . . — » — »
Дешевая библіотека по общественнымъ вопросамъ (*Особый списокъ*) . . . . . — » — »

Digitized by Google

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ".

М. Горькій:

1. Пѣсня о соколѣ . . . . . 2 к.
2. Человѣкъ . . . . . 2 »
3. Макаръ Чудра. . . . . 3 »
4. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины . 2 »
5. Емельянъ Пиляй. . . . . 3 »
6. Дѣдъ Архипъ и Ленька . . 5 »
7. Челкашъ . . . . . 7 »
8. Старуха Изергиль . . . . . 5 »
9. Однажды осенью. . . . . 3 »
10. Мой спутникъ. . . . . 6 »
11. Дѣло съ застежками . . . 3 »
12. На плотахъ . . . . . 3 »
13. Болесь . . . . . 2 »
14. Тоска. . . . . 10 »
15. Коноваловъ . . . . . 10 »
16. Ханъ и его сынъ . . . . . 2 »
17. Супруги Орловы . . . . . 12 »
18. Бывшіе люди . . . . . 12 »
19. Озорникъ. . . . . 5 »
20. Варенька Олесова . . . . . — »
21. Товарищи. . . . . 4 »
22. Въ степи . . . . . 3 »
23. Мальва . . . . . 10 »
24. Ярмарка въ Голтвѣ. . . . . 3 »
25. Зазубрина. . . . . 3 »
26. Скуки ради . . . . . 5 »
27. Каинъ и Артемъ. . . . . 6 »
28. Дружки. . . . . 4 »
29. Проходимецъ. . . . . 7 »
30. Кирилка . . . . . 3 »
31. Васька Красный . . . . . 5 »
32. Двадцать шесть и одна . . 5 »
33. Разсказъ Филиппа Васильев. 5 »
34. Тюрьма . . . . . 8 »

Скиталецъ:

41. Стихотворенія Книга I. . . 5 »
42. Стихотворенія Книга II. . . 6 »
43. Сквозь строй . . . . . 12 »
44. За тюремной стѣной . . . . 5 »
45. Октава. . . . . 12 »
46. Ранняя обѣдня . . . . . 3 »
47. Полевой судъ . . . . . 5 »

Л. Андреевъ:

51. Набатъ . . . . . 2 »
52. Ангелочекъ . . . . . 3 »
53. Молчаніе . . . . . 3 »
54. Валя. . . . . 3 »
55. На рѣкѣ . . . . . 4 »
56. Въ подвалѣ . . . . . 3 »
57. Петька на дачѣ. . . . . 3 »
58. У окна. . . . . 5 »
59. Жили-были . . . . . 5 »
60. Въ темную даль . . . . . 4 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

61. Ометъ . . . . . 8 к.
62. Конокрадъ. . . . . 2 »
63. Миша. . . . . 2 »
64. Послѣдній часъ . . . . . 6 »
65. На родину . . . . . 4 »
66. Сквозь преграды . . . . . 2 »
67. Кахетинка. . . . . 3 »
68. Бѣдный приходъ. . . . . 2 »
69. Злой духъ. . . . . 4 »
70. Жалоба . . . . . 5 »

А. Серафимовичъ:

71. Въ камышахъ . . . . . 3 »
72. Месть. . . . . 4 »
73. На льдинѣ . . . . . 4 »
74. Степные люди . . . . . 5 »
75. Ночью . . . . . 3 »
76. Сцѣпщикъ. . . . . 3 »
77. На заводѣ . . . . . 5 »
78. Подъ землей. . . . . 6 »
79. Подъ уклонъ. . . . . 3 »

А. Купринъ:

81. Дознаніе . . . . . 3 »

Н. Телешовъ:

82. Пѣснь о трехъ юношахъ. . 3 »
83. Противъ обычая . . . . . 3 »
84. Домой. . . . . 3 »
85. Хлѣбъ-соль . . . . . 3 »

С. Елпатьевскій:

86. Спирька. . . . . 8 »
87. Пожалѣй меня. . . . . 2 »
88. Присяжнымъ засѣдателемъ . 3 »

Ив. Бунинъ:

89. Стихотворенія . . . . . 4 »

К. Бальмонтъ:

90. Стихотворенія . . . . . 3 »

С. Юшкевичъ:

91. Невинные . . . . . 4 »
92. Убійца . . . . . 3 »
93. Кабатчикъ Гейманъ. . . . . 7 »
94. Ита Гайне . . . . . —
95. Человѣкъ . . . . . 30 »
96. Евреи. . . . . 30 »

А. Черемновъ:

98. Стихотворенія. Книга I . . . —
99. Стихотворенія. Книга II. . . —

Е. Чириковъ:

100. Евреи. . . . . 12 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

111. Въ приходѣ . . . . . 12 »

Digitized by Google

201 **Марксъ и Энгельсъ.** Коммунистическій манифестъ 12
202. **Каутскій.** Эрфуртск. программа 30
203. **Бебель.** Женщина и соціализмъ —
204. **Бебель.** Интеллиг. и соціализмъ. 5
205. **Бебель.** Постоянн. армія и народная милиція 15
206. **Каутскій.** Индивид., классовые и общественные интересы... 6
207. **Г. Роландъ - Гольстъ.** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. 70
208. **Вандервельде.** Промышленное развитіе и коллективизмъ . 30
209. **Жюль Гедъ.** Общественная служба и соціализмъ 5
210. **Марксъ.** Къ еврейскому вопросу 10
211. **Бебель.** Профессіон. движеніе и политическія партіи. . . . 5
212. **Каутскій.** Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ. . . . 10
213. **Штернъ.** Государство будущаго. 8
214. **Паннекэкъ.** Соціализмъ и религія. 5
215. **Атлантикусъ.** Государство будущаго 35
216. **Каутскій.** Революціонныя перспективы 10
217. **Чикотти.** Психологія соціалистическаго движенія 30
218. **Каутскій и Шёнланкъ.** Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи 15
219. **Э. Ферри.** Развитіе экономическое и соціальное 6
220. **Ф. Мерингъ.** Теорія и практика марксизма. 8
221. **П. Лафаргъ и Ж. Гедъ.** Программа рабочей партіи 15
222. **Ф. Энгельсъ.** Теорія научнаго соціализма (Anti-Düring) . . —
231. **Фаньо.** Профессіональное рабочее движеніе въ Англіи . . 12
232. **Г. Фюртъ.** Фабричный трудъ замужней женщины. . . . . —
233. **Кампфмейеръ.** Проституція, какъ общественно-классовое явленіе, и борьба съ нею . . . 20
234. **Энгельсъ.** Къ жилищн. вопросу 15
235. **Каутскій.** Американскій и русскій рабочій 15
236. **Смайли.** Куда ведетъ экономическое развитіе 12
237. **Баксъ и Квелчъ.** Новый катехизисъ соціализма 12
238. **Ванъ-Коль.** Колоніальная политика и соціалъ-демократія . 5
261. **Лафаргъ.** Аграрная программа. 5
262. **Каутскій.** оціализмъ и сельское хозяйство 15
263. **Крживицкій.** Аграрный вопросъ. 70
271. **Энгельсъ.** Статьи. 12
272. **Марксъ.** Либералы у власти . 8
273. Марксъ передъ судомъ присяжныхъ 10
274. **Лиссагарэ.** Исторія парижской коммуны 70
275. **Г. Іэкъ.** Интернаціоналъ . . . 80
276. Взятіе Бастиліи (по Мармонтелю) —
277. Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. 20
278. **Каутскій.** Карлъ Марксъ . . . 5
279. Икарійцы въ Америкѣ. . . . 10
280. **Тюрлянъ.** Популярная исторія парижской коммуны 1871 г. 12
286. **Бебель.** Фурье и его ученіе. . 50
287. **Каутскій.** Этика и экономическое пониманіе исторіи. 20
288. **Мерингъ.** Легенда о Лессингѣ . 80
301. **Ольминскій.** Свобода печати. . 12
302. **Ольминскій.** Права Государственной Думы. 5
303. **С. Михайловичъ.** Что такое рабочая партія. 3
304. **Клейнбортъ.** О партіяхъ и партійности. 5
305. **Финнъ.** Къ аграрному вопросу. —
306. **Сомовъ.** Справедливый налогъ. 12
307. **Сомовъ.** Нужна ли постоянная армія 12
308. **Рейснеръ.** О царской власти . —
309. **Клейнбортъ.** Русскій имперіализмъ въ Азіи. 8
310. **Клейнбортъ.** Капитализмъ и еврейскій вопросъ 8
311. **Степановъ.** Издалека . . . . . —
312. **Гурвичъ.** Радикальная буржуазія и профессіональные союзы 20
313. **Клейнбортъ.** Проекты подоходнаго налога 10

Книги, при которыхъ поставлена цѣна, поступили въ продажу.

П. Кропоткинъ. ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦІОНЕРА.

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. **Цѣна 1 рубль.**

П. Кропоткинъ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ.

Единственное изданіе, разрѣшенное авторомъ. **Цѣна 1 рубль.**

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ ТОМЪ ПЕРВЫЙ. *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.
5. Аласторъ. Поэма.

Геліогравюра Дюжардена, изображающая Шелли.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ ТОМЪ ВТОРОЙ. *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атанизъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ ТОМЪ ТРЕТІЙ. *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.
5. Адонаисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.
8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Ассассины. Отрывокъ изъ романа.
11. Колизей.
12. О любви.
13. Размышленія о метафизикѣ
14. Размышленія о морали.
15. О будущемъ состояніи.
16. О литературѣ, искусствахъ и нравахъ аѳинянъ.
17. Объ одномъ мѣстѣ въ Критонѣ.
18. Критическія замѣчанія о скульптурѣ флорентинской галлереи.
19. Арка Тита.
20. О возрожденіи литературы.
21. О смертной казни.
22. О жизни.
23. Въ защиту поэзіи.

— Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

— Къ третьему тому приложена статья «*Эдуардъ Даудженъ*. Очеркъ жизни Шелли».

Цѣна 2 р.

Съ выходомъ третьяго тома изданіе закончено.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва «ЗНАНІЕ», Спб., Невскій, 92.

Digitized by Google

СБОРНИКИ Т-ВА „ЗНАНІЕ“. Книга XVI.—Г. Флоберъ. Искушеніе св. Антонія.—Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—М. Горькій. Мать.—Скиталецъ. Четверо.—Д. Айзманъ. Сердце Вытія.—Л. Андреевъ. Іуда Искаріотъ и другіе.— *Цѣна 1 руб.*

Книга XVII.—М. Горькій. Мать. (*Продолженіе.*)—А. Черемновъ. Стихотворенія.—В. Вересаевъ. На войнѣ.—Н. Гаринъ. Инженеры.—*Цѣна 1 руб.*

Книга XVIII.—М. Горькій. Мать. (*Продолж.*)—В. Вересаевъ. На войнѣ. (*Продолж.*)—Н. Гаринъ. Инженеры. (*Продолж.*)—*Цѣна 1 руб.*

Книга XIX.—М. Горькій. Мать. (*Продолж.*)—Н. Гаринъ. Инженеры. (*Окончаніе*).—В. Вересаевъ. На войнѣ (*Продолж.*)—Шоломъ Ашъ. Богъ мести.—*Цѣна 1 р.—Печатается.*

Книга XX.—М. Горькій. Мать. (*Окончаніе.*)—Л. Дейчъ. Четыре побѣга.—В. Вересаевъ. На войнѣ. (*Продолж.*)—*Цѣна 1 р.—Печатается.*

ШЕЛЛИ. Ченчи.—Переводъ *К. Бальмонта.—Цѣна 50 коп.*

Т. Г. ШЕВЧЕНКО. Кобзарь. Въ переводѣ на русскій языкъ. Съ портретомъ и біографіей автора.—*Цѣна 1 руб.*

Г. ФЛОБЕРЪ. Искушеніе св. Антонія. Съ французск. Переводъ. Б. Зайцева.—*Цѣна 25 к.*

П. КРОПОТКИНЪ. Записки революціонера. I т.—Съ предисловіемъ *Георга Брандеса.* Съ англійскаго. Переводъ *Діонео* подъ редакціей *автора. Цѣна 1 р.*

П. КРОПОТКИНЪ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. IV т. Съ англійскаго. Перев. *В. Батуринскаю* подъ редакц. *автора. Ц. 1 р.*

П. КРОПОТКИНЪ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. V т. Съ англійскаго. Переводъ *В. Батуринскаю* подъ редакціей *автора. Цѣна 1 руб.*

П. КРОПОТКИНЪ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. VII т. Съ англійскаго. Переводъ *В. Батуринскаю* подъ редакціей *автора. Цѣна. 1 р.*

С. НАЙДЕНОВЪ. Пьесы. I т. —Дѣти Ванюшина.—Блудный сынъ.—Номеръ тринадцатый.—Богатый человѣкъ.—*2-е изд. Цѣна 1 р.*

Лица, выписывающія книги изъ склада т-ва „Знаніе“ (С.-Петербургъ, Невскій 92), за пересылку не платятъ.

Книги дешевой библіотеки высылаются безплатно только при заказѣ на сумму не менѣе одного рубля.

Обложка печатана въ типографіи Н. Н. Клобукова, Лиговская, 34.

Digitized by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

С. Найденовъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Авдотьина жизнь.
Стѣны.
Хорошенькая.
Дѣти Ванюшина (Варіантъ IV акта).

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“. Книги I—XXXII. *по 1 р.*

НИЖЕГОРОДСКІЙ СБОРНИКЪ. *Цѣна 1 р.*

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. Сборникъ I. *Цѣна 1 р. 50 к.*

М. ГОРЬКІЙ. Разсказы и пьесы. I—IX т. *по 1 р.*

Л. АНДРЕЕВЪ. Разсказы и пьесы. I—IV т. (*Распродано*).

Е. ЧИРИКОВЪ. Разсказы и пьесы. I—VIII т. *по 1 р.*

А. КУПРИНЪ. Разсказы. I—II т. (*Распродано*).

Н. ГАРИНЪ. Разсказы. I—IX т. *по 1 р.*

ИВ. БУНИНЪ. Разсказы и стихотворенія. I—V т. *по 1 р.*

СКИТАЛЕЦЪ. Разсказы и пѣсни. I—III т. *по 1 р.*

С. ЮШКЕВИЧЪ. Разсказы и пьесы. I—V т. *по 1 р.*

ШОЛОМЪ АШЪ. Разсказы и пьесы. I—III т. *по 1 р.*

С. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Разсказы. I—III т. *по 1 р.*

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. Разсказы. I—III т. *по 1 р.*

Н. ТЕЛЕШОВЪ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ. Разсказы. I—III т. *по 1 р.*

Д. АЙЗМАНЪ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*

С. НАЙДЕНОВЪ. Пьесы. I—II т. *по 1 р.*

А. ЯБЛОНОВСКІЙ. Разсказы. I т. *Цѣна 1 р.*

С. ЕЛЕОНСКІЙ. Разсказы. I т. *Цѣна 1 р.*

С. КОНДУРУШКИНЪ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*

Е. МИЛИЦИНА. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*

ГОЛЬДЕБАЕВЪ. Разсказы. I т. *Цѣна 1 р.*

ИВ. ШМЕЛЕВЪ. Разсказы. I т. *Цѣна 1 р.*

ИЛЬЯ СУРГУЧЕВЪ. Разсказы. I т. *Цѣна 1 р.*

В. СѢРОШЕВСКІЙ. Разсказы. I—VI т. *по 1 р.*, VII и VIII *по 1 р. 25 к.*

П. КРОПОТКИНЪ. Сочиненія. I, IV, V, VII *по 1 р.*

Г. ИБСЕНЪ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ восьми томахъ. Переводъ съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. I т. (*2 р. 20 к.*), II т. (*1 р. 20 к.*) III т. (*1 р. 50 к.*) IV т. (*2 р.*), V т. (*1 р. 20 к.*), VI т. (*1 р. 20 к.*) VII т. (*1 р. 20 к.*), VIII т. (*1 р. 50 к.*)

ШЕЛЛИ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ К. Д. Бальмонта Новое переработанное изданіе. I—III т. *по 2 р.*

ЭСХИЛЪ, СОФОКЛЪ, ЭВРИПИДЪ. Трагедіи. Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. *Цѣна за 6 книжекъ—2 р. 30 к.*

М. ГЮЙО. Собраніе сочиненій въ шести томахъ I т. (*2 р.*), II т. (*2 р.*), III т. (*2 р.*), IV т. (*1 р. 50 к.*), V т. (*2 р.*), VI т. (*1 р.*).

Г. ФАЛЬБОРКЪ и В. ЧАРНОЛУСКІЙ. Справочныя изданія по народному образованію.

Digitized by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

С. Найденовъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Авдотьина жизнь.
Стѣны.
Хорошенькая.
Дѣти Ванюшина. Варіантъ IV акта.

Всѣ пьесы ***безусловно*** *разрѣшены къ постановкѣ на сценѣ.*

(«Правительственный Вѣстникъ» № 31, 9 Февраля 1911 г.)

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Digitized by Google

Slav 4348.6.10

HARVARD COLLEGE
MAY 8 1917
LIBRARY

Schlieffend

Типографія «Сѣверъ», Спб., Загородный, 17.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Авдотьина жизнь. 1

Стѣны. 63

Хорошенькая. 143

Дѣти Ванюшина. Варіантъ IV акта. 205

Digitized by Google

Digitized by Google

АВДОТЬИНА ЖИЗНЬ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Авдотьина жизнь.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВИКТОРЪ ВИКТОРОВИЧЪ ИЗЮМОВЪ, банковскій чиновникъ.
АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА, жена его.
СТЕПАНЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ ХВОСТОВЪ, купецъ, отецъ Авдотьи Степановны.
СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА, мать ея.
ПЕЛАГЕЯ ДМИТРІЕВНА ВАСИЛЬКОВА, хорошая знакомая Изюмовыхъ.
АВРАМЪ ЕВТИХЬЕВИЧЪ КАРТИНКИНЪ, банковскій чиновникъ.
ПАВЕЛЪ ГЕРАСИМОВЪ, крестьянскій сынъ.
НЯНЯ дѣтей Изюмовыхъ.
ЛУША, горничная Изюмовыхъ.
АНФИСА, толстая баба.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Нижній этажъ стараго столѣтняго дома со сводами. Низкая душная комната съ желѣзною балкою, распирающей стѣны; она представляетъ гостиную и столовую. Обѣденный столъ стоитъ по срединѣ комнаты. Остальная меблировка: піанино, акваріумъ, мягкая мебель въ декадентскомъ вкусѣ производитъ впечатлѣніе случайно занесенныхъ вещей въ эту душную комнату со сводомъ. Три окна въ задней стѣнѣ выходятъ на площадь, по срединѣ которой проходитъ ровъ съ непросыхающей зловонною водою. Изъ оконъ виденъ городъ, расположенный по горѣ. Дома большею частью деревянные. Тускло свѣтятся кое-гдѣ керосиновые фонари.

Въ комнатѣ три двери: одна—въ спальню, другая—переднюю, третья—проходную комнату.

Апрѣльскій вечеръ. Окна открыты. Изъ городского сада доносится иногда музыка. Въ комнатѣ полумракъ.

По поднятіи занавѣса, Изюмовъ въ тужуркѣ ходитъ по комнатѣ; часто подходитъ къ окнамъ и заглядываетъ,—повидимому онъ кого-то ждетъ и чѣмъ-то взволнованъ.

Это человѣкъ лѣтъ 30-ти, здоровый и крѣпкій, но имѣетъ видъ больного человѣка. Носитъ круглую бороду и короткіе волосы на головѣ.

(Входитъ няня, старушка лѣтъ 60-ти)

няня. Андрюшенька не спитъ... Балуется... Васъ зоветъ... Все спрашиваетъ: не пришла ли мама?

изюмовъ. Ахъ, няня... (Про себя) Вотъ мученье-то. (Обращаясь къ нянѣ) Не могу я въ дѣтскую входить безъ нее... сердце сжимается... Посмотрю на дѣтей и...

няня. Подите... Не уснетъ безъ васъ, разбалуется, сонъ разгуляетъ... Вонь-то какая опять... (Подходя къ окну) Должно быть съ бойни воду спустили...

Digitized by Google

ИЗЮМОВЪ. (Съ отчаяніемъ, махнувъ рукой) А ужъ я ничего не слышу! Какъ мертвый сталъ...

(Уходитъ черезъ проходную комнату въ дѣтскую)

НЯНЯ. (Затворяя окно) Душно будетъ... Пусть ужъ лучше повоняетъ немного... (Оставляетъ окна открытыми и отходитъ, шепча себѣ подъ носъ) Господи, помилуй насъ, помилуй насъ...

(Входитъ Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Не могу... Не могу я... Ступай, няня, къ нему... Все спрашиваетъ: гдѣ мама? пришла ли? Ну, что я ему скажу? Вѣдь онъ понимать начинаетъ... Это ужасно, няня... Ужасно...

(Садится за столъ, хватаетъ себя за голову и задумывается)

НЯНЯ. Все образуется... Не очень ужъ вы... Вонъ свѣча горитъ... шестая... А двѣнадцатую зажжемъ внизъ концомъ, и образуется... Дошлый онъ... этотъ-то, который мнѣ говорилъ про это... Сидѣли мы съ нимъ въ оградѣ у Саввы Преподобнаго... Деревья тамъ большущія, прохлада отъ нихъ и запахи душистые... Вороньи гнѣзда, на вершинахъ-то... Онъ и говоритъ: двѣнадцать свѣчъ...

ИЗЮМОВЪ. Ступайте къ нему... Слышалъ я про это... Свѣча горитъ...

НЯНЯ. Ну, пойду... Баловникъ ужъ больно становится.

(Идетъ въ дѣтскую)

ИЗЮМОВЪ. Сонечка, чай, опять разметалась... Одѣяльцо-то накидывайте на нее,—простудится, не лѣто...

(Няня уходитъ. Въ окнѣ появляется Пелагея Дмитріевна Василькова. Она дѣвушка лѣтъ 35 съ тупымъ невыразительнымъ лицомъ. Плечи у нея узкія и шея какъ будто бы расплывается по плечамъ; туловище маленькое, а средняя часть тѣла безобразно широкая; зубы

Digitized by Google

черные отъ безпрестаннаго куренія табаку. Молодится, носитъ платья свѣтлыхъ цвѣтовъ)

ВАСИЛЬКОВА. (Въ окнѣ) Дома?

ИЗЮМОВЪ. Наконецъ!.. Что такъ поздно сегодня вы? Дѣти ужъ заснули...

ВАСИЛЬКОВА. Одни?

ИЗЮМОВЪ. (Съ грустью) Одинъ... Ушла въ семь часовъ... Не возвращалась... Я сейчасъ отопру...

(Уходитъ въ переднюю и скоро возвращается вмѣстѣ съ Васильковой)

ИЗЮМОВЪ. Надо лампу зажечь... (Зажигаетъ лампу) Я и свѣту-то сталъ бояться... Утромъ по улицамъ въ банкъ страшно ходить... А, ну-ка, кто подойдетъ, да и спроситъ: какъ ваша жена? Подумайте, что скажу! Срамота...

ВАСИЛЬКОВА. Ну, что? Какъ вчера, когда я ушла?

(Закуриваетъ папиросу)

ИЗЮМОВЪ. Читала, до двухъ часовъ ночи читала... Я спать хочу, глаза слипаются... Въ банкѣ вчера до десяти часовъ работали,—къ ревизіи мы теперь готовимся. А она ничего не понимаетъ, лежитъ, какъ болванъ, и свѣчи не тушитъ... Говорю: спать хочу, а она: «ступай, да спи въ кабинетѣ»,—буркнула и опять въ книгу носъ уставила... До двухъ часовъ...

ВАСИЛЬКОВА. А что читала-то?

ИЗЮМОВЪ. Да, да!.. Я и забылъ сказать... Съ книгой вѣдь она вчера пришла... Мы не замѣтили... Должно быть онъ ей далъ... Толстущая книга... Я сейчасъ принесу... У ней лежитъ на столикѣ передъ кроватью. (Уходитъ въ спальню и возвращается съ книгой) «Къ свѣту» называется...

ВАСИЛЬКОВА. Знаю... Читала въ журналахъ объ ней хорошіе отзывы.

ИЗЮМОВЪ. Да, можетъ быть, и хорошая, да только не для нея. (Развертывая книгу) Тутъ вѣдь Богъ

Digitized by Google

знаетъ о чемъ пишутъ... Вотъ, напримѣръ, статейка: «О закономѣрности соціальныхъ явленій»... Ну, что она тутъ пойметъ? Скажите на милость... Зачѣмъ ей это нужно? Я больше нея знаю, въ реальномъ курсъ кончилъ и то ничего не пойму... А она вѣдь ничего не знаетъ, только притворяется, что знаетъ.

ВАСИЛЬКОВА. Пусть ее читаетъ... Это ничего...

ИЗЮМОВЪ. Какъ ничего! Что вы говорите? Вѣдь она ничего не пойметъ, а потомъ будетъ трещать что-нибудь изъ книги, какъ попугай... Не переговоришь ее... Да дѣло-то не въ этомъ, а въ томъ, что книгу-то онъ ей далъ... Дѣльнаго тутъ, нужнаго для семейной жизни ничего не можетъ быть,—такъ, галиматья какая-нибудь.

ВАСИЛЬКОВА. Нѣтъ, эта книга хорошая, только, дѣйствительно, не для нея: она не приготовлена. Ей бы «Анну Каренину» почитать...

ИЗЮМОВЪ. Все равно ничего не пойметъ! Руки, прямо руки у меня, Поленька, опускаются... Мѣста себѣ не нахожу... А ей все равно... Какъ стѣна, ну положительно стѣна... И какъ жить будемъ,—не знаю. Хоть кто бы нибудь потолковалъ съ ней, вдолбилъ бы въ глупую башку, что прежде всего нужно женщинѣ быть хорошей матерью, женою, а потомъ ужъ чѣмъ-нибудь...

ВАСИЛЬКОВА. И я тоже, Викторъ, думала объ этомъ. Хорошо, если бы съ ней поговорилъ кто-нибудь другой... Меня и васъ она ужъ не слушаетъ.. Мы ей надоѣли...

ИЗЮМОВЪ. Да кому же поговорить?

ВАСИЛЬКОВА. Если бъ Абрамъ Евтихьевичъ поговорилъ съ ней? Онъ человѣкъ умный, вашъ школьный товарищъ,—отчего бы не такъ?

ИЗЮМОВЪ. (Схватываясь съ радостью за эту мысль). Вѣдь это мысль!.. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы не такъ? Знаете что? Я пошлю за нимъ сейчасъ дворника... Недалеко тутъ... Я думаю, онъ дома.

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Пошлите.

ИЗЮМОВЪ. (Оживившись) Пошлю сейчасъ.

(Уходитъ въ кухню черезъ проходную комнату. Слышно, какъ къ дому подъѣзжаетъ извозчичья пролетка. Василькова подбѣгаетъ къ окну; высунулась, посмотрѣла и спряталась за окно. Входитъ Изюмовъ)

ВАСИЛЬКОВА. (Тихо). Тс... Она съ нимъ... Сейчасъ подъѣхали...

ИЗЮМОВЪ. (Съ замираніемъ сердца) Вдвоемъ...

(Тихо, на цыпочкахъ подходитъ къ окну. Пауза. Оба подслушиваютъ происходящій на улицѣ разговоръ Авдотьи Степановны съ Герасимовымъ и тихо переговариваются)

ВАСИЛЬКОВА. Она зоветъ, а онъ не идетъ...

ИЗЮМОВЪ. (Со страхомъ) Неужели придетъ? Я ему вчера написалъ, чтобъ не смѣлъ онъ показываться къ намъ въ домъ...

ВАСИЛЬКОВА. Она проситъ...

(Пауза)

ИЗЮМОВЪ. Слышали, она сказала: дома невыносимо? (Пауза) «Кажется удавлюсь». Слышали? Слышали?

ВАСИЛЬКОВА. Слышала... Молчите.

ИЗЮМОВЪ. Что же это такое? Позоръ, совсѣмъ позоръ!

(Хлопаютъ калиткой)

ИЗЮМОВЪ. (Отскочивъ отъ окна, задрожавъ и поблѣднѣвъ) Идетъ!.. Онъ идетъ. Я не могу... Я не знаю, что со мной будетъ... Какъ онъ смѣетъ! Какъ онъ смѣетъ!

(Звонокъ)

Не отпирайте... Пусть стоятъ... Пусть всю ночь стоятъ...

(Слышно, какъ отпираютъ дверь)

ВАСИЛЬКОВА. Имъ, должно быть, отперла Луша.

ИЗЮМОВЪ. Скажите... Скажите, чтобъ онъ уходилъ... Я не могу... Я не могу его видѣть...

Digitized by Google

(Убѣгаетъ въ спальню. Входятъ, не раздѣваясь въ передней, Авдотья Степановна и Герасимовъ. Она на видъ совершенно интеллигентная, гибкая и стройная женщина, съ миловиднымъ и вызывающимъ личикомъ, лѣтъ 25-ти. Онъ—молодой человѣкъ; держитъ себя мужиковато, съ какой-то преднамѣренной, искусственной непринужденностью. Говоритъ рѣзко, но страшно просто. Видно, что этому человѣку—море по колѣно. Носитъ пенсне; борода и усы почти незамѣтны. На немъ блуза, на плечахъ накинуто пальто, въ рукахъ толстая палка)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Не снимая кофточки въ шляпкѣ, садясь за піанино и играя) Это то, что вы вспомнили на извозчикѣ? Да? Это тотъ мотивъ?

ГЕРАСИМОВЪ. (Прислушиваясь) Чортъ его знаетъ... У меня дубоватый слухъ... Какъ будто бы тотъ...

(Входитъ няня)

НЯНЯ. (Укоризненно) Дѣти спятъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Переставая играть) Спятъ уже... (Обращаясь къ Васильковой) Онъ дома?

ВАСИЛЬКОВА. Да... Онъ просилъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Обращаясь къ Герасимову) Раздѣвайтесь. Будемъ пить чай...

(Няня уходитъ. Изъ спальни выскакиваетъ Изюмовъ. Отъ волненія онъ съ трудомъ можетъ говорить)

ИЗЮМОВЪ. Вы не смѣете... Не смѣете! Я вамъ писалъ... Я васъ просилъ никогда не приходить къ намъ...

ГЕРАСИМОВЪ. (Совершенно спокойно) Я въ сущности... Видите ли... собственно говоря... я и пришелъ поговорить относительно этого письма... Объясниться... Вы ужъ тамъ того... пишете глупости...

ИЗЮМОВЪ. Я не желаю съ вами объясняться.

ГЕРАСИМОВЪ. Этого нельзя... Разъ ужъ вы въ письмѣ назвали меня негодяемъ, такъ ужъ пожалуй-

Digitized by Google

ста... прошу васъ... Какой же я негодяй? Вы изволите думать и предполагать разныя гнусности...

ИЗЮМОВЪ. Вы врываетесь въ чужую семью... Вы мѣшаете жить... Я этого не хочу... не хочу!

ГЕРАСИМОВЪ. Я у васъ бываю потому, что этого хочетъ (Показываетъ на Авдотью Степановну) она. Я нахожу необходимымъ защитить ее, такъ какъ вы отравляете ея жизнь своими гнусными подозрѣніями... Я чувствую, что я въ этомъ виноватъ. Я другъ вашей жены, поймите,—другъ и только.

ИЗЮМОВЪ. Я не хочу, чтобы у ней были какіе-то друзья! Что за друзья?

ГЕРАСИМОВЪ. Но этого мало, что вы не хотите... Она хочетъ. Когда я вижу на улицѣ бьютъ человѣка, я подхожу и заступаюсь за него, хотя никто объ этомъ меня не проситъ... А тутъ я вижу, что черезъ меня нравственно колотятъ ни въ чемъ неповинную женщину,—и вы хотите, чтобъ я плюнулъ на все и ушелъ бы!.. Я считаю необходимымъ бывать у васъ. Если вы не хотите, чтобъ мы видѣлись на сторонѣ, вы не должны ничего имѣть противъ этого.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Мы все равно будемъ видѣться... Ты боишься людей, боишься, что они скажутъ про твою жену, такъ лучше, чтобъ онъ бывалъ у насъ.

ИЗЮМОВЪ. Что же это такое? Поленька? Что же это такое?! У себя я въ домѣ или нѣтъ... Господи! Я съ ума сойду... (Хватается за голову и потомъ съ мольбой, чуть не плача, обращается къ женѣ) Дунечка, опомнись... Вѣдь у тебя дѣти, ты мать... Пожалѣй ихъ... Я не могу... я не могу больше... Я сейчасъ поѣду къ мамѣ, папѣ, и скажу имъ, что я выбился изъ силъ, лопнуло мое терпѣнье... Пусть они дѣлаютъ съ тобой, что хотятъ... Они тебя воспитывали, они и отвѣчаютъ... А я больше не могу... Если онъ будетъ бывать у насъ, я домъ брошу, дѣтей... убѣгу изъ города... на край свѣта убѣгу...

Digitized by Google

(Сдерживая рыданія, выбѣгаетъ въ переднюю. За нимъ выходитъ Василькова, Герасимовъ и Авдотья Степановна, чувствуя себя какъ-то не по себѣ)

ГЕРАСИМОВЪ. Удивительно, какъ глупы и нелѣпы люди... Такіе олухи должны страдать, больше— они должны погибать.

(Входитъ Василькова)

ВАСИЛЬКОВА. (Обращаясь къ Герасимову) Какъ же вы не поймете, что этого нельзя... Нельзя приходить сюда.

ГЕРАСИМОВЪ. Почему?

ВАСИЛЬКОВА. Онъ не хочетъ.

ГЕРАСИМОВЪ. Мало ли кто не хочетъ, чтобъ имъ не мѣшали въ своихъ четырехъ стѣнахъ продѣлывать гнусности... Но пора смѣло входить въ чужіе дома и распирать стѣны, чтобъ легче дышалось не одному хозяину, а всѣмъ, кто живетъ въ домѣ... Иначе земля, этотъ садъ Божій, никогда не очистится отъ скверны. Надо быть жестокимъ. А впрочемъ... Мнѣ стало противно здѣсь... (Подойдя къ Авдотьѣ Степановнѣ) Прощайте, Дуня... я пойду... А негодяя все-таки не прощу ему.

(Идетъ къ дверямъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Рѣшительно) Я пойду съ вами... недалеко провожу васъ...

ГЕРАСИМОВЪ. Какъ хотите.

(Уходитъ въ переднюю; Авдотья Степановна идетъ за нимъ. Ее останавливаетъ Василькова, схватывая за руку)

ВАСИЛЬКОВА. Не ходите... Дунечка, не ходите... Это не поведетъ ни къ чему хорошему... Не смѣйте!

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Что такое? Я за васъ, Поленька, не вышла еще замужъ.

(Въ дверяхъ, что ведутъ въ проходную комнату, появляется Картинкинъ.

Это человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, чѣмъ-то

Digitized by Google

всегда подавленный, о чемъ-то всегда думающій. Про него говорятъ: «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Чортъ его знаетъ кто онъ». Тащитъ на себѣ какую-то невидимую тяжелую ношу и при всемъ своемъ желаніи никакъ ее сбросить не можетъ. Внѣшность—учительская, не особенно опрятенъ и чистъ, но приличенъ)

ВАСИЛЬКОВА. Вонъ Картинкинъ пришелъ... Останьтесь.

КАРТИНКИНЪ. Я черезъ черный ходъ.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Отдергивая руку иронизируя) Вотъ и оставайтесь съ нимъ... Это для васъ утѣшеніе... А я скоро приду.

(Уходитъ)

КАРТИНКИНЪ. (Здороваясь съ Васильковой) Здравствуйте, за мной посылали?

ВАСИЛЬКОВА. Да... Совсѣмъ она съ ума сошла... Сейчасъ здѣсь Богъ знаетъ, что было. Этотъ-то... гусь-то безцеремонный, ввалился въ комнаты, и сталъ тутъ доказывать... На бѣднаго Виктора смотрѣть—сжималось сердце. Мы рѣшили просить васъ, чтобъ вы переговорили съ Дунечкой...

КАРТИНКИНЪ. Что же я могу сказать? Безобразіе.

ВАСИЛЬКОВА. Вы умный, что-нибудь найдете. Насъ она совсѣмъ слушать не хочетъ... Жаль мнѣ на нихъ смотрѣть... Жили-жили душа въ душу и вдругъ...—такихъ, кажется, супруговъ во всемъ городѣ не было...—вдругъ появляется какой-то проходимецъ, и все на смарку... И нужно было ей заговорить съ нимъ въ вагонѣ...

КАРТИНКИНЪ. Они въ вагонѣ познакомились?

ВАСИЛЬКОВА. Въ вагонѣ, когда она зимой ѣздила въ Москву заказывать платья... Теперь перестала и наряжаться, всѣ моды забросила, старается одѣваться проще, должно быть, какъ онъ хочетъ... Вѣдь она ничего не говоритъ сама, все его словами.

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Узнавалъ про него въ полиціи.

ВАСИЛЬКОВА. Ну, и что же?

КАРТИНКИНЪ. Ничего не узналъ, кромѣ того, что онъ крестьянскій сынъ изъ Ярославской губерніи, волости... Забылъ какая волость...

ВАСИЛЬКОВА. Странно... Сколько теперь разнаго непривычнаго народу появилось... И откуда? Крестьянскій сынъ или сапожникъ, какой-нибудь, и разсуждаетъ какъ профессоръ.

КАРТИНКИНЪ. (Глубоко вздохнувъ) Все старо подъ луною. Никто, ни откуда не появляется... Грусть... Одна грусть... Сейчасъ бабу ограбили у Елагинскаго моста... Бѣжала почти голая по улицѣ и изъ носа кровь текла...

ВАСИЛЬКОВА. Вы опять, Абрамъ, не въ духѣ? Два дня не приходили чай ко мнѣ пить... Вѣдь вы знаете, я каждый день васъ жду въ пять часовъ... Не приходите, мнѣ скучно, тяжело...

КАРТИНКИНЪ. Не понимаю, зачѣмъ за мной посылали? Я сидѣлъ и писалъ...

ВАСИЛЬКОВА. Если бы я знала, что вы пишете, я сказала бы Виктору, чтобъ онъ не посылалъ.

КАРТИНКИНЪ. Что я имъ скажу? Что жить такъ, какъ живутъ они, я, вы—нельзя. Это не жизнь, это безобразіе. Затворите окно,—воняетъ.

ВАСИЛЬКОВА. (Затворяя окно) И когда это засыпятъ ровъ. Въ газетахъ десять лѣтъ пишутъ о томъ, чтобъ не спускать воду съ бойни, и все спускаютъ...

КАРТИНКИНЪ. Я не люблю газетъ.

(Пауза. Василькова съ любовью смотритъ на него; нерѣшительно потомъ подходитъ къ нему и ласково проводитъ рукой по головѣ)

КАРТИНКИНЪ. (Отстраняя ее) Оставьте.

ВАСИЛЬКОВА. Вѣдь я васъ люблю. Пятнадцать лѣтъ, Абрамъ, люблю... Вы подумайте... Пожалѣйте меня немного...

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Опять на ту же тему... Я къ вамъ и чай пересталъ ходить пить потому, что вы все въ послѣднее время на эту тему... Лѣтъ пять молчали, да опять заговорили... Дико... странно.

ВАСИЛЬКОВА. Я не буду. Вы только приходите... Вотъ вы какой,—надо бы сказать, я и перестала бы... И то вѣдь три дня не были...

(Пауза).

Пойдемте на кладбище... Луна...

(Картинкинъ вдругъ начинаетъ читать стихи взволнованнымъ голосомъ и кончаетъ чуть не плача. Василькова со вниманіемъ слушаетъ и восторженно смотритъ на него)

КАРТИНКИНЪ. (Читаетъ)

Я видѣлъ огоньки,
Пылавшіе въ сердцахъ,
Какъ отблескъ ихъ блисталъ
Въ задумчивыхъ глазахъ...
И съ тѣхъ поръ огоньки
И отблескъ глазъ изъ дали
Манить и звать къ себѣ
Меня не уставали...
Во мракъ я уходилъ,—
Подъ сводами глухими
Сверкали огоньки
И искрились подъ ними...
Бѣжалъ въ унынья степь,
Къ гробницамъ и гробамъ,
Но свѣтъ отъ огоньковъ
Преслѣдовалъ и тамъ...
И вотъ я полетѣлъ,
Какъ бабочка ко свѣту,
Обжечь огнями грудь,
Слагая пѣсню эту!

ВАСИЛЬКОВА. Это ваше?

КАРТИНКИНЪ. Да, сейчасъ набросалъ.

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Хорошо... Я не поняла, или поняла, но такъ какъ-то смутно, а хорошо... Чувствую, что хорошо... Пошлите, Абрамъ, куда-нибудь напечатать... Напечатаютъ, ей-Богу, напечатаютъ.

КАРТИНКИНЪ. Не хочу.

ВАСИЛЬКОВА. Неправда, вы хотите... Ваша мечта сдѣлаться писателемъ. Вотъ и посылайте, посылайте, посылайте, наконецъ и напечатаютъ. Такъ всѣ писатели дѣлали... Вы почитайте-ка ихъ біографію.

КАРТИНКИНЪ. Поздно... Жизнь прошла... Я приросъ къ банковскому стулу... Какъ я себя иногда ненавижу!

ВАСИЛЬКОВА. Это грустно... Зачѣмъ вы такъ говорите?..

КАРТИНКИНЪ. Нѣтъ ли у нихъ здѣсь водки? Распорядитесь, вы здѣсь своя, членъ семьи почти.

ВАСИЛЬКОВА. Не пейте, Абрамъ, вамъ нельзя. Вѣдь у васъ катарръ кишекъ, опять будутъ спазмы... (Прислушиваясь) Вонъ, кажется, она возвратилась... Поговорите съ ней... Я пойду въ дѣтскую, на дѣтей посмотрю... Вотъ если бы были у меня дѣти, какая была бы чудесная жизнь...

(Уходитъ въ дѣтскую. Входитъ Авдотья Степановна со шляпкой въ рукѣ, проходитъ въ спальню, скоро возвращается безъ шляпки и садится у піанино)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Поленька здѣсь еще?

КАРТИНКИНЪ. Въ дѣтской.

(Пауза)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Женитесь на ней.

КАРТИНКИНЪ. Меня разговоромъ занимать не зачѣмъ...

(Пауза. Картинкинъ подходитъ къ піанино и перебираетъ ноты)

КАРТИНКИНЪ. Можно съ вами говорить?

Digitized by Google

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Говорите.

(Пауза)

КАРТИНКИНЪ. Трудно начать... не знаю какъ... Думалъ я надъ вашей жизнью и ни къ чему, собственно, опредѣленному не пришелъ. Жалко Виктора, жалко и васъ.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Васъ подослали говорить со мной?

КАРТИНКИНЪ. Вы не сердитесь, не обижайтесь... Я вамъ не врагъ... Я понимаю васъ... Выйти чуть не ребенкомъ замужъ, просидѣть нѣсколько лѣтъ на берегу вонючаго болота, подъ сводами — штука не легкая и довольно-таки не веселая... И ужаснѣе всего то, что знаешь: никуда не уйдешь...

(Авдотья Степановна тронута его словами. Въ ней пробуждается жалость къ самой себѣ. На глазахъ ея навертываются слезы)

КАРТИНКИНЪ. Не умѣю говорить... У меня выходитъ какъ-то все печально. Я и анекдоты разсказываю такъ, что всѣмъ дѣлается скучно и никто не смѣется...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Зачѣмъ онъ несправедливъ? Постоянно обращается къ другимъ... Самъ ничего не можетъ... Сейчасъ поѣхалъ къ мамѣ жаловаться, просить защиты... Какой это мужчина! Можетъ быть, если бы онъ былъ другимъ—и я была бы другая.

КАРТИНКИНЪ. Вѣрно, человѣкъ онъ съ недостатками, но все-таки хорошій человѣкъ, душевный, любитъ дѣтей.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какое это достоинство? Дѣтей и кошки любятъ. Человѣкъ долженъ интересоваться жизнью... (Конфузясь) Долженъ быть широкимъ.

КАРТИНКИНЪ. Какъ?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Вотъ я вчера взяла книгу, хотѣла читать, а онъ свѣчу потушилъ.

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Такъ-съ... Но вѣдь изъ-за свѣчи и тому подобныхъ мелочей нельзя же жизнь ломать, доводить человѣка чуть ли не до пули, бросать дѣтей, домъ, уходить чортъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ кѣмъ. Вѣдь я слышалъ, вы уѣхать хотите изъ дому...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Это я еще не рѣшила... Я не знаю, что мнѣ дѣлать... Я ничего не знаю... А только жить такъ, какъ мы живемъ, нельзя. Онъ съ папой думаетъ, что лучше ихъ нѣтъ людей на свѣтѣ, что только они двое во всемъ мірѣ, а остальные такъ себѣ—пѣшки, служащіе... А есть много хорошихъ людей. Прежде я ихъ не видала, а теперь знаю, что есть — видѣла... Вѣдь у насъ никто не бываетъ, только вы, Поленька, папа да мама... Ну, зачѣмъ онъ Герасимову не велитъ ходить? Зачѣмъ?

КАРТИНКИНЪ. Надо войти въ его положеніе... Никакой мужъ не согласится, не отнесется равнодушно, если къ его женѣ будутъ ходить чужіе мужчины чуть ли не въ спальню, противъ его воли...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Вспыливъ) И вы думаете гадости?! Вы всѣ здѣсь только думаете гадости... (Вскакиваетъ и топаетъ ногами) Не смѣйте! Не смѣйте такъ думать! Это гадко... вы сами всѣ грязные... Развратники!.. Я знаю, что вы жили съ модисткой и бросили ее... Теперь она по улицамъ ходитъ... Всѣ развратники, мерзавцы, а на меня накинулись: мать! дѣти! Какъ можно! Я на зло всѣмъ—возьму, да и сдѣлаюсь его любовницей... Меня доведутъ до этого.

КАРТИНКИНЪ. А какъ же дѣти?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Дѣти, опять дѣти! Кажется, вы сдѣлаете то, что я скоро и дѣтей своихъ буду ненавидѣть... Онъ единственный человѣкъ, который... (Слезы сдавливаютъ горло) который... Онъ слушаетъ меня, понимаетъ. У меня никогда не было такого человѣка. Здѣсь всѣ мои враги... Хотятъ

Digitized by Google

добра, а дѣлаютъ на каждомъ шагу зло... Подарки, деньги, деньги, подарки—вотъ и все... А мнѣ наплевать на эти подарки... Мнѣ на все здѣсь наплевать хочется и уйти, куда глаза глядятъ...

КАРТИНКИНЪ. Это крайность... Надо создать въ этой обстановкѣ лучшую жизнь.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Нельзя, нельзя этого! Вы тоже тянете ихъ руку... Вы тоже мой врагъ... Напрасно я съ вами говорила. (Вдругъ перемѣнивъ тонъ, дерзко, грубо, вульгарно) Уходите! Уходите! Вы тоже мой врагъ... Я никого не хочу видѣть.

(Убѣгаетъ въ спальню и запираетъ дверь. Ошеломленный Картинкинъ подходитъ къ двери и говоритъ)

КАРТИНКИНЪ. Авдотья Степановна, вы меня не поняли... Я не врагъ вашъ... Я разсуждаю разумно.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (За дверью) Убирайтесь! Вы подлецъ.

(Входитъ Василькова)

ВАСИЛЬКОВА. Поговорили?

КАРТИНКИНЪ. Поговорилъ... Она съ ума сошла, съ ней разговаривать нельзя... Никакой логики... Вообразила, что я ей врагъ и желаю зла, какъ всѣ здѣсь...

ВАСИЛЬКОВА. Удивительно, всѣ ей желаютъ только хорошаго, а ей кажется—злого.

КАРТИНКИНЪ. Она потеряла почву, растерялась, сама не знаетъ, чего хочетъ... Одно несомнѣнно, что влюблена она въ этого проходимца, какъ кошка... Виктору будетъ скверно...

ВАСИЛЬКОВА. А какъ вы думаете — далеко у нихъ зашло?

КАРТИНКИНЪ. Не знаю... Богъ съ ними... (Подходитъ къ окну и смотритъ на улицу) Мнѣ и безъ нихъ скверно... Напрасно я въ эту исторію втесался... Пойдемте на кладбище... Луна, дѣйствительно, того... во

Digitized by Google

всѣ носовыя завертки... (Немного подумавъ) Срываются же иногда съ языка такія дикія фразы.

ВАСИЛЬКОВА. (Обрадованная) Пойдемте... Я очень рада... только на минутку домой зайду, посмотрю, что мамаша...

КАРТИНКИНЪ. Водки бы мнѣ.

ВАСИЛЬКОВА. Не надо... Пожалуйста, не надо... Вамъ вотъ не по себѣ, а мнѣ еще хуже... (Робко) Знаете ли вы, о чемъ я думала въ дѣтской?

КАРТИНКИНЪ. Не знаю.

ВАСИЛЬКОВА. Сказать?

КАРТИНКИНЪ. Скажите.

ВАСИЛЬКОВА. Только вы не сердитесь... Не будете?

КАРТИНКИНЪ. Говорите.

ВАСИЛЬКОВА. Нѣтъ, дайте слово.

КАРТИНКИНЪ. Говорите... Вотъ чудачка!

ВАСИЛЬКОВА. Я думала... Въ дѣтской такъ хорошо... Тихо, ночникъ горитъ... Сонечка спитъ розовенькая, вся разметалась... Вотъ я и думала (Немного помолчавъ) Послѣ скажу...

КАРТИНКИНЪ. Говорите.

ВАСИЛЬКОВА. Умретъ мамаша,—ей семьдесятъ лѣтъ, — и совсѣмъ мнѣ не зачѣмъ будетъ на свѣтѣ жить... Теперь какъ будто бы и есть, а тогда... Подумать страшно... Одна, всю жизнь... А вотъ... Я не хочу, чтобъ вы женились на мнѣ... Я знаю, вы не женитесь... А вотъ, если бы... если бы у меня былъ ребенокъ... (Стыдливо, опустивъ глаза) Вашъ ребенокъ... (Картинкинъ удивленно смотритъ на нее) Вы не смѣйтесь... Тогда была бы совсѣмъ другая жизнь... Была бы цѣль... А что стали бы говорить, мнѣ было бы все равно...

КАРТИНКИНЪ. Это ужъ совсѣмъ дико... Я съ вами не пойду на кладбище...

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Что вы?.. Почему? Вѣдь я только помечтала,. подумала объ этомъ... Вы не сердитесь... Пойдемте.

КАРТИНКИНЪ. Пойти-то пойдемте... Только это вы забудьте, выкиньте изъ головы... Нехорошо...

ВАСИЛЬКОВА. (Подойдя къ двери спальни) Прощайте, Дунечка. Мы уходимъ... (Толкается въ дверь) Заперлась...

КАРТИНКИНЪ. Оставьте ее въ покоѣ. Ругаться будетъ... Говоритъ по-французски, на рояли играетъ, а говоритъ иногда и ругается, какъ ломовой извозчикъ.

ВАСИЛЬКОВА. Ну и Богъ съ ней. Завтра придемъ.

(Уходятъ. Сцена долгое время пуста. Изъ сада доносится музыка. Теперь, когда въ комнатѣ никого нѣтъ, звуки слышны яснѣе. Входитъ няня, осматривается и, подойдя къ дверямъ спальни, толкается)

НЯНЯ. Спятъ, должно быть... Умаялись... Охъ, Господи!.. Потушить лампу...

(Тушитъ лампу и уходитъ въ дѣтскую. Нѣкоторое время спустя входитъ Авдотья Степановна и видя, что въ комнатѣ темно, возвращается въ спальню, беретъ свѣчу и проходитъ въ дѣтскую. Въ то время, когда она это дѣлаетъ, слышно какъ къ дому подъѣхали... Входитъ Изюмовъ и робко подходитъ къ дверямъ спальни. Прислушивается. Осторожно отворяетъ дверь и входитъ на цыпочкахъ; скоро возвращается опять. Авдотья Степановна выходитъ ему навстрѣчу со свѣчой въ рукахъ)

ИЗЮМОВЪ. Ты была въ дѣтской... Ты была въ дѣтской! Дунечка... въ дѣтской...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Поставивъ на столъ свѣчу) Опять ѣздилъ? жаловался?

ИЗЮМОВЪ. Прости меня.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Дуракъ... Тряпка.

Digitized by Google

ИЗЮМОВЪ. Ругай... Я не могу иначе... Я не знаю, что дѣлать съ тобой... У меня умъ за разумъ зашелъ.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Противный.

(Идетъ къ дверямъ проходной комнаты)

ИЗЮМОВЪ. Ты куда? Опять въ дѣтскую... Я съ тобой.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я въ кухню.

(Уходитъ и возвращается съ ножомъ, который старается спрятать въ рукавѣ платья)

ИЗЮМОВЪ. Ты зачѣмъ ходила? (Увидавъ ножъ) У тебя ножъ!

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я всегда буду спать съ ножомъ подъ подушкой... Чтобы ты не смѣлъ подходить...

(Уходитъ въ спальню)

ИЗЮМОВЪ. (Въ дверяхъ спальни) Богъ съ тобой... До того ли мнѣ, то ли у меня на умѣ... Я и спать въ спальнѣ не буду... Я здѣсь на диванѣ лягу, только будь спокойна... Спи...

(Осторожно затворяетъ дверь и идетъ къ дивану. Садится, опускаетъ голову и задумывается. Пауза)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната. Яркій, солнечный день. По поднятіи занавѣса няня проходитъ изъ передней въ дѣтскую и видитъ опущенную на окнѣ одну половину шторы—условный знакъ Авдотьи Степановны съ Герасимовымъ, что мужа нѣтъ дома. Она, качая головою, подбираетъ штору; въ это время изъ спальни выходитъ Авдотья Степановна.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ты что это дѣлаешь? Спрашиваютъ тебя тутъ порядки наводить? Убирайся отсюда!..

(Опускаетъ штору)

НЯНЯ. Нехорошо, барыня... Сосѣди замѣчаютъ, да и Викторъ Викторовичъ начинаетъ смекать эти знаки-то условные.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какъ ты смѣешь, паршивая! Суешь носъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ... Я тебя втришеи выгоню!..

НЯНЯ. (Укоризненно) Нехорошо, срамота...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Выйдя изъ себя, стуча ногами) Дрянь! дрянь! дрянь! Пошла вонъ... пошла вонъ!.. Иди играть съ дѣтьми въ церковную ограду и цѣлый день не приходите... Чтобы я васъ не видѣла, носу не показывайте...

(Въ окнѣ появляется Герасимовъ)

ГЕРАСИМОВЪ. Здравствуйте...

(Няня, махнувъ рукой, уходитъ въ дѣтскую)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Батюшки, это вы... А я тутъ...

Digitized by Google

ГЕРАСИМОВЪ. Вы съ прислугой-то здорово щиплетесь... Это не похвально.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Меня такъ злятъ, возмущаютъ всѣ здѣсь... Вотъ эта старая...

ГЕРАСИМОВЪ. Надо владѣть собой... Человѣкъ, который не владѣетъ собой, грошевый... Алтынъ ему цѣна... Вотъ вамъ книжица...

(Кладетъ на подоконникъ толстую книгу)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какая толстая... Опять такая, что я ничего не пойму.

ГЕРАСИМОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ... Тутъ все ясно, просто изложено. Безъ всякихъ научныхъ мудростей... Поймете... Мерзавцы называются мерзавцами, эксплоататоры — эксплоататорами... Вообще — разъ, два и готово... Важная книжица...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Пойму ли? Вѣдь меня учили не тому, что нужно... для жизни, что интересно... Ѣздилъ ко мнѣ на домъ изъ Покровской церкви батюшка, отецъ Алексѣй, училъ закону Божьему, жила француженка, ходила учительница музыки... Былъ еще учитель, Егоръ Егоровичъ... Въ женской гимназіи преподавалъ... И вдругъ удавился—деньги подъ проценты давалъ и разорился...

ГЕРАСИМОВЪ. Хорошъ учитель.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Очки носилъ и все сопѣлъ носомъ, когда занимался. Я хохотала надъ нимъ... бумажки ему сзади на пуговицу привѣшивала...

ГЕРАСИМОВЪ. Такъ-съ... Ну, вчера какъ? Была борьба?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Здорово... Я прямо сказала... Онъ все дѣти, дѣти... А я ему отрѣзала: отъ нелюбимаго человѣка и къ дѣтямъ нельзя особенной любви чувствовать.

ГЕРАСИМОВЪ. Ну, это вы, кажется, перехватили. Да неправда, дѣтей-то вы любите...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Люблю. Такъ только

Digitized by Google

сказала—чтобы онъ больше мучился и оставилъ меня въ покоѣ.

ГЕРАСИМОВЪ. Отравлять-то ихъ существованіе слѣдуетъ... Полезно. У вашего отца милліоны, десять тысячъ десятинъ земли, а онъ своего зятя заставляетъ служить въ банкѣ, получать 75 рублей. И тотъ служитъ и находитъ это въ порядкѣ вещей. Что это за люди? Дарятъ тысячные подарки и держатъ въ рабствѣ и униженіи своихъ родныхъ дѣтей. Это чортъ знаетъ что такое! Что же они дѣлаютъ съ другими?

(Входитъ Василькова)

ВАСИЛЬКОВА. Опять... Дунечка, когда же будетъ этому конецъ?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Не ваше дѣло, Поленька... Не суйтесь! Зачѣмъ опять пришли? Я сказала, чтобъ утромъ вы не ходили... Это онъ васъ проситъ... Я знаю!

ВАСИЛЬКОВА. (Обращаясь къ Герасимову) Какъ же вамъ не стыдно, милостивый государь, стоять днемъ подъ чужими окнами! Вѣдь всѣ видятъ, вы семью позорите!

ГЕРАСИМОВЪ. Меня просили не бывать въ домѣ— я не бываю; а около дома стоять мнѣ никто запретить не можетъ... Напрасно они думаютъ отгородиться отъ свѣта стѣнами.

ВАСИЛЬКОВА. Ужъ не вы ли свѣтъ? — прости, Господи! Безобразникъ вы, озорникъ и больше ничего. Абрамъ Евтихьевичъ говоритъ, что вы—нежелательный субъектъ.

ГЕРАСИМОВЪ. Кто же желательный? Вы?

ВАСИЛЬКОВА. Я что... Я ничего не корчу изъ себя, живу и живу, а вотъ вы претендуете на что-то... Считаете себя передовымъ человѣкомъ, а дѣлаете однѣ только гадости да мерзости. У васъ мать въ деревнѣ быть можетъ, голодаетъ, а вы хвосты по городу продаете...

Digitized by Google

ГЕРАСИМОВЪ. Эта статья васъ не касается.

ВАСИЛЬКОВА. Да что, развѣ не правда?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Перестаньте, Поленька, вы ничего не понимаете! Вамъ что вашъ Абраша скажетъ, то вы и говорите.

ВАСИЛЬКОВА. (Обращаясь къ Герасимову) Міръ любовью держится, любовью живетъ и совершенствуется, а не жестокостью, не зломъ, милостивый государь.

ГЕРАСИМОВЪ. Благодарю васъ. До васъ я этого не зналъ.

ВАСИЛЬКОВА. И настоящій-то интеллигентный человѣкъ, передовой, такихъ вещей не продѣлываетъ, какія вы, сударь... Онъ кротокъ, вѣжливъ, любвеобиленъ, разумно терпѣливъ, такъ какъ увѣренъ въ своей правдѣ и понимаетъ, что ничего въ мірѣ не дѣлается такъ: тяпъ-ляпъ и готово.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Возмущаясь) Не ваши слова, не ваши, Поленька! Я отъ Абрама это слышала. Приказывая) Не говорите чужихъ словъ!

ВАСИЛЬКОВА. Вы сами только его слова говорите. (Показывая на Герасимова) Да если сказать правду, мы, бабы, до сихъ поръ ничего своего не сказали... Такъ только думаемъ, что свое говоримъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Васъ слушать-то не хочется... (Обращаясь къ Герасимову) Я вамъ сейчасъ книгу принесу... Возьмите, не хочу больше читать ее.

(Беретъ книгу съ окна и уходитъ въ спальню за другой)

ВАСИЛЬКОВА. (Энергично стуча по подоконнику рукой) Что же вы съ ней дѣлаете? Гдѣ у васъ умъ-то? Развѣ вы не видите, что она не приготовлена къ тому, что вы ей говорите... Черезъ ваши, можетъ быть, хорошія слова получаются однѣ гадости, мерзости. Вы людей губите... Жестокій, грубый, дикій человѣкъ!

Digitized by Google

(Входитъ Авдотья Степановна)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Передавая книгу) Вотъ... Ничего я въ ней не поняла... Что такое «проблемы»? Тутъ на каждой страницѣ эти проблемы...

ГЕРАСИМОВЪ. (Взявъ книгу и замѣтивъ подъѣзжающаго къ дому Изюмова) Вашъ мужъ.

(Скрывается)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Что это онъ такъ скоро сегодня? Нѣтъ еще двухъ часовъ... Служака! Тоже— «служу въ банкѣ», а самъ ничего не дѣлаетъ, такъ для формы мѣсто занимаетъ, чтобы люди не говорили, что онъ ничего не дѣлаетъ.

ВАСИЛЬКОВА. Какъ бы не замѣтилъ онъ его, опять будетъ исторія.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ахъ, да все равно! Пусть всѣ видятъ, всѣ знаютъ... Надоѣло мнѣ передъ людьми комедію играть... «Мы хорошіе, мы почтенные граждане, у насъ въ домѣ миръ да благодать»... Противно, надоѣло все... Умру я, Поленька, отравлюсь спичками.

(Входитъ Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Я немного пораньше сегодня... Сейчасъ папа по телефону говорилъ, что пріѣдетъ къ намъ вмѣстѣ съ мамой... Надо будетъ закуску приготовить, хересу... Поленька, распорядитесь.

(Василькова уходитъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какъ это глупо! Мать съ отцомъ пріѣзжаютъ какъ будто бы въ гости... Закуску... Хересъ... Безобразіе, невѣжество...

ИЗЮМОВЪ. У тебя все глупо стало... Тебя послушать, такъ всѣмъ намъ—и папѣ, и мамѣ, и мнѣ на акушерскіе курсы поступить надо.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Дуракъ.

ИЗЮМОВЪ. Перестань ругаться, вѣдь ты барыня.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какая я барыня? Слово «барыня» произошло отъ слова «боярыня», и боя-

Digitized by Google

рыня все равно, что дворянка... А я просто такъ себѣ, купчишкина дочь... Ничего ты не понимаешь.

(Василькова на подносѣ вноситъ закуску и хересъ)

ИЗЮМОВЪ. Ужъ ты больно стала умна... (Подчеркивая) Только не знаю — отчего бы?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ты опять про это? Вѣдь далъ слово мнѣ не приставать съ этимъ...

ИЗЮМОВЪ. Вы видитесь... Я знаю, что видитесь... Я этого не могу допускать... Папа тоже возмущается... Онъ пріѣдетъ сейчасъ серьезно, окончально съ тобой обо всемъ переговорить.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. А... Вотъ какъ! Я не выйду къ нимъ. Запрусь у себя въ спальнѣ и не выйду.

(Уходитъ и запирается)

ИЗЮМОВЪ. (Подойдя къ дверямъ спальни) Этого нельзя, Дунечка... Папа обидится и мама тоже. Надо имѣть разсудокъ.

ВАСИЛЬКОВА. А вы не просите, хуже будетъ... Она все вамъ теперь напротивъ рѣшила дѣлать. Сама выйдетъ.

ИЗЮМОВЪ. (Стараясь говорить тише) Не стоялъ сегодня подъ окнами? Не дежурилъ?

ВАСИЛЬКОВА. (Подумавъ) Нѣтъ, сегодня не подходилъ.

ИЗЮМОВЪ. Можетъ быть, безъ васъ?

ВАСИЛЬКОВА. Едва ли.

ИЗЮМОВЪ. Давно вы здѣсь?

ВАСИЛЬКОВА. Давно.

ИЗЮМОВЪ. Можетъ быть за умъ взялась, поняла, что безобразіе учиняетъ... Папа говоритъ, что его можно изъ города въ 24 часа убрать, если будетъ продолжать... Что, она вамъ ничего еще не говорила?

ВАСИЛЬКОВА. Нѣтъ, все тоже.

Digitized by Google

ИЗЮМОВЪ. Хоть бы она сказала ясно и просто, что ей нужно, чего ей не хватаетъ.

ВАСИЛЬКОВА. Отпустите ее, уйти она хочетъ.

ИЗЮМОВЪ. Куда отпустить? Зачѣмъ? Вѣдь она погибнетъ... Развѣ она знаетъ жизнь? Что-нибудь понимаетъ? Да я и представить себѣ не могу, какъ я останусь безъ нея... Дѣти дома?..

ВАСИЛЬКОВА. Съ няней въ церковную ограду пошли.

ИЗЮМОВЪ. Бѣдныя... Я просто на нихъ смотрѣть не могу,—грязныя, опаршивѣли, она совсѣмъ за ними не смотритъ, а нянька что... (Прислушиваясь) Вонъ, кажется, пріѣхали. Поленька, голубушка, пойдите къ дѣтямъ,—нянька ничего не видитъ, чулки вяжетъ, да спитъ... Какъ бы не случилось съ ними чего. (Звонокъ) Они... Я отопру.

(Уходитъ)

ВАСИЛЬКОВА. (Уходя въ проходную комнату) Я пойду за ограду.

(Входятъ Хвостовы и Изюмовъ.

Хвостовъ—суетливый, сѣдой старикъ съ бѣгающими острыми глазками; мягкій и добрый на видъ, ласковый, услужливый, но себѣ на умѣ, хитрый. Говоритъ звонкимъ визгливымъ, бабьимъ голосомъ.

Хвостова—богато разряженная, въ шляпкѣ, почтенная дама лѣтъ 50-ти. Пальцы въ бриллiантовыхъ кольцахъ)

ИЗЮМОВЪ. (Тихо, продолжая въ передней начатый разговоръ) Говоритъ, не выйдетъ къ вамъ, заперлась въ спальнѣ.

ХВОСТОВА. Ну, это такъ она, Викторочка, дурачится. Какъ не выйдетъ? Сердце у ней доброе... Вотъ я сейчасъ... (Подходитъ къ спальнѣ и стучитъ въ дверь) Дунечка! А Дунечка! Отопри... Я съ папой пріѣхала...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Изъ спальни) Я лежу—больна.

Digitized by Google

ХВОСТОВА. Что же заперлась? Отопри... Ты меня огорчаешь.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я отопру, только изъ спальни никуда не пойду. (Отпираетъ дверь)

ХВОСТОВА. (Обращаясь къ Изюмову) Вотъ видите, сердце у ней доброе... (Уходитъ)

ХВОСТОВЪ. (Ехидно посмѣиваясь) Не выйдетъ... Вотъ бы метлой, метлой, да позагорбу, позагорбу... Говорю тебѣ—дери ее.

ИЗЮМОВЪ. Что вы, папа, развѣ можно? Я пальцемъ до нея боюсь дотронуться...

ХВОСТОВЪ. Легонько ничего... Взявъ косу, намоталъ на руку и того—«ахъ вы сѣни, мои сѣни»... Распустилъ... самъ виноватъ.

ИЗЮМОВЪ. Знаю, что виноватъ, но теперь поздно, сдѣлать ничего нельзя. Она словно бѣлены объѣлась.

ХВОСТОВЪ. Говорю, косу на руку... а то и въ харю раза два... Помогаетъ и это.

ИЗЮМОВЪ. Вы такъ говорите... Сами знаете, что этого невозможно...

ХВОСТОВЪ. А по моему таки возможно. Въ такихъ случаяхъ иначе нельзя... Бабу въ кулакѣ надо держать, а вырвалась, такъ кулакомъ ее, кулакомъ...

ИЗЮМОВЪ. Будетъ вамъ... Не хотите ли закусить? Есть важная икра, хересъ вашъ любимый.

ХВОСТОВЪ. Хорошо, я тутъ закушу, а ты ступай зови... У меня времени нѣтъ.

ИЗЮМОВЪ. (Наливая рюмку хереса) Вдвоемъ, можетъ быть, лучше уговоримъ, придетъ.

(Уходитъ въ спальню. Хвостовъ садится за столъ и закусываетъ. Пауза)

ХВОСТОВА. (Въ дверяхъ спальни) Ну, иди же, иди, Дунечка.

ИЗЮМОВЪ. (Тоже появляясь въ дверяхъ спальни) Пожалуйста, иди... Надо когда-нибудь все выяснить...

Digitized by Google

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Въ спальнѣ) Я сейчасъ приду... Ступайте.

(Обрадованные Хвостова и Изюмовъ идутъ къ столу и садятся)

ХВОСТОВА. Сейчасъ придетъ... Вѣдь ей, Викторочка, тоже не легко... Я женщина, я понимаю ее.

ИЗЮМОВЪ. Я вижу... Она вся измучилась.

ХВОСТОВА. Характеръ у нея нехорошій, вспыльчивый.

(Изъ спальни выбѣгаетъ взволнованная въ какомъ-то изступленіи Авдотья Степановна, подбѣгаетъ прямо къ столу, становится передъ отцомъ въ вызывающей позѣ и закладываетъ руки назадъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Что вы хотите отъ меня? Что вамъ нужно? Объясняться? Хорошо, я объяснюсь... Я такъ объяснюсь, что вы не забудете всю жизнь...

ХВОСТОВА. Опомнись, Дунечка! Развѣ съ отцомъ такъ разговариваютъ?

ИЗЮМОВЪ. Дунечка.

ХВОСТОВЪ. (Сдерживая себя, совершенно какъ будто бы покойно) Погодите. (Обращаясь къ дочери) Ты сядь и успокойся...

(Пауза. Хвостовъ медленно ѣстъ, выпиваетъ рюмку хереса. У Авдотьи Степановны проходитъ первый порывъ, и она, немного успокоившись, отходитъ отъ стола и садится въ сторонѣ на стулъ)

ХВОСТОВЪ. Скажи, пожалуйста, хочешь ли ты быть хорошей матерью, женой, дочерью? Если хочешь, то...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Слушайся насъ?.. Я всегда васъ слушалась, и вотъ видите, что выходитъ... Видите?! И не то еще будетъ... (Ею опять овладѣваетъ порывъ отчаянія. Говоритъ, почти не отдавая себѣ отчета въ словахъ) Я не хочу съ нимъ жить! — Отпустите

Digitized by Google

меня... Дайте мнѣ денегъ, паспортъ... И больше мнѣ ничего отъ васъ не надо... Вы должны мнѣ дать денегъ, должны! Вы не можете не дать...

ХВОСТОВЪ. (Начинаетъ выходить изъ себя) Какъ же? Какъ же... Вотъ тутъ. (Показываетъ на карманъ) Приготовили для васъ, получайте.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Вы должны мнѣ дать! Вы меня ничему не учили, въ гимназію не отдали,— у меня нѣтъ аттестата, я не могу никуда поступить... Я ничего не знаю, ничего не понимаю... Мнѣ надо деньги, пока я изъ себя хоть что-нибудь сдѣлаю. Дайте денегъ! Вѣдь вы учили меня только услаждать вашу жизнь и жизнь будущаго мужа... Что же? Благодарю васъ... Дайте ручку поцѣловать... Я могу услаждать вашъ слухъ. Вы пріѣхали къ намъ въ гости. Вотъ сейчасъ... Не желаете ли?

(Нервно смѣясь до слезъ, раскрываетъ піанино и дико поетъ)

Если бъ я солнышкомъ
На небѣ сіяла,
Я для тебя, мой другъ,
Только бъ блистала.

ХВОСТОВА. Перестань, Дунечка!

ХВОСТОВЪ. (Обращаясь къ Изюмову) Ударь, ударь ее!

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Продолжая пѣть):

А не для лѣса,
А не для рѣчки...

ИЗЮМОВЪ. (Подбѣгая къ ней и закрывая піанино) Полно дурачиться. Папа пріѣхалъ говорить съ тобой серьезно, а ты...

ХВОСТОВЪ. Ударь, ударь ее!

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ударьте! Я не боюсь васъ... Прежде боялась, а теперь ничего не боюсь!

ХВОСТОВЪ. (Выйдя изъ себя) Молчи! Слушай, что я тебѣ скажу... Это послѣдняя рѣчь моя.

Digitized by Google

ХВОСТОВА. Потомъ, потомъ скажешь... Лучше поѣдемъ домой... Пріѣдемъ въ другой разъ.

ХВОСТОВЪ. Никогда! И бывать я здѣсь не буду, если она... Слушай! Брось все... Одумайся... Чтобъ этого проходимца ни слуху, ни духу. Онъ негодяй, а ты...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Онъ лучше васъ всѣхъ! Онъ изъ простыхъ людей въ настоящіе люди пробился... Это вамъ только кажется, что лучше васъ никого нѣтъ... Обнялись со своими золотыми мѣшками, наполучали крестовъ и думаете...

ХВОСТОВЪ. Съ глазъ долой! Провались! Изломаю всю...

(Бросается на нее съ кулаками. ИЗЮМОВЪ удерживаетъ его. АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА убѣгаетъ въ спальню; ХВОСТОВА за ней)

ИЗЮМОВЪ. Папа, что вы сдѣлали?! Теперь все погибло.

ХВОСТОВЪ. Ничего, ничего не будетъ... Не бойся... Обойдется... А я сейчасъ къ полицеймейстеру поѣду, губернатору, если нужно будетъ... Такихъ проходимцевъ, ничего не дѣлающихъ, гнать изъ городовъ надо, за тысячи верстъ гнать... Онъ къ деньгамъ поддѣлывается, золотыя вещи ея украсть хочетъ... Знаю я ихъ... Ничего... Ты не бойся, Викторъ. Его здѣсь скоро не будетъ.

(Идетъ въ переднюю)

ИЗЮМОВЪ. Если бъ это можно было сдѣлать, все тогда бы перемѣнилось... Она только черезъ него съ ума сходитъ... Въ этомъ я увѣренъ...

(Уходитъ. ИЗЮМОВЪ скоро возвращается и идетъ въ спальню. Не рѣшаясь войти, останавливается у дверей и невольно слушаетъ разговоръ АВДОТЬИ СТЕПАНОВНЫ съ ХВОСТОВОЙ)

ИЗЮМОВЪ. (Въ дверяхъ) Не правда, мама, не

Digitized by Google

правда! Никогда я этого не говорилъ... Развѣ я могъ? Я такъ ее люблю...

(Входитъ Хвостова)

ХВОСТОВА. (Беря его за руку и отводя отъ двери, тихо) Викторочка, вы не мѣшайте мнѣ... Она начинаетъ успокаиваться, приходитъ въ себя... Я одна...

ИЗЮМОВЪ. Хорошо, хорошо, мама. Я уйду въ дѣтскую.

(Уходитъ. Изъ спальни съ кофточкой и шляпкой въ рукахъ выходитъ Авдотья Степановна)

ХВОСТОВА. Ты куда же? Вѣдь дала слово никуда не выходить... Полно, полно, Дунечка... Положи кофточку, дай шляпку.

(Беретъ у нея то и другое и кладетъ на піанино. Авдотья Степановна, сама не зная, что дѣлать — идти или не идти, ослабѣвшая, уставшая, опускается на стулъ)

ХВОСТОВА. Ты слушайся меня, только слушайся меня... Все будетъ хорошо... Смирись покуда, лаской скорѣе все сдѣлаешь... И папа и Викторочка, если съ ними ласково, разумно говорить, все тебѣ сдѣлаютъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ничего не сдѣлаютъ... Денегъ на конфекты дадутъ, шубу сошьютъ.

ХВОСТОВА. Ты потерпи еще, повѣрь себя... Поживи полгода, годъ, а тамъ видно будетъ... Не переборешь себя, не въ силахъ будешь ужиться,—сама буду просить за тебя, чтобъ отпустили и денегъ дали... Вѣдь у тебя, Дунечка, дѣти, ты подумай...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Они у васъ будутъ жить... Имъ еще лучше будетъ... Какая я мать...

ХВОСТОВА. Полно, моя милая, полно, дорогая... Ты наговариваешь на себя, у тебя сердце хорошее... Потеряла ты самое себя... почву подъ ногами утра-

Digitized by Google

тила... Это бываетъ, проходитъ... Многія женщины такъ мучаются... Пройдетъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Никогда не пройдетъ.

ХВОСТОВА. (Тихо, почти шопотомъ, чтобы не слышалъ Изюмовъ) Забудь этого... Онъ можетъ быть хорошій и любви твоей стоитъ, а лучше забыть... для дѣтей забыть...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Мнѣ двадцать пять лѣтъ... Шестнадцати лѣтъ вы выдали меня замужъ... Ничего я не понимала... Мнѣ жить, мама, хочется, жить...

(Плачетъ)

ХВОСТОВА. Ну, какъ-нибудь, какъ-нибудь, Дуняечка. Вѣдь всѣ съ мужьями живутъ какъ-нибудь... Посмотри кругомъ: Чайкины, Федоровы, мадамъ Тиллэ... Не нравится вамъ здѣсь, переѣзжайте на Ивановскую... Тамъ деревья на улицѣ, въ домѣ сводовъ нѣтъ. Гдѣ хочешь живи, вѣдь у насъ пять домовъ.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какихъ?

ХВОСТОВА. Каменныхъ, одинъ только деревянный...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Каменныхъ много, а настоящаго дома ни одного... Ни одного...

ХВОСТОВА. Знаю я, про что ты говоришь... Сама объ этомъ всю жизнь думала. Да что дѣлать-то? Не огорчай меня, не обвиняй... Стыдно мнѣ на тебя смотрѣть.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Какія мы всѣ женщины несчастныя, несчастныя...

ХВОСТОВА. (Увидѣвъ, что свѣча на столикѣ не горитъ) Свѣча-то у васъ сегодня не горитъ!.. Надо зажечь... (Зажигаетъ и считаетъ лежащія на столикѣ свѣчи) Это только восьмая... Няня говоритъ двѣнадцать надо.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Развѣ это поможетъ? Сколько на свѣтѣ и умнаго, и хорошаго, и глупаго,

Digitized by Google

и смѣшного... Все перепуталось и не разберешь, гдѣ правда и гдѣ ложь... Туманъ какой-то... А люди все-таки всѣ мерзавцы и негодяи...

ХВОСТОВА. Надо самой быть лучше... Пойду, Дунечка, посмотрю, что Викторочка дѣлаетъ... Онъ въ дѣтской.

(Уходитъ. Авдотья Степановна переходитъ къ окну, у котораго стоялъ Герасимовъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Шепчетъ, чуть слышно) Милый, дорогой... Позови меня... (Прижимается головой къ косяку, задумывается и смотритъ на небо) Не позоветъ... не позоветъ...

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната. Годовщина свадьбы Изюмова. Комната по этому случаю замѣтно прибрана. На одномъ изъ маленькихъ столиковъ ваза съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ. На обѣденномъ столѣ приготовлена весьма обильная закуска, бутылокъ десять разнообразнаго вина, серебряный самоваръ и чайная посуда. Василькова разливаетъ чай, недалеко отъ нея сидитъ Картинкинъ. Авдотья Степановна стоитъ у окна и разговариваетъ съ дѣтьми, идущими играть въ церковную ограду.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Смотри не шали, Андрей, не кидайся пескомъ, глаза засоришь... Возьми Сонечку за руку... Возьми! Я тебѣ говорю возьми! Няня, что вы плывете, какъ утка? Не отставайте отъ дѣтей, могутъ лошади раздавить. Что? (Послѣ паузы) Хорошо... Погодите, я сейчасъ пирожковъ и бутербродовъ дѣтямъ дамъ... (Беретъ со стола нѣсколько пирожковъ и бутербродовъ) Вотъ держите... (Няня показывается у окна и беретъ) Раньше обѣда не приходите... (Отошла и опять подошла къ окну) Сырой воды дѣтямъ не давайте! Слышите?

КАРТИНКИНЪ. Что сей сонъ значитъ?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Поленька, налейте мнѣ... Девять лѣтъ тому назадъ я въ это время собиралась къ вѣнцу... Меня причесывалъ парикмахеръ Альбертъ... платье шила Курочкина...

КАРТИНКИНЪ. А я держалъ надъ вами вѣнецъ, путался въ вашемъ платьѣ, когда васъ кругомъ водили...

Digitized by Google

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Мнѣ было весело, я смѣялась... Горѣло паникадило, стояла рѣшетка. Батюшка сказалъ послѣ вѣнчанія: «Дай Богъ тебѣ такъ же весело жить, какъ ты весело вѣнчалась...» Какъ это было давно, давно...

(Ей дѣлается грустно)

ВАСИЛЬКОВА Вѣдь вотъ же можете вы, Дунечка, быть славной, хорошей... Что съ вами? Не передъ грозой ли?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Имъ надо, чтобы я такой была—я буду. У меня хватитъ терпѣнья. Мама просила, обѣщалась все сдѣлать... Буду ждать, посмотрю... а и то...

КАРТИНКИНЪ. Вы себя лучше розовыми мечтами не лелѣйте, потомъ тяжелѣе будетъ... Я, положительно, не представляю васъ одной, самостоятельной... Ни черта изъ этого не выйдетъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я въ модистки пойду, буду работать.

ВАСИЛЬКОВА. Будетъ вамъ вздоръ говорить... Какая вы модистка? Вотъ вы здѣсь постарайтесь жизнь перемѣнить, создать лучшую...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Это невозможно... Здѣсь, какъ въ гробу, ничего сдѣлать нельзя,—положили, засыпали и лежи... Мнѣ представляется, хоть приди сейчасъ солдаты, не наши, иностранные, разрушь весь домъ, убей всѣхъ насъ и то эта жизнь останется,—такъ невидимая по камнямъ будетъ витать...

КАРТИНКИНЪ. Н-да...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Вотъ выйду я изъ дому на улицу, въ поле, куда-нибудь подальше изъ дому, и другимъ себя человѣкомъ чувствую. Плакать хочется, цвѣты рвать, цѣловать ихъ... А придешь домой, какъ въ сырой подвалъ, и хочется отравиться спичками... А въ Москвѣ я была, такъ совсѣмъ не вѣрила, что это я... Помолодѣла... Мужчина на улицѣ мнѣ одинъ сказалъ: какая хорошенькая.

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Почудили тамъ?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Нѣтъ, я тогда боялась... Сидѣла въ номерѣ одна, никуда почти не выходила, и то было хорошо и весело... А когда ѣхала обратно...

ВАСИЛЬКОВА. Ну, ну, разскажите, какъ это вы съ нимъ встрѣтились?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Онъ ѣхалъ въ третьемъ классѣ, а я во второмъ... До самаго Коврова и не подозрѣвала, что такой ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ... А въ Ковровѣ на станціи встрѣтились. Онъ мнѣ борщъ свой отдалъ... Публики было много, я ничего сама не успѣла добиться, а онъ говоритъ: «Нате, ѣшьте сначала вы»... Такъ и познакомились... И потомъ...

(Голосъ Изюмова въ проходной комнатѣ: «Раньше трехъ обѣдать не будемъ»)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Пришелъ... И какъ хорошо безъ него, придетъ и все отравитъ... Видѣть не могу...

(Входитъ Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Здравствуйте. (Здоровается съ Васильковой и Картинкинымъ. Онъ выглядитъ свѣжѣе и веселѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ актахъ) А вотъ это, Дунечка... (Вынимаетъ футляръ съ медальономъ и длинной цѣпочкой) Ты давно хотѣла...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ничего не хотѣла...

(Равнодушно раскрываетъ футляръ)

ИЗЮМОВЪ. Триста рублей стоитъ...

(Авдотья Степановна, посмотрѣвъ на Картинкина, иронически улыбается)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Благодарю!..

(Цѣлуетъ мужа, чуть дотрогиваясь губами не то до щеки, не то до воротника; кладетъ футляръ на столъ и уходитъ въ спальню)

ИЗЮМОВЪ. (Просіявъ отъ радости) Поцѣловала... Вы видѣли? Полтора мѣсяца уже не цѣловала. Совсѣмъ

Digitized by Google

она, Поленька, другой стала, не узнаешь. О дѣтяхъ стала заботиться... Вчера цѣлый вечеръ имъ волосы чесала... Теперь все слава Богу... Налейте-ка мнѣ стаканчикъ. (Напѣваетъ)

Законъ, законъ,
Законъ себѣ поставимъ
На-ра, на-ра,
На радостяхъ пожить...

ВАСИЛЬКОВА. Викторъ, гдѣ у васъ глаза?

ИЗЮМОВЪ. (Испугавшись) А что? Развѣ опять подъ окнами стоялъ? Вы видѣли? Видѣли?

ВАСИЛЬКОВА. Нѣтъ... Пять дней онъ ужъ не появлялся.

ИЗЮМОВЪ. Это хорошо... Слава Богу... Должно быть образумился, рѣшилъ оставить ее въ покоѣ... И она, я думаю, измучилась и рада... Папа говоритъ, что все обойдется. (Тихо) А я, признаться, думалъ, что сбѣжитъ она...

КАРТИНКИНЪ. Дѣло не въ томъ, Викторъ, что онъ подъ окнами не ходитъ... Можно не ходить, не видѣться, да ближе быть...

ИЗЮМОВЪ. Ну, вотъ вздоръ! Только бы онъ не ходилъ, только бы они не видѣлись, и все пройдетъ... Жили же мы съ ней до сихъ поръ, ничего этого не было, а тутъ появился онъ, и испортилъ ее, смутилъ.

КАРТИНКИНЪ. «Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ».

ИЗЮМОВЪ. Что она дѣлаетъ въ спальнѣ? Пойду посмотрю.

(Уходитъ)

КАРТИНКИНЪ. Тяжело на нихъ смотрѣть...

ВАСИЛЬКОВА. Да, главное, ничего тутъ сдѣлать нельзя, ничего тутъ не выдумаешь.

КАРТИНКИНЪ. Тутъ надо начинать съ основанія.

ВАСИЛЬКОВА. Вы все въ корень вещей смотрите. Хотите еще чаю?

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. (Вставая изъ-за стола и подходя къ окну) Нѣтъ.

(Пауза)

Не понимаю, зачѣмъ я здѣсь бываю почти каждый день? Каждый разъ ухожу съ горькимъ осадкомъ, непонятымъ, оскорбленнымъ... На прошлой недѣлѣ она меня два раза выгнала и я хожу. Должно быть я жалкая личность.

ВАСИЛЬКОВА. И я тоже каждый день къ нимъ бѣгаю, а если подумать,—зачѣмъ они мнѣ и зачѣмъ я имъ? Я никому не нужна... Только мамашѣ, но она скоро умретъ... Дайте папиросу.

КАРТИНКИНЪ. (Давая ей папиросу) Я родился въ этомъ городѣ, живу тридцать пять лѣтъ и у меня знакомыхъ только вы и они... Я не симпатиченъ людямъ, меня никогда, никуда не приглашаютъ... Почему? Не знаю... А, между тѣмъ, я люблю жизнь, людей... Я говорю иногда очень умно, вдохновенно... пишу стихи...

ВАСИЛЬКОВА. Говорите вы хорошо, но постоянно только о себѣ... Вы не сердитесь... Я не дѣлаю вамъ замѣчанія, а говорю только... Постоянно о себѣ...

КАРТИНКИНЪ. Я и думаю только о себѣ: что я за человѣкъ и что мнѣ съ собой дѣлать... Весь мой дневникъ, который я веду уже десять лѣтъ, наполненъ этой чепухой... Зачѣмъ я пишу его, для чего? Не знаю, какъ не знаю, зачѣмъ я бываю здѣсь.

ВАСИЛЬКОВА. Надо гдѣ-нибудь бывать.

КАРТИНКИНЪ. Печально. (Поглядѣвъ въ окно) Вонъ, кажется, старики пріѣхали... Не уйти ли?

ВАСИЛЬКОВА. Неловко, обидятся, подождемъ... (Подходитъ къ спальнѣ) Викторъ, ваши пріѣхали.

(Выходитъ Авдотья Степановна и Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Пріѣхали... Надо идти встрѣтить...

(Авдотья Степановна первая выхо-

Digitized by Google

дитъ въ переднюю. Это ошеломляетъ настолько Изюмова, что онъ останавливается и, схвативъ за руку Василькову, говоритъ, захлебываясь отъ восторга)

изюмовъ. Вотъ видите! Первая идетъ встрѣчать... Я говорилъ вамъ, что она другая стала... А что въ спальнѣ мнѣ она говорила! Пріятно было слушать...

(Уходитъ въ переднюю)

василькова. Слѣпой, совсѣмъ слѣпой... Жалко мнѣ его до слезъ... Кажется, взяла бы, да все ему доказала бы, а жалко—пусть такимъ слѣпымъ походитъ, немного поживетъ, отдохнетъ...

(Входятъ Хвостовы, Изюмовъ и Авдотья Степановна. Хвостовъ въ мундирѣ попечителя вѣдомства Императрицы Маріи, при шпагѣ, на шеѣ медали, кресты, въ рукахъ треуголка)

хвостовъ. Прямо изъ собора... Молебствіе было торжественное... Усталъ стоять да и ѣсть захотѣлось.

изюмовъ. Вотъ и прекрасно... Тутъ все на столѣ... Мама, сымайте шляпку.

хвостовъ. Погоди... Это потомъ, не уйдетъ... А вотъ сначала (Обращаясь къ Авдотьѣ Степановнѣ) поздравляю тебя... Смотри у меня, будь умненькой... Не сердись... Мало ли что въ семьяхъ бываетъ... Ну?

авдотья степановна. Что—ну?

хвостовъ. Подойди ко мнѣ. (Авдотья Степановна подходитъ; онъ гладитъ ее по головѣ) Ты думаешь у тебя злой отецъ-то? Обидъ не забываетъ... Хочешь на конфекты? Викторъ, дать ей на конфекты?

изюмовъ. Дайте, папа.

хвостовъ. Сколько? Цѣлковый будетъ или два? Ну, дамъ цѣлковый... (Медленно разстегиваетъ мундиръ, что ему мѣшаетъ дѣлать треуголка) Не забылъ ли дома бумажникъ? Вотъ хорошо... Старый объ дочкѣ забылъ, на

Digitized by Google

конфетки не привезъ... Ахъ я такой-сякой, немазанный-сухой...

(Изюмовъ и Хвостова очень довольны, смѣются)

изюмовъ. Папа, дайте треуголку, она вамъ мѣшаетъ.

(Бережно беретъ треуголку и кладетъ на піанино)

хвостовъ. Забылъ... Что дѣлать?—забылъ... Ахъ, шутъ возьми... Вотъ горе-то, вотъ бѣда-то... (Ощупываетъ бумажникъ въ карманѣ) Нѣтъ, кажись, здѣсь... Здѣсь, не забылъ... (Серьезно подчеркивая) Слышишь, не забылъ...

авдотья степановна. Садитесь лучше закусывать... Будетъ вамъ...

хвостовъ. Ну, ну... Получай цѣлковенькій. (Вынимаетъ выигрышный билетъ, беретъ его за кончикъ и трясетъ имъ въ воздухѣ) Ишь ты... какіе большіе стали выпускать цѣлковые-то... новаго образца, спеціально для дочекъ... Дать?

изюмовъ. Это выигрышный билетъ!

авдотья степановна. (Непочтительно) Дайте!

хвостовъ. Ты что это какъ?—«Дайте!» А если я обратно въ карманъ положу?

авдотья степановна. (Цѣлуя у него руку) Благодарю васъ.

хвостовъ. То-то... Возьми. Мужу отдай, пускай въ банкъ положитъ, присоединитъ...

(Авдотья Степановна съ жадностью прячетъ деньги въ карманъ, комкая билетъ, и торопясь это сдѣлать, чтобы не отняли)

хвостовъ. Ты что это? Дрожишь вся? Все еще не выбросила изъ головы? Мужу отдай билетъ, мужу!

авдотья степановна. Ну, ужъ это дудки, папа! У меня нѣтъ денегъ на карманные расходы... Надоѣло все просить... А въ головѣ у меня ничего нѣтъ, ничего...

Digitized by Google

ХВОСТОВЪ. Отдай мужу!

ХВОСТОВА. Пусть ее... Двѣсти рублей,—куда она съ ними убѣжитъ?

ИЗЮМОВЪ. Понятно, папа... Что вы боитесь?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. И бѣжать я никуда не хочу... Зачѣмъ я побѣгу? У меня дѣти.

ХВОСТОВЪ. Смотри, Лиса Патрикѣевна! Хитра, себѣ на умѣ... Я вѣдь вижу...

ИЗЮМОВЪ. Ничего, папа... Не огорчайте насъ... Она теперь совсѣмъ другой стала.

ХВОСТОВА. Годовщина свадьбы, такой день, а ты...

ИЗЮМОВЪ. Пожалуйте за столъ... Дунечка, наливай чай...

ХВОСТОВЪ. Ну, смотрите, потомъ чтобы меня не безпокоить... И слушать васъ не буду, если тамъ опять что-нибудь...

(Всѣ садятся за столъ. Авдотья Степановна разливаетъ чай. Пауза)

ХВОСТОВА. Молебствіе сегодня было парадное. На площади, противъ Астафьевскаго дома, подмостки были... Два архіерея, Викарій изъ Суздаля...

ИЗЮМОВЪ. А я не попалъ... Папа, можетъ быть, рюмочку?

ХВОСТОВЪ. Чаю хочу сначала... Его превосходительство (Смѣется) чудакъ человѣкъ!—Подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку и сказалъ: «жму вашу благородную руку». (Обращаясь къ Изюмову) Слышишь—благородную!—«Жму вашу благородную руку и говорю вамъ: вы благороднѣйшій человѣкъ». (Смѣется и опять обращается къ Изюмову) Вотъ руку-то посмотри... Рука, какъ рука и она же фунты отвѣшивала...

ХВОСТОВА. Полно чудить... То злой, то очень ужъ веселый... (Голосъ Герасимова изъ проходной комнаты) Мнѣ нужно! Какіе тамъ доклады...

(Луша показывается въ дверяхъ)

Digitized by Google

ЛУША. Тутъ господинъ какой-то...

ГЕРАСИМОВЪ. (Отстраняя отъ дверей Лушу) Ступай, ступай! Чего тамъ докладывать?.. Кто черезъ черный ходъ приходитъ, о тѣхъ не докладываютъ... (Луша скрывается) Эй вы, почтенные обыватели! Вашихъ рукъ это дѣло, что я долженъ въ 24 часа изъ города удалиться? Ну? (Всѣ всполошились, встали изъ-за стола, растерялись. Хвостовъ первый приходитъ въ себя) Кто меня за мошенника выдалъ? Ну?

ХВОСТОВЪ. (Обращаясь къ Картинкину) Дворника позовите... Кучера моего, онъ на козлахъ сидитъ...

ГЕРАСИМОВЪ. Вижу... все вижу... Ну, я у васъ въ долгу не останусь... (Обращаясь къ Изюмову) Слушай ты, ржаная лепешка! Пожалѣлъ я тебя, хотѣлъ оставить въ покоѣ, да досадили мнѣ... Чистъ я былъ, какъ хрусталь, передъ женой твоей, а вотъ теперь при всѣхъ скажу: Дуня, хотите—пріѣзжайте ко мнѣ? Адресъ напишу, ждать буду.

ХВОСТОВЪ. (Кричитъ на улицу, подбѣжавъ къ окну) Полицейскій!

(Хвостова и Изюмовъ подбѣгаютъ къ Авдотьѣ Степановнѣ и жестами о чемъ-то умоляютъ ее)

ГЕРАСИМОВЪ. (Обращаясь къ Хвостову) Не кричи! Самъ уйду... Я все сказалъ, что нужно...

(Идетъ къ дверямъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Не пустятъ, не пустятъ... только сейчасъ, только съ вами... Одѣнусь я...

(Выбѣгаетъ въ спальню)

ХВОСТОВЪ. (Обращаясь къ Изюмову) Запри... скорѣе запри...

(Бѣжитъ къ спальнѣ и вмѣстѣ съ Изюмовымъ, мѣшая другъ другу, запираютъ дверь)

ХВОСТОВЪ. Ничего... Не уйдетъ, не уйдетъ теперь... на окнахъ тамъ рѣшетки, рѣшетки...

(Изюмовъ, ничего не соображая, навали-

Digitized by Google

вается уже на запертую дверь и крѣпко держитъ ее. Авдотья Степановна стучится и дергаетъ дверь)

ГЕРАСИМОВЪ. (Совершенно спокойно, просто, убѣждая) Напрасно, ребята, это вы дѣлаете, все равно уйдетъ...

ХВОСТОВЪ. (Въ изступленіи, топая ногами и наступая на Герасимова) Что?.. Взялъ?.. Выкусилъ?.. Кукишъ съ масломъ! (Дѣлаетъ кукиши и тычетъ ими почти въ лицо) Вотъ тебѣ! Не хочешь ли? Милости прошу. Покушай! Покушай!

ГЕРАСИМОВЪ. (Такъ же спокойно) Не горячись, старикъ, пожалуй умрешь... Прощай... Встрѣтимся на томъ свѣтѣ, я на тебя пожалуюсь дьяволу.

(Уходитъ)

ХВОСТОВЪ. (Обращаясь къ Изюмову, все еще стоящему въ той же позѣ у двери) Ты держи ее, пять дней не выпускай, черезъ рѣшетку ѣсть подавай... А я... я видѣть ее не могу... Ноги моей здѣсь больше не будетъ.

ХВОСТОВА. Съ тобой ударъ сдѣлается... Успокойся...

ХВОСТОВЪ. Домой... Скорѣе домой... (Обращаясь къ женѣ) Ты оставайся... Я одинъ... Оставайся...

ХВОСТОВА. Нѣтъ, какъ я тебя брошу такимъ... что ты? Я съ тобой...

(Уходятъ)

КАРТИНКИНЪ. (Потрясенный всѣмъ происходящимъ въ комнатѣ) Викторъ! Ни замками, ни цѣпями душу не удержишь... Что ты дѣлаешь? Какъ ни дики ея порывы, какъ ни нелѣпа она сама, въ ней пробудилось самосознаніе, вдохновилась душа... Дай дорогу ей... Посторонись... Отпусти ее...

ИЗЮМОВЪ. Что ты? Что ты?.. Вѣдь она погибнетъ, совсѣмъ погибнетъ...

(Опускается на стулъ около двери и плачетъ)

КАРТИНКИНЪ. Пусть погибнетъ... Погибнуть че-

Digitized by Google

резъ себя легче, меньше обидно, чѣмъ черезъ другихъ... И здѣсь она погибнетъ, только медленной, пошлой смертью, какъ погибнемъ съ тобой мы... Погибнуть молодымъ, погибнуть вдохновенно, ярко борясь и стремясь,—это такъ красиво, такъ великолѣпно!.. Мы не умѣли жить, не будемъ мѣшать другимъ...

ВАСИЛЬКОВА. Вы идеализируете... Богъ знаетъ, что говорите...

КАРТИНКИНЪ. Что ты ей можешь дать? Что, кромѣ медальона и тяжкой обузы заботъ о себѣ и дѣтяхъ? Что, кромѣ ряда однообразныхъ, скучныхъ, какъ осень, дней?

ИЗЮМОВЪ. Мы жизнь перемѣнимъ... На Ивановскую улицу переѣдемъ... Тамъ все будетъ иначе...

КАРТИНКИНЪ. Нѣтъ, братъ, ничего не будетъ иначе... Вотъ она здѣсь говорила сегодня: «Приди сюда иностранные солдаты, разрушь домъ, убей всѣхъ насъ, а наша жизнь останется, такъ, говоритъ, невидимая по камнямъ витать будетъ»... И это правда. Мы родились на берегу вотъ этого (Показываетъ на окно) рва, вонючаго болота, и куда бы мы ни переѣзжали, мы опять очутимся на немъ... Поздно... Мы гнусно прожили свое время и дали опутать насъ съ ногъ до головы сѣтями обыденщины... Не мѣшай рвать эти сѣти другимъ... Отпусти ее...

ИЗЮМОВЪ. Вздоръ, вздоръ ты говоришь... Она погибнетъ... Куда ей справиться тамъ... Ничего не выйдетъ изъ нея...

ВАСИЛЬКОВА. И въ самомъ дѣлѣ, Абрамъ, та жизнь, о которой вы говорите, не для нея... Она пойдетъ по торной дорогѣ... Викторъ правъ.

КАРТИНКИНЪ. Жаль... А можетъ быть изъ нея что-нибудь и вышло бы? (Подумавъ) Не знаю... Но я все-таки отпустилъ бы ее: пусть поживетъ, узнаетъ жизнь...

Digitized by Google

ИЗЮМОВЪ. Никогда, никогда я этого не сдѣлаю! Это значитъ самому толкать ее въ пропасть...

КАРТИНКИНЪ. Ну, такъ она убѣжитъ сама... Я сказалъ все... Прощай пока...

(Уходитъ)

ИЗЮМОВЪ. Поленька, что же дѣлать? Научите меня, скажите...

ВАСИЛЬКОВА. Не знаю, но только не то, что вы... Прежде всего надо отпереть дверь...

ИЗЮМОВЪ. Ни за что, пока онъ въ городѣ: она убѣжитъ...

ВАСИЛЬКОВА. Но она можетъ сдѣлать что-нибудь надъ собой!

ИЗЮМОВЪ. (Пораженный этой мыслью) Да, да!.. Господи, какъ же мнѣ это не пришло въ голову?... Жива ли она? (Прислушивается у двери) Тихо тамъ... Дунечка, я сейчасъ отопру... (Хочетъ отпереть и не можетъ) Не могу... Убѣжитъ она... Убѣжитъ...

ВАСИЛЬКОВА. Да вы заприте и парадный, и черный ходъ...

ИЗЮМОВЪ. Да, да... Какъ это я не догадался?

(Убѣгаетъ въ переднюю и запираетъ парадный, пробѣгаетъ въ проходную комнату и запираетъ черный выходъ. Возвращается)

ИЗЮМОВЪ. (Тихо) Заперъ... Ключи вынулъ... Сейчасъ ее отопру...

(Отпираетъ. Авдотья Степановна въ кофточкѣ и платкѣ выбѣгаетъ изъ спальни, дико озирается, не можетъ двигаться дальше и садится на стулъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Шепчетъ, ни къ кому не обращаясь) Что со мной дѣлаютъ? Что со мной дѣлаютъ? Поджечь... Задушить руками...

ИЗЮМОВЪ. Поленька, побудьте съ ней... Я не могу смотрѣть на нее.

(Уходитъ въ спальню)

Digitized by Google

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ушелъ... Ушелъ... (Вскакиваетъ и бѣжитъ въ переднюю; скоро возвращается, стоитъ по срединѣ комнаты и шепчетъ) Заперли... Догадались... (Вспомнивъ) Черный ходъ!.. Я уйду... Я уйду...

(Убѣгаетъ и не возвращается дольше, чѣмъ изъ передней)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Въ отчаяніи, схватывая за грудь Василькову) Ключъ! Ключъ, старая дѣвка! Дай! Дай мнѣ ключъ...

ВАСИЛЬКОВА. Дунечка, успокойтесь... У него ключи, онъ заперъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я въ окно...

(Бѣжитъ къ окну. Василькова преграждаетъ ей путь)

ВАСИЛЬКОВА. Опомнитесь... Народъ ходитъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Народъ... (Немного подумавъ) Въ окно изъ дѣтской... тамъ на дворъ...

(Бѣжитъ къ двери)

ВАСИЛЬКОВА. (Схватывая ее за руку) Дунечка... Дунечка... подумайте...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ничего не хочу думать! Ничего не хочу знать! Не смѣй ходить. Не смѣй!

(Уходитъ. Василькова бѣжитъ къ спальнѣ, чтобы позвать Изюмова, но, добѣжавъ до двери, не рѣшается войти: ей безконечно жалко его. Она подбѣгаетъ къ окну, чтобы увидать еще разъ Авдотью Степановну)

ВАСИЛЬКОВА. (Смотря въ окно) Вернитесь!.. Не слышитъ, садится на извозчика...

(Потерявъ всякую надежду, опускается на стулъ, стоящій у окна. Пауза.

Дверь спальни нерѣшительно отворяется и на порогѣ показывается Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. (Тихо, робко) Ну, что?

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Она... Она успокоилась... легла у няни на кровати.

ИЗЮМОВЪ. Слава Богу... Я не буду мѣшать, посижу пока въ спальнѣ... А вы все-таки не уходите...

(Затворяетъ дверь)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната. 9 часовъ вечера. На столѣ самоваръ и посуда. Картинкинъ и Василькова коротаютъ вечеръ. Картинкинъ сидитъ у окна и читаетъ стихи. Василькова смотритъ на него все тѣми же влюбленными глазами.

КАРТИНКИНЪ.

Покоемъ долгимъ сна
Утомлена душа,
Не жаждетъ и не хочетъ...
И только надъ собой,
Кляня въ тоскѣ покой,
И плачетъ и хохочетъ...
Ее ни моря даль,
Ни радость, ни печаль
Ужъ больше не тревожатъ.
И, если бъ передъ ней
Всталъ образъ прежнихъ дней,—
Любить она не можетъ...

(Пауза. Василькова тронута прочитаннымъ стихотвореніемъ)

ВАСИЛЬКОВА. Прочитайте еще.

КАРТИНКИНЪ. (Что-то думая про себя, послѣ паузы) Странно... за всю свою жизнь я не читалъ никому своихъ стиховъ, кромѣ васъ... Я пишу съ 17-ти лѣтъ и пятнадцать лѣтъ читаю вамъ ихъ... Зачѣмъ я это дѣлаю? Нѣтъ, что ни говорите, а во мнѣ чего-то не достаетъ...

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Пейте чай, простынетъ...

КАРТИНКИНЪ. (Переходя къ столу) Если сосчитать, сколько вечеровъ длинными часами мы съ вами вмѣстѣ пили чай, получится капиталъ, милліоны, когда бы время перевести на деньги... Пили зимы, пили осени, весны... Цѣлые годы пили... Нелѣпо...

ВАСИЛЬКОВА. Но это была единственная моя радость... Если бы вы не заходили ко мнѣ пить чай, я умерла бы отъ тоски...

КАРТИНКИНЪ. Н-да... Я, въ сущности, говорилъ всю жизнь только съ вами... только у васъ...

ВАСИЛЬКОВА. Я всегда была благодарна вамъ, Абрамъ. Я любила васъ слушать.

КАРТИНКИНЪ. Вы одна, которая терпѣливо выслушиваете меня...

ВАСИЛЬКОВА. Я васъ знаю, какъ свои пять пальцевъ...

КАРТИНКИНЪ. И что же? Отъ этого ни мнѣ, ни вамъ ни тепло и не холодно... Все это мы дѣлали отъ скуки и одиночества...

ВАСИЛЬКОВА. Нѣтъ, я не потому... Вы, можетъ быть, а я... я любила васъ (Робко) и люблю, Абрамъ...

(Встаетъ и нѣсколько разъ проходитъ по комнатѣ, на что-то рѣшаясь, что-то соображая. Пауза)

КАРТИНКИНЪ. Только одна женщина обратила на меня вниманіе, — это вы... Странно... А какъ мнѣ хотѣлось любить и быть любимымъ... Помните, какъ я прибѣгалъ къ вамъ восторженно влюбленнымъ и говорилъ по цѣлымъ вечерамъ о своихъ симпатіяхъ... Помните—мечты о Фридолиной... Лизѣ Колосовой... Послѣднюю я, кажется, дѣйствительно любилъ...

ВАСИЛЬКОВА. И я слушала, мучилась, какъ мучаюсь теперь... Вы оскорбляли постоянно и никогда этого не замѣчали...

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Я вамъ говорилъ, что я свинья по отношенію васъ...

ВАСИЛЬКОВА. Развѣ это утѣшеніе? Подумайте, что вы говорите... Какой вы эгоистъ, какой эгоистъ...

КАРТИНКИНЪ. Не будемъ разсуждать на эту тему, а то мнѣ домой захочется идти...

ВАСИЛЬКОВА. (Нерѣшительно подойдя къ нему сзади стула) Оцѣните меня... Васъ, какъ я, мать не любила... Вы одиноки... У васъ сѣдые волосы... Нечего ждать, ничего не найдете.

КАРТИНКИНЪ. Пойте, пойте панихиду... (Возмущаясь) Да неужели я жилъ, мечталъ, писалъ стихи, дневники—только для того, чтобы кончить вами... Это ужасно...

ВАСИЛЬКОВА. Оскорбляйте... Я привыкла... И все-таки, все-таки, Абрамъ... (Обнимаетъ и цѣлуетъ его) Простите...

КАРТИНКИНЪ. (Вскакивая) Опять... Вы опять за это? Я просилъ васъ...

ВАСИЛЬКОВА. Я только поцѣловала.

КАРТИНКИНЪ. Только! Это возмущаетъ меня, злитъ... Вы опять дойдете до того, что заговорите о ребенкѣ... Это идіотство!..

(Беретъ шляпу и уходитъ)

ВАСИЛЬКОВА. Жестоко... Жестоко... (Закрываетъ лицо руками и долго такъ стоитъ, потомъ бѣжитъ въ спальню за ручнымъ зеркаломъ и смотрится, наклонясь къ лампѣ) Постарѣла... Морщины... Я всегда такой была... Уродъ!

(Вдавливаетъ ногти въ голову, желая причинить себѣ физическую боль. Возвращается Картинкинъ)

КАРТИНКИНЪ. Вы меня простите... Я гадокъ... Простите... И нужно было вамъ тревожить эти старыя дрожжи; такъ великолѣпно сидѣли, бесѣдовали...

ВАСИЛЬКОВА. Если бы вы знали, какъ мнѣ больно...

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. (Лаская ее по головѣ) Ну, ничего... не обижайтесь... Я... это тоже оттого, что мнѣ самому скверно.

(Садится около нея и кладетъ ей на плечо руку. Она пугается этой первой ласки въ жизни, стыдится, опускаетъ глаза и потомъ погружается въ какое-то сладкое забвеніе)

КАРТИНКИНЪ. Трудно объяснить, отчего я иногда озлобляюсь не только на васъ, но на всѣхъ, такъ, безъ всякой причины... Но ничего, позабудьте, что я вамъ сказалъ... Будемъ опять видѣться, чай пить, бесѣдовать...

(Василькова хватаетъ его руку и цѣлуетъ)

КАРТИНКИНЪ. Это не надо... Къ чему? Вы не унижайтесь, я другъ вашъ...

(Пауза)

ВАСИЛЬКОВА. Сколько я перестрадала. На улицѣ надо мной смѣются мужчины... и часто пошло острятъ... Я слышу и дѣлаю видъ, что не слышу... Чѣмъ я виновата?

КАРТИНКИНЪ. (Тронутый ея горемъ, кладетъ ея голову на грудь и гладитъ волосы) Забудьте все... Жизнь не въ этомъ...

ВАСИЛЬКОВА. Какъ же не въ этомъ? Въ этомъ, въ этомъ, Абрамъ. Я могла бы быть счастливой, у меня могли бы быть дѣти... А теперь... Вонъ музыка играетъ. Люди веселятся... а я одинока, одинока, одинока... Но сейчасъ мнѣ хорошо... Сейчасъ мнѣ хорошо... Если бы вотъ всегда такъ...

(Пауза. Въ проходной комнатѣ шумъ и слышны голоса Изюмова и Авдотьи Степановны)

ИЗЮМОВЪ. Дунечка, воротимся... Не раздѣвайся... Не хорошо... Обидятся... Пріѣхали въ гости и уѣхали...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Убирайся одинъ... зачѣмъ потащился за мной?

Digitized by Google

ИЗЮМОВЪ. Да ты пойми... Выслушай...

(Въ нервно-возбужденномъ состоянiи вбѣгаетъ Авдотья Степановна и пробѣгаетъ въ спальню. За ней—Изюмовъ)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Ничего не хочу слушать... Мнѣ противны всѣ тамъ... Поѣзжай одинъ, если хочешь...

ИЗЮМОВЪ. Неловко... У папы съ Грековымъ дѣла...

(Уходятъ и продолжаютъ горячо спорить, затворивъ двери спальни. Слышны визгливые возгласы Авдотьи Степановны и истерическiй плачъ)

ВАСИЛЬКОВА. Опять поссорились... Когда это кончится?..

КАРТИНКИНЪ. Никогда... Восемь лѣтъ тому назадъ меня оскорбилъ директоръ... Я возмутился, наговорилъ грубостей и отказался служить... Но прошло двѣ недѣли и я вновь пришелъ... Униженно просилъ прощенiя, и меня простили... Съ тѣхъ поръ я на всю жизнь засѣлъ на банковскомъ стулѣ... Буря въ стаканѣ воды... Мы не умѣемъ протестовать, мы умѣемъ только визжать отъ боли.

(Входитъ Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Воды!.. Поленька, стаканъ воды... Опять ерундитъ...

(Василькова уходитъ въ кухню и скоро возвращается съ водой)

ИЗЮМОВЪ. Кажется, конца этому не будетъ... Лучше бы не возвращалась. Представьте,—прiѣхали въ гости, все, какъ слѣдуетъ... и вдругъ соскочила и собралась домой... Богъ знаетъ, что съ ней дѣлается... (Обращается къ только что вошедшей Васильковой) Давайте скорѣе.

(Беретъ стаканъ воды и уходитъ въ спальню)

КАРТИНКИНЪ. Это вѣчная исторiя... Зачѣмъ я

Digitized by Google

хожу сюда? Не понимаю... (Въ волненіи ходя по комнатѣ) Не понимаю, чего мы боимся жить? Она испугалась, испугалась, что у нея нѣтъ шубы, бѣлья, что вышли двѣсти рублей, и возвратилась...

ВАСИЛЬКОВА. Она хорошо сдѣлала... Что бы съ ней было бы?

КАРТИНКИНЪ. (Продолжая ходить) Дико... страшно дико... Вѣдь мы гибнемъ, гибнемъ каждый по своему,—одинъ на банковскомъ стулѣ, другой въ спальнѣ, третій за прилавкомъ и все-таки, все-таки судорожными руками хватаемся, какъ за спасеніе, за свое несчастное счастье—за этотъ камень, который насъ тащитъ ко дну... Не понимаю... Не понимаю, чего мы боимся...

ВАСИЛЬКОВА. Вѣдь она умерла бы нищей въ больницѣ. Это вотъ бы чѣмъ кончилось... Не сталъ бы онъ съ ней долго возиться...

КАРТИНКИНЪ. А теперь умретъ дома на своей кровати... Знаете ли, въ одну изъ такихъ минутъ, какъ сейчасъ, я способенъ разбѣжаться и разбить себѣ голову объ стѣну...

ВАСИЛЬКОВА. Опять у васъ мрачное настроеніе... Перестаньте, Абрамъ... Мнѣ больно васъ слушать...

(Входитъ Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Успокоилась... Ничего... Сегодня немного... давайте играть въ преферансъ... Она услышитъ и прибѣжитъ... (Громко, стараясь, чтобъ услыхала Авдотья Степановна) Поленька, давайте карты... Разставляйте столъ...

(Приготавливаетъ столъ для картъ)

КАРТИНКИНЪ. Я играть не буду...

ИЗЮМОВЪ. Ну, вотъ еще... Вздоръ какой... Каждый разъ ломаетесь... Садимся...

ВАСИЛЬКОВА. И мнѣ чего-то неохота.

ИЗЮМОВЪ. Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста... Не люблю я, когда это вы кочевряжитесь...

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. Я играть не буду... опротивѣло...

(Садится за піанино и что-то подбираетъ однимъ пальцемъ)

ИЗЮМОВЪ. Позову ее... авось!... (Подойдя къ дверямъ спальни) Дунечка, мы въ преферансъ собираемся играть... (Тихо, обращаясь къ Васильковой) Улыбнулась... Кажется, придетъ... Садимся...

(Садятся за карточный столъ. Василькова лѣниво, съ неохотой, по принужденію тоже садится и беретъ въ руки карты)

ИЗЮМОВЪ. Картинкинъ, будетъ вамъ ломаться... играемъ...

(Входитъ Авдотья Степановна)

(Изюмовъ подмигиваетъ Васильковой и дергаетъ ее за рукавъ въ очень довольномъ настроеніи)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Я буду, но только не на бумажку и не въ преферансъ, а въ стуколку... Надо копѣекъ въ лавочкѣ намѣнять... (Обращаясь къ Васильковой) За вами три сорокъ шесть... (Обращаясь къ мужу) Пошли въ лавочку...

ИЗЮМОВЪ. Не стоитъ...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Вспыливъ) Ну, такъ я не буду играть!

ИЗЮМОВЪ. Хорошо, хорошо...

(Уходитъ въ проходную комнату)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Картинкинъ, садитесь... Будетъ вамъ тыкать тамъ пальцемъ.

КАРТИНКИНЪ. (Продолжая подбирать пальцемъ ноты) Я не буду.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Почему?

КАРТИНКИНЪ. Такъ не буду.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Не смѣете.

КАРТИНКИНЪ. (Переставая играть) Что?

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Если не хотите играть, не приходите къ намъ...

Digitized by Google

КАРТИНКИНЪ. (Подходя къ столу) Вотъ какъ... Я не знаю, что вамъ сказать... Видно, любовь способна облагораживать насъ только на мѣсяцъ, на два, а потомъ мы снова...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Больше шутя, чѣмъ серьезно) Противный...

КАРТИНКИНЪ. Я никогда не былъ вашимъ врагомъ... Я въ глубинѣ души даже восхищался вами, Авдотья Степановна... Говорилъ одно, а думалъ другое, потому что я рабъ и ничтожество... Но никто такъ не радовался, когда вы вырвались отсюда и никто такъ не былъ удивленъ...

ВАСИЛЬКОВА. Молчите, Абрамъ...

(Входитъ (Изюмовъ)

ИЗЮМОВЪ. Размѣняли... (Кладетъ горсть копѣекъ на столъ) Теперь сраженіе... «Какъ въ ненастные дни собирались они» (Садясь за столъ, напѣваетъ, подражая Евгенію Онѣгину и Ленскому). «Начнемъ?» — «Начнемъ, пожалуй!..»

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Задумавшись) Вы меня обвиняете?..

(Встаетъ и переходитъ къ окну)

ИЗЮМОВЪ. Куда же, Дунечка? Что такое? Что съ тобой опять?

(Пауза. Картинкинъ опять сѣлъ за піанино и началъ что-то подбирать)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Сдерживая слезы) Нельзя обвинять... Я... Ну, да все равно, все равно теперь.

ИЗЮМОВЪ. Что такое? Скажите... Это вы опять, Картинкинъ?.. Я васъ просилъ не вспоминать ничего... Лучше не ходите, если вы не понимаете словъ. (Въ проходной комнатѣ голосъ Хвостовой: «что, не спятъ еще!» Что это? Мама... Зачѣмъ она?

(Уходитъ въ проходную комнату)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Подбѣжавъ къ піанино, тихо но горячо, какъ бы оправдывая, защищая себя) Вы ду-

Digitized by Google

маете, мнѣ легко здѣсь?.. Легко... Но... но онъ самъ бѣдный. Я погубила бы его... Я не могла ничего другого придумать... А вы обвиняете... вы обвиняете...

КАРТИНКИНЪ. Струсили... Испугались... Эхъ-ма!

(Нервно ударяетъ по клавишамъ. Входятъ Изюмовъ, Хвостова и Анфиса толстая баба съ двумя узлами бѣлья)

ИЗЮМОВЪ. Дунечка, мама пріѣхала въ баню звать. Папа выдумалъ на ночь глядя. Всегда онъ что-нибудь выдумаетъ... Мнѣ велѣлъ обязательно пріѣхать...

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Цѣлуя руку матери) Здравствуйте... Поздно вѣдь, мама,—десять часовъ.

ХВОСТОВА. Ничего... Папѣ отъ скуки захотѣлось, а потомъ къ намъ ужинать.

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. (Грустно) Хорошо, поѣдемте... Я сейчасъ соберу бѣлье.

(Уходитъ въ спальню)

ИЗЮМОВЪ. А мы тутъ только что хотѣли въ картишки перекинуться...

ХВОСТОВА. Ну, что? Какъ она?

ИЗЮМОВЪ. Ничего... Все слава Богу... (Тише) Сегодня немного поскандалила, а сейчасъ ничего... Въ карты съ нами собиралась играть.

ХВОСТОВА. Ну, вотъ видите... Сердце у ней доброе... А пройдетъ годъ, другой, подрастутъ дѣти— все быльемъ порастетъ...

ИЗЮМОВЪ. Вашими устами да медъ пить бы... Дай Богъ... Дай Богъ...

(Въ дверяхъ спальни появляется Авдотья Степановна)

АВДОТЬЯ СТЕПАНОВНА. Викторъ, гдѣ мочалки?

ИЗЮМОВЪ. За умывальникомъ были, милая... за умывальникомъ, дорогая. Я пойду посмотрю...

(Оба уходятъ въ спальню)

Digitized by Google

ХВОСТОВА. (Обращаясь къ Картинкину) А вы давно здѣсь?

КАРТИНКИНЪ. Давно... Очень давно... Мнѣ кажется, какъ только я родился, такъ сюда меня и принесли...

ХВОСТОВА. Привыкли, привязались къ Викторочкѣ. Къ нему вѣдь нельзя не привязаться, онъ такой добрый, милый... (Обращаясь къ Васильковой) А вы давно здѣсь?

ВАСИЛЬКОВА. Тоже очень давно...

ХВОСТОВА. Ступайте къ намъ ужинать... Вамъ безъ насъ подадутъ... Тутъ безъ нихъ что прислугу-то безпокоить.

ВАСИЛЬКОВА. Благодарю.

(Картинкина сильно оскорбляетъ такое предложеніе Хвостовой. Онъ становится противенъ и гадокъ самому себѣ, ему хотѣлось бы убѣжать, спрятаться отъ людей, но растерянный и подавленный оскорбленіемъ, чтобы только не замѣтили его смущеніе, онъ беретъ ноты и перелистываетъ ихъ.

Входитъ Изюмовъ и Авдотья Степановна. Въ рукахъ у нихъ вязанныя сумочки съ бѣльемъ)

ИЗЮМОВЪ. Готовы... Чудакъ папа! Чай, опять въ 37 номерѣ и три баньщика?

ХВОСТОВА. Тамъ... 35 и 37 по телефону заказали...

(Уходитъ въ проходную комнату. На сценѣ остаются Картинкинъ и Василькова. Пауза)

КАРТИНКИНЪ. Вы слышали... Онъ тоже сказалъ, что лучше мнѣ не ходить сюда... Даже онъ...

ВАСИЛЬКОВА. Не будемъ ходить... Вѣдь не придешь день, два—пришлютъ... Иди въ карты играть! Словно мы обязаны...

КАРТИНКИНЪ. Мнѣ не хочется ни ходить, ни сидѣть, ни лежать...

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. Она совсѣмъ поглупѣла... Оскорбляетъ ни за что...

КАРТИНКИНЪ. Нѣтъ... Она нисколько ни глупѣе, ни умнѣе, ни лучше и ни хуже насъ... Всѣ мы Авдотьи... Всѣ мы влачимъ и терпимъ Авдотьины жизни... Погорячимся, поерепенимся, а потомъ... потомъ смиряемся и живемъ, живемъ, живемъ...

ВАСИЛЬКОВА. Какъ же иначе, Абрамъ? Уѣхать вамъ надо куда-нибудь, но только подальше изъ нашего города... Есть же иная жизнь, иные люди... Идите къ нимъ.. Тамъ не выгонятъ васъ, примутъ, поймутъ и скажутъ, навѣрное скажутъ какъ жить... А здѣсь ни я и никто вамъ не можетъ ничего сказать... Мнѣ хочется, мнѣ такъ хочется, чтобъ вы были счастливы...

КАРТИНКИНЪ. Уѣхать... пробовалъ, уѣзжалъ, и какъ она... Дрянь, гадина я... комаръ...

ВАСИЛЬКОВА. Вы найдете тамъ другихъ людей, найдете то, чего не хватаетъ вамъ въ жизни... Поѣзжайте, возьмите у меня немного денегъ.

КАРТИНКИНЪ. Довольно... У меня была единственная радость—тѣшить себя мечтами и она... она сгорѣла... Никуда мнѣ не уѣхать...

(Томительная пауза)

ВАСИЛЬКОВА. Пойдемте гулять.

КАРТИНКИНЪ. Пойдемте.

(Идутъ къ дверямъ. Картинкинъ останавливается, какъ будто что-то вспомнивъ)

ВАСИЛЬКОВА. Что вы?

КАРТИНКИНЪ. (Посмотрѣвъ на дверь спальни) Ничего.. Идемте.

(Уходитъ. Картинкинъ возвращается и пробѣгаетъ въ спальню. Скоро выходитъ оттуда съ револьверомъ, останавливается по срединѣ комнаты и ощупываетъ, осматриваетъ револьверъ, какъ будто бы видитъ эту вещь въ первый разъ въ жизни)

Digitized by Google

ВАСИЛЬКОВА. (Изъ проходной комнаты) Чего вы тамъ? идите...

КАРТИНКИНЪ. Я портсигаръ ищу... Я портсигаръ забылъ...

(Забѣгаетъ за диванъ, садится на корточки и стрѣляется. Раздается почти беззвучный выстрѣлъ, тѣло его падаетъ и принимаетъ смѣшное положеніе. Смерть этого человѣка, какъ и вся жизнь его, производитъ какое-то комически-трогательное впечатлѣніе)

ВАСИЛЬКОВА. (Изъ проходной комнаты) Нашли?

Занавѣсъ.

Digitized by Google

СТѢНЫ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ОЛЬГА ИВАНОВНА, хозяйка гостепріимнаго дома.
ИРАСКОВЬЮШКА, ея компаньонка.
АРТАМОНЪ СУСЛОВЪ.
ОСОКИНЪ, управляющій домами Суслова.
ЛИЗА, дѣвушка.
ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ КАСТЬЯНОВЪ, учитель гимназіи въ отставкѣ.
МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА, жена его.
ЕЛЕНА, дочь ихъ.
ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КОПЕЙКИНЪ, конторщикъ.
КОПЕЙКИНА, жена его.
ТАНЯ, ихъ дочь.
МАТРЕША, бѣлошвейка.
МАКСИМЪ СУСЛОВЪ, отецъ АРТАМОНА, мясникъ, скотопромышленникъ и домовладѣлецъ.
ПРИКАЗЧИКЪ изъ мясной лавки.
ДѢВУШКА БЕЗЪ СЛОВЪ.
ЖИЛЬЦЫ дома Суслова.

Дѣйствіе происходитъ въ столичномъ городѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ третій задній дворъ грязнаго столичнаго дома, называемый садомъ. Съ правой и лѣвой стороны огромныя стѣны; въ глубинѣ видна часть пятиэтажнаго дома съ нѣсколькими входными общими крыльцами. Одно изъ нихъ, ведущее во многія квартиры, между прочимъ, ведетъ и въ квартиру Кастьяновыхъ въ нижнемъ этажѣ, окна котораго равняются почти съ землей. Домъ набитъ жильцами дешевыхъ квартиръ. По внѣшнему виду видно, кто и какъ тутъ живетъ: на нѣкоторыхъ окнахъ виситъ бѣлье, сушатся подушки, на веревочкахъ мотается провизія и т. п. Посрединѣ дома темныя ворота, онѣ выходятъ на слѣдующій дворъ, гдѣ происходитъ постройка новаго дома, видны лѣса, строительные матеріалы; цѣлыми днями слышна тамъ трудовая жизнь: ругань, стукъ топоровъ, паденіе тяжелыхъ вещей, пѣсни рабочихъ, когда они втаскиваютъ тяжелые предметы. На заднемъ дворѣ, въ садикѣ, сравнительно спокойно. Тутъ растутъ у стѣнъ какіе-то запыленные кусты, посрединѣ чахнутъ три дерева; подъ однимъ изъ нихъ сдѣланы столъ и скамейка, врытые въ землю. Были когда-то клумбы, но теперь остались отъ нихъ жалкія очертанія. Въ углу, на первомъ планѣ хмѣлевая бесѣдка; хмѣль не выросъ, нѣсколько безсильныхъ вѣтокъ его вьются по ржавымъ проволокамъ. Солнце рѣдко проникаетъ на этотъ задній дворъ, и когда иногда и не надолго врываются въ него лучи солнца, то они кажутся необыкновенно блестящими, кричащими. Клочокъ неба замѣтнѣе по ночамъ, когда на немъ звѣзды.

По поднятіи занавѣса, Копейкинъ сидитъ подъ деревомъ. На немъ осеннее пальто, калоши, въ рукахъ тросточка. Дни его сочтены, чахотка въ послѣднемъ періодѣ. На темно-земляномъ лицѣ его, съ плохой растительностью, выдѣляются глаза подъ густыми бровями, тяжелые, злые глаза.

На дворѣ сумрачно. Неподвижный Копейкинъ производитъ впечатлѣніе спящаго человѣка. Пауза. Лучъ солнца яркимъ снопомъ откуда-то изъ-за стѣны вливается въ садикъ. Копейкинъ встрепенулся, ожилъ, съ умиленіемъ глядитъ на солнечное пятно, образовавшееся на землѣ. Въ одномъ изъ оконъ дома появляется голова Тани.

Digitized by Google

ТАНЯ. (Въ окнѣ) Папа, солнце! Иди на солнце!

КОПЕЙКИНЪ. (Отъ радости потирая руки) Да, да... солнышко... Я сейчасъ... (Идетъ къ тому мѣсту, гдѣ легло солнечное пятно) Стульчикъ... стульчикъ принеси.

(Таня скрывается и черезъ нѣкоторое время появляется на дворѣ со стуломъ. Она—дѣвочка лѣтъ 14—15, худенькая, болѣзненная, совсѣмъ еще подростокъ, хромоножка. Носитъ синія очки съ черной сѣткой)

ТАНЯ. (Смотря на небо). Кажется, прячется...

(Солнце исчезаетъ)

КОПЕЙКИНЪ. Ну, ничего, ничего... Поставь стулъ... Оно опять выглянетъ... (Садится на стулъ и киваетъ головой въ сторону передняго двора) Вотъ шумятъ больно... цѣлый день тукъ-тукъ-тукъ... пыль летитъ, известка... Строятъ гроба живымъ... Имъ только бы ампоше, въ карманъ себѣ.... Что имъ люди? Пусть дохнутъ...

ТАНЯ. (Грустно) Пойдемъ въ комнаты...

КОПЕЙКИНЪ. Мать сердится?

ТАНЯ. Ну, ее!.. Чѣмъ я виновата, что она родила меня хромой? Злится, сама не зная, на что...

КОПЕЙКИНЪ. Злючкой стала. Не смѣй съ матерью ссориться! Слышишь?—Не смѣй... Испортилась ты... Поправлюсь, опять съ тобой заниматься начну... За скрипку примемся... нѣмецкій языкъ...

(Пауза. Таня смотритъ задумчиво на небо)

ТАНЯ. Не выглянетъ солнышко... Пойдемъ домой...

КОПЕЙКИНЪ. (Вспоминая свою родину) Въ Таганрогѣ круглый годъ солнце, и зимой солнце... Уѣхать бы туда, и хорошо было бы, не захворалъ бы я тамъ...

ТАНЯ. Молчи ужъ! Не уѣхалъ, такъ что говорить...

КОПЕЙКИНЪ. 75 рублей въ Таганрогѣ на улицѣ не валяются... Ты, что ли, мнѣ давала бы ихъ? Глупая... Пятнадцать лѣтъ, а глупая...

Digitized by Google

ТАНЯ. Ты ихъ все равно сейчасъ не получаешь,— боленъ...

КОПЕЙКИНЪ. (Раздражаясь) На метлѣ поѣдемъ... Вонъ тамъ у воротъ, у дворника, метла стоитъ, сядемъ съ тобой, да и поѣдемъ... Тащи метлу!

ТАНЯ. (Что-то раздумывая, про себя) И все сердишься... всѣ здѣсь только сердятся... винятъ другъ друга... А виноватъ тотъ, кто всю эту жизнь сдѣлалъ... (Подумавъ) Выходитъ, Богъ, папочка, виноватъ.

(Робко заглядываетъ солнце)

КОПЕЙКИНЪ. Солнышко... опять оно... (Двигается вмѣстѣ со стуломъ какъ будто бы ближе къ солнцу) Хорошо... Грѣетъ... грѣетъ. (Съ дѣтскимъ довольствомъ) Такъ... такъ... вотъ это такъ... Мнѣ только бы солнце, больше ничего не надо... (Послѣ небольшой паузы) Теперь въ Таганрогѣ тепло, какъ лѣтомъ... купаться скоро начнутъ...

(Въ квартирѣ Кастьяновыхъ распахивается окно, и на подоконникѣ появляется Елена. Почему-то кажется,—некстати и неожиданно громко раздается на дворѣ ея веселый, жизнерадостный голосъ.

Елена—маленькая, съ птичьей, миловидной физіономіей, какая-то вся остренькая, похожая на мальчишку, съ длинной косой, дѣвушка лѣтъ 20—21. Сильно, всѣмъ своимъ существомъ реагируетъ на каждое явленіе жизни)

ЕЛЕНА. Здравствуйте, Федоръ Федоровичъ!

КОПЕЙКИНЪ. (Радуясь, что видитъ ее) Какъ живемъ? Работаемъ?

ЕЛЕНА. Во всю... И днемъ, и ночью...

ТАНЯ. (Наклоняясь къ уху отца) Мама не велитъ разговаривать съ нею...

ЕЛЕНА. Что? Что вы сказали? Повторите, Таня! (Послѣ небольшой паузы, укоризненно) Я слышала, что вы сказали: мама не велитъ разговаривать со мною?

ТАНЯ. (Горячо) Да.—Вы папу погубили... Если бы

Digitized by Google

не вы, онъ не бастовалъ бы, служилъ бы до сихъ поръ. (Сдерживая слезы) Мама говоритъ...

КОПЕЙКИНЪ. Молчи, скверная дѣвчонка!..

ЕЛЕНА. Вашъ папа боленъ, онъ не могъ служить...

ТАНЯ. (Убѣгая домой) Я мамѣ скажу, что ты разговариваешь.

ЕЛЕНА. Таня, это нехорошо...

ТАНЯ. (Дразня ее) А я вотъ скажу, скажу...

ЕЛЕНА. Я сейчасъ съ вами поговорю, не уходите домой...

(Выпрыгиваетъ изъ окна въ садъ. Таня убѣгаетъ)

ЕЛЕНА. Ушла...

КОПЕЙКИНЪ. Злючка стала... Испортила мать... Глядѣть мнѣ на нее больно...

(Пауза. Елена ходитъ по садику и думаетъ)

ЕЛЕНА. Права она? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ я немного виновата?

КОПЕЙКИНЪ. Ну, вотъ вздоръ! Я самъ себѣ господинъ... Вотъ, погодите, поправлюсь, я еще покажу себя... Я еще поработаю... За пятьдесятъ цѣлковыхъ выворачивать свою душу больше не буду... Нѣтъ-съ, дудочки! Только бы поправиться,—я въ газетахъ начну работать... У меня есть кой-какія мысленки... Не помажу по губамъ, ужъ могу сказать, не помажу...

ЕЛЕНА. (Съ сожалѣніемъ смотря на него) А, можетъ быть, если бы вы не увлекались... Впрочемъ, что значатъ наши маленькія жертвы, наши маленькія жизни? Намъ не хорошо, будетъ другимъ лучше. (Желая сказать ему что-нибудь пріятное) Ничего, не робѣйте,— жизнь впереди.

КОПЕЙКИНЪ. Мнѣ только поправиться бы, я бы... То-есть такъ, знаете, накипѣло, такъ накипѣло... (Показывая на сердце) Кажется, горло перерѣзалъ бы...

Digitized by Google

Только къ газетѣ какой-нибудь пристроиться бы,—не чернилами, кровью писалъ бы, кровью...

(Входятъ Копейкина и Таня. Онѣ собрались въ ссудную кассу; въ рукахъ у Копейкиной большой узелъ съ разнымъ тряпьемъ. На головѣ Тани уродливая, съ крупными цвѣтами, шляпка матери. Она въ ней кажется смѣшной и жалкой.

Копейкина—тумбообразная женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, искалѣченная, измученная жизнью, сварливая, злая. Опустившіеся углы губъ придаютъ особенно озлобленное выраженіе ея лицу. Лѣзетъ изъ кожи, не смотря на всю свою бѣдность, чтобы одѣться, какъ барыня,—получается нѣчто нелѣпое и жалкое)

Копейкина. (Подойдя къ мужу и дергая его за рукавъ) Иди! Въ квартирѣ никого нѣтъ... Мы уходимъ...

Копейкинъ. Куда?

Копейкина. Въ ссудную кассу... (Обращаясь къ Еленѣ) Послѣднія лохмотья несемъ, и все по вашей милости... Во всякомъ случаѣ, я издѣваться надъ собой не позволю... Какіе мы ни-на-есть, а все-таки люди.

Елена. Кто же надъ вами издѣвается?

Копейкина. Не слѣпые... Видимъ... Я все вижу! Погубили моего мужа, погубили... Всегда, всѣмъ буду это говорить!

Копейкинъ. Тише, мамаша, тише!

Копейкина. (Начинаетъ кричать) Кого мнѣ стѣсняться? Кого я боюсь? Я правду всегда всѣмъ скажу, хоть на улицѣ, при всѣхъ... Погубили тебя, погубили!

Елена. Это ложь!

Копейкина. А-а, правда глаза колетъ! А я правду больше всего люблю, черезъ нее и погибаю... У меня золотой медали нѣтъ, я гимназію не кончила, а все же я не хуже другихъ и не позволю, не позволю надъ собой смѣяться!..

Digitized by Google

(Услышавъ крикъ Копейкиной, въ нѣкоторыхъ окнахъ дома появляются жильцы. Она замѣчаетъ ихъ и, чувствуя ихъ сочувствіе къ себѣ, воодушевляется. Злоба настолько овладѣваетъ ею, что она уже не сознаетъ, что говоритъ)

Елена. Никто надъ вами не смѣется...

Копейкина. (Обращаясь то къ жильцамъ въ окнахъ, то къ Еленѣ) Всѣ на дворѣ знаютъ, что вы съ моей жизнью сдѣлали! Покуда васъ здѣсь не было, развѣ мы такъ жили? Онъ работалъ. У насъ въ сохранной кассѣ триста рублей было... Всѣ это знаютъ... Пріѣхали, познакомился онъ съ вами и сталъ пропадать изъ дома... Цѣлыя ночи у васъ сидѣлъ, мудрости набирался...

Елена. Время его сдѣлало другимъ, не я...

Копейкина. Время! Скажите, пожалуйста, онъ никогда не получалъ этой газеты...

Елена. Вы не поняли...

Копейкина. Какъ же? Куда ужъ намъ понять! А все же мы почестнѣе васъ,—насъ изъ городовъ не выгоняли, мы людямъ жить не мѣшали, съ обысками къ намъ полиція не ходитъ... Вашъ папенька...

Елена. Не смѣйте трогать моего отца!

Копейкина. Не нравится?.. А вотъ вы меня не только потрогали, а все сердце мое разорвали, всю жизнь мою разбили...

Елена. Это вамъ все представляется, вы отъ горя одурѣли. Мнѣ васъ очень жаль...

Копейкина. Мнѣ жалости вашей не надо... Я хлѣба на нее не куплю... Плевать мнѣ на вашу жалость!.. (Обращаясь къ Танѣ) Покажи ей языкъ, покажи!

(Таня показываетъ языкъ. Жильцы смѣются)

Копейкинъ. (Сильно волнуясь и сдерживая себя) Мамаша, мамаша!

Digitized by Google

(Изъ воротъ, возвращаясь съ прогулки, съ зонтикомъ и коробкой конфектъ въ рукахъ, входитъ Кастьяновъ.

Онъ—дряхлый, нервный, болѣзненный старикъ. Постоянно куритъ или свертываетъ папиросы и ѣстъ конфекты. Жизнь пріучила его больше молчать, и онъ глубоко переживаетъ все въ самомъ себѣ, сохраняя внѣшнюю холодность. Только чуткая Елена чувствуетъ, что дѣлается въ стариковской душѣ. Это когда-то, въ юности, была широкая, горячая натура, которой все-таки хватило ненадолго)

КАСТЬЯНОВЪ. Что такое? Что такое тутъ, Леночка?

ЕЛЕНА. (Подбѣгая къ нему, въ нервной лихорадкѣ) Папа, папа! Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Эта женщина... эта женщина...

КОПЕЙКИНА. Что эта женщина? Эта женщина говоритъ правду. (Обращаясь къ Кастьянову) Воспитали дочку... сумѣли... И отдаютъ... отдаютъ такимъ учить... (Обращаясь къ жильцамъ) Отдаютъ такіе дураки, какъ мы... А они вотъ, вотъ чему учатъ... (Показываетъ на мужа)

КАСТЬЯНОВЪ. Въ чемъ дѣло?

ЕЛЕНА. Она говоритъ, что мы погубили ея мужа!..

КОПЕЙКИНА. Я говорю и всегда буду! Не вы,— онъ служилъ бы, не бастовалъ бы, и никакихъ у него глупостей въ головѣ не было бы... А теперь изъ-за нихъ онъ вотъ до чего себя довелъ!

КАСТЬЯНОВЪ. Я все-таки не понимаю...

КОПЕЙКИНА. До старости дожили, а не понимаете... Вамъ въ церковь надо ходить, Богу молиться, а вы людей смущаете, дочкѣ потакаете...

КОПЕЙКИНЪ. (Въ изступленіи) Замолчи!.. Замолчи, мать! Я... я... только и жизнь узналъ, когда съ нимъ познакомился. Я вспомнилъ, что я человѣкъ... Измытарила ты меня... Люди били, а ты прибавляла... И всю жизнь такъ, всю жизнь... Но теперь довольно...

Digitized by Google

довольно! Я выросъ! Это ты врешь, что я погибъ: профессора лучше тебя знаютъ... Я еще покажу себя! Я не погибъ... Я выросъ! Понимаешь? Выросъ!..

(Наступаетъ на жену. Жильцы смѣются)

ТАНЯ. Папа... (Обращаясь къ матери, топая ножками, со сжатыми кулачонками) Не смѣй папу обижать! Онъ боленъ... онъ умретъ!

КОПЕЙКИНА. (Хватая ее за руку) Пойдемъ... Я у васъ въ долгу не останусь. Припомните вы меня! Припомните...

(Уходитъ съ дочерью въ ворота. У Копейкина прошла вспышка; онъ упалъ духомъ, размякъ, лицо исказили складки страданія, и слезы полились изъ глазъ)

КОПЕЙКИНЪ. (Жалуясь, какъ ребенокъ) Если я не поправлюсь, кому я нуженъ такой? Зачѣмъ я такой жить буду? Всѣмъ въ тягость... И никто мнѣ не скажетъ правды: умру я, или нѣтъ?...

ЕЛЕНА. (Обращаясь къ отцу) Папа, что съ тобой? Ты весь поблѣднѣлъ. (Беретъ его подъ руку) Пойдемъ! Тебѣ надо въ кровать.

КАСТЬЯНОВЪ. Ничего...пустяки...Ничего, Леночка.

ЕЛЕНА. Я знаю, это ничего... (Уходя съ отцомъ домой) Я сейчасъ, Федоръ Федоровичъ!

(Пауза. Копейкинъ садится на стулъ и задумывается. Жильцы изъ оконъ скрываются)

КОПЕЙКИНЪ. Никто не скажетъ... никто...

(Возвращается Елена. Смеркается. На заднемъ дворѣ прекращается трудовой день)

ЕЛЕНА. Вамъ тоже надо домой... Становится холодно,—еще не лѣто...

КОПЕЙКИНЪ. Да, холодновато...

ЕЛЕНА. Идите... Лягте въ кровать и ни о чемъ не думайте...

КОПЕЙКИНЪ. Сейчасъ. (Пауза) Скажите мнѣ только правду: умру я, или нѣтъ?

Digitized by Google

ЕЛЕНА. Я вѣрю докторамъ... Вѣдь вамъ сказали, что у васъ хорошее сердце, что оно еще поборется...

КОПЕЙКИНЪ. У меня сердце хорошее. Всѣ доктора сказали...

ЕЛЕНА. Ну, вотъ, видите! Главное, сердце.

КОПЕЙКИНЪ. (Оживленно) Съ моимъ сердцемъ еще можно, значитъ, поскрипѣть... поработать... Мнѣ только дѣвчурку на ноги поставить бы.

ЕЛЕНА. Не надо простужаться, идите домой...

КОПЕЙКИНЪ. Простужаться не надо... (Идетъ домой) Я поправлюсь. Спасибо сердцу... Сердце у меня здоровое... хорошее сердце...

(Уходитъ. Елена, проводя Копейкина до крыльца, садится на скамейку, устала. Марья Герасимовна появляется въ окнѣ своей квартиры; она встревожена больше, чѣмъ обыкновенно. Въ послѣднее время ей какъ-то особенно неспокойно живется, все кажется, вотъ-вотъ случится что-нибудь, одолѣваетъ непонятный страхъ передъ жизнью, и ходить она стала робко, несмѣло и говоритъ тише, все осматриваясь по сторонамъ. Въ ней до сихъ поръ еще сидитъ институтка, и манеры, ужимки у нея институтскія, такъ и кажется, что сейчасъ она сдѣлаетъ реверансъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Изъ окна, таинственно и робко) Леночка! А, Леночка! Что здѣсь такое случилось? Я спала, ничего не слыхала. Ты не слышишь, что ли? Поди сюда!

ЕЛЕНА. Ничего не случилось, не бойтесь.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Поди сюда!

ЕЛЕНА. Отстаньте, мама!

(Марья Герасимовна, закрываетъ окно и скоро выходитъ въ садикъ. Съ каждой минутой страхъ овладѣваетъ ею все больше и больше. Прежде чѣмъ начать говорить, она присматривается къ открытымъ окнамъ дома)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Никого нѣтъ. Мнѣ ка-

Digitized by Google

жется, что и камни, и стѣны подслушиваютъ. (Еще тише) Что такое? Отецъ ни слова не говоритъ, ты тоже... Я вижу, что-то такое здѣсь было...

ЕЛЕНА. Ничего, мама... Я сказала, ничего. Ты всего стала бояться,—какъ будто бы сейчасъ изъ кустовъ выскочитъ квартальный и потащитъ тебя въ полицію...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Какъ чужая вамъ... Секреты у васъ все съ отцомъ стали... Цѣлую жизнь я ему прыть охлаждала, а онъ подъ старость лѣтъ опять студентомъ становится... Изъ гимназіи прогнали, въ отставку велѣли подать... Стыдъ-то какой! Вотъ пенсіи не получитъ, такъ будетъ знать.

ЕЛЕНА. А я горжусь.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Тише... Чѣмъ гордиться-то?

ЕЛЕНА. Отцомъ горжусь... Вы стыдитесь, а я горжусь... Ихъ только двое во всей гимназіи противъ всѣхъ пошли...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Ну, ладно, ладно... Что здѣсь-то было?

ЕЛЕНА. Ничего не скажу. Папа хорошій... Онъ могъ бы многое сдѣлать. Вы ему только мѣшали, только хотѣли, чтобы онъ былъ чиновникомъ, смиреннымъ и послушнымъ.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не тебѣ судить насъ. Я его цѣлую жизнь любила и только добра ему хотѣла...

ЕЛЕНА. (Сожалѣя, что обидѣла мать) Простите... Вы слишкомъ, слишкомъ меня любите... Въ этомъ мое несчастіе. Я, кажется, опять васъ обижаю? Не будемъ разговаривать.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Отецъ-то очень разстроился,—куритъ, не выпуская изо рта папиросу, и все затягивается... Всегда онъ такъ, когда разстроится чѣмъ-нибудь... Пойду къ нему,—какъ бы чего съ

Digitized by Google

нимъ не сдѣлалось... (Замѣтивъ у воротъ Артамона) Артамоша!

ЕЛЕНА. Гдѣ?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Вонъ онъ...

(Елена подбѣгаетъ къ Артамону и отступаетъ, пораженная его видомъ. Онъ не спалъ нѣсколько ночей, грязенъ, растрепанъ. На видъ ему можно дать лѣтъ 27—28. Лицо интеллигентное, красивое, фигура неуклюжая, сутуловатая... Задумчивъ, сумраченъ... Въ немъ, гдѣ-то глубоко, сидитъ дѣтская, наивная, довѣрчивая душа, и пока она не появляется наружу, онъ какой-то мертвый, но въ минуты откровенія этотъ серьезный, неуклюжій человѣкъ становится большимъ, наивнымъ, пріятнымъ ребенкомъ)

ЕЛЕНА. Что съ тобой? Гдѣ былъ?

АРТАМОНЪ. (Опуская голову) Не спрашивай...

ЕЛЕНА. Опять? А слово? Гдѣ твое слово?

АРТАМОНЪ. Мнѣ стыдно тебѣ въ глаза глядѣть... Не спрашивай ничего...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Да что съ тобой случилось? Весь ты въ грязи!.. Подъ заборомъ, что ли, валялся?.. Ахъ, Артамоша! Пойдемъ, умойся, приведи себя въ порядокъ.

ЕЛЕНА. Тебѣ ванну надо сдѣлать, пойдемъ въ квартиру.

(Идутъ къ крыльцу)

АРТАМОНЪ. Безъ нея можно... (Останавливается въ раздумьѣ у крыльца)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не разговаривай... Сейчасъ прикажу нагрѣть воды.

(Уходитъ)

АРТАМОНЪ. Отецъ искалъ?

ЕЛЕНА. Справлялся, раза три присылалъ.

АРТАМОНЪ. Не забылъ еще... Ну, да скоро позабудетъ...

ЕЛЕНА. Что же всталъ? Идемъ...

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Не пойду я къ вамъ... Когда я былъ тамъ...—я все по дурнымъ мѣстамъ ходилъ, Елена, тамъ мнѣ легче...—когда я былъ тамъ, я думалъ: есть на свѣтѣ уголокъ, я приду въ него, и мнѣ будетъ хорошо... Пришелъ, и назадъ уйти хочется... Чужой я здѣсь...

ЕЛЕНА. Не пущу... И папа, и мама, и я — мы всѣ тебя любимъ.

АРТАМОНЪ. Меня на Хитровкѣ тоже полюбили. Я вотъ къ нимъ пойду... Они страданія человѣка понимаютъ...

ЕЛЕНА. А я развѣ не понимаю?..

АРТАМОНЪ. Ты какъ-то по другому... Ты за тѣхъ, которые потомъ будутъ, а глубину настоящей скорби ты не замѣчаешь. А они замѣчаютъ и правду жизни видятъ, а ты слѣпая...

ЕЛЕНА. Какіе тамъ они? Пойдемъ... Потомъ будемъ говорить. (Артамонъ упирается) Не ломайся! Идемъ!

АРТАМОНЪ. Ладно. Только я, можетъ быть, уйду... Ты не удерживай... (Уходятъ)

(Картина вторая. Занавѣсъ не спускается. Постепенно становится темнѣе и темнѣе... Наступаетъ ночь... Клочокъ неба надъ стѣнами заткался звѣздами... Изъ дома и въ домъ прошли нѣсколько жильцовъ. Теперь, когда смолкла строительная работа на переднемъ дворѣ, въ садикѣ слышнѣе городская жизнь — шумъ колесъ, свистъ паровозовъ и неуяснимый гулъ... Гдѣ-то на башнѣ пробили часы.

Изъ воротъ, робко озираясь, входитъ Матреша стройная, хорошо сложенная, точно точеная дѣвушка, съ прирожденными пластичными манерами и изящно-красивымъ личикомъ; только по костюму да по тону рѣчи можно догадаться, что это горничная или модистка. Матреша—бѣлошвейка.

Войдя въ садикъ, она заглядываетъ въ окна

Digitized by Google

квартиры Кастьяновыхъ. Квартира освѣщается. Матреша, увидавъ въ комнатахъ Елену, робко стучитъ по окну. Елена отворяетъ окно)

ЕЛЕНА. Кто это?

МАТРЕША. (Робко) Я...Простите... (Смущенно) Здравствуйте! (Подаетъ руку) Не приходилъ Артамонъ?

ЕЛЕНА. Пришелъ только сейчасъ... Здоровъ и живъ.

МАТРЕША. Слава Богу, слава Богу...

ЕЛЕНА. Идите къ намъ!

МАТРЕША. Онъ не любитъ, когда я вхожу къ вамъ, да притомъ же Марья Герасимовна...

ЕЛЕНА. Мама ничего...

МАТРЕША. Она ничего, только такъ смотритъ, что неловко дѣлается... На прошлой недѣлѣ замѣчаніе сдѣлала,—сказала: людямъ полагается жить въ законныхъ бракахъ...

ЕЛЕНА. Я скажу мамѣ, чтобы она не смѣла вамъ замѣчаній дѣлать... Идите!

МАТРЕША. Лучше пошлите его сюда, скажите: только на два слова...

ЕЛЕНА. Славная вы! Если бы я могла на васъ жениться, я женилась бы и всю вашу жизнь устроила бы... Слушайте... сядьте сюда... (Показываетъ на подоконникъ и садится сама. Матреша тоже садится. Елена говоритъ тише)

ЕЛЕНА. Я съ нимъ говорила, совѣтовала на васъ жениться. Онъ очень боится, не надѣется на себя, но все-таки не прочь, если ужъ это нужно, необходимо.

МАТРЕША. Неужели? Не можетъ быть... вы шутите... По ихъ убѣжденію, это глупости...

ЕЛЕНА. Такъ-то такъ, но на свѣтѣ, Матреша, много глупостей, которыя мы принуждены пока дѣлать... Измѣнится жизнь, и не будемъ дѣлать мы глупостей.

Digitized by Google

МАТРЕША. Понятно... только очень тяжело съ ребенкомъ,—на квартиру хозяйки не пускаютъ...

(Пауза. Обѣ задумались)

ЕЛЕНА. Я его сейчасъ пошлю... Поговорите съ нимъ...

(Отходитъ отъ окна. Матреша, наполненная радостью и боязнью, подойдя къ крыльцу, ждетъ Артамона; когда онъ выходитъ, она бросается къ нему на шею, обнимаетъ и цѣлуетъ)

АРТАМОНЪ. (Совершенно равнодушно отстраняя ее рукой) Неловко здѣсь,—народъ.

МАТРЕША. Не радъ? (Отошла отъ него на шагъ и замолчала. Молчитъ и онъ) Пропадалъ сколько дней... Я мѣста себѣ не находила... Явился, встрѣтились, и такъ обходишься...

АРТАМОНЪ. Не цѣловаться же намъ съ тобой здѣсь? Чудачка...

МАТРЕША. Я не прошу, чтобы ты цѣловался... А неужели нельзя поласковѣе? Я такъ о тебѣ забочусь...

АРТАМОНЪ. Все это я знаю и благодаренъ тебѣ... Только объ этомъ нечего говорить...

(Садится на ступеньку крыльца и свиститъ. Пауза. Матреша садится рядомъ)

МАТРЕША. Сегодня я тебя во снѣ видѣла... Будто бы ты идешь по полю, а Колюшка за тобой удочки несетъ... На полѣ цвѣтовъ много и разные, разные... (Пауза) О чемъ я ни заговорю, ты все молчишь... Какъ будто тебя не касается все мое... Двѣ разныя жизни...

АРТАМОНЪ. Пустяки...

МАТРЕША. Нѣтъ, не пустяки... Ты своей жизнью живешь, а я — твоей, потомъ Колюшкиной, а ужъ затѣмъ своей... И хуже всѣхъ мнѣ! Вѣдь вотъ опять приходится комнаты искать... Какое это мученіе! Не пускаютъ съ ребенкомъ, да еще съ такимъ, незаконнорожденнымъ...

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Сволочи! Дрянь люди, Матреша!— Мнѣ одна старуха ихъ, какъ на ладони, показала... Да я и безъ нея зналъ...

МАТРЕША. Елена Егоровна славная...

АРТАМОНЪ. Она не въ счетъ... Ей представляется, что она завтра утромъ проснется, посмотритъ въ окно — и увидитъ царствіе Божіе на землѣ... А городъ, съ его вонючими домами, улицами, провалится въ тартарары... Это такъ, моментально... Смѣшная...

(Матреша отодвигается отъ него и задумывается. Пауза)

МАТРЕША. Каждый разъ, когда ты объ ней говоришь, дѣлаешься пріятнымъ, такимъ, какимъ былъ раньше... Похожъ на того, что въ Лѣтнемъ саду присталъ ко мнѣ... Присталъ и не отсталъ. На горе себѣ ты связалъ меня съ собой... Скажи: вѣдь ты такъ, такъ думаешь?

АРТАМОНЪ. Вздоръ... старая пѣсня... Все ты объ одномъ толкуешь...

(Пауза. Матреша пересаживается ближе къ нему и робко кладетъ голову на его грудь)

МАТРЕША. Артамонъ, люби меня.

АРТАМОНЪ. Да вѣдь я же люблю... Я не подлецъ, я никогда не брошу тебя... Только мнѣ странно: міръ огромный, и идетъ въ немъ ерунда страшная,— ужасъ беретъ, а тебѣ все равно... И ничего ты не хочешь...

МАТРЕША. Мнѣ любви твоей надо... Вотъ я тебѣ говорю о квартирѣ, что нигдѣ съ ребенкомъ не пускаютъ, а ты не обращаешь вниманія.

АРТАМОНЪ. Все это я, братъ, понимаю... отлично представляю... И если ужъ такъ тебѣ необходимо становится, я женюсь, и тогда... тогда тебѣ, понятно, будетъ лучше...

МАТРЕША. Еще бы, еще бы! Вездѣ жить можно будетъ, люди не будутъ пренебрегать... Я вѣдь не

Digitized by Google

хуже ихъ... Ты не бойся меня и ничего не бойся... Подумай, разсуди: вѣдь все останется по-прежнему, только мнѣ и Колюшѣ будетъ лучше... Люди не будутъ смѣть къ намъ дурно относиться.

АРТАМОНЪ. Что у него животъ болитъ еще?

МАТРЕША. Давно прошелъ... Я ему гофманскихъ капель на сахарѣ дала. Два раза сказалъ сегодня: папа... А ты вотъ три дня не былъ.

АРТАМОНЪ. Завтра приду... Потолкуемъ...

МАТРЕША. Какъ было бы хорошо... Какъ было бы хорошо! (Встаетъ) Надо домой идти... Я на минутку... Кухарка за Колюшей хотѣла посмотрѣть, пока я бѣгаю...

(Изъ воротъ появляются — Осокинъ, Копейкина и Таня; остановились въ воротахъ и о чемъ-то говорятъ.

Осокинъ—лѣтъ 38, сильно пожившій, истасканный человѣкъ. Рѣдкіе, сѣдѣющіе волосы, сѣдые волосы на бородѣ и усахъ онъ выстригаетъ, отчего получаются замѣтныя лысины. Человѣкъ живого, сангвиническаго характера. Ходитъ въ русскомъ костюмѣ и носитъ дворянскую фуражку съ краснымъ околышкомъ)

АРТАМОНЪ. Иди, иди... Народъ тутъ... Слышишь разговоръ?

МАТРЕША. (Цѣлуя его) Прощай... Когда придешь? Въ шесть? Въ шесть?

АРТАМОНЪ. Ну, въ шесть, семь, восемь...

МАТРЕША. Нѣтъ, въ шесть, обязательно въ шесть... Прощай. (Опять цѣлуетъ) Я рубашку Колюшѣ сшила — голубенькую съ бѣлыми мушками. Да это тебѣ неинтересно... Прощай.

(Проскальзываетъ въ ворота, стараясь быть незамѣченной Копейкиной и Осокинымъ. Артамонъ уходитъ въ квартиру Кастьяновыхъ)

КОПЕЙКИНА. (Выйдя изъ-подъ воротъ) Видѣли? Видѣли, сейчасъ проскользнула?

Digitized by Google

ОСОКИНЪ. Нѣтъ. Кто проскользнулъ?

КОПЕЙКИНА. Матрешка... Каждый день она къ намъ бѣгаетъ... Женятъ они Артамона на ней... Вотъ увидите, у меня нюхъ есть...

ОСОКИНЪ. Вы, того... Вы насчетъ этого чуть что услышите, ко мнѣ сейчасъ же,—этого допускать нельзя... Только и стоитъ прогнать ихъ съ квартиры, да контрактъ связываетъ...

КОПЕЙКИНА. (Подсматривая въ окно) Посмотрите... Чай собираются пить... Тоже, какъ люди хорошіе, проклятые, живутъ, — на столѣ и сыръ, и масло... Даетъ же Господь людямъ! (Увидѣвъ Артамона) Артамонъ! Артамонъ вошелъ...

ОСОКИНЪ. Возвратился... Что онъ дѣлаетъ у нихъ? Интересно... (Подсматриваетъ въ окно) Изволите ли видѣть? Съ книгой... Литературой занимается... Вотъ дуракъ! То пьетъ, то читаетъ.

КОПЕЙКИНА. Погибаетъ... Ужъ вы, пожалуйста, господинъ Осокинъ, насчетъ квартиры...

ОСОКИНЪ. Ладно, ладно... Не разговаривайте, услышатъ...

КОПЕЙКИНА. Пожалуйста... Позвольте пожать вашу руку... Вы такой пріятный человѣкъ...

ОСОКИНЪ. (Продолжая подсматривать) Пожмите. (Подаетъ ей руку)

КОПЕЙКИНА. (Обращаясь къ Танѣ) Пойдемъ.

(Пауза. Осокинъ продолжаетъ свои наблюденія и вдругъ отскакиваетъ отъ окна, какъ мячикъ. Тигровыми прыжками подбѣгаетъ къ стѣнѣ и, какъ тать, пробирается въ хмѣлевую бесѣдку. Елена распахиваетъ окно и выпрыгиваетъ въ садъ)

ЕЛЕНА. (Выпрыгивая) Артамонъ, за мной! Дышать свѣжимъ воздухомъ!

АРТАМОНЪ. (Показывается въ окнѣ) Я черезъ дверь...

ЕЛЕНА. Вылѣзайте въ окно... тюлень!..

Digitized by Google

(Артамонъ вылѣзаетъ. Елена схватываетъ его за руку, закидываетъ голову назадъ и смотритъ на небо)

ЕЛЕНА. Смотрите на небо...

АРТАМОНЪ. Сколько звѣздъ!..

ЕЛЕНА. А намъ изъ нашего колодца видно только клочекъ неба...

(Пауза)

ЕЛЕНА. Вы знаете названія звѣздъ?

АРТАМОНЪ. Нѣтъ, кромѣ «Большой Медвѣдицы», ничего...

ЕЛЕНА. Давайте искать «Большую Медвѣдицу»... (Перебѣгаетъ на другое мѣсто) Не видите?

АРТАМОНЪ. Нѣтъ. Она вѣдь ковшомъ, а тутъ мѣста мало...

ЕЛЕНА. А я вижу, вижу... вижу!

АРТАМОНЪ. Гдѣ?

ЕЛЕНА. (Показывая) Вонъ, надъ трубой... Видите? Видите, изгибается?

АРТАМОНЪ. Нѣтъ.

ЕЛЕНА. Надъ трубой... надъ трубой...

АРТАМОНЪ. Ну ее къ чорту! Шея заболѣла...

(Садится на скамейку. Елена все смотритъ на звѣзды)

АРТАМОНЪ. Вы меня не узнаете... Ей-Богу, не узнаете... Совсѣмъ другимъ буду... Мнѣ жизнь представляется такой... (Подумавъ) Вотъ мы живемъ, и нѣтъ у насъ ни родины, ни городовъ, ни домовъ,— ничего нѣтъ, что жить мѣшаетъ... И ничего мы этого не хотимъ, а хотимъ мы и дѣлаемъ новую родину, распахиваемъ поля, работаемъ и поемъ пѣсни... Обязательно пѣсни... Подъ пѣсни строимъ новый домъ, большой, огромный для всѣхъ домъ съ зеркальными окнами... И крыша тому дому небо... Только небо... Отецъ на старомъ мѣстѣ громоздитъ пятиэтажный... Не построитъ... То-есть, онъ построитъ, да...(Задумывается)

Digitized by Google

ЕЛЕНА. (Подходя къ нему) Вы что-то говорили? Я не слышала...

АРТАМОНЪ. Я не говорилъ, я пѣлъ...

ЕЛЕНА. Пѣли?..

АРТАМОНЪ. Это бываетъ... Вотъ мнѣ вы говорили сейчасъ въ комнатѣ о разныхъ книжныхъ мудростяхъ, а мнѣ показалось, что вы говорите о чемъ-то другомъ, о чемъ-то хорошемъ,—о Богѣ или небѣ, вотъ объ этомъ, что надъ нами... А мудрости эти всѣ тутъ не причемъ...

ЕЛЕНА. Вы не поняли... Давайте сидѣть здѣсь до зари...

АРТАМОНЪ. Давайте... съ большой охотой...

(Пауза)

ЕЛЕНА. Какъ-то разъ, когда мнѣ было лѣтъ семнадцать, я попала за городъ... Былъ вечеръ... Закатывалось солнце... И мной овладѣло такое настроеніе, что я встала на колѣни и поцѣловала землю... И это искренно, безъ всякой комедіи... Со мной никого не было...

АРТАМОНЪ. Мнѣ хочется это сейчасъ сдѣлать...

(Молчаніе)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ квартирѣ Кастьяновыхъ. Три двери: одна, въ глубинѣ, выходитъ въ переднюю и расположена противъ парадной входной двери, двѣ другихъ находятся съ лѣвой стороны и ведутъ въ комнату Елены и въ комнату старика Кастьянова. Обстановка разнохарактерная: золоченая мебель и простыя кухонныя табуретки. У одной изъ стѣнъ—рваный турецкій диванъ; недалеко отъ него старинные часы тумбой. Посрединѣ—обѣденный столъ; надъ нимъ лампа. Рояль. Большой книжный шкафъ; на немъ стоитъ глобусъ. Буфета нѣтъ—развалился; посуда поставлена на отдѣльномъ столѣ и покрыта скатертью. Драпировки на окнахъ и дверяхъ разноцвѣтныя, дырявыя. На стѣнахъ портреты писателей 60-хъ годовъ и географическія карты. На полу—подобіе ковровъ. Каждая вещь въ комнатѣ говоритъ о разрушающейся жизни. Утро. На столѣ кипящій самоваръ и посуда. Самоваръ уныло поетъ. Старикъ Кастьяновъ, въ старомъ халатѣ и туфляхъ, бродитъ по комнатѣ, останавливается иногда передъ окномъ и смотритъ на улицу. Онъ не спалъ ночь, пожелтѣлъ осунулся; повидимому, переживаетъ что-то мучительное, тяжелое. Жадно куритъ и, докуривъ одну папиросу, торопливо свертываетъ другую.

КАСТЬЯНОВЪ. (Обращаясь къ самовару) Поешь? Выпроваживаешь? Не умираю еще... поживу... Вотъ тебѣ! (Закрываетъ трубу самовара крышкой, снова бродитъ по комнатѣ. Подходитъ къ окну и принимаетъ какую-то дѣвушку, идущую по улицѣ, за Елену) Леночка! (Торопливо, задыхаясь отъ радости, идетъ къ средней двери и кричитъ) Старуха, Леночка идетъ!.. Я говорилъ, что придетъ...

(Входитъ Марья Герасимовна)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Гдѣ? Показалось тебѣ...

КАСТЬЯНОВЪ. Нѣтъ, смотри! (Оба подходятъ къ окну)

Digitized by Google

Видишь? Видишь, походка такая, какъ у Леночки... Вонъ тамъ идетъ, у желѣзнаго дома...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Это не она... Глаза-то у тебя совсѣмъ плохіе стали...

КАСТЬЯНОВЪ. Не она... Какъ же это не она? А мнѣ показалось...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Что чай-то не пьешь? Пей! Смотрѣть-то на тебя страшно: пожелтѣлъ, какъ лимонъ.

КАСТЬЯНОВЪ. Это тебѣ кажется...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Чего ужъ не кажется. Вижу я, что съ тобой дѣлается...

(Уходитъ. Старикъ садится на стулъ и погружается въ тяжелыя думы; кажется, что онъ думаетъ о смерти. Пауза)

КАСТЬЯНОВЪ. Не придетъ... А ну-ка не придетъ?

(Отгоняя отъ себя эту мысль, начинаетъ усиленно курить. Входитъ Марья Герасимовна съ каплями въ рюмочкѣ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. На, выпей.

КАСТЬЯНОВЪ. Чего тутъ еще?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не разговаривай, выпей... Это успокоитъ...

КАСТЬЯНОВЪ. Ничего не успокоитъ. (Выпиваетъ капли)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Ставя рюмочку на столъ) Ночь не ночевала... О насъ не подумала... И что люди будутъ говорить?

КАСТЬЯНОВЪ. Глупости! И все ты по рецепту другихъ живешь, которыхъ и въ глаза никогда не видала... Всю жизнь такъ: «осудятъ»! «Подумаютъ»! Ничего, никогда я больше не слыхалъ отъ тебя!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не разстраивайся... Что злишься? Говорить съ тобой нельзя стало... Совсѣмъ студентомъ сталъ подъ старость лѣтъ: все не такъ,

Digitized by Google

все не нравится... (Садится пить чай и наливаетъ ему стаканъ. Ставя передъ нимъ стаканъ) Пей! (Послѣ небольшой паузы) Къ доктору сегодня пойдемъ... Пусть при мнѣ тебя осмотритъ: ты вѣдь самъ ничего не скажешь.

КАСТЬЯНОВЪ. Ступай одна—осматривайся.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Вырывая у него изъ рукъ папиросу) Перестань курить! Вѣдь всѣ внутренности свои прокоптѣлъ, изо рта не выпускаешь...

КАСТЬЯНОВЪ. (Свертывая новую папироску) Это ты напрасно... 35 лѣтъ ты мнѣ это говоришь, и 35 лѣтъ я курю.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не я, задохся бы въ дыму... И Богъ знаетъ, что съ тобой было бы безъ меня... Можетъ быть, и въ каторгу угодилъ бы... (Пауза) Не ждала я, чтобъ Леночка вся въ тебя вышла... (Съ отчаяніемъ) И гдѣ ходитъ? Подумать страшно... Придетъ ли?

КАСТЬЯНОВЪ. Придетъ... Вотъ посмотри, сейчасъ придетъ... Засидѣлась у какой-нибудь подруги и осталась ночевать...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не притворяйся, старикъ... Меня утѣшать нечего. Самъ не вѣришь словамъ своимъ... И что съ ней сдѣлалось? Кончила курсъ съ золотой медалью, любила музыку, играла такъ, какъ никто въ гимназіи... Помнишь Саратовскій концертъ? Начальница поцѣловала при всей публикѣ... И вдругъ... не понимаю...

КАСТЬЯНОВЪ. Стара, чтобъ понимать... Впрочемъ, ты никогда этого не понимала...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Чего не понимала?

КАСТЬЯНОВЪ. Никакого протеста... Ты только приноравливалась къ жизни, да меня лечила касторкой отъ всякихъ фантазій...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Что говоришь, старый?

КАСТЬЯНОВЪ. А что? Развѣ неправда? Вѣрно!.. Бывало, чуть во мнѣ вспыхнетъ огонекъ и какому-

Digitized by Google

нибудь почтенному вору-мерзавцу захочется запустить, ты сейчасъ же касторки... У тебя—все отъ плохого желудка, всякая порядочная мысленка...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. И сейчасъ скажу, что все отъ здоровья... У Леночки нервы плохіе... Ей надо водой лечиться и на желудокъ обратить вниманіе... У насъ въ пансіонѣ мадамъ Альбертъ всегда, бывало, какъ дѣвочка задумается, сдѣлается грустной, касторки давала... Всѣмъ, всѣмъ... Такая была славная, симпатичная...

(Въ передней звонокъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Она!

КАСТЬЯНОВЪ. Можетъ быть, Артамонъ... Если бы она!

(Оба бѣгутъ въ переднюю отпирать дверь. Приходитъ Артамонъ, печаленъ и сумраченъ. Раздѣвается въ передней и входитъ въ комнату. Старики въ то время, когда онъ раздѣвается, забрасываютъ его вопросами. Онъ упрямо молчитъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Ну что же? Что? Говори скорѣй!

КАСТЬЯНОВЪ. Что молчишь-то? Разсказывай. Былъ у Осиповыхъ?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Къ Бондаревымъ заѣзжалъ?

КАСТЬЯНОВЪ. Чай, въ трактирѣ сидѣлъ, не искалъ? Говори!..

(Всѣ входятъ изъ передней въ комнату. Молчаніе Артамона объяло стариковъ страхомъ и ужасомъ. Артамонъ сѣлъ у чайнаго стола. Пауза)

КАСТЬЯНОВЪ. Говори... Все равно узнаемъ.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Господи, что такое?

АРТАМОНЪ. Ничего. Не нашелъ я ее. Вездѣ былъ, гдѣ она бываетъ.

КАСТЬЯНОВЪ. Ну что же? Что?

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Да чего *что?* Видите, одинъ,—значитъ, не нашелъ.

КАСТЬЯНОВЪ. Не скрывай... Говори, Артамонъ, не скрывай... Вѣдь намъ еще хуже не знать то, что съ ней...

АРТАМОНЪ. Я самъ не знаю, что съ ней и гдѣ она.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Правда?

АРТАМОНЪ. Правда... отстаньте!

(Молчаніе)

АРТАМОНЪ. (Обращаясь къ Кастьянову) Что носъ повѣсилъ? Не годится старому студенту носъ вѣшать.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. А ты заѣзжалъ къ этой?.. Какъ ее? Рыженькая такая... еврейка она... Гофманъ, что ли?

АРТАМОНЪ. Заѣзжалъ... Не была она у ней...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. И у Осиповой былъ?

АРТАМОНЪ. Говорилъ уже...

(Пауза)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Я пойду искать... И къ Гофманъ, и къ Прибытковой схожу опять... Онѣ мнѣ помогутъ... Онѣ скажутъ, гдѣ она... Пейте тутъ чай... я пойду.

АРТАМОНЪ. Придетъ она.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Когда придетъ? Можетъ быть съ ней, Богъ знаетъ, что случилось! Пойду одѣться... (Уходитъ)

КАСТЬЯНОВЪ. Всю ночь не спалъ... Затылокъ теперь ломитъ... Ворочался, думалъ-думалъ и ничего не выдумалъ... Ну, что мнѣ съ ней дѣлать? Замужъ совѣтовать выйти, дѣтей народить? Не могу я этого, стыдно... А другого ничего не придумаю...

АРТАМОНЪ. Пусть ее.

КАСТЬЯНОВЪ. Пропадетъ, ни за грошъ пропадетъ... Ей вѣдь море по колѣно,—она ничего не боится... совсѣмъ казакъ на войнѣ... Бывало, въ мое

Digitized by Google

время и либеральничали, и работали, но какъ-то все это келейно, тихо, втихомолку... А теперь вѣдь на площадяхъ кричатъ, на улицахъ орутъ... А талантовъ нѣтъ... Гдѣ Герценъ? Гдѣ у нихъ Герценъ? Вонъ онъ, посмотри! (Показываетъ на портретъ Герцена на стѣнѣ) Умъ! Огонь!

АРТАМОНЪ. Ну, ихъ!..

КАСТЬЯНОВЪ. Кого?

АРТАМОНЪ. Да всѣхъ вашихъ писателей... Не люблю я ихъ...

КАСТЬЯНОВЪ. Неучъ, неучъ...

АРТАМОНЪ. Толковали, толковали, а изъ жизни ничего не сдѣлали, только въ тупикъ ее загнали... Имъ хорошо,—они умерли! А намъ вотъ тутъ живи, да расхлебывай всѣ мерзости!

КАСТЬЯНОВЪ. (Добродушно) Болванъ! Ты, братъ, совсѣмъ дуракъ. Да развѣ это писатели сдѣлали?

АРТАМОНЪ. Не они только... Время ихъ сдѣлало, наше время... А они выражали свое время, стало быть, и они тоже... Это я такъ понимаю.

КАСТЬЯНОВЪ. Болванъ и выходишь, да еще однобокій болванъ... Ничего ты правильно себѣ уяснить не можешь. А отчего? Систематическаго образованія нѣтъ. Если бы не шелопайничалъ, а учился...

АРТАМОНЪ. Слышалъ я это! Только мнѣ всегда казалось,—не тому меня начинали учить, чему надо... Мнѣ мальчишкой больше всего хотѣлось знать, откуда люди на землѣ появляются, и зачѣмъ они появляются... День и ночь я объ этомъ думалъ, и мучила меня эта тайна; а при такомъ состояніи я никакъ не могъ грамматикой прилежно заниматься.

КАСТЬЯНОВЪ. Что же тебѣ объяснить надо было?

АРТАМОНЪ. Я не знаю, что надо было. Только грамматика-то тутъ не причемъ была, а особенно

Digitized by Google

молитвы... Смѣшили онѣ меня... Я ихъ учителю, какъ дьяконъ, нараспѣвъ отвѣчалъ и хохоталъ, а онъ отцу жаловался... Отецъ поролъ... И всякое ученье сдѣлалось мнѣ противно тогда.

КАСТЬЯНОВЪ. Не попалъ ты въ руки хорошія... Былъ у меня одинъ такой же огарокъ, какъ ты... Въ Тамбовской гимназіи я тогда служилъ...

АРТАМОНЪ. (Прислушиваясь) Постой... Кажется, Осокинъ въ кухнѣ. (Подходитъ къ двери передней)

КАСТЬЯНОВЪ. (Прислушиваясь) Кухарку пробираетъ.

(Ясно доносится фраза Осокина: «У меня, смотри, не выливать помой!»)

АРТАМОНЪ. (Отходя отъ двери) Сюда идетъ. Должно быть, за мной...

(Садится на диванъ: входитъ Осокинъ)

ОСОКИНЪ. (Подходя къ Артамону) Здравствуй! (Протягиваетъ руку; Артамонъ руки не даетъ) Очень деликатно... ничего другого отъ васъ ждать нельзя... Я за вами... Отецъ требуетъ... Требуетъ какого-то отчета въ трехъ тысячахъ... По векселямъ, что ли, вы тамъ заняли у кого-то...

КАСТЬЯНОВЪ. Что, вы и здороваться не хотите?

ОСОКИНЪ. Простите, я разсѣянъ... Непріятности все... Чортъ знаетъ, какія возлагаютъ на тебя идіотскія порученія, и ты долженъ ихъ исполнять!.. (Здороваясь съ Кастьяновымъ) Что, Елена дома?

АРТАМОНЪ. Какая она вамъ Елена?

ОСОКИНЪ. Я съ вами не желаю перебираться... Желаете вы идти къ отцу?

АРТАМОНЪ. Скажите ему: отчета отдавать никакого не хочу, деньги подъ векселя больше брать не буду и, вообще, не буду у него брать никакихъ денегъ...

ОСОКИНЪ. Романтизмъ... Вотъ вы ступайте и скажите ему.

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Не хочу.

(Молчаніе)

ОСОКИНЪ. Странно... При чемъ же я тутъ? Онъ накинется на меня, и я долженъ буду выслушивать то, что вы должны выслушать. Не очень это пріятно...

(Уходитъ. Звонокъ)

КАСТЬЯНОВЪ. Она! Ея звонокъ...

(Выбѣгаетъ въ переднюю, за нимъ выходитъ Артамонъ; Марья Герасимовна уже въ шляпѣ, собравшаяся идти искать Елену, появляется тоже въ передней.

Дверь отпирается, и входитъ Елена. Въ шляпѣ и кофточкѣ, прямо проходитъ въ свою комнату)

КАСТЬЯНОВЪ. (Съ ребяческой радостью кружась около Елены) Пришла... Наконецъ-то пришла!.. Гдѣ же это ты? Ну, потомъ, потомъ разскажешь... чай, голодная? Садись чай пить.

ЕЛЕНА. (Уже въ дверяхъ своей комнаты) Мнѣ надо остаться одной... я... мнѣ нужно умыться, привести себя въ порядокъ...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Важно) Какъ мать, я тебѣ обязана сказать, Елена...

ЕЛЕНА. Пожалуйста, мама, безъ этого тона!

(Уходитъ. Недоразумѣніе. Молчаніе. Заговорили почему-то таинственно, почти шопотомъ)

КАСТЬЯНОВЪ. Блѣдная. Замѣтили вы? Блѣдная? Да?

АРТАМОНЪ. Это ничего... Я не люблю красныхъ лицъ.

КАСТЬЯНОВЪ. Не мылась... Вы слышали—сказала: пойду, умоюсь? Значитъ, не до того было... Авось, все разскажетъ... только нѣтъ, едва ли... Она въ послѣднее время совсѣмъ разговаривать со мной перестала... А всегда была откровенна... Гдѣ? Что? Ничего не знаю... (Обращаясь къ Артамону) Авось, тебѣ разскажетъ... Попытайся...

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Не буду. Захочетъ, сама разскажетъ. (Садится на диванъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Подсматривая въ замокъ двери Елениной комнаты) Бумаги какія-то рветъ... Грѣхъ... грѣхъ, да и только... Пойду ей цвѣтной капусты сварю,—чай, ѣсть захочетъ... (Уходитъ въ кухню)

КАСТЬЯНОВЪ. А я полежу, братъ... Голова у меня не того... Надо полежать.

(Уходитъ въ свою комнату. Артамонъ, посидѣвъ на диванѣ и что-то обдумавъ, подошелъ къ двери Елениной комнаты, хотѣлъ было постучать, но раздумалъ и снова, стоя у дверей, погрузился въ думы.

Въ передней появляются Матреша и Марья Герасимовна. Матреша въ бѣломъ, простенькомъ платьѣ, шляпкѣ, въ рукахъ небольшая картонка съ цвѣтами. Оживлена, весела, счастлива)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. (Въ передней) Ну, иди, иди... не бойся... Чего ты сегодня какъ разрядилась? (Показывая на Артамона) Вонъ онъ стоитъ. Разговаривайте, я мѣшать не буду. (Уходитъ)

МАТРЕША. (Подбѣгая къ Артамону). Здравствуй! (Хотѣла было его поцѣловать, но спохватилась и осмотрѣлась кругомъ) Нельзя... увидятъ... Готовъ?

АРТАМОНЪ. Что ты такъ рано?

МАТРЕША. Вѣдь сегодня 28-ое.

АРТАМОНЪ. Ну что же 28-ое?

МАТРЕША. День вѣнчанья... Батюшка обѣщалъ послѣ обѣдни вѣнчать... Надо сейчасъ идти... У меня все готово... И четырехъ свидѣтелей нашла... Одинъ, Богъ его знаетъ, кто... подошла и попросила на улицѣ какого-то господина... Засмѣялся и согласился.

АРТАМОНЪ. Чортъ возьми, а я и забылъ объ этомъ обстоятельствѣ... Мнѣ казалось, 28-ое не скоро.

МАТРЕША. Какъ же такъ? Надо идти... За десять рублей батюшка согласился.

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Надо?

МАТРЕША. (Испугавшись) Какъ же иначе? Ты бы хоть одѣлся...

АРТАМОНЪ. Да у меня нѣтъ ничего, кромѣ этого... (Показывая на визитку) Галстухъ развѣ бѣлый пустить?

МАТРЕША. Это хорошо, надѣнь.

АРТАМОНЪ. Грязный онъ, чортъ его возьми! Чай и этотъ сойдетъ?

МАТРЕША. Да ужъ ладно... Давай только, я его перевяжу... До сихъ поръ не научился завязывать. (Перевязываетъ галстухъ и говоритъ) Надо скорѣе!.. Тотчасъ же, какъ обѣдня кончится, за насъ примутся. Только бы скорѣе!.. Батюшка говорилъ, что въ полчаса окрутитъ... Что ты такой грустный? Не смѣй быть такимъ!

АРТАМОНЪ. Такъ идти?

МАТРЕША. Какъ же иначе? Вѣдь у насъ все рѣшено.

АРТАМОНЪ. (Подумавъ) Да?.. Надо идти. (Садится на диванъ)

МАТРЕША. (Вынимая изъ картонки цвѣты) Ты мнѣ позволишь? Я не рѣшалась одна, думала, тебѣ не понравится...

АРТАМОНЪ. Въ чемъ дѣло?

МАТРЕША. Цвѣты приколоть сюда можно? (Показываетъ на грудь)

АРТАМОНЪ. На кой чортъ? Пойдемъ по улицѣ, и люди, пожалуй, будутъ догадываться, что вѣнчаться идемъ... Плюнь на это дѣло!

МАТРЕША. Что же мы дурного дѣлаемъ? Напротивъ, про тебя будутъ говорить, что ты хорошій человѣкъ.

АРТАМОНЪ. Что губы надула? Приколи, если надо тебѣ...

МАТРЕША. И приколю!.. Мнѣ самой пріятно. Я не для людей... (Прикалываетъ) Надо идти, Артамоша!

Digitized by Google

(Артамонъ встаетъ и подходитъ къ двери комнаты Елены. Послѣ нѣкотораго раздумья, стучитъ въ дверь и громко говоритъ)

АРТАМОНЪ. Елена, я вѣнчаться пошелъ!

(Входитъ Елена)

ЕЛЕНА. Развѣ сегодня? Такъ скоро... Здравствуйте! (Цѣлуетъ Матрешу) Рады? Счастливы?

МАТРЕША. (Скрывая свою радость) Мнѣ все равно... Нельзя иначе...

ЕЛЕНА. (Зоветъ мать, подойдя къ дверямъ передней) Мама, Артамонъ вѣнчаться идетъ!

(Изъ своей комнаты выходитъ Кастьяновъ, изъ передней—Марья Герасимовна)

КАСТЬЯНОВЪ. (Обращаясь къ Артамону) Не ожидалъ, братъ... Не скрою, удивилъ ты меня... Ну что же... Это честно... Это хорошо. Одобряю твое желаніе...

АРТАМОНЪ. Да это, въ сущности, желаніе квартирныхъ хозяекъ... Мнѣ все равно... Житья ей не даютъ съ ребенкомъ... Если бы не было этого квартирнаго отродья, съ ней-то (Киваетъ на Матрешу) я какъ-нибудь поладилъ бы...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Что ты говоришь? (Обращаясь къ Матрешѣ) А я вотъ такъ рада за васъ... Не все равно, милая, далеко не все равно... Дай Богъ вамъ счастья! (Цѣлуетъ ее) А ему вѣрить нельзя, что это все равно... Неправда! Онъ (Показываетъ на Артамона) первый будетъ меньше уважать... Рада, очень рада! (Опять цѣлуетъ) И ко мнѣ, ко мнѣ, какъ я говорила, если повѣнчаетесь... Вотъ вамъ стариковскую комнату приготовлю... Живите... Сама буду за маленькимъ ходить...

КАСТЬЯНОВЪ. Да, да, къ намъ... Послѣ вѣнца къ намъ...

ЕЛЕНА. (Подавая руку Артамону) Будьте счастливы...

АРТАМОНЪ. Куда ужъ намъ быть счастливыми!..

Digitized by Google

Да не особенно нужно это. Трудно быть господиномъ судьбы своей... Нами управляетъ случай: беретъ въ свои лапы и бросаетъ, какъ комки грязи... Но я поборюсь еще... Это не конецъ... (Обращаясь къ Матрешѣ) Ручку!

(Предлагаетъ руку Матрешѣ и уходитъ въ переднюю. Марья Герасимовна выпускаетъ ихъ черезъ парадное крыльцо)

КАСТЬЯНОВЪ. (Смотря имъ вслѣдъ) Не ладно что-то...

ЕЛЕНА. Еще одна необходимая, какъ смерть, глупость. (Идетъ въ свою комнату)

КАСТЬЯНОВЪ. (Хватая ее за руку) Не пущу! Опять запрешься въ комнатѣ... Поѣшь что-нибудь, поѣшь!..

ЕЛЕНА. Какъ это скучно!.. Ну налейте стаканъ чаю...

(Садится за столъ. Старикъ наливаетъ чай. Возвращается Марья Герасимовна и дѣлаетъ бутерброды съ сыромъ и масломъ. Оба смотрятъ въ глаза Елены и боятся, чтобы она опять не ушла въ свою комнату. Садятся. Пауза)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Что же ты намъ ничего не разскажешь?

ЕЛЕНА. Не знаю, что...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Можетъ быть ты...Можетъ быть, у тебя есть что-нибудь такое, сердечное?..

ЕЛЕНА. Сердечное?.. Есть.

КАСТЬЯНОВЪ. Ѣшь хлѣбъ съ масломъ... ѣшь... (Подвигаетъ ей бутербродъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Вотъ и разскажи намъ... Все разскажи... Кто онъ? Можетъ быть, тамъ что-нибудь случилось?.. Мало ли что бываетъ?.. Ты молодая, ошибку сдѣлать могла...

ЕЛЕНА. Онъ, мама, великанъ, могучій, сильный и наивный, наивный, какъ ребенокъ... Я его люблю, я вѣрю въ него.. Онъ невѣжественъ, онъ теменъ, но онъ прекрасенъ!

Digitized by Google

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Ну что комедіяничаешь? Съ тобой серьезно, а ты... (Перемѣнивъ тонъ, добродушно-сердито) Скажи прямо: гдѣ была сегодня?

(Старикъ дѣлаетъ ей какіе-то знаки, чтобы она молчала и жадно куритъ)

ЕЛЕНА. Я ничего вамъ не скажу.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Хорошо... очень хорошо... Никогда ты со мной по-человѣчески не говоришь, все съ нимъ, все съ нимъ... (Киваетъ на старика) Ну, хоть ему разскажи... Я и мѣшать не буду, уйду... Всегда у васъ секреты отъ меня были.

КАСТЬЯНОВЪ. Ну, ну, старуха, что ты!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Лишняя я здѣсь, лишняя...

(Обиженная, почти плача, выходитъ изъ комнаты.

Пауза. Старикъ не рѣшается разспрашивать ее и мучается, волнуется, боится ей смотрѣть въ глаза.

Елена подходитъ къ нему, прижимаетъ его голову къ себѣ и ласкаетъ по волосамъ)

ЕЛЕНА. Успокойся, старенькій, не волнуйся... Ты знаешь, что я ничего не дѣлаю дурного... Ты вѣришь мнѣ?

КАСТЬЯНОВЪ. Такъ-то такъ, да вѣдь...

ЕЛЕНА. Ну, что? Что?

КАСТЬЯНОВЪ. Посмотри ты на себя... Фитюлька ты... Тебя плетью на-двое перешибить можно, и мокренько только останется...

ЕЛЕНА. Вѣра горами двигаетъ...

КАСТЬЯНОВЪ. Слова, фразы, Леночка... Ей-Богу, фразы!...

ЕЛЕНА. Что же ты, старенькій, лгалъ мнѣ? Вѣдь я сказала то, что ты не разъ мнѣ самъ говорилъ.

(Пауза. Старикъ опустилъ голову)

ЕЛЕНА. А-а, стыдно стало!..

КАСТЬЯНОВЪ. Что ты со мной, какъ съ ребенкомъ, разговариваешь!

Digitized by Google

ЕЛЕНА. Учитель... теоретикъ. Всѣ вы такіе... Ученіе само по себѣ, а жизнь сама по себѣ... Это не такъ... Жить—значитъ—творить, дѣлать жизнь...

КАСТЬЯНОВЪ. Объ этомъ мы съ тобой послѣ поговоримъ,—объ этомъ безъ конца говорить можно... Ты мнѣ лучше разскажи: какъ и что? Гдѣ ты бываешь?

ЕЛЕНА. (Отходя отъ него, холодно) Я ничего не скажу.

КАСТЬЯНОВЪ. Что же, не пойму, по-твоему, что ли, я?

ЕЛЕНА. Поймешь!

КАСТЬЯНОВЪ. Вотъ и говори!

ЕЛЕНА. Но не почувствуешь... Ты не можешь чувствовать, какъ я... Не смотри на меня такъ... не смотри!

КАСТЬЯНОВЪ. Вѣдь я мучаюсь, Леночка!... Я...

(Чаще затягивается дымомъ, и рука дрожитъ у него)

ЕЛЕНА. Я знаю, но я ничего не могу сдѣлать... Пойми — ничего...

(Садится на диванъ и закрываетъ лицо руками. Старикъ переходитъ къ ней и садится рядомъ. Пауза)

КАСТЬЯНОВЪ. Сказала бы...

ЕЛЕНА. Ахъ, папа! Любовь, какъ самый грубый деспотизмъ, можетъ отравлять жизнь, мѣшать свободѣ... Это кажется абсурдомъ, а на самомъ дѣлѣ это такъ, это такъ, папа!

КАСТЬЯНОВЪ. Чепуха!.. Для меня всегда была любовь чувствомъ самымъ высокимъ, самымъ священнымъ.

ЕЛЕНА. (Подумавъ) Есть двѣ любви — маленькая и большая... Маленькая это та любовь, которой мы любимъ наши столы, стулья, мужей, отцовъ, дѣтей... Большая любовь это... это—любовь Христа, любовь ко всему міру... Мнѣ кажется, можно любить солнце, народъ гораздо больше, чѣмъ своего ребенка.

Digitized by Google

КАСТЬЯНОВЪ. Фразы, Леночка! Ей-Богу, фразы... Вѣдь мы же люди, а не боги!

ЕЛЕНА. Маленькая любовь суживаетъ, опошляетъ жизнь; она источникъ всего маленькаго, всего ничтожнаго... И черезъ эту любовь люди несчастны... только черезъ нее, черезъ свою маленькую любовь. Если бы они любили солнце, идею, будущее, они не страдали бы, когда ломаются ихъ стулья, изнашивается платье, умираютъ близкіе...

КАСТЬЯНОВЪ. По-твоему, и близкій человѣкъ, и стулъ—одно и то же. Хоть убей, не могу понять!

ЕЛЕНА. Ну, я не умѣю яснѣе выразить то, что чувствую... Но есть любовь, папа, гнетущая, нудная, которой не нужно, совсѣмъ не нужно мнѣ...

КАСТЬЯНОВЪ. (Потрясенный) Это ты про мою любовь къ тебѣ говоришь? Это ты? Вотъ какъ!

ЕЛЕНА. (Пожалѣвъ его) Нѣтъ, нѣтъ, папочка!.. Я говорю про любовь мужчины и женщины...

КАСТЬЯНОВЪ. Ну, что же! Спасибо... Такъ мнѣ и надо, дураку... Живи, какъ хочешь... люби отца, какъ стулъ... Это одно и то же... Стулъ, столъ, отецъ, мать, кочерга!..

ЕЛЕНА. Папочка!.. (Цѣлуетъ его)

КАСТЬЯНОВЪ. Мнѣ жить немного... Проживу какъ-нибудь...

ЕЛЕНА. Господи, какъ это скучно!..

(Изъ кухни доносится разговоръ Копейкина съ Марьей Герасимовной. Елена обрадовалась его приходу, какъ возможности прекратить нудный разговоръ)

ЕЛЕНА. Кажется, Копейкинъ пришелъ... Вотъ человѣкъ маленькой, маленькой любви... и я не знаю несчастнѣе его человѣка... Понимаешь теперь меня?

КАСТЬЯНОВЪ. Хоть убей, не понимаю!.. Копейкинъ несчастливъ потому, что онъ боленъ.

ЕЛЕНА. Онъ и здоровымъ никогда не могъ быть

Digitized by Google

счастливымъ, веселымъ, бодрымъ... (Увидѣвъ Копейкина и Таню въ передней) Идетъ сюда...

КАСТЬЯНОВЪ. Я смотрѣть на него не могу... Сердце надрывается.

(Уходитъ въ свою комнату. Входятъ Копейкинъ и Таня)

ЕЛЕНА. Вотъ это хорошо, что пришли... рада васъ видѣть... (Помогая Танѣ довести его до дивана) Какъ это вамъ удалось вырваться?

ТАНЯ. Плачетъ все—просится сюда... Мама ужъ сама велѣла отвести.

КОПЕЙКИНЪ. (Садясь на диванъ) Не ври... совсѣмъ не плакалъ... Что я баба, что ли? Не понимаетъ она меня съ матерью... Вотъ опять на вашемъ диванѣ... Вчера мнѣ очень плохо было, думалъ,—конецъ, и не придется на вашемъ диванчикѣ посидѣть, а сегодня ничего... молодцомъ я сегодня... (Послѣ небольшой паузы, благодушествуя) Опять у васъ... (Прислушиваясь къ біенію своего сердца) И хорошо себя чувствую... Сердце здорово работаетъ...

ЕЛЕНА. Чаю хотите?

КОПЕЙКИНЪ. Нѣтъ, пилъ сейчасъ... (Хвалясь) Мяса здоровый кусокъ съѣлъ: аппетитъ появляется... Вотъ только желудокъ испортился отъ лекарствъ... А былъ знаменитый желудокъ, прямо гордился желудкомъ—никогда никакихъ катарровъ!..

ЕЛЕНА. Вы поменьше думайте о вашихъ болѣзняхъ... Читали сегодня газету?

КОПЕЙКИНЪ. (Равнодушно) Нѣтъ... (Показываетъ на Таню) Вонъ не принесла...Пятака у нихъ нѣтъ для меня... Все закладываютъ, продаютъ, а на газету пятака нѣтъ...

ЕЛЕНА. Вы что же ко мнѣ, Таня, не приходите за газетой? Вѣдь я вамъ говорила... (Беретъ со стола газету и даетъ Копейкину) Вотъ новый номеръ.

(Копейкинъ беретъ газету и тотчасъ же забываетъ про нее, держа въ рукахъ)

Digitized by Google

ТАНЯ. Мама не велитъ къ вамъ ходить... Вы меня испортите.

КОПЕЙКИНЪ. Что говоришь? Дурочка!

ТАНЯ. (Злобно) Самъ ужъ очень умный! Умные люди много денегъ зарабатываютъ, а ты грошовое жалованье получалъ... И бѣлья у насъ отъ этого нѣтъ.

КОПЕЙКИНЪ. Это ей мать въ голову вбила.

ТАНЯ. (Топая хромой ножкой) Оставь меня! Разговаривай вонъ съ ней... (Показываетъ на Елену)

КОПЕЙКИНЪ. Тише... Ножкѣ больно станетъ! (Обращаясь къ Еленѣ) Опять у ней ножка что-то болитъ, ноетъ въ суставѣ... Мать въ клинику водила... Ничего, говорятъ, это... бояться нечего.

ЕЛЕНА. А глаза какъ?

КОПЕЙКИНЪ. Глаза ничего, надо пока только очки носить...

ТАНЯ. Пока... Всю жизнь проносишь ихъ! Не хочу я носить! На улицѣ надо мной мальчишки смѣются, дергаютъ меня за косу... И зачѣмъ вы меня на свѣтъ родили? Зачѣмъ?

КОПЕЙКИНЪ. (Выходя изъ себя) Молчи! Молчи!..

ТАНЯ. Не хочу я очки носить! Не хочу!.. Я лучше умру, а ихъ носить не буду!..

(Срываетъ очки, бросаетъ на диванъ и убѣгаетъ изъ комнаты)

КОПЕЙКИНЪ. (Беря очки и разсматривая ихъ) Не изломала? Нѣтъ... Ну, слава Богу!... Три рубля заплатили! (Прячетъ очки въ карманъ) Совсѣмъ испортилась дѣвочка!.. Я уже два мѣсяца не занимался съ ней... нѣмецкій начали даже... Мнѣ по нѣмецкому языку если немного позаниматься, я могу ее самъ выучить... Два года вѣдь уроки бралъ по нѣмецкому... Деньжищъ уйму истратилъ... Это не шутка!..

(Пауза. Елена, удрученная визитомъ Копейкина, рѣшительно не знаетъ, о чемъ и

Digitized by Google

(какъ говорить съ нимъ. Это ее мучаетъ; она готова заплакать. Подошла къ роялю и стала перебирать клавиши)

КОПЕЙКИНЪ. Усталъ я немножко... Можно лечь?

ЕЛЕНА. Понятно, голубчикъ.

(Копейкинъ ложится. Пауза)

КОПЕЙКИНЪ. Сыграйте что-нибудь...

ЕЛЕНА. Не буду,—васъ музыка разстраиваетъ...

КОПЕЙКИНЪ. Я вѣдь родился музыкантомъ... Ничего я не люблю на свѣтѣ, кромѣ музыки... Бывало, чуть цѣлковый лишній заведется, бѣгу въ концертъ. Оперу я не любилъ, я концерты любилъ... Мнѣ теперь ясно, что я музыкантомъ родился... (Послѣ паузы) У меня ужъ рѣшено: какъ поправлюсь, опять уроки на скрипкѣ начну брать... Для себя музицировать буду... Утромъ писать, а вечеромъ музицировать...

ЕЛЕНА. (Подходя къ нему) Это хорошо...

КОПЕЙКИНЪ. Люблю музыку... Очень люблю. (Утираетъ пальцами слезы) У дѣвочки тоже музыкальныя способности есть... Вотъ бы ее скрипачкой сдѣлать!.. Ножка тутъ не помѣшала бы,—и хроменькой можно на скрипкѣ играть...

ЕЛЕНА. Это—мысль хорошая.

КОПЕЙКИНЪ. Я ее въ консерваторію отдамъ... Это у меня рѣшено...

(Въ передней появляется Артамонъ и раздѣвается; Марья Герасимовна тоже появилась въ передней, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоитъ бутылка бѣлаго вина и стаканы. Артамонъ держится во время слѣдующей сцены съ напускной развязностью и веселостью)

АРТАМОНЪ. (Входя въ комнату и обращаясь къ Марьѣ Герасимовнѣ) Съ виномъ встрѣчаете?.. Честь честью!..

Digitized by Google

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. А гдѣ же Матреша?

АРТАМОНЪ. Къ себѣ ушла.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Да вы повѣнчались, что ли, или нѣтъ?

АРТАМОНЪ. Какъ же, повѣнчались!.. Возложилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы!..

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не пойму: шутишь ты, или нѣтъ?

АРТАМОНЪ. Давайте вина!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не дамъ!.. Изъ всего вы, даже самаго священнаго, балагурство устраиваете, шутки... Развѣ такъ можно!

(Входитъ Кастьяновъ)

КАСТЬЯНОВЪ. Поздравляю, братъ! (Крѣпко цѣлуетъ и трясетъ его руку) Хвалю... честно... благородно... Хоть и неучъ ты, а многое тебѣ прощу... А гдѣ же жена?

АРТАМОНЪ. Ушла къ себѣ.

КАСТЬЯНОВЪ. Какъ же такъ? Вѣдь мы просили же вмѣстѣ сюда, чтобы... Надо же какъ-нибудь день-то этотъ отмѣтить... Вѣдь такой день разъ въ жизни бываетъ.

АРТАМОНЪ. Это лишнее... А жена завтра переберется къ вамъ, сегодня уложится... Теперь вѣдь ей можно и у васъ, и у всѣхъ жить: получила право,—возложилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы!

КАСТЬЯНОВЪ. Что дуришь? Все у васъ не по-людски выходитъ... Смотрѣть-то мнѣ на васъ не хочется... Должно быть, и тебѣ, что жена, что стулъ—все равно!

(Машетъ рукой и, огорченный, уходитъ въ свою комнату)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Именно не по-людски... не дамъ вина къ обѣду и мороженаго не дамъ!.. Пойду не велю кухаркѣ дѣлать...

(Артамонъ и Елена смѣются)

АРТАМОНЪ. Заплачу... Мороженаго хочу!

Digitized by Google

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Лучше не глядѣть (Уходитъ)

КОПЕЙКИНЪ. Да вы не шутите? Правду, что ли, женились?

АРТАМОНЪ. Женился.

КОПЕЙКИНЪ. Нашего полку прибыло... Поздравляю... (Протягиваетъ костлявую холодную руку)

АРТАМОНЪ. Какого полку? Страждущихъ и обремененныхъ? Не хотѣлъ бы я пополнять собой этотъ полкъ...

(Отходитъ, садится въ кресло у окна и задумывается. Напускное веселое настроеніе оборвалось.

Пауза. Копейкинъ начинаетъ дремать. Елена ходитъ по комнатѣ и, рѣшивъ говорить съ Артамономъ, затворяетъ дверь въ комнату отца, и подходитъ къ нему)

ЕЛЕНА. У меня безъ тебя была тяжелая сцена съ отцомъ.

АРТАМОНЪ. Не новость... Я хочу веселыхъ сценъ... Когда будутъ веселыя сцены?

ЕЛЕНА. Когда измѣнится жизнь.

АРТАМОНЪ. И умремъ мы...

ЕЛЕНА. Ужасно было тяжело говорить... Что я могла сказать ему? Что? Я чувствую, — я уйду, и они умрутъ... Развѣ это не ужасно?..

АРТАМОНЪ. Ты не оставила мысли уйти?

ЕЛЕНА. Это зависитъ не отъ меня... Я, можетъ быть, должна буду это сдѣлать.

АРТАМОНЪ. Ты знаешь, куда идти тебѣ? Я не знаю, куда идти мнѣ...

ЕЛЕНА. Какъ нехорошо, что между нами есть это совершенно лишнее недоразумѣніе...

КОПЕЙКИНЪ. (Засыпая) А мнѣ не вѣрится, что я у васъ на диванѣ...

ЕЛЕНА. Онъ, кажется, спитъ...

(Пауза)

Digitized by Google

ЕЛЕНА. Какъ ты себя чувствовалъ въ церкви?

АРТАМОНЪ. Скверно... Странно... когда я шелъ вѣнчаться, мнѣ это казалось комедіей, ерундой, но въ церкви, когда зажгли свѣчи и надѣли вѣнцы, мнѣ сдѣлалось вдругъ почему-то страшно... Я вспомнилъ тысячи, десятки тысячъ другихъ, которые, такъ же шутя и не придавая никакого значенія обряду, вѣнчались и... создавали изъ своей жизни каторгу, дѣлали роковыя ошибки... (Тихо, кивая на Копейкина) Вотъ какъ онъ... Я не знаю, способенъ ли я на какую-нибудь работу... А если нѣтъ? Къ отцу я не пойду, и тогда что-жъ? (Опять тише, кивая на Копейкина) Его жизнь, его конецъ, а можетъ быть, и хуже... Человѣку постыдно такъ кончать... Онъ рождается разъ...

ЕЛЕНА. Не бойся, ты такъ не кончишь... Ты кончишь обязательно красиво. Я въ этомъ убѣждена... Мало сдѣлаешь, это несомнѣнно, но кончишь красиво.

АРТАМОНЪ. Это ты такъ говоришь... а на самомъ дѣлѣ пренебрегаешь мной... Ничего не говоришь, не откровенна... Можетъ быть, я могъ бы быть полезенъ въ твоемъ дѣлѣ?

ЕЛЕНА. Ты тамъ лишній... ты слишкомъ горячъ, необузданъ, можешь погубить все дѣло... Потомъ, ты не вѣришь намъ... Иди своей дорогой...

КОПЕЙКИНЪ. (Во снѣ) Солнышко...

ЕЛЕНА. (Не разслышавъ) Что вамъ? (Подходитъ къ нему) Онъ спитъ...

(Пристально разсматриваетъ его лицо и поражается имъ)

АРТАМОНЪ. Мнѣ грустно, Елена... Меня какъ будто бы кто-то оскорбилъ, обидѣлъ, надавалъ пощечинъ... Я это еще въ церкви почувствовалъ...

ЕЛЕНА. Злое у него лицо... Это брови придаютъ такое выраженіе...

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Если ты уйдешь, я уйду за тобой...

ЕЛЕНА. Я не возьму тебя... Поди сюда, посмотри на его лицо...

(Артамонъ подходитъ къ ней и смотритъ на Копейкина)

ЕЛЕНА. Мнѣ кажется, вотъ-вотъ онъ сейчасъ умретъ... Тяжело... (Отходитъ отъ дивана) Ты замѣчаешь, что здѣсь все умираетъ? Умираетъ эта лампа, диванъ, глобусъ... Умираютъ эти писатели на стѣнахъ и книги на полкахъ... Папѣ 65 лѣтъ... Все это естественно... Но тутъ еще можно прожить годъ, два, пять... Меня не хватитъ на это!... Бѣжать, бѣжать отсюда!..

АРТАМОНЪ. (Тихо и страстно) Возьми меня съ собой!... Я погибну здѣсь!.. Ты вѣра моя, маякъ мой!..

КОПЕЙКИНЪ. (Проснувшись) Музыки! Хоть бы сыграли что-нибудь... Я пришелъ послушать... Сыграйте!.. Можетъ быть, и не услышу больше никогда...

ЕЛЕНА. (Подойдя къ нему) Что же, голубчикъ, вамъ сыграть?

КОПЕЙКИНЪ. Вотъ это... что я люблю... Какъ это называется?.. Бетховена соната она.

ЕЛЕНА. Quasi una fantasia?

КОПЕЙКИНЪ. Да, да...

ЕЛЕНА. Ну, хорошо...

(Садится за рояль и играетъ. Артамонъ слушаетъ, наклонившись надъ роялью; долго сдерживаетъ себя, сжимаетъ зубами платокъ и, наконецъ, рыдаетъ... Елена оборвала музыкальную фразу)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація перваго дѣйствія. Вечеръ. На переднемъ дворѣ кончился рабочій день. На одной изъ стѣнъ лежитъ кроваво-золотистое пятно—отблескъ солнца, и когда этотъ отблескъ на стѣнѣ потухаетъ, въ садикѣ становится почти темно и скоро совсѣмъ темно.

По поднятіи занавѣса, Копейкина ходитъ подъ окнами квартиры Кастьяновыхъ,—повидимому, чего-то ожидая.

Изъ воротъ выходятъ—Максимъ Сусловъ, Осокинъ и приказчикъ изъ мясной лавки, здоровенный дѣтина въ бѣломъ фартукѣ и съ огромными ножами за поясомъ.

Максимъ Сусловъ—очень старый старикъ; рѣдкіе, сѣдые волосы его пожелтѣли; онъ сгорбился, но все еще силенъ и крѣпокъ; худъ и высокъ; лицо посинѣло, и на рукахъ, съ постоянно растопыренными пальцами, рѣзко обозначились жилы. Ходитъ въ длинномъ сюртукѣ и цилиндрѣ, какіе носятъ раскольническіе попы. Голосъ у него громкій, повелительный; въ рукахъ палка.

МАКСИМЪ СУСЛОВЪ. Здравствуйте, мадамъ! (Подаетъ руку Копейкиной) Разорять гнѣздо идемъ... (Киваетъ на окна квартиры Кастьяновыхъ) Премного вамъ благодаренъ за разныя сообщенія... Такъ и надо... Если про этихъ господъ молчать, они всѣ города и селенія отравятъ...

КОПЕЙКИНА. Понятно, отравятъ... Мужа моего точно зельемъ какимъ опоили... Совсѣмъ разумъ потерялъ и такія заговорилъ вещи, что, прямо, стыдно слушать... «Я выросъ! Я выросъ»! А чего выросъ? Въ землю увязъ...

МАКСИМЪ СУСЛОВЪ. Умственность у него не-

Digitized by Google

большая... Относительно помѣщенія не обременяйтесь, подождать малость могу. (Обращаясь къ Осокину) Ступайте, скажите: отецъ говорить пришелъ...

осокинъ. Отправимся вмѣстѣ, будетъ лучше.

максимъ. Я знаю, что лучше... доложите.

осокинъ. Я не лакей...

максимъ. Покорнѣйше прошу...

(Осокинъ ни съ мѣста)

максимъ. (Обращаясь къ приказчику) Доложи!

(Приказчикъ уходитъ)

максимъ. (Дѣлая низкій поклонъ передъ Осокинымъ) Простите, пожалуйста, дворянинъ-батюшка, обидѣть изволили мы васъ... не взыщите...

осокинъ. Я никогда не буду разговаривать съ вашимъ сыномъ... а также не буду ѣздить на базаръ съ вами и по разнымъ грязнымъ дѣламъ ходить... Вы и передъ лавочниками, и передъ всѣми бахвалитесь мной...

максимъ. Не вами, фуражкой вашей... Только, мнѣ кажется, разговоръ этотъ теперь ни къ чему, потому что мнѣ не до васъ...

(Возвращается приказчикъ)

приказчикъ. Не пущаютъ... Говорятъ, видѣть не желаютъ...

максимъ. (Начиная кричать) Какъ? Меня не желаютъ видѣть!.. Я пришелъ окончательный разговоръ съ сыномъ вести, а меня не желаютъ видѣть! (Подбѣгаетъ къ окну и стучитъ палкой) Отпереть!.. Слышите? Отворить сейчасъ двери!.. За полиціей пошлю, выломить заставлю!..

(Въ окнахъ появляются жильцы. Нѣкоторые изъ нихъ, заинтересованные скандаломъ, выходятъ на дворъ; постепенно набирается человѣкъ 10—15)

Что я, хозяинъ здѣсь, или нѣтъ? Окна перебью, отворите!

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. (Появляясь въ комнатѣ у окна и отворяя его) Что тебѣ надо?

МАКСИМЪ. Окончательно говорить съ тобой пришелъ... Пусти, отвори двери!

АРТАМОНЪ. Нечего намъ съ вами разговаривать. Проваливайте! (Хочетъ затворить окно)

МАКСИМЪ. (Цѣпляясь за раму и обращаясь къ приказчику) Держи. Держи одну половину! Не пускай... не пускай!..

(Артамонъ бьетъ ихъ по рукамъ и старается закрыть окно)

МАКСИМЪ. Руки на отца поднимать?!. Почтенные, смотрите! Отца бьетъ... Вотъ какой онъ! (Обращаясь къ приказчику) Держи! Не пускай!.. Не пускай!..

АРТАМОНЪ. (Выпрыгивая въ садикъ) Что вамъ надо? Васъ въ двери не пускаютъ,—вы въ окна ломитесь... Не позволю я никакого вреда дѣлать Кастьяновымъ!.. Знай это и убирайся отсюда!

МАКСИМЪ. Вонъ! Всѣ вонъ изъ моего дома!.. Они разбойничье гнѣздо устроили у меня... вольнымъ духомъ надышали въ стѣнахъ моихъ... Ограбили сына моего... женили на дѣвкѣ паскудной!.. (Обращаясь къ жильцамъ) Вотъ что они сдѣлали, почтенные, съ сыномъ моимъ!..

КОПЕЙКИНА. И мужу моему всю жизнь испортили!.. Всѣ это знаютъ...

МАКСИМЪ. (Подбѣжавъ къ окну и стуча по подоконнику палкой) Вонъ, развратители! Вонъ, нечистые духомъ! Старикъ! Учитель! Поди сюда!.. Я тебя при всемъ народѣ срамить буду!.. И дочь твою!..

(Артамонъ подбѣгаетъ къ нему и отталкиваетъ его отъ окна. Максимъ опять рвется къ окну... Происходитъ нѣчто похожее на драку... Наконецъ, Артамону удается такъ сильно толкнуть Максима, что тотъ валится. Жильцы смѣются. Чувствуется, что симпатіи ихъ на сторонѣ отца. На крыльцо выбѣгаетъ Матреша)

Digitized by Google

МАТРЕША. (Не сходя съ крыльца, въ то время, когда они борются) Артамонъ!.. Прошу тебя... Поди сюда!.. Артамонъ!..

МАКСИМЪ. (Подымаясь съ земли съ помощью Осокина и Копейкиной) Ты вотъ какъ?! Ты вотъ какъ съ отцомъ!.. Что же теперь мнѣ дѣлать съ нимъ, почтенные? (Обращаясь къ приказчику) Казни его! Казни! Полосни ножомъ!.. Полосни ему брюхо!..

АРТАМОНЪ. (Выхватывая ножъ изъ-за пояса приказчика) Я, можетъ быть, самъ полосну!..

МАТРЕША. (Подбѣгая къ нему) Артамонъ!.. Артамонъ!..

(Старикъ опѣшилъ, сдался и смутился)

МАКСИМЪ. Ты не того... Ты съ ума-то не сходи... Брось ножъ! Брось!

АРТАМОНЪ. (Бросая ножъ) Сволочь!.. Только подъ ножомъ, подъ страхомъ смерти въ тебѣ образъ человѣческій появляется... Убирайся отсюда! Не мѣшай людямъ жить!.. (Обращаясь къ жильцамъ) И вы всѣ убирайтесь... Чего смотрите?

(Нѣкоторые уходятъ подальше отъ грѣха)

КОПЕЙКИНА. Какъ же вы такъ папашу?

АРТАМОНЪ. Весьма естественно... Вотъ онъ мнѣ отецъ, и я очень просто отрекаюсь отъ него!..

(Жильцы выражаютъ порицаніе, слышны возгласы: «какъ же такъ?» «Грѣхъ». «Богъ счастья не дастъ»... и другіе)

АРТАМОНЪ. Заступаетесь?.. Онъ васъ въ сырыхъ квартирахъ гноитъ, кожу сдеретъ, если платить не будете, а вы все будете заступаться... Какъ же? Отецъ!.. Противно смотрѣть мнѣ на васъ... Уходите съ глазъ долой!..

(Почти всѣ уходятъ, кромѣ Копейкиной и Осокина, да еще двухъ-трехъ человѣкъ)

МАКСИМЪ. Ты не очень... не очень... легонько... Каинъ... Прямо Каинъ!.. Отца убить хотѣлъ!..

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. Это ты меня убить хотѣлъ!

МАКСИМЪ. Я? Какъ это я? Врешь!.. Что я, японецъ, что ли? Индусъ некрещеный? (Чувствуя себя неправымъ и чтобы сорвать на комъ-нибудь свою досаду, набрасывается на приказчика) Ты чего тутъ стоишь? Иди въ лавку!.. Что я тебя для ножоваго дѣла, что ли, звалъ,—ножи-то за поясъ воткнулъ? Сказано, чтобы только въ лавкѣ съ ножами быть! Неслухи! Ступай въ лавку! (Приказчикъ уходитъ) Господи, грѣха-то какого надѣлали!.. Передъ всѣми жильцами какой позоръ приняли!.. Вѣкъ теперь не замолить... (Идя къ воротамъ) Осокинъ, за мной! Распоряженіе произойдетъ.

(Уходитъ. Осокинъ слѣдуетъ за нимъ. На сценѣ остаются Артамонъ, Матреша, Копейкина, которая держится въ сторонѣ, гуляя у стѣны и стараясь услыхать, о чемъ говорятъ Артамонъ и Матреша)

МАТРЕША. Говорила,—лучше уѣхать изъ дома его... Видишь, что выходитъ...

АРТАМОНЪ. Что выходитъ?

МАТРЕША. Неспокойствіе какое... Что это за жизнь?

АРТАМОНЪ. Тебѣ все покою хочется... Ну, едва ли ты со мной его дождешься. Чѣмъ дальше отъ меня будешь, тѣмъ лучше тебѣ будетъ... Я покою больше всего боюсь...

МАТРЕША. Цѣлыми днями ругаешься... И чѣмъ ты недоволенъ, никакъ догадаться не могу... Скажи мнѣ: чего тебѣ надо? (Пауза) Я тебя стала бояться... Какъ-то ты сразу, вдругъ перемѣнился. Почему? Мной недоволенъ? Ну, я переѣду съ ребенкомъ куда-нибудь, оставлю тебя одного... Хочешь, чтобъ такъ было? Я сдѣлаю...

АРТАМОНЪ. Ты тутъ не причемъ...

(Пауза)

Digitized by Google

МАТРЕША. Уѣхать бы отсюда...

АРТАМОНЪ. Я уѣду... Я далеко уѣду...

МАТРЕША. Вѣдь я не держу тебя: поѣзжай, куда хочешь...

АРТАМОНЪ. Еще бы держала... Меня держать нельзя, и никто не можетъ.

МАТРЕША. Тише говори,—народъ... Копейкина у стѣны ходитъ... (Пауза) Если нужно тебѣ, я уѣду, одна буду жить...

АРТАМОНЪ. Говорю, ты тутъ не причемъ... Мнѣ все равно, какъ тамъ выйдетъ—одна, не одна... Не въ этомъ штука...

МАТРЕША. А въ чемъ же?

АРТАМОНЪ. Большой жизни мнѣ хочется... Я не согласенъ жить, какъ люди живутъ. Не хочу. Лучше ничего не надо... Поняла?

МАТРЕША. Нѣтъ... Какъ же жить не такъ, какъ люди живутъ? Этого нельзя...

АРТАМОНЪ. Искать надо... жизни другой искать... И въ этомъ исканіи, можетъ быть, настоящая жизнь и есть... Дѣдъ мой всѣ вѣры перепробовалъ, ни одну не нашелъ по сердцу и свою выдумалъ, Сусловскую... Вотъ и я свою найду... Мнѣ безъ этого никакъ жить нельзя... Не понимаешь ты этого... Тебѣ кажется, что я тобой недоволенъ и сержусь на тебя, а этого нѣтъ. Ей-Богу, нѣтъ!.. Я уважаю тебя... А сержусь я на всѣхъ, и недоволенъ я всѣми людьми... И, главнымъ образомъ, за то, что они изъ жизни помойную яму устроили, одно безсмысліе, и стойла для себя вездѣ понадѣлали... Отецъ, вотъ, имъ новыя строитъ... радъ, что люди такіе...

МАТРЕША. Это ты такъ все говоришь... Ты мной недоволенъ... Я это чувствую, чувствую сердцемъ...

АРТАМОНЪ. (Задумавшись) Выходитъ, что и чувства, какъ мысли, есть короткія и слѣпыя...

Digitized by Google

МАТРЕША. Опять недоволенъ... Что ни скажу, все не такъ...

(Пауза)

АРТАМОНЪ. Водка дома у насъ есть?

МАТРЕША. Вѣдь ты далъ слово Еленѣ Егоровнѣ не пить...

АРТАМОНЪ. Ну, ладно... Ты не говори ей... Есть водка?

МАТРЕША. Нѣтъ.

АРТАМОНЪ. Сходи купи... (Вынимаетъ кошелекъ)

МАТРЕША. Не пойду!.. Ни за что не пойду! Не надо тебѣ водку нить... Вредно...

АРТАМОНЪ. И удивительно, право, какъ люди свою шкуру берегутъ!.. Я самъ пойду, куплю... (Встаетъ)

МАТРЕША. Не ходи! Не пущу я тебя.

АРТАМОНЪ. Меня не пускать нельзя... Запомни это...

(Уходитъ въ ворота. Матреша склоняется надъ столомъ и украдкой вытираетъ слезы. Пауза. Подходитъ Копейкина)

КОПЕЙКИНА. Хотите умный совѣтъ послушать?

МАТРЕША. Какой совѣтъ?

КОПЕЙКИНА. Пропавшая ваша жизнь, если не послушаете меня.

МАТРЕША. Вы ходили тутъ и подслушивали?..

КОПЕЙКИНА. Чего подслушивать? Всѣ знаютъ, какъ вы живете... Мнѣ жалко васъ, хочу совѣтъ вамъ дать... Я въ жизни все видѣла, все испытала... Была дурой, стала умной, только—жаль—поздно, ухватиться не за что, и молодость прошла... А была я покрасивѣе васъ...

МАТРЕША. Я ничего отъ васъ нехочу... Оставьте меня...

КОПЕЙКИНА. Мнѣ жалко васъ... Пропадете!.. Много нашей сестры пропадаетъ изъ-за мужей... А

Digitized by Google

вашъ такой, что хуже моего... Развѣ можно на него положиться? Плюньте на него—совѣтую! Послушайте меня: ступайте сейчасъ къ старику,—такъ и такъ, молъ, простите за все и обезпечьте маленькаго Суслова... Проститъ старикъ,—онъ спитъ и видитъ, говорятъ, внученка имѣть... И еще въ домъ къ себѣ возьметъ... Вѣдь онъ одинъ живетъ... Ступайте!.. Спасибо мнѣ скажете... вѣкъ будете благодарить...

(Матреша встаетъ и идетъ къ крыльцу. Изъ воротъ выходитъ Осокинъ)

КОПЕЙКИНА. Что ужъ больно гордо себя держите? Разговаривать не хотите? Можетъ быть, хуже меня будете нищей... Я какая ни-на есть, а внѣ закона дѣтей не рожала!.. Мой папаша хотя и парикмахеръ, но никогда бы этого не допустилъ бы...

МАТРЕША. Вы напрасно обидѣлись на меня... Я просто не хочу слушать вашихъ совѣтовъ... (Входитъ на крыльцо)

ОСОКИНЪ. Не обращайте вниманія, Матрена Степановна. У госпожи Копейкиной сердце уязвленное,—ей все кажется, что ее обижаютъ и посягаютъ на ея драгоцѣнное существованіе.

КОПЕЙКИНА. Не только уязвленное, а... я уже не знаю, какое... въ клочки разорванное!

ОСОКИНЪ. (Обращаясь къ Матрешѣ) Куда это мужъ ушелъ? Сейчасъ видѣлъ, прошелъ въ ворота, безъ шапки...

МАТРЕША. Не знаю... Такъ... должно быть, на улицѣ постоять...

ОСОКИНЪ. (Стараясь понравиться Матрешѣ) Я все-таки люблю его... Онъ меня не перевариваетъ, а я люблю... И радъ, очень радъ, что старику сейчасъ потасовку задалъ. Слѣдуетъ! Его бы въ волостномъ правленіи положить на скамейку и выпороть... Я съ удовольствіемъ всыпалъ бы ему штукъ сто!..

КОПЕЙКИНА. Лиса... Вотъ лиса!..

Digitized by Google

осокинъ. Вамъ, Матрена Степановна, не подходитъ называться Матреной Степановной... Вамъ шло бы имя—Людмила, Татьяна, и еще лучше бы—Раиса: въ этомъ имени есть что-то райское...

матреша. Не къ чему этотъ разговоръ... (Уходитъ)

осокинъ. Ушла... Не везетъ... Совсѣмъ перестало везти... Чортъ знаетъ, какія женщины стали, даже модистки!.. Бывало, разъ, два—и готово, а теперь ни чорта не выходитъ... Старъ, что ли, сталъ?

копейкина. Пора ужъ угомониться... Я думаю, много погубили нашей сестры... И не стыдно?

осокинъ. Чего же стыдиться? Горжусь... (Пристально посмотрѣвъ на Копейкину) Приходите часовъ въ двѣнадцать сюда...

копейкина. Что вы! У меня мужъ умираетъ...

осокинъ. Не умретъ,—онъ сто лѣтъ будетъ умирать... Въ самомъ дѣлѣ, приходите—тряхнемъ стариной!..

конейкина. Пожалуйста, не смѣйтесь... Я была очень хорошенькая... На Тверской въ фотографіи моя карточка даже висѣла. .

осокинъ. Я не смѣюсь... Ей-Богу, серьезно... Мнѣ ваша душа нравится и вообще...

(Входитъ Артамонъ. Копейкина убѣгаетъ домой. Осокинъ быстро пошелъ къ воротамъ. Встрѣтясь съ Артамономъ, они посмотрѣли другъ на друга и, молча, разошлись; Артамонъ, оставшись одинъ, вынимаетъ изъ кармана бутылку съ водкой, выбиваетъ пробку, стуча по дну бутылки ладонью, и пьетъ прямо изъ горлышка, сидя на скамейкѣ. Встаетъ и нервной походкой, что-то обдумывая, поглаживая голову, ходитъ по садику, нѣсколько разъ выпивая изъ бутылки.

Освѣтились нѣкоторыя окна—стало совсѣмъ темно. Клочокъ неба безъ облака, и кажется звѣздъ на немъ еще больше... Городъ какъ будто бы особенно неспокоенъ: въ обычномъ шумѣ его слышны новые, необычайные звуки.

Digitized by Google

Елена возвращается откуда-то домой. Входитъ въ ворота и проходитъ по крыльцу)

АРТАМОНЪ. (Сидя на скамейкѣ) Елена, это ты? (Отбрасываетъ бутылку)

ЕЛЕНА. (Вздрагивая) Ты меня испугалъ. (Подходя къ нему) Наши дома?

АРТАМОНЪ. Не приходили еще... Я очень радъ, что ихъ не было,—здѣсь была безобразная исторія... Приходилъ отецъ...

ЕЛЕНА. Теперь мнѣ все равно, что было здѣсь и будетъ... Я обрубила. Сейчасъ ѣду.

АРТАМОНЪ. (Растерявшись) Куда?

ЕЛЕНА. На югъ...

АРТАМОНЪ. Зачѣмъ?

ЕЛЕНА. Нужно... Я обязана... Не спрашивай,— ничего не скажу... Надо торопиться, пока не пришли наши... Иначе не выбраться. Поѣздъ отходитъ въ 12 часовъ... Если можешь, дай мнѣ пятнадцать рублей... Я боюсь, что у меня не хватитъ...

АРТАМОНЪ. Ты не уѣдешь...

ЕЛЕНА. Не будемъ ни о чемъ говорить. Все кончено... Я обрубила.

АРТАМОНЪ. Ты не уѣдешь... Тебя не хватитъ на это... Ты вернешься съ первой станціи!

ЕЛЕНА. Подло удерживать меня... Ты не долженъ!.. Я дала слово ѣхать, и я обязана ѣхать... Я не могу дольше оставаться въ этой квартирѣ! (Показываетъ на окна своей квартиры)

АРТАМОНЪ. Ты не можешь?.. Зачѣмъ же ты помогала меня приковать къ ней? Чтобъ я одинъ задохнулся? Да?

ЕЛЕНА. Это было необходимо... У тебя не было другого выхода.

АРТАМОНЪ. Вздоръ!

ЕЛЕНА. Надо торопиться... Мнѣ нужно взять кой-какія бумаги... (Идетъ къ крыльцу)

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. (Хватая ее за руку) Постой!.. Мнѣ нужно что-то тебѣ сказать... Погоди, я сейчасъ вспомню...

ЕЛЕНА. (Подумавъ, рѣшительно) Я знаю, что ты хочешь сказать... Я не люблю тебя и уѣду одна... Больше разговаривать намъ не о чемъ.

АРТАМОНЪ. (Растерявшись, какъ ребенокъ) Я зналъ это, но... Какъ же это? Что же мнѣ дѣлать? Ты... ты...

(Изъ воротъ выходятъ старики Кастьяновы, возвращающіеся изъ гостей)

ЕЛЕНА. Наши!

КАСТЬЯНОВЪ. Ты что это, Леночка? Куда собралась?

ЕЛЕНА. Я на минуту... Мнѣ нужно сходить къ Гофманъ... отнести книгу...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Нѣтъ, нѣтъ, не пущу. Одиннадцатый часъ, на улицахъ тьма оборванцевъ, просто проходу нѣтъ!.. Пойдемъ ужинать... Напрасно не пошла съ нами,—было очень весело! И квартира у нихъ большая, въ семь комнатъ! (Подходя къ двери) Пойдемте!

ЕЛЕНА. (Сходя съ крыльца) Я сейчасъ приду, мама.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Не пущу. Не пущу! Иди домой!..

КАСТЬЯНОВЪ. Можетъ быть, ей и въ самомъ дѣлѣ очень нужно, старуха... Гофманъ недалеко живетъ, она скоро придетъ... Только дай слово, что скоро придешь. (Обращаясь къ Артамону) Проводи ее!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Съ нимъ не пущу... Кухарку возьми...

ЕЛЕНА. Какія глупости! Никакихъ провожатыхъ не надо... Я одна. (Идетъ и останавливается) Забыла взять книгу.

КАСТЬЯНОВЪ. Какую? Я принесу сейчасъ...

ЕЛЕНА. Я сама.

(Входитъ въ квартиру. Старики идутъ за ней. Артамонъ остается въ неподвижной позѣ у

Digitized by Google

крыльца; черезъ нѣкоторое время возвращаются Елена и старикъ Кастьяновъ. Елена спускается съ крыльца)

КАСТЬЯНОВЪ. (Стоя на крыльцѣ) Такъ ты, смотри, не обманывай! Ужинать будемъ ждать...

ЕЛЕНА. (Съ напускной веселостью) Сейчасъ, сейчасъ... Ахъ, какой ты! (Толкая его въ дверь и, смѣясь, цѣлуя голову) Пошелъ, пошелъ домой... а то зацѣлую тебя до смерти!

(Старикъ скрылся за дверью. Что-то оборвалось въ груди Елены... Моментъ колебанія... Освѣтились окна квартиры... Елена подбѣжала къ окну и, прячась, заглядываетъ въ него)

ЕЛЕНА. (Тихо) Они умрутъ... Ты будь съ ними... все время будь съ ними... Тебѣ не долго придется здѣсь быть: они умрутъ.

АРТАМОНЪ. Ты возвратишься съ первой станціи...

ЕЛЕНА. (Не слыша фразы Артамона и продолжая смотрѣть въ окно) Папа заводитъ часы... заводитъ часы... Надъ нимъ крыло смерти...

АРТАМОНЪ. Ты возвратишься съ первой станціи...

ЕЛЕНА. Никогда... (Отходя отъ окна) Давай пятнадцать рублей...

(Артамонъ, медленно отсчитывая, даетъ деньги)

ЕЛЕНА. Скорѣй... Но до поѣзда еще долго... Я успѣю... Я уже свободна!

АРТАМОНЪ. Покуда живы они, ты не будешь свободна, гдѣ бы ты ни была!

ЕЛЕНА. Да... Это жестокая мысль... Отойдемъ подальше, а то насъ могутъ слышать... (Отходятъ къ скамейкѣ. Пауза) Зачѣмъ мы отошли?.. Намъ нечего говорить... Надо торопиться... Поѣздъ отходитъ въ двѣнадцать... Теперь одиннадцатый... Мама, кажется, сказала—одиннадцатый?.. Я ѣду на югъ... Ты не бросай ихъ... Ты... Я, можетъ быть, тебѣ напишу...

Digitized by Google

(Опять подбѣгаетъ къ окну) Папа все еще заводитъ часы!.. Какъ долго онъ заводитъ ихъ сегодня!.. Почему такъ долго?.. Мама уже въ капотѣ... Удивительно скоро она надѣваетъ капотъ! (Подходя къ Артамону) Въ каждое воскресенье папѣ коробку конфектъ... Я могла только ему давать коробку конфектъ въ каждое воскресенье. Артамонъ!.. (Пауза) Артамонъ, скажи мнѣ что-нибудь! Давай сядемъ... сядемъ... поговоримъ... (Садятся. Пауза) Говори... Намъ надо что-то такое сказать... Отъ тебя пахнетъ водкой... Ты опять пилъ водку?

АРТАМОНЪ. Сегодня случится что-нибудь... А если не случится, я никогда не уйду отсюда...

ЕЛЕНА. О чемъ ты говоришь?

АРТАМОНЪ. Когда я не зналъ тебя, у меня были тяжелыя мысли... И когда я узналъ тебя, мысли эти стали легкими и свѣтлыми... Онѣ не были тяжелы мнѣ... Теперь онѣ опять дѣлаются тяжелыми, и онѣ раздавятъ меня.

ЕЛЕНА. Я не понимаю хорошо, о чемъ ты говоришь... Тебѣ надо сдѣлаться человѣкомъ, надо научиться работать. Я говорю пошлости... Не слушай... Тебѣ подскажетъ сердце, что надо дѣлать. Я вѣрю въ твое сердце. Ты человѣкъ большой любви...

(Пауза)

АРТАМОНЪ. Ты ѣдешь по Курской дорогѣ?

ЕЛЕНА. По Курской... Я уже забыла, что ѣду... Черезъ два дня я на югѣ... Увижу море... Я никогда не видала моря... Оно мнѣ представляется грознымъ. Какъ жаль, что это все такъ выходитъ... Мы—друзья и враги... Все равно... (Подбѣгаетъ къ окну) Должно быть, часы испортились... Папа все еще заводитъ ихъ. Когда я была маленькой, я пугалась, какъ били они по ночамъ... уходила спать къ мамѣ... Но теперь этого нѣтъ... есть только будущее. Я вѣрю, вѣрю, Артамонъ! Если придется мнѣ умереть, я умру безъ

Digitized by Google

страха... (Отбѣгая отъ окна) Мама подошла къ окну... Должно быть, услыхала мой голосъ. Скорѣе... скорѣе... (Бѣжитъ къ воротамъ и останавливается) Копейкинъ... Я не простилась съ нимъ... Надо его повидать. (Вбѣгаетъ на крыльцо и задумывается, взявшись за ручку двери) Можно и не видать...

АРТАМОНЪ. Елена, я сейчасъ караулъ закричу на весь городъ... Въ Богородскѣ будетъ слышно!..

ЕЛЕНА. Глупости... Надо идти. (Спускается съ крыльца) Теперь ужъ пора.

АРТАМОНЪ. Ты уйдешь, я пойду и убью отца своего.

ЕЛЕНА. Что за вздоръ?

АРТАМОНЪ. Если бы не онъ, ты не ушла бы отъ меня. Онъ сдѣлалъ меня ненужнымъ тебѣ... Онъ... только онъ. Я лишній вездѣ, гдѣ честно, свято и тепло... Да есть ли это? Есть ли? Елена, гдѣ это все хорошее, о чемъ мы съ тобой говорили? Что душу живило, въ восторгъ приводило?.. Вѣдь мнѣ землю хотѣлось порой цѣловать!.. Гдѣ оно? Нѣтъ, ничего нѣтъ... обманъ одинъ... Тьма, кругомъ тьма!.. Потомъ другимъ будетъ лучше... А я хочу, чтобы мнѣ было лучше!.. Я закричу сейчасъ... Ей-Богу, Елена, закричу!.. Не могу я жизни переносить... не могу!..

ЕЛЕНА. Тише... тише... не надо такъ громко... Теперь о томъ, что было, поздно говорить... Вѣрь, какъ я... Прощай!..

АРТАМОНЪ. Не вѣрю... Ничему не вѣрю... Все обманъ, все иллюзія... Не уходи, ради Бога, не уходи! Ты пойми, я хочу, чтобы мнѣ было лучше!

ЕЛЕНА. Я не знаю, о чемъ мы говоримъ. Все это не нужно, все лишнее... Я обрубила... я обрубила. (Быстро уходитъ)

АРТАМОНЪ. (Слѣдуя за ней) Погоди... Я понялъ, что я хочу сказать. Погоди.

Digitized by Google

(Оба исчезаютъ во тьмѣ передняго двора. Сцена долгое время пуста. Вышелъ изъ крыльца какой-то жилецъ и торопливой походкой прошелъ въ ворота. Большая пауза. Распахивается окно въ квартирѣ Копейкиныхъ, и раздается дрожащій голосъ, безсильный и сильный, тихій и громкій отъ слезъ)

КОПЕЙКИНА. (Въ окнѣ) Кто-нибудь подите сюда!.. Человѣкъ скончался! Мужъ умеръ!.. Батюшки! (Падая на подоконникъ, въ слезахъ) Родимые!.. Кто-нибудь подите сюда!

(Прислушивается къ тишинѣ садика и, убѣждаясь, что никого нѣтъ, отбѣгаетъ отъ окна. Гдѣ-то въ другой квартирѣ отворилось окно, выглянула голова въ турецкой фескѣ, и опять закрылось окно... Пауза.

Выбѣгаетъ испуганная, потрясенная смертью отца, Таня. Какъ кошка по крышѣ горящаго домика, мечется по садику, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета... И очутившись у дерева, склоняется на стволъ его, испуганными глазами глядитъ на окна своей квартиры и шепчетъ)

ТАНЯ. Папочка... Папочка... Папочка!

(Вбѣгаетъ Артамонъ и останавливается у воротъ. Таня пугается его и убѣгаетъ домой. Артамонъ, помимо своей воли, кѣмъ-то толкаемый, повернулся на мѣстѣ и пошелъ, смотря въ землю, къ лѣвой стѣнѣ... Натыкается на стѣну, прижимаетъ къ ней лобъ и стонетъ сквозь зубы, задерживая въ себѣ крикъ. Пауза.

Въ квартирѣ Кастьяновыхъ отворяется окно... Показывается въ окнѣ старикъ и прислушивается къ тишинѣ садика...

Спустя немного, къ нему подходитъ старуха и спрашиваетъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА. Идетъ?

(Прислушивается къ тишинѣ)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостепріимный ночлежный домъ Ольги Ивановны. Странная комната: на окнахъ спущены тяжелыя красныя занавѣси, обои свѣтлоголубые, и это сочетаніе голубого и краснаго производитъ впечатлѣніе чего-то нелѣпаго. Съ правой стороны, на первомъ планѣ, стоитъ двухспальная, красивая кровать, покрытая шелковымъ одѣяломъ, со множествомъ подушекъ; надъ ней слабо горитъ розовый фонарь. У кровати умывальникъ и женскій туалетный столикъ. Посрединѣ гостиная мебель и столъ. На высокихъ тумбочкахъ по бокамъ дивана канделябры. На стольчикахъ запыленные, искусственные цвѣты-букеты. На круглой желѣзной печкѣ стоитъ гипсовая фигура женщины. Въ каждомъ простѣнкѣ между оконъ большія зеркала, отчего комната называется «зеркальной». Полъ закрытъ разноцвѣтными старыми коврами. Два новыхъ ковра, съ изображеніемъ какихъ-то странныхъ фигуръ, украшаютъ стѣны. Кромѣ нихъ, стѣны еще украшены дешевыми олеографіями въ золоченыхъ рамахъ. Въ глубинѣ, въ углу, иконы; передъ ними теплятся лампадки. Въ открытую дверь видна передняя, освѣщенная стѣнной лампой. Изъ передней спускается лѣстница къ парадному крыльцу, обнесенная перилами и обставленная растеніями въ банкахъ.

По поднятіи занавѣса, комната долго пуста. Слышно, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи. Потомъ вдругъ, какъ будто бы призракъ, не то изъ-за двери, не то изъ-за печи, безшумно, въ туфляхъ, появляется низенькая, тщедушная, со сморщеннымъ личикомъ, набѣленнымъ и нарумяненнымъ, старушка, съ трясущейся нижней челюстью. Это Ольга Ивановна. На ней шелковая верхняя юбка и ночная бѣленькая кофточка. Волосы растрепаны, сѣдая косичка, какъ мышиный хвостикъ, трясется сзади. Въ рукахъ у нея собачка—больная болонка, съ которой она няньчится, какъ съ ребенкомъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. (Баюкая собачонку) Ну, ну, лежи... больна, такъ лежи... Чего тутъ вертишься?.. Я тебѣ на ноги чулки свяжу, не будешь простужаться!

Digitized by Google

(Ласково теребя собачку за ухо) Не бѣгай... не бѣгай... Хлопнуть палкой — будешь знать... Люди другъ друга убиваютъ, а тебя развѣ пожалѣютъ? Нѣтъ въ нихъ жалости... Черти они, черти... (Садится на стулъ, задумывается, поетъ что-то божественное и качаетъ собачку. Пауза. Слышно, какъ подъѣзжаютъ къ дому) Пріѣхали... (Обращается къ собачонкѣ) Не пустимъ... мы съ тобой никого не пустимъ... Сами все живое мясо съѣдимъ... Любители... Будь они прокляты!..

(Пауза. Раздается громкій, продолжительно-отрывистый звонокъ. Въ передней появляется Прасковьюшка, компаньонка и подруга Ольги Ивановны. Она очень похожа на Ольгу Ивановну, какъ будто сестра, но только значительно моложе ея и не имѣетъ привычки бѣлиться и румяниться. Одѣта прилично—для пріема гостей)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Не пускай!.. Видѣть никого не хочу... Не пускай...

ПРАСКОВЬЮШКА. Молчите... Завтра за квартиру платить, такъ не то запоете...

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Изъ банка возьмемъ... Возьмемъ изъ банка...

ПРАСКОВЬЮШКА. Идите въ свою комнату... Знаю я васъ!

(Спускается съ лѣстницы. Ольга Ивановна выбѣгаетъ въ переднюю)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Не смѣй, Прасковья! Я не хочу... не хочу я больше грѣха... Дай умереть безъ этого... (Съ параднаго крыльца доносится разговоръ) Прасковья! (Задыхаясь отъ злобы) Слышишь? Слышишь, что̀ я говорю?..

(Прасковьюшка появляется на лѣстницѣ)

ПРАСКОВЬЮШКА. Что орете? Хорошіе господа... Иванъ Игнатьевъ привезъ...

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Какой Иванъ Игнатьевъ?

ПРАСКОВЬЮШКА. Извозчикъ. Онъ плохихъ не

Digitized by Google

привезетъ: знаетъ, какихъ намъ можно, какихъ— нѣтъ... Одинъ-то бывалъ у насъ—знакомый...

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Окаянная... Будешь въ огнѣ горѣть, будешь!

ПРАСКОВЬЮШКА. Вмѣстѣ будемъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я не хочу больше...

ПРАСКОВЬЮШКА. Будетъ болтать-то!... Нашло на тебя, завтра пройдетъ,—опять за старое примешься... Не въ первый разъ находитъ на тебя... Успѣешь покаяться, великій постъ для этого есть. (Нетерпѣливо громко стучатъ въ дверь и звонятъ) Стучатъ... Иди-ка въ свою комнату!.. Молись!

(Спускается съ лѣстницы)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. (Ей вслѣдъ) Будешь въ аду горѣть... Будешь!.. Проклятая, кошкина дочь!

(Уходитъ въ свою комнату, въ которую ведетъ изъ парадной дверь.

По лѣстницѣ поднимаются Осокинъ и Артамонъ Сусловъ. Прасковьюшка помогаетъ имъ раздѣваться въ передней. Артамонъ Сусловъ медленно раздѣвается, чего-то стыдится, робѣетъ. Сильно пьянъ и старается не показать этого. Осокинъ чувствуетъ себя, какъ дома, поетъ, щиплетъ Прасковьюшку.

Войдя въ комнату, онъ окидываетъ ее взглядомъ, встаетъ въ театральную позу и поетъ)

ОСОКИНЪ. «Мнѣ все здѣсь на память»...

ПРАСКОВЬЮШКА. (Зажигая лампу на столѣ передъ диваномъ) Вотъ веселый какой... Давно не были...

ОСОКИНЪ. Давно, мадамъ Просковьюшка, давно, благодѣтельница... (Обращается къ Артамону, стоящему въ передней) Ты чего же тамъ стоишь? Здѣсь безъ доклада, каждый хозяинъ, входи.

(Артамонъ не входитъ, стоитъ въ передней и смотритъ въ комнату Ольги Ивановны)

ОСОКИНЪ. На что ты тамъ заглядѣлся?

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. (Подходя къ двери, пораженный видимымъ фактомъ) Какая-то старуха тамъ молится.

ОСОКИНЪ. Это Ольга Ивановна... сама Ольга Ивановна!...

ПРАСКОВЬЮШКА. Ахъ, Господи!... И двери не затворила... (Уходитъ, чтобъ затворить дверь, и скоро возвращается)

ОСОКИНЪ. Экземпляръ, батюшка мой!.. Типчикъ... Хоть сейчасъ на выставку... Видишь?

АРТАМОНЪ. Какъ же это такъ?

ОСОКИНЪ. Ну, ее къ чорту! У насъ на каждомъ шагу непонятное недоразумѣніе... Я привыкъ ко всякимъ нелѣпостямъ... Иди сюда!.. (Втаскиваетъ его въ комнату за рукавъ) Вотъ комната, о которой я тебѣ говорилъ... Эти стѣны видѣли и слышали такія штуки, что если бы разсказали,—покраснѣли бы всѣ кремлевскія башни и московскія церкви... Правда, Прасковьюшка?

ПРАСКОВЬЮШКА. Ничего у насъ нѣтъ такого. Сорокъ лѣтъ Ольга Ивановна проживаетъ здѣсь, и никогда ничего.

ОСОКИНЪ. Сорокъ лѣтъ!.. Слышишь? Сорокъ лѣтъ! Вѣдь это московская древняя грановитая палата...

(Артамонъ сѣлъ и углубился въ самого себя)

АРТАМОНЪ. Странная старуха... молится...

ОСОКИНЪ. Плюнь на нее!.. Надъ каждой ерундой ты голову ломаешь. Прасковьюшка, за дѣло! Живо два экземплярчика. Мнѣ эту... какъ ее?—Феоночку... Обязательно... Ради нея только и пріѣхалъ. (Обращаясь къ Артамону) Прекрасная дѣвушка: бюстъ феноменальный, а животъ съ ладонь... Понимаешь?..

АРТАМОНЪ. Пакостникъ ты...

ОСОКИНЪ. (Добродушно похлопывая его по плечу). Ладно! Разсказывай сказки, наводи тѣнь... Знаю я тебя!.. (Обращается къ Прасковьюшкѣ) Ему, Прасковьюшка...

АРТАМОНЪ. Никого мнѣ не надо.

Digitized by Google

ОСОКИНЪ. Будетъ влюбленнаго корчить! Ему что-нибудь такое попроще, вродѣ крымскаго яблочка. Главное, чтобъ упругость была, упругость... (Обращаясь къ Артамону) Такъ, что ли? Угодилъ?

АРТАМОНЪ. Никого мнѣ не надо.

ОСОКИНЪ. (Обращаясь къ Прасковьюшкѣ) Шагомъ маршъ!.. Живо!.. А предварительно сейчасъ бутылочку коньяку — три звѣзды — и яблоковъ... Валяйте...

ПРАСКОВЬЮШКА. Приказальщикъ какой! Постараюсь. (Уходитъ за коньякомъ)

АРТАМОНЪ. Зачѣмъ ты меня сюда привезъ?

ОСОКИНЪ. Самъ же просилъ всю подкожную Москвы показать.

АРТАМОНЪ. Подкожную... Это не подкожность... Это тоже одна внѣшность.

ОСОКИНЪ. Да что же мнѣ для тебя кожу москвичей выворотить? Чудакъ человѣкъ... Не понимаю, чего ты хочешь?

АРТАМОНЪ. Въ томъ-то и дѣло, что не понимаешь. (Встаетъ и идетъ къ двери)

ОСОКИНЪ. Куда ты?

АРТАМОНЪ. На старуху посмотрю. (Выходитъ въ переднюю и возвращается) Затворилась.

ОСОКИНЪ Что она тебѣ далась?

АРТАМОНЪ. Мать напомнила... Она такъ же молилась. Комнатка у ней была махонькая, и вся въ иконахъ, какъ у этой. Надымитъ, накадитъ и стоитъ, словно въ ѳиміамѣ какомъ небесномъ... А свѣчи и лампадки въ туманѣ этомъ мигаютъ и тухнутъ, и никакъ не могутъ потухнуть...

(Входитъ Прасковьюшка съ коньякомъ и фруктами въ вазѣ)

ОСОКИНЪ. Вотъ это хорошо! Подопьемся!..

ПРАСКОВЬЮШКА. (Ставя на столъ принесенное) Пожалуйста! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Digitized by Google

ОСОКИНЪ. Ну, живо второй номеръ!.. Одна нога тамъ, другая здѣсь.

ПРАСКОВЬЮШКА. (Выходя изъ комнаты) Ишь, разгорѣлось... Торопыга какой!..

ОСОКИНЪ. Убить такую, какъ собаку... У нихъ денегъ много...

АРТАМОНЪ. Да и насъ съ тобой не мѣшаетъ.

ОСОКИНЪ. (Наливая коньякъ) Подопьемся! Брось все... На свѣтѣ—все трынъ-трава, Артамонъ... Помни это и пей...

(Пьютъ)

ОСОКИНЪ. Будь у меня твои деньги, я показалъ бы себя... я сумѣлъ бы пожить! Вспомнили бы Осокина... Да онѣ будутъ!.. Слышишь? (Ударяетъ кулакомъ по столу) Издохну, а деньги будутъ!.. Безъ тебя проживу... Не хочешь со мной дѣла дѣлать, не вѣришь,—не надо...

АРТАМОНЪ. Ничего у тебя не выйдетъ... Дворянинъ ты,—проживать только умѣешь.

ОСОКИНЪ. Чортова перечница!.. Въ прошломъ году съ барками на Волгѣ, если бы меня не подвелъ компаньонъ-мерзавецъ, я бы... Сто тысячъ у меня сейчасъ было бы!.. «Проживать только умѣешь»... Дурья голова... Я три раза былъ богатъ...

АРТАМОНЪ. Наслѣдства получалъ...

ОСОКИНЪ. Нѣтъ, не наслѣдства. Поѣзжай-ка на Волгу—на всѣхъ пароходахъ, во всѣхъ гостиницахъ торговые прейсъ-куранты моего изданія... Вездѣ прочтешь: «Изданіе Осокина».—Ты думаешь, это шутка? Нѣтъ, братъ, это пятьюдесятью тысячами пахнетъ. Тридцать тысячъ въ карманъ положилъ... Не вѣришь? Счета покажу! Да развѣ тебѣ что-нибудь докажешь, Ѳома невѣрующій!

АРТАМОНЪ. И нечего доказывать,—мнѣ это не интересно.

ОСОКИНЪ. А что тебѣ интересно? Ленка Кастья-

Digitized by Google

нова? Такъ будь у меня деньги, черезъ недѣлю моя была бы, безъ остатковъ, безъ всякихъ разговоровъ... И всѣ бы эти ея идеи и убѣжденія въ пятки ушли бы, и стала бы она ихъ топтать, а я бы приговаривать: такъ ихъ и надо, такъ ихъ и надо!.. Терпѣть не могу ученыхъ дѣвокъ. Врутъ, канальи!..

АРТАМОНЪ. Дуракъ!

ОСОКИНЪ. Вотъ тебѣ и дуракъ. А я одну курсистку въ три дня обставилъ. Такіе подвелъ турусы на колесахъ, такъ залиберальничалъ, что она сейчасъ же меня за революціонера приняла, и понятно, разъ, два—и готова... «Ахъ, ахъ, ошиблась!..» Слезы, рыданье... «Не ошибайтесь, до свиданья!» Знаю я этихъ ученыхъ... и Ленка такая же... Черезъ недѣлю—моя... Пари на пятьсотъ!

(Подаетъ ему руку)

АРТАМОНЪ. (Крѣпко сжимая его руку) Пятьсотъ, говоришь? Пятьсотъ, такъ пятьсотъ...

ОСОКИНЪ. (Вырывая руку) Пусти!.. Выпусти, говорю... Не ломай пальцы... Ой!

АРТАМОНЪ. (Сжимая сильнѣе). Пятьсотъ, такъ пятьсотъ...

ОСОКИНЪ. (Корчась) Не дури! Больно... Я шутя говорилъ про нее... На кой чортъ мнѣ она? Пусти!.. Ее семью собаками не найдешь теперь... Пусти!

АРТАМОНЪ. (Выпуская руку) Не забывай... И не смѣй здѣсь говорить про нее.

ОСОКИНЪ. Медвѣдь! Настоящій медвѣдь... Буржуй!..

АРТАМОНЪ. Не нравится вашей милости? Смотри! (Показываетъ ему кулакъ) Ври, да не завирайся...

ОСОКИНЪ. Ну, будетъ, перестань... Изъ-за всякой чепухи ты серьезныя вещи дѣлаешь... Пріѣхали время провести, а ты тутъ... Глупо это. Давай подопьемся... (Наливаетъ двѣ рюмки и пьетъ)

АРТАМОНЪ. (Угрюмо смотря на него) И зачѣмъ ты на

Digitized by Google

свѣтѣ живешь? Притомъ разными субсидіями и преимуществами пользуешься... Удавить тебя надо.

ОСОКИНЪ. Погоди, я тебѣ покажу... Къ Рождеству золото буду лопатами загребать.

АРТАМОНЪ. Никакими я съ тобой дѣлами не желаю заниматься. Всѣ эти дѣла—воровство одно. Я и отцу это говорилъ, и тебѣ неоднократно повторялъ,—и все вы ко мнѣ пристаете. Ну васъ въ банное озеро!... Отецъ мой мясникъ и домостроитель, а ты дворянинъ, но цѣна вамъ обоимъ два ломаныхъ гроша, а я ихъ не дамъ... Слышишь?

ОСОКИНЪ. Съ тобой о дѣлѣ говорятъ, а ты антимонію заводишь... Болванъ!.. Ты купецъ, и твое дѣло хватать, ашать—и больше никакихъ. Пожалуйста, не задавайся на макароны! Если каждый алтынникъ будетъ разсуждать, такъ это...

АРТАМОНЪ. (Строго) Молчи... (Пауза) Глупый ты человѣкъ, больше ничего... Зачѣмъ привезъ меня сюда?

ОСОКИНЪ. Ребенокъ какой!.. Спеленали, да привезли.

АРТАМОНЪ. Подмазываешься, подлаживаешься... Эхъ ты, дворянинъ! Ты думаешь, что я тебя не вижу?.. Насквозь вижу и—презираю... Да, презираю. (Пьетъ)

ОСОКИНЪ. Погоди... (Наливаетъ себѣ рюмку и чокается съ нимъ) Помиримся. Терпѣть не могу ссоръ... Я, братъ, рубаха: для меня люди всѣ равны...

АРТАМОНЪ. Врешь!

ОСОКИНЪ. Съ тобой сегодня разговаривать нельзя.

АРТАМОНЪ. То-то! (Пьетъ) Мнѣ на свѣтъ не хочется глядѣть, а ты съ разными глупостями... И про Кастьяиову не смѣй такъ, никогда не смѣй...

ОСОКИНЪ. Да вѣдь я же шутя про нее... такъ, между прочимъ. А если дѣйствительно хочешь знать мое мнѣніе объ ней, такъ я тебѣ скажу...

Digitized by Google

(Артамону пріятно говорить о Еленѣ Кастьяновой, и на этотъ разъ онъ не замѣчаетъ, какъ Осокинъ подлаживается къ нему, навязывается съ дружбой)

АРТАМОНЪ. Говори.

ОСОКИНЪ. Рѣдкая дѣвушка... Не отъ міра сего... Она вся тамъ, гдѣ-то далеко, въ будущемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ она—на землѣ... Она любитъ каждый булыжникъ на улицѣ и, кажется, страдаетъ за него, когда ходятъ и ѣздятъ по немъ.

АРТАМОНЪ. Вѣрно... вотъ это вѣрно! Глаза у ней какіе-то такіе ясные, особенные...

ОСОКИНЪ. Глаза рѣдкіе,—ни у одной такихъ не встрѣчалъ...

АРТАМОНЪ. Правда вѣдь? Это рѣсницы дѣлаютъ ихъ такими... Потомъ, у ней волосы... Смотри, какіе волосы...

(Вынимаетъ бумажникъ и изъ него вытаскиваетъ фотографическую карточку Елены)

АРТАМОНЪ. (Показывая карточку) Волны... понимаешь,—волны!

ОСОКИНЪ. Она на птицу похожа.

АРТАМОНЪ. Не даромъ ей улетѣть все куда-то хотѣлось... Жива ли?

ОСОКИНЪ. Хороша-то хороша, только вотъ что, братъ,—ты мнѣ объ ней говорить здѣсь запрещаешь, а самъ карточку вытащилъ. Это некрасиво.

АРТАМОНЪ. Да, да... Я и забылъ, что мы въ этомъ домѣ... Поѣдемъ отсюда!

ОСОКИНЪ. Погоди... Здѣсь хорошо, уютно... Подопьемся...

(Пьетъ. Пауза. Осокинъ ложится на диванъ; Артамонъ сидитъ въ креслѣ и живетъ тяжелыми, пьяными ощущеніями и мыслями)

ОСОКИНЪ. Хорошо... Люблю пожить... Люблю, знаешь, чувствовать себя такъ, какъ сейчасъ... Мнѣ какъ-то все безразлично и ни о чемъ не думается...

Digitized by Google

Тамъ, гдѣ-то, кто-то кричитъ, бѣснуется, бьется о стѣнку головой, а мнѣ все равно—лежу и курю... Это блаженство, которое не всѣмъ понятно... Хорошо...

(Пауза)

АРТАМОНЪ. Обидно.

ОСОКИНЪ. Что?

АРТАМОНЪ. Обидно мнѣ!

ОСОКИНЪ. (Равнодушно, смакуя свое блаженство) Что обидно?

АРТАМОНЪ. Изъ жизни моей ничего не выходитъ и, кажется, ничего не выйдетъ. (Размышляя) Дома чужой я и тамъ... чужой...

ОСОКИНЪ. Гдѣ *тамъ?* У Кастьяновыхъ?

АРТАМОНЪ. Не у нихъ только... вообще, среди такихъ людей, какъ они... Что я для нихъ? Буржуй?.. Они и разговариваютъ со мной какъ-то не такъ, какъ между собой... Вотъ вчера пришелъ къ одному,—такъ и такъ, говорю, посовѣтуйте, какихъ такихъ убѣжденій держаться... и вообще, дескать, интересно знать, отчего на землѣ такая канитель идетъ?—Просто ему, чистосердечно говорю... А онъ: «Изъ отцовскаго мѣшка золото вытряхните, тогда и узнаете, а до тѣхъ поръ ничего не поймете»... Несуразный какой-то... Не могу я имъ свои мысли ясно выражать... И стыдно мнѣ ихъ... Самъ не знаю, отчего, а стыдно...

(Изъ дверей доносится шумъ разговора и смѣхъ)

ОСОКИНЪ. (Прислушиваясь) Постой!.. Кажется, привезли намъ... (Вскакиваетъ съ дивана)

АРТАМОНЪ. Ну, ихъ!.. Давай одни... Говорить будемъ, коньякъ пить. (Пьетъ)

ОСОКИНЪ. Благодарю покорно... Ты мнѣ надоѣлъ: объ одномъ и томъ же цѣлый вечеръ тростишь... Давай деньги!

АРТАМОНЪ. Какія деньги?

Digitized by Google

ОСОКИНЪ. Вѣдь ты мнѣ обѣщалъ 50 рублей. Не могу же я здѣсь безъ денегъ.

АРТАМОНЪ. Эхъ, какой ты!..

(Шаритъ въ карманахъ, ищетъ деньги, находитъ отдѣльныя монеты и отдаетъ ихъ Осокину)

ОСОКИНЪ. Ну давай, давай! Тутъ 35.

АРТАМОНЪ. Чай, будетъ?

ОСОКИНЪ. За тобой 15... Я, братъ, люблю келейно... У меня здѣсь есть любимая комната...

(Уходитъ. Артамонъ выпиваетъ двѣ рюмки, ложится на диванъ, тяжело дышитъ и сопитъ, смотря не мигая на потолокъ.

Большая пауза. Прасковьюшка нерѣшительно отворяетъ дверь и пропускаетъ Лизу)

ПРАСКОВЬЮШКА. (Въ дверяхъ) Къ вамъ барышня.

(Скрывается. Входитъ Лизанька, полная дѣвушка съ деревяннымъ, широкимъ лицомъ и безсмысленными глазами. Чужое, нарядное платье виситъ на ней мѣшкомъ. Рабочія, красныя, большія руки старается не показывать. Смущается, робѣетъ; повидимому, недавно начала свои гастроли у Ольги Ивановны.

При входѣ ея, Артамонъ медленно подымается и садится на диванъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ Лиза́ньку съ головы до ногъ)

ЛИЗАНЬКА. Здравствуйте!.. (Не рѣшается подать ему руку, садится въ кресло и глупо молчитъ) Что вы такъ смотрите?

АРТАМОНЪ. Ничего, такъ... (Пауза) Васъ какъ звать?

ЛИЗАНЬКА. Лизой... (Вспомнивъ, что кавалеровъ надо развлекать разговорами) Я у знакомыхъ была сейчасъ... Меня дома не застали, оттого такъ долго... Я все по знакомымъ, люблю въ гостяхъ бывать, особенно, когда на гитарѣ играютъ... Одна моя подруга съ офицеромъ живетъ, такъ онъ на гитарѣ играетъ...

(Пауза)

Digitized by Google

АРТАМОНЪ. (Показывая на вазу съ яблоками) Хотите яблочка?

ЛИЗАНЬКА. Благодарю. (Беретъ яблоко и держитъ въ рукахъ. Пауза) Что вы такой скучный?

АРТАМОНЪ. А такъ...

ЛИЗАНЬКА. Можетъ быть, мнѣ уйти? Не понравилась я вамъ? Не стѣсняйтесь, скажите... Вамъ другую привезутъ. Здѣсь можно разныхъ смотрѣть... У всякаго свой вкусъ.

АРТАМОНЪ. (Что-то вспоминая, опускаетъ голову на грудь и глухо, какъ будто про себя, читаетъ)

«И куда преступнымъ окомъ
Я ни погляжу,—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зрю».

(Эти строки пьянаго и, вообще, наклоннаго къ сантиментальности Артамона, страшно разстраиваютъ и взвинчиваютъ; глаза его наполняются слезами, и сидитъ онъ, какъ будто бы придавленный низкой крышей)

ЛИЗАНЬКА. Это вы къ чему же? Какъ будто бы не зачѣмъ? (Посмотрѣвъ на него, послѣ небольшой паузы) Что съ вами, голубчикъ? (Пересаживается на диванъ, рядомъ съ нимъ)

АРТАМОНЪ. Скверно на землѣ... А могло бы быть хорошо... Я знаю, какъ могло бы быть... Только надо человѣку научиться думать и чувствовать не по-собачьи. Все въ немъ, и все для него—и солнце, и небо, и лѣса, и моря... А онъ такъ себя унижаетъ. Смотрѣть мнѣ больно на него и на себя больно смотрѣть... (Почти сквозь слезы) Тутъ закономъ не поможешь,—они всѣ собачьи,—тутъ надо душу одухотворить, и все сызнова, чтобы камня на камнѣ не осталось... А этого не понимаютъ, никто не понимаетъ... Елена Егоровна тоже ничего не понимала... А меня недорослемъ считала. Смѣялась, не слушала,

Digitized by Google

когда я говорилъ... Все учила... А можетъ быть, я самъ могу учить?

ЛИЗАНЬКА. Да вы не убивайтесь! (Лаская его по плечу) Ишь, какой вы, голубчикъ, трогательный.

АРТАМОНЪ. Дома меня за человѣка не считаютъ... Отецъ давно рукой махнулъ, и я на него махнулъ... Мы, какъ кошка съ собакой, живемъ... И никого у меня нѣтъ, никого... Матреша есть... а зачѣмъ она мнѣ? И что можетъ она дать мнѣ? Это тоже... тутъ тоже запятая. Ребенокъ. У меня ребенокъ есть... А что изъ этого слѣдуетъ? Мнѣ вотъ моя душа дороже ребенка и дороже Матреши. Я... я самъ по себѣ хочу... Елена Егоровна опять тутъ не понимаетъ... Меня никто понять не можетъ... И я никого не понимаю, и книгъ многихъ не понимаю. У меня отъ книгъ голова болитъ.

ЛИЗАНЬКА. Я не знаю, что сказать вамъ... Вы книгъ-то не читайте. Что ихъ читать, коли голова болитъ?

АРТАМОНЪ. (Отстраняя ее, какъ будто про себя) Зачѣмъ же это я? (Всматриваясь въ глаза Лизаньки) Кто ты мнѣ, и кто я тебѣ? Зачѣмъ я тебѣ все это говорю?

ЛИЗАНЬКА. Вѣдь я не просила, вы сами...

(Пересаживается на кресло. Она уже испугалась скандала, какъ бы ее не побили, съежилась, замолчала. Молчитъ и Артамонъ.

Большая пауза. Онъ забываетъ о ея присутствіи и ложится на диванъ внизъ лицомъ)

ЛИЗАНЬКА. Уйти мнѣ? (Пауза. Артамонъ начинаетъ тихо хныкать. Лизанька смущается, безпомощно стоитъ и смотритъ на него) А вы перестаньте! Вы мужчина... Вотъ грѣхъ какой!

(Тихо, на цыпочкахъ выходитъ изъ комнаты. Черезъ нѣкоторое время въ дверяхъ появляются Прасковьюшка, Ольга Ивановна, позади ихъ Лизанька)

Digitized by Google

ОЛЬГА ИВАНОВНА. (Подходя къ Артамону) Человѣкъ, о чемъ плачешь?

ЛИЗАНЬКА. (Въ дверяхъ, шопотомъ) Давно такъ онп.

(Артамонъ приподнимается и, увидавъ надъ собой Ольгу Ивановну, пронизываетъ ее долгимъ взглядомъ)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Что смотришь? Не мѣсто тебѣ здѣсь, не мѣсто... Зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ?

АРТАМОНЪ. (Глухо, укоризненно, продолжая смотрѣть на нее) Старуха, а румянишься...

ОЛЬГА ИВАНОВНА. А ты не замѣчай... Что замѣчать-то? Если каждому человѣку на его грѣхъ указывать, палецъ отвалится. Палецъ-то отвалится, а грѣхъ-то все останется.

АРТАМОНЪ. Значитъ, по-твоему, ничего на землѣ дѣлать не надо? Такъ все, какъ есть, и оставайся? А если я видѣть не могу? Я никакого безобразія видѣть не могу...

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Настоящее-то безобразіе, милый человѣкъ, прячется, его не увидишь... Это ничего, что я рожу-то свою напачкала, у меня и душа запачкана—оно и подходитъ. А вотъ у другихъ рожа-то чисто ангельская, а душа-то... у меня, у проклятой, прости, Господи, лучше! Напрасно обидѣлъ...

АРТАМОНЪ. А вы простите.

(Странно прозвучало въ этомъ домѣ Артамоново наивное «простите». Всѣмъ почему-то сдѣлалось неловко и пріятно. Ольгѣ Ивановнѣ съ этого момента особенно полюбился Артамонъ)

ПРАСКОВЬЮШКА. Вамъ не понравилась барышня?

ЛИЗАНЬКА. (Совершенно безобидно) Я имъ говорила.

АРТАМОНЪ. Никого мнѣ не надо.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. (Качая головой) Чумазлайка, ему

Digitized by Google

не надо этого... Развѣ не видите, что не съ этимъ человѣкъ пріѣхалъ? Онъ мѣста себѣ не найдетъ.

АРТАМОНЪ. Вотъ именно, именно, старуха!

ПРАСКОВЬЮШКА. Только и остается вамъ вмѣстѣ Богу молиться.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Не кощунствуй... Убирайся, уходи отсюда!

(Прасковьюшка уходитъ)

ЛИЗАНЬКА. (Подходя къ Артамону и подавая руку) До свиданья, господинъ хорошій!

АРТАМОНЪ. (Пожимая ей руку) До свиданья. Вы бы яблочко... Возьмите яблочко.

ЛИЗАНЬКА. Я получила.

АРТАМОНЪ. Получите еще. (Подаетъ ей яблоко)

ЛИЗАНЬКА. Развѣ для подруги... (Идетъ къ двери и останавливается)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Что встала?

ЛИЗАНЬКА. Очень они славные. (Уходитъ)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Ничего, дѣвушка... Только испортится... Нельзя не испортиться,—человѣкъ не властенъ надъ самимъ собой.

АРТАМОНЪ. Въ томъ-то вся и штука, старуха, что онъ властенъ... Только вотъ человѣкомъ-то трудно быть... мѣшаютъ... Ему съ малолѣтства, какъ въ руки покойника отходную, росписаніе жизни вручили: это можно, а это нельзя, это полагается, а то ни подъ какимъ видомъ... Вотъ онъ и мается всю жизнь съ этимъ росписаніемъ. Житья нѣтъ человѣку! Никакъ душу подъ росписаніе подладить нельзя!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Насолили тебѣ, я вижу, люди-то... А ты плюнь на нихъ! Пошли ихъ къ лѣшему и живи самъ по себѣ.

АРТАМОНЪ. Нельзя этого. Раньше я такъ жилъ— знать никого не хотѣлъ, отъ всѣхъ рукъ отбился... И такъ съ мальчонокъ... Въ гимназію поступилъ,

Digitized by Google

такъ меня черезъ годъ поперли оттуда: «намъ такихъ не надо». А теперь вижу,—нельзя такъ жить потому, что все одно къ одному, и моя жизнь—это вся жизнь... Я вотъ недавно это понялъ и смутился очень... умомъ смутился.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Не по себѣ тебѣ, парень, вижу, не по себѣ. Замытарили тебя люди... Ты имъ не вѣрь, никому не вѣрь... Я ихъ знаю... Лучше меня никто людей не знаетъ... Они днемъ—на улицахъ, въ магазинахъ, управленіяхъ своихъ—ряженые, всѣ ряженые, а вотъ у меня ночью такіе, какіе есть—настоящіе... Перевидѣла я ихъ за 40 лѣтъ, и какихъ только не перевидѣла—и образованныхъ, и необразованныхъ, и духовныхъ, и военныхъ, и штатскихъ... У меня всѣ бывали—и профессора, и купцы, и разные тамъ попроще... Такъ вотъ я тебѣ что скажу: днемъ у нихъ у всѣхъ разныя лица, а ночью, у меня здѣсь—одно, и такое, что у собаки лучше... Я собакъ больше людей люблю... Посмотри ступай: у меня въ двухъ комнатахъ 30 собакъ, да 20 кошекъ живетъ... Человѣкъ одинъ—Прасковья, и хуже ихъ всѣхъ...

АРТАМОНЪ. Такъ не вѣрить? А я вотъ такъ вѣрю, только не тѣмъ, которые у васъ бываютъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. У меня всякіе бываютъ... И тѣ, которые хорошими кажутся днемъ-то, бываютъ, всякіе бываютъ...

(Молчаніе. Артамонъ выпилъ коньяку и углубился въ самого себя, пристально глядя исподлобья на Ольгу Ивановну)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Тяжело, что ли, тебѣ? Ты знай Бога, да себя.

АРТАМОНЪ. (Глухо и тихо) Убить мнѣ кого-нибудь хочется.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Что?

АРТАМОНЪ. (Громче) Убить мнѣ кого-нибудь хочется!

Digitized by Google

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Что ты?.. Сумасшедшій человѣкъ! Да ты православный, что ли?

АРТАМОНЪ. Раскольникъ. У меня дѣдъ Сусловскую вѣру основалъ въ губерніи... Говорятъ, много было Сусловцевъ, да теперь вымирать стали.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Пьешь ты много... у тебя разумъ-то и мутится.

АРТАМОНЪ. А можетъ быть, и не мутится... Я, старуха, прозорливый, подкожную жизнь всякаго человѣка вижу.

(Въ передней появляется Осокинъ съ какой-то дѣвушкой. Онъ—въ веселомъ настроеніи, поетъ: «Все это шутки, шутки, шуточки»... И помогаетъ дѣвушкѣ одѣться)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Вотъ товарищъ вашъ... (Тихо, нагнувшись къ нему) Зачѣмъ съ такимъ хороводишься?

АРТАМОНЪ. Онъ ничего... У него была когда-то амбиція, дворянская честь, а теперь онъ продался купцу... Да еще какому купцу? Мяснику, отцу моему... Домами его управляетъ... Прислуживаетъ...

(Входитъ Осокинъ, продолжая напѣвать. Ольга Ивановна встала и отошла въ сторону)

ОСОКИНЪ. (Замѣтивъ на себѣ тупой, тяжелый взглядъ Артамона) О-о, какъ осовѣлъ! Допилъ?

(Беретъ бутылку, смотритъ и ставитъ на столъ)

АРТАМОНЪ. (Продолжая смотрѣть на него) И продался онъ весь купцу, отцу моему... Отецъ держитъ его для бахвальства и чванства: у меня, дескать, дворянинъ въ услуженіи находится.

ОСОКИНЪ. Что ты несешь?

АРТАМОНЪ. Издѣвается надъ нимъ, платитъ ему 40 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. И онъ знаетъ это и—служитъ, и пресмыкается, потому что подлащивается въ счетъ будущихъ благъ... Дѣлового человѣка разы-

Digitized by Google

грываетъ... (Его охватываетъ порывъ страшной злобы — онъ схватываетъ бутылку и хочетъ ею ударить Осокина) Ахъ ты, вша!..

(Осокинъ успѣваетъ отвернуться отъ удара)

ОСОКИНЪ. Что ты, ни съ того, ни съ сего? Какой дьяволъ тебя укусилъ?

АРТАМОНЪ. Погоди, за деньги пятки скоро будешь щекотать моему отцу, какъ крѣпостныя бабы щекотали господскія пятки. Лягушкой прискачешь, ящерицей приползешь—къ ногамъ купца и будешь пресмыкаться, пока не издохнешь... Будешь, будешь, будешь!..

(Наступаетъ на него съ бутылкой въ рукахъ)

ОСОКИНЪ. Смотри, я полицію призову!

АРТАМОНЪ. (Отбрасывая бутылку въ сторону) Пошелъ вонъ! Видѣть тебя не могу! Противенъ ты мнѣ!

(Идетъ на диванъ и ложится внизъ лицомъ)

ОСОКИНЪ. (Уходя въ переднюю) Дикарь!.. Онъ человѣка убить можетъ.

(Ольга Ивановна, не на шутку перепугавшаяся, шепча молитву, подходитъ къ Артамону и креститъ его. Осокинъ, одѣваясь въ передней, продолжаетъ ругаться)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ХОРОШЕНЬКАЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ, обыватель уѣзднаго города.
САША, жена его.
ГОСПОЖА КОВЫЛЬКОВА.
ГОСПОДИНЪ КОЛЬВЪ.
КРАМЕРЪ, помѣщикъ.
ЛѢНИВЦЕВЪ, художникъ.
МУЖЧИНА.
ДАМА.
ПРОДАВЩИЦА ЦВѢТОВЪ.
ОФИЦІАНТЪ.
ГОРНИЧНАЯ.
ДВА ОФИЦЕРА.
МУЖЧИНЫ.
ПУБЛИКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большой тѣнистый паркъ, раскинувшійся по подножію горы. Пирамидальные тополя, бѣлыя акаціи, старые буки, надъ ними бездонное, южное небо. Солнце пронизываетъ густую листву.

Передняя часть сцены представляетъ небольшую площадку передъ кондитерскимъ павильономъ; на ней, подъ тѣнью деревьевъ, разставлены столы и стулья. Здѣсь закусываютъ, пьютъ чай, кофе и разныя воды. Площадку отдѣляетъ отъ главной аллеи рѣдкая кайма пирамидальныхъ тополей.

Рано утромъ и по вечерамъ, когда играетъ въ паркѣ музыка, главная аллея кишитъ парядною толпой. Женщины,—о, какъ хочется имъ быть хорошенькими! — однотонныя, разноцвѣтныя, высокія и низкія, худыя и толстыя, но всѣ издали похожія другъ на друга, наводняютъ аллею и превращаютъ ее въ выставку модъ и женщинъ. Между яркими цвѣтами ихъ нарядовъ теряются скромные костюмы мужчинъ.

8 часовъ утра. Въ паркѣ началась курортная жизнь: избитые мотивы „Фауста“ и „Травіаты“ оглашаютъ паркъ. На главной аллеѣ открыта ярмарка женщинъ.

а площадкѣ нѣсколько столиковъ заняты мужчинами—пьютъ кофе.

Среди гуляющихъ появляются супруги Орловы. Передъ Сашей Орловой мужчины почтительно разступаются, даютъ ей дорогу, осматриваютъ съ головы до ногъ.

Ссорясь и перебраниваясь, супруги отдѣляются отъ толпы и подходятъ къ одному изъ столиковъ на площадкѣ, при чемъ жена идетъ, а мужъ слѣдуетъ за ней.

Орловъ—уже почтенный, но еще молодой мужчина, не уродъ и не красивъ, лѣтъ 32 — 33-хъ. Обыватель уѣзднаго города, похожъ на чиновника средней руки, человѣкъ практическаго, положительнаго ума. Въ рукахъ у него простыня и кружечка для питья воды изъ источника.

Digitized by Google

Саша—молоденькая, хорошенькая женщина, похожая на дѣвочку-подростка. Костюмъ на ней неважный, сшитый доморощенной портнихой уѣзднаго города, но это ничего, дѣла не портитъ, и какъ-то не замѣчается, что на ней надѣто.

ОРЛОВЪ. (Ворчитъ подъ носъ, слѣдуя за женой) Какъ будто безъ этого нельзя... Каждый день выдумала чай здѣсь пить... Нравится сидѣть на выставкѣ, разные прохвосты смотрятъ.

(Саша, молча, садится за столъ, подбѣгаетъ офиціантъ)

ОФИЦІАНТЪ. Что прикажете?

САША. Дайте мнѣ чаю и сладкую булочку.

ОФИЦІАНТЪ. Слушаю-съ. (Обращаясь къ Орлову) А вамъ-съ?

ОРЛОВЪ. Ничего... Чортъ бы васъ побралъ!

(Офиціантъ, удивленно посмотрѣвъ на Орлова, уходитъ за чаемъ)

ОРЛОВЪ. (Садясь за столъ) Мерзавцы... За все здѣсь втридорога дерутъ... Пріѣхалъ,—самъ не знаю зачѣмъ... Лѣчиться... Ванночки принимать вздумалъ, какъ ребеночекъ... Докторовъ, болванъ, послушалъ...

САША. Не ворчи!

ОРЛОВЪ. А все ты: „поѣдемъ, поѣдемъ, тебѣ лѣчиться нужно“... Юла! (Помолчавъ) Совсѣмъ поглупѣлъ съ тобой,—на двадцать ваннъ билетовъ набралъ... Чему обрадовался, самъ не знаю, просто дуракъ.... Сразу бы всѣ двадцать ваннъ принять, и дѣлу конецъ... А тутъ вотъ живи изъ-за нихъ двадцать дней... Господи, сколько глупости кругомъ, и самъ дѣлаешь глупости... (Замѣтивъ, что двое молодыхъ офицеровъ остановились на аллеѣ и смотрятъ на Сашу) Ну, что они на тебя смотрятъ? Чего не видали? (Замѣчая улыбку на лицѣ Саши) Улыбаетесь? Пріятно вамъ? Да-съ, пріятно? Офицеры смотрятъ... Чортъ бы васъ побралъ!

САША. Перестань... служащій...

Digitized by Google

(Офиціантъ приноситъ чай и отходитъ отъ стола. Офицеры на аллеѣ, подозвавъ къ себѣ продавщицу цвѣтовъ, дѣвочку-подростка, выбираютъ розу и, пересмѣиваясь, многозначительно иногда поглядываютъ на Сашу)

ОРЛОВЪ. (Смотря на офицеровъ и на гуляющую публику) Гуляютъ... Музыку слушаютъ... Съ жиру бѣсятся. Взять бы хлыстъ, да разогнать всѣхъ...

САША. Замолчите! Слышать вашего голоса не могу...

ОРЛОВЪ. Вотъ какъ, на „вы" начали разговаривать... Образовались, совсѣмъ курортной дамой стали... (Подумавъ и перемѣнивъ тонъ) Александра Митрофановна, кажется, намъ пора поговорить серьезно, разумно, мудро, такъ сказать... Довольно этой всей курортной жизни, этой музыки на разные лады...

(Компанія мужчинъ, сидящихъ за ближайшимъ столомъ, прислушивается къ разговору супруговъ)

САША. Потише, не одни мы здѣсь...

ОРЛОВЪ. Посмотрите, что дѣлается кругомъ — развратъ, одинъ развратъ... Никто тутъ не лѣчится...

САША. Слышала я это... „Развратъ, развратъ!" А сами-то вы, можетъ быть, хуже всѣхъ здѣсь... Знаю я вѣдь васъ... Замолчи лучше! Противный...

(Подходитъ продавщица цвѣтовъ, посланная съ аллеи офицерами, и подаетъ Сашѣ пунцовыя розы)

ДѢВОЧКА. Пожалуйте... Вамъ приказали отдать.

САША. Мнѣ? Кто? (Беретъ цвѣты)

ДѢВОЧКА. Вотъ они-съ. (Указываетъ на офицеровъ, стоящихъ на аллеѣ)

ОРЛОВЪ. Не бери! Отдай! Отдай назадъ!

ДѢВОЧКА. (Отбѣгая, смѣясь) Они не приказали брать обратно... Я не возьму... Ей-Богу не возьму!..

Digitized by Google

(Убѣгаетъ на аллею. Мужчины, сидящіе за ближайшимъ столомъ, громко смѣются. Орловъ сначала растерялся и опѣшилъ, но потомъ приходитъ въ себя и выхватываетъ изъ рукъ Саши цвѣты)

ОРЛОВЪ. Брось! (Бросаетъ цвѣты на землю)

(Смѣхъ мужчинъ. Саша сконфуженно и зло смотритъ на мужа. Офицеры незамѣтно пропадаютъ въ толпѣ)

ОРЛОВЪ. (Обращается не то къ Сашѣ, не то къ мужчинамъ) Ну, что же мнѣ прикажете дѣлать?

(Мужчины смѣются громче. Саша отъ досады и стыда за мужа вдругъ начинаетъ тихо плакать. Смѣхъ смолкаетъ)

ОРЛОВЪ. Сашенька... Нехорошо здѣсь...

(Одинъ изъ мужчинъ встаетъ и, подходя къ столу Орловыхъ, обращается къ офиціанту)

МУЖЧИНА. Дайте воды!

(Офиціантъ быстро исполняетъ приказаніе)

ОРЛОВЪ. Сашенька...

САША. Противный... Гадкій... (Замѣтивъ подошедшаго къ столу чужого мужчину) Это я такъ... Это я такъ... Мнѣ сегодня цѣлое утро хотѣлось плакать, и вотъ...

МУЖЧИНА. (Беря отъ офиціанта принесенную воду) Выпейте воды.

(Саша пьетъ)

МУЖЧИНА. Совершенно понимаю вашу обиду, но... но вѣдь здѣсь курортъ... легкомысленный воздухъ... многое прощается... Во всякомъ случаѣ, я и мои товарищи (Указываетъ на нихъ) пойдемъ и обратимъ вниманіе офицеровъ на ихъ нетактичность... Вѣроятно, они сочтутъ нужнымъ извиниться передъ вами и передъ вашимъ почтеннымъ супругомъ.

ОРЛОВЪ. Это почему же вы-то пойдете?

МУЖЧИНА. Какъ мужчина, присутствующій при оскорбленіи женщины, я сочту своимъ долгомъ сдѣлать это. Честь имѣю кланяться.

Digitized by Google

(Подходитъ къ своему столу, и черезъ нѣкоторое время мужчины, переговоривъ между собой, уходятъ въ аллею)

ОРЛОВЪ. Какая-то канитель все выходитъ... Каждый день канитель... А все отъ того, что ты хорошенькая... Дома, въ Моршанскѣ, я съ тобой маялся, да все не такъ, а тутъ изъ рукъ вонъ, — то одинъ, то другой... Проходу не даютъ... Поѣдемъ, Сашенька, въ Моршанскъ, домой, право будетъ лучше... Чортъ съ ними, съ ваннами, пусть пропадаютъ!

САША. (Съ ненавистью) Никуда я съ вами не поѣду! Я рѣшилась на все... Погодите, я васъ удивлю... Я такъ васъ удивлю! Это вамъ за все и за сегодняшнюю исторію...

ОРЛОВЪ. Какіе пустяки... Я, умный человѣкъ, и долженъ былъ бы съ какими-то мальчишками офицерами идти объясняться...

САША. Какой вы человѣкъ! (Киваетъ на идущихъ по аллеѣ мужчинъ, которые сидѣли за столомъ) Вотъ это—люди, а вы... Они сумѣютъ заступиться за женщину...

ОРЛОВЪ. Вруны они, негодяи... Ходятъ здѣсь по аллеямъ, да другъ передъ другомъ героевъ, да разныхъ героинь разыгрываютъ... Вонъ онъ подошелъ сюда какимъ Байрономъ, Лермонтовымъ, чортъ бы его побралъ! Женскаго рыцаря какого разыгралъ, а на самомъ дѣлѣ только хочетъ познакомиться съ тобой, обратить на себя вниманіе... Вижу я его по рожѣ, знаю, что на умѣ... Я жизнь, какъ свои пять пальцевъ знаю, Александра Митрофановна, и могу сказать про себя: собаку проглотилъ...

САША. Дуракъ вы. По моему, хуже васъ здѣсь мужчины нѣтъ.

ОРЛОВЪ. (Самоувѣренно, поглаживая бороду) А вы меня все-таки любите... Не можетъ быть, чтобы вы не видѣли, что я умнѣе ихъ всѣхъ... Умнѣе и честнѣе— честнѣе, прошу замѣтить.

Digitized by Google

САША. Совсѣмъ дуракъ!.. Погоди, я тебѣ покажу!.. Оставьте меня одну, у меня свиданье здѣсь назначено съ Кларой Борисовной. (Замѣтивъ въ толпѣ гуляющихъ госпожу Ковылькову и Кольба) Ахъ, вотъ и они!.. Ступай въ ванну.

(Бѣжитъ къ нимъ навстрѣчу, радостно встрѣчается, цѣлуетъ Ковылькову и оживленно разсказываетъ событіе съ офицерами. Всѣ входятъ на площадку. Орловъ стоитъ въ сторонѣ и сумрачно молчитъ.

Госпожа Ковылькова — издали довольно изящная дама, среднихъ лѣтъ, одѣтая во все бѣлое, вблизи — загримированная молоденькой дамой, когда-то красивая женщина, почтенныхъ лѣтъ. То и дѣло поглядываетъ на себя въ карманное зеркальцо и подпудривается. Носитъ короткія юбки и вуаль.

Господинъ Кольбъ—молодой человѣкъ, пріятной наружности, съ выдающимся женскимъ торсомъ. Набитъ самомнѣніемъ, увѣренъ, что онъ талантливая натура и потому нѣсколько меланхолично-равнодушенъ ко всему окружающему. Часто нарочно зѣваетъ, для большей меланхоліи. Одѣтъ франтовато и со вкусомъ. Въ петлицѣ—роза).

САША. Вѣдь такъ, мамочка, я поступила? Такъ?

КОВЫЛЬКОВА. (Обращаясь къ Кольбу) Какая она сегодня прелесть! Такъ, такъ, маленькая... Вы прелестны во всемъ...

КОЛЬБЪ. Будь я при этомъ, офицерская щека до сихъ поръ горѣла бы красками заката... Банально, цвѣты, розы... Здравствуйте, сердитый мужъ. (Подходитъ къ Орлову) А вы опять съ женой поссорились?.. Удивляюсь...

ОРЛОВЪ. Уже сказала... Что же вамъ-то удивляться? Какое вамъ дѣло до моихъ отношеній съ женой?

КОЛЬБЪ. (Смотря ему въ глаза и подчеркивая каждое слово) Вы мной давно исчерпаны... Мнѣ скучно съ вами разговаривать. (Зѣваетъ)

КОВЫЛЬКОВА. (Любезно здороваясь съ Орловымъ и кокетливо грозя ему пальцемъ) Да, да, миленькій мой... Это что же вы? Опять обидѣли жену? Вчера дали слово... Смот-

Digitized by Google

рите у меня, не смѣйте обижать мою маленькую, а то я возьму и переселю ее къ себѣ, вотъ и все...

КОЛЬВЪ. Только и остается... Въ сущности, если поѣхать къ мѣстному полицеймейстеру и разсказать про васъ, какъ и что, то, повѣрьте, милостивый государь, ваше законное право мужа...

ОРЛОВЪ. Но позвольте, позвольте. . Вы мнѣ не втирайте очковъ... Вы думаете, что я изъ уѣзднаго города, такъ ни уха, ни рыла ни въ чемъ не смыслю?

КОЛЬВЪ. Васъ ненавидитъ жена и не желаетъ съ вами жить... Вы насилуете ея волю, вы деспотъ! Мы, какъ интеллигентные люди, должны обуздывать деспотизмъ, гдѣ бы онъ ни проявлялся... Поняли? Поняли мое право говорить съ вами такъ, какъ я говорю?!

КОВЫЛЬКОВА. Что за тонъ, Костя? Ты забылся... (Обращаясь къ Орлову) Не обращайте вниманія, онъ вспыльчивый и очень впечатлительный... А вотъ за то, что вы дурно обращаетесь съ женой, мы ее отъ васъ похитимъ, на цѣлый день похитимъ. (Беря Сашу подъ руку) Бери ее, Костя, подъ руку... крѣпче, крѣпче держи!.. (Кокетливо и шутливо обращаясь къ Орлову) Вотъ видите, какъ наказывается грубость и непослушаніе... Оставайтесь, оставайтесь одни, а мы пойдемъ и будемъ цѣловать ее. (Смѣясь, цѣлуетъ Сашу; торопливо втроемъ уходятъ въ аллею)

ОРЛОВЪ. (Тихо, подъ носъ) Что за люди? Подружилась съ какой-то дрянью... Дышло бы имъ въ горло... (Послѣ паузы) Человѣкъ, пива!

(Подбѣгаетъ официантъ)

ОРЛОВЪ. Пива!

ОФИЦІАНТЪ. Это въ ресторанѣ, въ другомъ концѣ парка... Здѣсь только кондитерскіе товары: кофе, чай, простокваша, можно нарзанъ.

ОРЛОВЪ. Здѣсь все, братецъ, можно: такой воздухъ... У людей ни чести, ни понятія — не живутъ, а шутятъ жизнью и людьми... Давай пива!

Digitized by Google

ОФИЦІАНТЪ. Нельзя.

(Отходитъ)

ОРЛОВЪ. Э, чортъ! Постой! Не знаешь ли ты — кто это такіе?

ОФИЦІАНТЪ. Кто?

ОРЛОВЪ. Вотъ тутъ сейчасъ были?

ОФИЦІАНТЪ. Ваши знакомые?

ОРЛОВЪ. Какой чортъ знакомые! Пристали, какъ репейникъ, никакъ не отвяжешься... Здѣсь у васъ каждый другъ съ другомъ знакомъ, каждый пристаетъ съ разговорами.

ОФИЦІАНТЪ. Такое мѣсто.

ОРЛОВЪ. Провалиться бы ему! Не разберешь: то здѣсь шутятъ люди, то серьезно живутъ?.. Музыка, да и все тутъ...

(На площадкѣ появляются Лѣнивцевъ и Крамеръ)

Крамеръ — помѣщикъ, холостякъ лѣтъ 40, краситъ сѣдину, элегантно одѣтъ. Большой либералъ, постоянно съ газетами, даже разговаривая, просматриваетъ ихъ. Здоровъ, какъ быкъ, но страшно озабоченъ своимъ здоровьемъ: беретъ ванны, души, лѣчится электричествомъ, занимается гимнастикой, и въ этой холѣ своего тѣла проходитъ вся его жизнь.

Лѣнивцевъ—человѣкъ настроенія. Сегодня одѣтъ прилично, завтра кое-какъ; сейчасъ любитъ жизнь, черезъ часъ ненавидитъ ее, и это происходитъ въ немъ безъ всякой видимой причины. Полный душевный хаосъ — ни самъ себя, ни люди его не понимаютъ.

КРАМЕРЪ. (Увидавъ Орлова, съ напускной вѣжливостью и любезностью) Ба, ба, ба, многоуважаемый! Уже возставъ отъ сна... Здравствуйте, дорогой мой, здравствуйте... (Дружелюбно хлопая его по плечу) Ну, какъ? что?

ОРЛОВЪ. (Удивленно посмотрѣвъ на него, сумрачно подъ носъ) Ничего.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Пожимая руку Орлову) Ваша жена въ паркѣ?

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. А вамъ на что?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Ну, такъ спрашиваю... Странно, развѣ нельзя спросить, гдѣ ваша жена?

КРАМЕРЪ. (Похлопывая опять по плечу Орлова) Прятать начинаете, многоуважаемый, свое счастье... Мы отыщемъ... Позволите присѣсть къ вашему столу? Человѣкъ, два стакана кофе!

(Садится, не дождавшись отвѣта. Офиціантъ уходитъ и скоро возвращается съ кофе. Орловъ, взявъ простыню и кружечку со стола, намѣревается уйти)

КРАМЕРЪ. Куда же вы, многоуважаемый! Въ ванночку? Посидите съ нами... (Выдергиваетъ у него простыню)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Съ удовольствіемъ снялъ бы съ васъ фотографію, когда вы сидите въ ваннѣ... Воображаю, какъ это красиво!

КРАМЕРЪ. Аполлонъ!

ОРЛОВЪ. Давайте простыню... Что за шутки?

КРАМЕРЪ. Не сердитесь, мы васъ любимъ, вы намъ нравитесь... (Вынимаетъ изъ кармановъ нѣсколько газетъ) Читали? Свѣжія... много новаго... Но для меня все старо... какъ говорилъ, такъ все и дѣлается... Такъ-то, господинъ Орловъ... Работать надо, работать, а не кофе распивать по курортамъ... Народъ нашъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я вамъ языкъ булавкой приколю... Пейте кофе.

КРАМЕРЪ. Что кофе? Не очень-то его пріятно пить, когда почитаешь, что дѣлается кругомъ... Ужасъ... безобразіе... А кофе ничего себѣ... Не густъ? Какъ вы находите?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Мнѣ все равно, — я не хочу, а пью... Дурацкая, странная натура...

КРАМЕРЪ. Онъ психопатъ... У васъ въ Моршанскѣ есть психопаты-эстетики? Если нѣтъ, посмотрите—вотъ

Digitized by Google

онъ... Сюда, господинъ Орловъ, все гаденькое стекло изъ Россіи... Вонъ оно по аллеѣ гуляетъ... Имъ хоть колъ на головѣ теши, хоть всѣ въ странѣ умри, а они будутъ гулять, да музыку слушать.

ОРЛОВЪ. А сами-то вы зачѣмъ сюда пріѣхали?

КРАМЕРЪ. Я на-дняхъ уѣду... Я такъ себѣ пріѣхалъ, между прочимъ... Утомился немного... Но я презираю эту праздную толпу... Это наросты на трудовой массѣ. (Показываетъ на гуляющихъ)

ОРЛОВЪ. Не пойму я васъ, господа, — не то вы серьезно обо всемъ говорите, не то отъ скуки сами себя словами, мыслями и разными чувствами тѣшите... Ну васъ! Дайте мнѣ простыню, — я пойду въ ванну!..

КРАМЕРЪ. (Обидѣвшись) Сдѣлайте милость — возьмите.

(Орловъ уходитъ)

Олухъ! Хотѣлъ поразвить немного, ничего не удается... Бѣда, если у насъ будетъ такой обыватель... Страшно за Россію... (Принимается за газеты)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Перестаньте, пожалуйста, ничего вамъ не страшно, пейте кофе! А я такъ возмущенъ: такой пародіи на человѣка принадлежитъ лучшая здѣсь женщина! Жизнь вся состоитъ изъ нелѣпыхъ контрастовъ, нигдѣ никакой гармоніи... Противно жить...

КРАМЕРЪ. (Не отрываясь отъ газеты) О-о! Мы сегодня въ большихъ не-духахъ... Погодите, появится въ паркѣ Шурочка, и будетъ весело...

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Выхватывая изъ рукъ его газету) Бросьте газету! Цѣлый день читаете, какъ вамъ не скучно!.. Давайте смотрѣть на женщинъ... Сегодня онѣ мнѣ какъ-то особенно противны...

КРАМЕРЪ. (Опять принимаясь за газету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посматривая на гуляющихъ) На горизонтѣ появилась Шурочка, и другихъ уже нѣтъ. Такъ-съ, понимаю... Напрасно, она вовсе не такъ хороша. Самое большое,

Digitized by Google

что про нее можно сказать: ничего себѣ — хорошенькая.

ЛѢНИВЦЕВЪ. Много вы смыслите, вамъ нравятся женщины въ пять съ половиной пудовъ вѣсомъ.

КРАМЕРЪ. Никогда, больше трехъ пудовъ и двѣнадцати фунтовъ для женщинъ не допускаю.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Обративъ вниманіе на одну изъ гуляющихъ женщинъ) Не перевариваю этого типа.

КРАМЕРЪ. Какого?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Вотъ эта... Видите? Съ толстымъ мужчиной подъ руку... Огромный носъ, кружевной зонтикъ... Отвратительный типъ.

КРАМЕРЪ. (Важно и многозначительно) Да, не вкусно...

(Пауза)

КРАМЕРЪ. (Читая газету и то и дѣло посматривая на гуляющихъ) Въ Костромской губерніи убито восемь человѣкъ... Ужасно... Жить становится невозможно... Qu'est ce que c'est? Это что-то новенькое и очень, очень пикантное.

ЛѢНИВЦЕВЪ. Гдѣ? Кто? Которая?

КРАМЕРЪ. Недурна... Ей-Богу недурна... Пять съ минусомъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Которая? Одна идетъ? Да? Съ собачкой? Вы про нее говорите?

КРАМЕРЪ. Ну, да, понятно... Талія, какъ гусиная шея, прекрасный туалетъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Очень серьезно) Слишкомъ вся подчеркнута... и шея длинна... Я сказалъ бы, слишкомъ преднамѣренно искусственна...

КРАМЕРЪ. Не согласенъ... (Щелкнувъ пальцами) Ей бы еще полноты фунтиковъ на пятнадцать!..

ЛѢНИВЦЕВЪ. Не мѣшало бы... Ба, опять эта фурія съ дочерьми!

КРАМЕРЪ. Одна ничего изъ нихъ и вертлявость кстати.., Воображаю...

(Облизываетъ губы языкомъ)

Digitized by Google

ЛѢНИВЦЕВЪ. Меня, кажется, тошнитъ отъ нихъ... Господи, какъ онѣ всѣ мнѣ надоѣли! (Отвертывается отъ гуляющей публики и задумывается) Скажите мнѣ: зачѣмъ я здѣсь? (Послѣ паузы) Знаете, чего я хочу? Чтобъ кто-нибудь подкрался ко мнѣ сзади, и всадилъ мнѣ въ затылокъ пулю... Вы не повѣрите, а я искренно этого хочу.

КРАМЕРЪ. Гиль!

(Принимается за газеты)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я рѣшительно не понимаю, для чего вы живете на свѣтѣ, для какой высокой цѣли вы себя готовите и такъ бережете свои тѣлеса? (Иронизируя) Были сегодня у доктора? Электризовались? Изволили принять душъ? Массажистка была у васъ?

КРАМЕРЪ. Не мѣшайте, я читаю.

ЛѢНИВЦЕВЪ. Крамеръ, всадите себѣ пулю въ лобъ, мнѣ тоска смотрѣть на васъ...

(На аллеѣ появляются Ковылькова, Саша и Кольбъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Шурочка!

(Преображается: лицо жизнерадостнаго юноши, движенія, тонъ разговора совсѣмъ зеленые. Быстро встаетъ и подлетаетъ къ Шурочкѣ. Крамеръ откладываетъ въ сторону газету, улыбаясь масляной улыбкой, раскланивается издали съ Шурочкой и, подозвавъ къ себѣ продавщицу цвѣтовъ, выбираетъ розы. Между Кольбомъ, Сашей, Лѣнивцевымъ и Ковыльковой идетъ оживленный разговоръ; разговаривая, они приближаются къ площадкѣ, и становятся слышны слѣдующія слова Лѣнивцева)

ЛѢНИВЦЕВЪ... Я, понятно, не могу не сочувствовать этому... Но вы, вы, Шурочка, чувствуете ли вы себя въ силахъ? Тутъ надо быть сильной, рѣшительной, выше всякихъ предразсудковъ...

САША. Я на все согласна... Я рада, я счастлива, только бы скорѣе избавиться отъ моего урода... Я такъ благодарна за все мамочкѣ.

Digitized by Google

КОВЫЛЬКОВА. Слышите — она зоветъ уже меня мамочкой?!

САША. Да, да, мамочка! И буду звать мамочкой... Лучше васъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка, вы такъ много хотите сдѣлать для меня...

(Крамеръ, поздоровавшись съ Ковыльковой и Кольбомъ, подходитъ къ Сашѣ)

КРАМЕРЪ. (Подавая цвѣты) Позвольте преподнести вамъ эти розы... привѣтствовать, такъ сказать, съ восходомъ солнца.

САША. (Въ восторгѣ отъ цвѣтовъ) Вы? Мнѣ?!... Какіе вы всѣ хорошіе... Какъ вы меня любите! Я вамъ тоже вышью что-нибудь на память.

КОВЫЛЬКОВА. У васъ пальцы, Шурочка, отпадутъ, вы всѣмъ обѣщаетесь вышивать... (Обращаясь къ Крамеру) Не правда ли, какая она прелесть? Наивности бездна... Это такъ рѣдко, такъ рѣдко... (Цѣлуетъ Сашу) Вотъ я ее цѣлую, а вы смотрите и облизывайтесь.

(Саша счастлива, вся сіяетъ, смѣется пріятнымъ смѣхомъ, и всѣ смѣются, всѣмъ почему то стало хорошо и радостно, даже офиціантъ, стоящій въ сторонѣ, смѣется въ руку)

КОЛЬБЪ. Господа, неужели такая красота должна увянуть гдѣ-то въ уѣздномъ городѣ, въ какомъ-то Моршанскѣ, законной рабой олуха царя небеснаго?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Возмутительно!

КРАМЕРЪ. Безобразіе! Онъ никакого на нее нравственнаго права не имѣетъ...

КОЛЬБЪ. (Полушутя, взявъ руку Саши и дружелюбно похлопывая по ней) Мы рѣшили съ Кларой принять самое горячее участіе въ ея судьбѣ, освободить ее изъ-подъ ига закона.

КРАМЕРЪ. Одобряю... Но это не легко: мужъ ни за что не выдастъ ей отдѣльнаго вида...

КОЛЬБЪ. Мы заставимъ его! Со связями Клары въ

Digitized by Google

Петербургѣ это сдѣлать легко... Она получитъ разводъ, ручаюсь вамъ своей головой!

САША. Если бы, если бы! Я тогда бы... Я просто не знаю, что я тогда бы... Съ ума бы сошла отъ радости...

(Всѣ смѣются и говорятъ вмѣстѣ)

КОВЫЛЬКОВА. Какая прелесть!

КРАМЕРЪ. Уста ребенка...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Очаровательно! Но, господа, прежде всего важенъ не разводъ, это долгая пѣсня, важно освободить ее отъ этого хама сейчасъ... Онъ житья ей не даетъ. (Обращаясь къ Крамеру) Представьте, она сегодня ночевала подъ открытымъ небомъ, ночевала въ паркѣ! Она не можетъ переносить его ласкъ... Понимаете?

САША. А вы не разсказывайте всѣмъ... Я вамъ одному сказала, да еще мамочкѣ.

КОВЫЛЬКОВА. „Да еще мамочкѣ!“ Прелесть... Прямо прелесть! (Цѣлуетъ Сашу). Объ ея жизни здѣсь мы уже позаботимся... Она у насъ будетъ и днемъ и ночью... Мы никуда ее не отпустимъ отъ себя...

(Лѣнивцевъ придаетъ значеніе послѣднимъ словамъ Ковыльковой, отходитъ въ сторону и задумывается)

САША. Я все время буду съ вами... и ночевать сегодня и завтра буду у васъ... Пусть злится — мнѣ все равно... Ужъ если здѣсь мнѣ не удастся отдѣлаться отъ него, въ Моршанскѣ никогда...

КОЛЬВЪ. Мы должны, господа, спасти красивую женщину, это нашъ долгъ.

КРАМЕРЪ. (Апплодируя) Браво! Браво!—Вотъ это доводъ!

КОЛЬВЪ. Деспотизмъ нигдѣ не терпимъ, гдѣ бы и какъ бы онъ ни проявлялся...

КРАМЕРЪ. Разумѣется... Долой деспотизмъ!

(Общій смѣхъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Что-то обдумавъ и рѣшительно подойдя къ

Digitized by Google

Сашѣ) Шурочка, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ,—пройдемтесь по аллеѣ...

(Предлагаетъ руку)

САША. (Довольная) Хорошо, я съ вами люблю гулять и говорить люблю... Мамочка, я сейчасъ.

(Уходятъ)

КОВЫЛЬКОВА. (Обращаясь къ Кольбу) Вы что же? Ослѣпли? Этого нельзя допускать... Ни одной минуты ихъ нельзя оставлять вдвоемъ.

КОЛЬБЪ. Онъ воображаетъ, что мы хлопочемъ для него... Вотъ нахалъ! Пойдемте за ними...

(Быстро уходятъ)

КРАМЕРЪ. (Вслѣдъ Кольбу) Не поздно ли?

(Въ веселомъ настроеніи развертываетъ газету, читаетъ, посвистываетъ и помахиваетъ кончикомъ ботинка. Между столиковъ вдругъ появляется интересная дама съ болонкой на лентѣ.

Это женщина лѣтъ 30-ти, влюбленная въ свое тѣло,—любуется своими руками, ногами, движеніями. Горда красивымъ тѣломъ, важна, какъ глупый генералъ,—не говоритъ, а роняетъ слова.

Крамеръ, увидѣвъ ее, замеръ... потомъ вытащилъ изъ бокового кармана шелковый платочекъ и подбросилъ его къ ногамъ дамы. Офиціантъ, стоящій къ сторонѣ и наблюдающій эту сцену, тихо смѣется въ руку)

КРАМЕРЪ. (Подходя къ дамѣ и поднимая платокъ) Madame, вы изволили уронить платокъ.

(Дама удивленно смотритъ и молчитъ)

Я самъ видѣлъ, какъ онъ выпалъ изъ вашего кармана.

ДАМА. (Смѣривъ его глазами съ ногъ до головы) Старо и пошло.

(Проходитъ въ аллею. Офиціантъ не выдержалъ и громко расхохотался)

КРАМЕРЪ. Что, братецъ, смѣшно? Къ этой, видно, на легкихъ не подъѣдешь, подавай карету... Ну, что жъ,

Digitized by Google

подъѣдемъ въ каретѣ... (Вынимая серебряный рубль) Держи цѣлковый, узнай, кто она... Чтобы завтра вся подноготная ея была извѣстна... Понимаешь?

ОФИЦІАНТЪ. Не въ первый разъ... Что вы, господинъ Крамеръ... не сомнѣвайтесь...

(Возвращается Лѣнивцевъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Возмущаясь) Они не даютъ мнѣ ни секунды остаться съ ней вдвоемъ... Я понимаю... Теперь мнѣ все ясно... Вы чувствуете, въ чемъ тутъ дѣло?

КРАМЕРЪ. Отчасти... да, чувствую...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Какую пошлую роль играетъ тутъ эта загримированная старуха! Она хитра, какъ дьяволъ.. Чувствуя свое банкротство, она хочетъ жить чужими романами, романами своего любовника... Ну, нѣтъ, этого не будетъ!.. Шурочка не для нихъ, они недостойны развязать шнурокъ на ея ботинкѣ...

КРАМЕРЪ. Развяжемъ его мы.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Посмотрѣвъ на него) Пошлякъ!.. Какая пошлость, какая гадость кругомъ, и мы барахтаемся въ этой гадости, купаемся въ ней!.. Жалкіе людишки!

КРАМЕРЪ. Другъ мой, мы едва ли лучше другихъ,— зачѣмъ же такъ строго?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Мы каждый часъ, каждое мгновеніе хоронимъ красоту жизни и вбиваемъ въ гробъ ея гвозди—и еще хотимъ быть счастливыми! Но я другой увѣряю васъ, Крамеръ, другой... Я не похожъ на всѣхъ васъ здѣсь... Къ Шурочкѣ меня влекутъ какія-то особыя чувства... Когда я ее вижу, со мной дѣлается что-то необыкновенное... И я никогда не низведу этихъ чувствъ до пошлости курортнаго флирта...

КРАМЕРЪ. Да вы серьезно, что ли, говорите?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Да, да, серьезно!

КРАМЕРЪ. (Сдерживая смѣхъ) Онъ серьезно... Онъ серьезно...

(Смѣется)

Digitized by Google

ЛѢНИВЦЕВЪ. Что же тутъ смѣшного?

КРАМЕРЪ. (Продолжая смѣяться) Онъ серьезно...

(Входитъ Орловъ)

ОРЛОВЪ. (Подходя къ нимъ) Вы жены моей не видали?

КРАМЕРЪ. (Съ трудомъ сдерживая смѣхъ) Нѣтъ, мы не видали.

ОРЛОВЪ. Странно... Не знаю, гдѣ она... Должно быть, гдѣ-нибудь гуляетъ съ этой барыней... Всегда она съ ней... Пойду, поищу еще...

(Уходитъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Какъ онъ жалокъ... Какая драма, какая тутъ драма!

(Крамеръ раскатывается громкимъ хохотомъ)

КРАМЕРЪ. Голубчикъ, не смѣшите... Умру, ей-Богу умру... (Указывая на него пальцемъ) Герой! Чортъ его дери-то... Герой!

(Продолжаетъ хохотать. Музыка въ паркѣ начинаетъ играть послѣдній номеръ своей программы—бравурный маршъ)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дача Госпожи Ковыльковой и Кольба, находящаяся въ томъ же паркѣ. Легкая, красивая рѣшетка отдѣляетъ дачное мѣсто отъ парка.

Калитка въ паркъ въ глубинѣ сцены. Дача — небольшой бѣленькій домикъ съ широкой террасой, обвитый весь глициніями.

Высокія, тѣнистыя деревья, клумбы цвѣтовъ; между ними раскидныя садовыя кресла, гамакъ. Утро.

По поднятіи занавѣса, Кольбъ лежитъ въ гамакѣ и поетъ разныя аріи изъ оперъ, воображая себя пѣвцомъ на сценѣ.

Госпожа Ковылькова стоитъ на колѣняхъ у гамака и приводитъ въ порядокъ ногти Кольба: стрижетъ изящными ножницами, полируетъ замшей и т. п.

Спустя нѣкоторое время, Кольбу удается пропѣть какую-то замысловатую музыкальную фразу.

КОВЫЛЬКОВА. (Улыбаясь) Это мило... Повтори, только тише, Шурочка какъ бы не проснулась...

(Кольбъ повторяетъ)

КОВЫЛЬКОВА. (Восторженно) У тебя все выходитъ хорошо... Ты на все талантливъ... Милый... (Цѣлуетъ его руку)

КОЛЬБЪ. Это лишнее...

КОВЫЛЬКОВА. Я только руку...

КОЛЬБЪ. Можно безъ этого... Я просилъ...

КОВЫЛЬКОВА. Ну, хорошо, хорошо...Недотрога какой... Лежи смирно, я буду стричь заусеницы... (Съ любовью разсматривая его руки) Сколько у тебя заусеницъ стало опять... (Принимаясь за работу) У тебя музыкальные пальцы... Ты могъ бы быть прекраснымъ, музыкантомъ, если бы захотѣлъ.

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. Ты думаешь? Если бы, если бы... Ахъ, это если бы!

КОВЫЛЬКОВА. Довольно съ тебя и того, что ты поэтъ... Нельзя быть всѣмъ...

КОЛЬВЪ. Въ мой поэтическій талантъ, кажется, вѣрите только вы одна.

КОВЫЛЬКОВА. Придетъ время, и признаютъ тебя всѣ, я въ этомъ увѣрена.

(Пауза. Кольбъ поетъ)

КОВЫЛЬКОВА. (Стрижетъ ногти) Потише, разбудишь Шурочку... Ахъ, какая грязь! Ты ужасный грязнуля... Всѣ талантливые люди такіе...

(Пауза)

КОВЫЛЬКОВА. Какъ ты былъ вчера на террасѣ красивъ, когда обнималъ Шурочку!

КОЛЬВЪ. Жаль, что у васъ не было фотографіи, сняли бы.

КОВЫЛЬКОВА. Ты, кажется, смѣешься надо мной? (Кончая работу и вставая) Во всякомъ случаѣ, ты долженъ помнить: ни одна женщина не способна принести въ жертву любимому человѣку столько, сколько принесла я... Есть вещи, которыми жертвовать нельзя... Я пожертвовала своей любовью, я отдала тебя другой... Кто это сдѣлалъ бы? Кто? Ты думаешь, мнѣ легко, когда ты ее цѣлуешь? Я готова ей выцарапать глаза, и я... я терплю... Ты ничего не видишь... (Отбрасываетъ ножницы, садится на раскидное кресло и вытираетъ платкомъ глаза)

КОЛЬВЪ. Вѣдь это же, ей-Богу, смѣшно... Какъ-то глупо...

КОВЫЛЬКОВА. Я знаю — я смѣшна, глупа... Ну и пусть, пусть... Я хочу, чтобъ ты былъ счастливъ... (Подходя къ нему) Я буду жить твоимъ счастьемъ... мнѣ больше ничего отъ тебя не надо. (Становится передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ руки) Смѣйся надо мной, смѣйся... Какъ ты былъ вчера красивъ, когда цѣловалъ ее!

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. (Выдергивая руку) Перестаньте... Будетъ, Клара... Дайте мнѣ вашу руку! (Пожимая ея руку) Я уважаю васъ, Клара. Вы рѣдкій человѣкъ, въ васъ ни капли мѣщанства, ни капли предразсудковъ... Да, только такую женщину я способенъ уважать. Это мой отвѣтъ на все ваше отношеніе ко мнѣ... Поймите, что я сказалъ... Я умѣю быть благодарнымъ... (Крѣпко трясетъ ея руку и выпускаетъ ее, придавая какое-то особенное значеніе своимъ движеніямъ)

КОВЫЛЬКОВА. Благодарю... благодарю... Мнѣ ничего больше не надо отъ тебя, ничего... (Опять хочетъ встать на колѣни)

КОЛЬВЪ. Погодите... довольно... кажется, кто-то идетъ...

(Лѣнивцевъ подходитъ къ калиткѣ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Простите, я немного рано, кажется, сегодня... (Подчеркивая) Но меня просила Шурочка придти какъ можно раньше. (Враждебно здороваясь) Здравствуйте...

КОВЫЛЬКОВА. Она спитъ еще.

КОЛЬВЪ. Зачѣмъ же она васъ просила?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Это наше дѣло... Я зайду немного позднѣе... Пока, до свиданія. (Раскланивается и уходитъ

КОЛЬВЪ. Каковъ? Что онъ воображаетъ о себѣ?

КОВЫЛЬКОВА. Глупъ... Передъ нимъ ты олимпіецъ... Досадно даже, такое дрянцо—и туда же.

КОЛЬВЪ. Но нельзя же его попросить не ходить къ намъ.

(На террасѣ появляется Саша. Одѣться не успѣла—не умылась, волосы распущены)

САША. (Стоя на террасѣ) Здѣсь былъ Лѣнивцевъ? Я слышала его голосъ, соскочила, кое-какъ одѣлась... Гдѣ же онъ?

КОЛЬВЪ. Онъ сейчасъ придетъ.

САША. (Глубоко вбирая въ себя воздухъ) Господи, какой воздухъ! Какъ хорошо дышать... А музыки сегодня въ

Digitized by Google

паркѣ не слышно... Должно быть, вѣтеръ относитъ въ другую сторону... Я сейчасъ, мамочка, одѣнусь, причешу волосы! (Идетъ въ домъ)

КОВЫЛЬКОВА. Я тебѣ сама причешу... Костя, мы ее сейчасъ причешемъ. (Обращаясь къ Кольбу) Принеси изъ моей спальни гребенку, щетку, шпильки...

(Входятъ на террасу)

КОЛЬБЪ. Это идея! Сейчасъ...

САША. Я не умывалась... Ей-Богу, не умывалась.

КОЛЬБЪ. Это все равно... (Уходитъ)

КОВЫЛЬКОВА. Маленькая, садитесь сюда.. (Подставляетъ стулъ) Сейчасъ мы тебя причешемъ... Ты будешь хорошенькая, хорошенькая...

САША. Мамочка, какъ я счастлива, какъ я рада... (Садится на стулъ) Я совсѣмъ не знала, что есть на свѣтѣ такіе люди.., У насъ, въ Моршанскѣ, совсѣмъ другіе, только и разговору, какъ бы прожить, какъ бы на все хватило денегъ... А здѣсь ни о чемъ скучномъ не думаютъ.

(Возвращается Кольбъ съ туалетными принадлежностями)

САША. Такой, какъ вы, не найдешь въ Моршанскѣ... Что я вамъ? Совсѣмъ чужая, а вы мнѣ ближе матери, ближе отца...

КОВЫЛЬКОВА. Ну, сидите смирно, мы начинаемъ... (Обращается къ Кольбу) Давайте гребенку... (Причесываетъ) Держите эту прядь волосъ!

КОЛЬБЪ. (Закатывая глаза подъ лобъ и цѣлуя волосы) Прядь волосъ...

(Саша смѣется)

КОЛЬБЪ. (Нюхая волосы) Отъ нихъ пахнетъ левкоемъ.

КОВЫЛЬКОВА. Можетъ быть, еще чѣмъ-нибудь?

КОЛЬБЪ. Глупо!

САША. Что такое?

КОВЫЛЬКОВА. Маленькая, сидите смирно, не вертите головой... (Обращаясь къ Кольбу) Держите еще эту прядь...

КОЛЬБЪ. Можетъ быть, мнѣ всю ее взять на руки?

Digitized by Google

КОВЫЛЬКОВА. Успѣете и это. Сидите смирно, разсказывайте намъ что-нибудь.

КОЛЬВЪ. Про мужа, Шурочка... Я люблю, когда вы разсказываете про него...

САША. Да что же про него разсказывать? Если бы онъ посадилъ меня въ золотой дворецъ, я и то убѣгла бы отъ него... Мамочка, больно! У насъ въ городѣ считаютъ его умнымъ, и никто не видитъ, что онъ дуракъ, просто дуракъ, и противный при этомъ.

КОЛЬВЪ. (Помогая причесывать и любуясь ею) Какъ она мила! Продолжайте, Шурочка, я слушаю...

САША. Я всегда чувствовала, что вотъ-вотъ что-то случится... Кто-то явится, и жизнь моя совсѣмъ, совсѣмъ измѣнится... Дома и мужъ, и папа боялись, что я убѣгу или что-нибудь выкину... А мнѣ хотѣлось на зло всѣмъ что-нибудь сдѣлать... и какія я штуки, мамочка, выкидывала! Весь городъ удивлялся...

КОЛЬВЪ. Безсознательные порывы...

САША. Меня всѣ считали дома дурной, а я не дурная, мнѣ только жизни и любви хочется.

КОЛЬВЪ. Она голубая... Правда? Она вся голубая, ее можно писать только въ голубыхъ тонахъ.

САША. А разъ я притворилась, что влюбилась въ телеграфиста Аметьева... Есть у насъ такой, смѣшной, носъ картошкой... Вотъ пошла исторія! Стала ему назначать свиданія на „обрывѣ“,—это бульваръ у насъ такъ называется,—нарочно днемъ, чтобъ всѣ видѣли... Мужъ бѣсится, не знаетъ, что дѣлать... А мы, чтобъ отдѣлаться отъ него, возьмемъ извозчика, да по главной улицѣ изъ конца въ конецъ, изъ конца въ конецъ... Аметьевъ боится мужа, хочетъ выскочить изъ саней, а я его держу за пальто и держу... Потѣха!

КОВЫЛЬКОВА. Мнѣ кажется, не мѣшало бы вплести немного цвѣтовъ... Она походила бы на Офелію...

КОЛЬВЪ. Идея! я сейчасъ нарву... (Срываетъ цвѣты и возвращается на террасу)

Digitized by Google

САША. Какіе вы люди! Какіе удивительные вы люди...

КОЛЬВЪ. (Помогая вплетать цвѣты) Вотъ сюда... Вотъ такъ... Эту розу здѣсь... Клара, васъ, кажется, зоветъ поваръ.

КОВЫЛЬКОВА. (Понявъ его) Нѣтъ, кажется, не зоветъ...

КОЛЬВЪ. А я слышалъ, что онъ звалъ!

(Киваетъ головой на дверь. Ковылькова уходитъ, грозя ему за спиной Саши)

КОЛЬВЪ. Шурочка, я не могу! Вы чертовски сегодня милы, адски красивы!.. Я долженъ васъ цѣловать... (Осыпаетъ ее поцѣлуями)

САША. Пустите меня... пустите... Я еще не умывалась... Пустите...

(Убѣгаетъ въ домъ. Кольбъ за ней. Въ домѣ происходитъ какая-то возня, шумъ... Падаетъ что-то тяжелое. Саша, съ растрепавшимися волосами, взволнованная выбѣгаетъ на террасу и спускается въ паркъ; у дерева, не сознавая, что дѣлаетъ, сламываетъ вѣтку. Кольбъ, съ сдвинутымъ на бокъ галстукомъ, выбѣгаетъ за ней)

КОЛЬВЪ. (Задыхаясь) Шурочка!.. Шурочка!..

САША. (Грозясь вѣткой) Я васъ по лицу... Я васъ по лицу! Не подходите ко мнѣ...

КОЛЬВЪ. (Приходя въ себя) Ну, перестаньте... Я вѣдь шучу...

САША. Не правда!.. У васъ глаза, какъ у мужа... Неужели и вы такой?.. (Замѣтивъ Ковылькову на террасѣ и подбѣгая къ ней) Мамочка! Мамочка!

КОВЫЛЬКОВА. Что такое? Въ чемъ дѣло?

САША. Онъ... Онъ...

КОВЫЛЬКОВА. Онъ, маленькая, большой шалунишка, вотъ и все... Онъ всегда шалитъ, когда остается съ женщинами наединѣ... Вотъ мы его побранимъ... Подите сюда! (Кольбъ входитъ на террасу) Что вы тутъ надѣлали?

КОЛЬВЪ. Да такъ, глупости...

КОВЫЛЬКОВА. (Веря его за ухо) Не смѣйте обижать маленькую, не смѣйте! Берите его за другое ухо, тере-

Digitized by Google

бите! (Саша беретъ, осторожно теребитъ и смѣется) Да вы хорошенько, хорошенько, чтобъ впередъ не смѣлъ... Вотъ, вотъ, вотъ тебѣ...

КОЛЬВЪ. Довольно... Больно!

САША. (Теребя ухо) Не смѣйте, не смѣйте...

КОВЫЛЬКОВА. Онъ пошутилъ, просто пошутилъ, но онъ васъ, маленькая, любитъ, очень любитъ, я знаю, какъ онъ васъ любитъ... Прочтите стихи, которые вчера вы сочинили... Для васъ, Шурочка, сочинилъ...

КОЛЬВЪ. Не стоитъ, Шурочка не пойметъ.

САША. Нѣтъ, пойму, прочтите!

КОЛЬВЪ. (Декламируетъ)

Она далёка и близка,
Межъ ними путь неизмѣримый,
Хоть прикасается рука
Съ рукою женщины любимой.
Его душа ея душой,
Какъ небеса, непостижима,
Но вдохновенною мечтой
Тѣмъ горячѣй она любима!

КОВЫЛЬКОВА. (Гордясь имъ) Что? Хорошо? Вотъ онъ у меня какой!

САША. Неправда, а хорошо... За это я сама васъ поцѣлую... (Цѣлуетъ Кольба)

КОЛЬВЪ. (Вытирая платкомъ потъ съ лица) Стоитъ еще Клара, жить на свѣтѣ,—есть иллюзіи... (У калитки появляется Орловъ)

САША. (Увидавъ его) Мужъ!

КОВЫЛЬКОВА. (Идя ему навстрѣчу) Цѣла, цѣла ваша драгоцѣнность... волоса съ головы не упало... Здравствуйте... Я вамъ говорила, что у меня, какъ за каменной стѣной, какъ въ монастырѣ... Вамъ нечего бояться

КОЛЬВЪ. (Сухо здороваясь) Здравствуйте...

ОРЛОВЪ. (Подходя къ Сашѣ) Доброе утро... (Хочетъ поцѣловать ее)

Digitized by Google

САША. Это лишнее...

КОВЫЛЬКОВА. Видите,—она до сихъ поръ на васъ сердится... Нельзя, нельзя такъ обижать жену.

КОЛЬВЪ. Скажите—глумиться...

ОРЛОВЪ. Напрасно сердится, я ничего дурного не сдѣлалъ... Сегодня я уѣзжаю, Александра Митрофановна, и попросилъ бы васъ отправиться вмѣстѣ на квартиру и уложить вещи... Довольно этой музыки...

САША. Я не поѣду... Поѣзжайте одинъ.

ОРЛОВЪ. Вы шутки оставьте, я пришелъ не шутить... Довольно, будетъ, вылѣчились...

КОВЫЛЬКОВА. Егоръ Егоровичъ... Кажется, васъ зовутъ Егоръ Егоровичъ? Такъ вотъ что, Егоръ Егоровичъ...

ОРЛОВЪ. А что именно?

КОВЫЛЬКОВА. Поговоримъ обо всемъ серьезно, поговоримъ, какъ интеллигентные, умные люди... Садитесь, прошу васъ...

ОРЛОВЪ. (Садясь) Кажется, это лишнее...

КОВЫЛЬКОВА. Однако, поговоримъ...

ОРЛОВЪ. Не о чемъ тутъ говорить,—дѣло ясное, что вы здѣсь не при чемъ.

КОЛЬВЪ. Нѣтъ, при чемъ! При чемъ, многоуважаемый!

КОВЫЛЬКОВА. Не тотъ тонъ, не тотъ тонъ... Молчи! Будемъ разумны, Егоръ Егоровичъ, будемъ разумны... (Послѣ небольшой паузы) Егоръ Егоровичъ... я... будемъ разумны...

ОРЛОВЪ. Ну, я слышалъ это...

КОВЫЛЬКОВА. Есть русская пословица: насильно милъ не будешь... Это вѣдь совершенная правда... Безъ любви не можетъ быть брака, не должно быть, это... это больше, чѣмъ безнравственно... это прямо подлость...

САША. Понятно... Онъ этого не можетъ понять... Выдайте мнѣ отдѣльный видъ на жительство!

ОРЛОВЪ. Отдѣльный видъ на развратъ...

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. Что такое? Какъ вы смѣете? Мы принимаемъ горячее участіе въ ея судьбѣ не для того, чтобы она развратничала.

ОРЛОВЪ. А для чего?

КОЛЬВЪ. Чтобъ дать дышать свободному человѣку свободно!

ОРЛОВЪ. Скажите пожалуйста... Я вотъ знаю, что ничего изъ этого кромѣ разврата не получится, и не дамъ ей паспорта... не дамъ! Убѣжитъ—такъ по этапу съ полиціей возвращу... Слышали? Пойдемте, Александра Митрофановна, домой, пойдемте! Довольно этихъ ночевокъ по знакомымъ!

КОВЫЛЬКОВА. Да вы совсѣмъ, совсѣмъ дикарь... Я думала, вы все-таки интеллигентный человѣкъ...

САША. Не буду я съ вами жить... Не поѣду, зовите хоть полицію... (Убѣгаетъ въ домъ)

КОЛЬВЪ. Смѣшно, многоуважаемый, смѣшно... Силой ничего тутъ не подѣлаешь... Да, повѣрьте, мы сумѣемъ заступиться за нее, мы не одни,—здѣсь всѣ на курортѣ возмущены вами...

(Въ калитку вбѣгаетъ дама, преслѣдуемая Крамеромъ, и захлопываетъ калитку)

ДАМА. Клара Борисовна! спасите, меня преслѣдуютъ, мнѣ проходу не даютъ...

КОВЫЛЬКОВА. Кто, милая? Что такое? (Подходитъ къ ней)

ДАМА. Какой-то нахалъ второй день проходу мнѣ не даетъ... Видите? Видите между деревьями?

КОЛЬВЪ. (Подойдя къ рѣшеткѣ) Да это Крамеръ!)Смѣясь) Крамеръ, подите сюда!

КОВЫЛЬКОВА. Онъ... Конечно, онъ... (Кричитъ) Подите сюда!

(Саша, услыхавъ новые голоса, появляется опять на террасѣ. Орловъ подходитъ къ ней, и они ведутъ о чемъ-то горячій разговоръ. Слышны иногда слова Саши: „Уѣзжайте!", „Проживу безъ васъ", „Вотъ глупости...")

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. (Беря обѣ руки дамы и цѣлуя ихъ) А вы что это такую недотрогу разыгрываете? Или на этотъ сезонъ особенная выработана программа?

ДАМА. Пожалуйста, отпустите руки, я безъ перчатокъ.

КОЛЬВЪ. Фу ты, ну ты! Не приступайся...

(Входитъ Крамеръ)

КРАМЕРЪ. (Обращаясь къ дамѣ) Простите... Если бы я зналъ, что у насъ есть общіе знакомые... Мнѣ такъ стыдно... Я, кажется, даже покраснѣлъ...

ДАМА. Я прощаю. (Идетъ къ гамаку, позируетъ въ немъ и дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ не интересуется Крамеромъ)

КРАМЕРЪ. (Здороваясь съ Ковыльковой) Здравствуйте! (Обращаясь къ Кольбу тихо) Кажется, съ перцемъ?

КОЛЬВЪ. (Тоже тихо) Вретъ все.

КОВЫЛЬКОВА. (Обращаясь къ Крамеру) Идите къ своей дамѣ и занимайте ее...

КРАМЕРЪ. (Подходя къ гамаку) И ночь, и день готовъ... Мѣсяцы, годы, если это нужно...

ДАМА. Только, пожалуйста, не качайте, голова болитъ...

(Ковылькова для дамы рветъ цвѣты и собираетъ букетъ. Кольбъ посвистываетъ, глядя на Сашу)

КРАМЕРЪ. Я желалъ бы быть вашей нянюшкой и покачивать вашу колыбельку... (Берется за гамакъ)

ДАМА. Я сплю... Не мѣшайте мнѣ спать... Зиночка бай-бай хочетъ... (Крамеръ качаетъ гамакъ) Потише, потише... Зиночка бай-бай...

(Входитъ Лѣнивцевъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Обращаясь къ Кольбу) Ну, что Шурочка?

КОЛЬВЪ. Вонъ она на террасѣ съ мужемъ разговариваетъ...

(Лѣнивцевъ смутился: не знаетъ, идти ему на террасу или нѣтъ)

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. Что же вы остановились? Идите, мужъ не кусается.

КОВЫЛЬКОВА. (Смѣясь) Выдалъ, выдалъ самъ себя.

ЛѢНИВЦЕВЪ. У васъ вѣчно глупости...

(Входитъ на террасу, здоровается съ Сашей и Орловымъ и подходитъ къ Крамеру)

КОЛЬВЪ. (Подсмѣиваясь надъ Лѣнивцевымъ и хлопая его по плечу) Лѣвой ногой, должно быть, встали сегодня— не везетъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Удивительная способность у васъ изъ всего дѣлать пошлость!

(Саша взвизгиваетъ)

САША. Ой! ой! Пустите руку! Вы кости сломаете!

ОРЛОВЪ. (Не выпуская руки, тащитъ ее съ терассы) Пойдемте... Я хочу... Я требую!

ЛѢНИВЦЕВЪ. Какъ вы смѣете?

КОЛЬВЪ. Я не позволю! Господа, онъ бьетъ жену свою, законный поводъ для развода—нанесеніе побоевъ!

ОРЛОВЪ. Пойдемъ... Здѣсь сумасшедшій домъ...

КОВЫЛЬКОВА. Это безобразіе, вы не смѣете на моей дачѣ...

САША. (Вырываясь и падая на ступеньки лѣстницы террасы) Видите, что онъ со мной дѣлаетъ?.. Не пойду я съ нимъ...

(Плачетъ)

КОЛЬВЪ. Господинъ Орловъ, извольте выйти вонъ! (Показываетъ на калитку)

КРАМЕРЪ. Многоуважаемый, что же такое вы дѣлаете? Здѣсь вѣдь не кабакъ, не трактиръ... Вы въ гостяхъ у почтенныхъ людей, нехорошо, нехорошо, многоуважаемый...

КОВЫЛЬКОВА. (Обращаясь къ Крамеру) Уговорите его дать ей паспортъ... Съ нимъ невозможно жить...

КОЛЬВЪ. Мы заставимъ это сдѣлать! Всѣ видѣли какъ вы уродовали жену... Что, батюшка, попались?

Digitized by Google

(Лѣнивцевъ во время послѣдующаго разговора то подходитъ къ Сашѣ и что-то говоритъ ей, то отходитъ въ глубину сцены и, волнуясь, ходитъ тамъ,—повидимому, сильно переживаетъ всѣ событія. Дама продолжаетъ лежать въ гамакѣ и заниматься собой)

ОРЛОВЪ. (Горячо) Вы дурака-то изъ меня не стройте! Вы думаете, что я изъ уѣзднаго города, такъ и туману мнѣ можно напустить?! Ошибаетесь! Я вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло...

КРАМЕРЪ. Мы не позволимъ такъ съ нами разговаривать! Послушайте, что я вамъ скажу. Женщина такой же человѣкъ, какъ мужчина. Если наши законы, наша церковь отрицаетъ это и дѣлаетъ женщину рабой, то мы, члены интеллигентнаго общества, должны быть выше нашихъ законовъ, нашей церкви... Еще въ сѣдой древности у нѣкоторыхъ племенъ женщина стояла на одной ступени съ мужчиной и была нисколько не ниже его... Софья Ковалевская, Жоржъ-Зандъ и другія доказали это въ наше время... Читая газеты, мы узнаемъ каждый день о новыхъ и новыхъ подвигахъ женщинъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Подходя къ Крамеру) Тутъ ваша рѣчь ни къ чему. Не можете безъ рѣчей!.. Надо ему просто и ясно доказать, какъ глупо и нелѣпо жить съ женщиной, которая его не любитъ.

(Опять отходитъ къ рѣшеткѣ и, волнуясь, продолжаетъ ходить)

КОВЫЛЬКОВА. Понятно, лучше проще. Вы, голубчикъ, дайте ей паспортъ... Это будетъ благородный поступокъ, иначе... иначе, подумайте, что за жизнь вы устроите и себѣ, и ей? Это будетъ двѣ загубленныя жизни. Мы любимъ вашу жену и хотимъ и вамъ, и ей счастья. Намъ больно смотрѣть на васъ.

ОРЛОВЪ. Благодарю васъ.

КРАМЕРЪ. Совѣтую, многоуважаемый, выдать ей паспортъ и махнуть рукой... Вы еще молоды, найдете другую женщину, женитесь...

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. А она?

КОВЫЛЬКОВА. Мы объ ея судьбѣ позаботимся... Не бойтесь за нее, не бойтесь...

ОРЛОВЪ. Такъ-съ... Кончили?

КОВЫЛЬКОВА. Что кончили?

ОРЛОВЪ. Да ваши совѣты всѣ... Можетъ быть, еще что-нибудь про Жоржъ-Зандъ скажете? Говорите. Отвѣчать я вамъ не буду, только дайте мнѣ въ послѣдній разъ поговорить съ женой.

КОЛЬВЪ. Сдѣлайте милость... Смѣшно.

ОРЛОВЪ. (Подойдя къ Сашѣ) Сегодня я уѣзжаю въ Моршанскъ, хотите со мной ѣхать или нѣтъ?

(Молчаніе)

Хотите со мной ѣхать или нѣтъ?

(Молчаніе. Раздается трескъ ломаемой рѣшетки: Лѣнивцевъ сломалъ какой-то столбикъ. Всѣ оборачиваются въ его сторону. Дама выскочила изъ гамака).

КОВЫЛЬКОВА. Что съ вами? Вы съ ума сошли?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я не могу выносить подобныхъ сценъ... Это выше моихъ силъ! (Обращаясь къ Ковыльковой) Простите, я у васъ что-то сломалъ. (Отбрасываетъ столбикъ)

КРАМЕРЪ. Однако... Ужъ вы слишкомъ серьезно... Нельзя такъ выдавать себя, нельзя...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Оставьте меня въ покоѣ!

ОРЛОВЪ. Поѣдете со мной или нѣтъ? Послѣднее ваше слово.

САША. Нѣтъ.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Подбѣгая къ Сашѣ и пожимая ей руку) Благородно... Благородно... Вы женщина...

ОРЛОВЪ. Оставайся. Только знай, что ни паспорта, ни денегъ, ничего отъ меня не получишь... Знать не желаю, какъ вы будете жить... Чтобъ ни духу, ни слуху объ васъ... А если по этапу, какъ бродягу, васъ приведутъ ко мнѣ,—дверь отопру... Вотъ тогда и посмотримъ, вотъ тогда и поговоримъ...

КОЛЬВЪ. Этого не будетъ!

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. Вы сами не знаете, что будетъ и что не будетъ... Вамъ только благородный поступокъ надо выкинуть, порисоваться, полиберальничать...

САША. Замолчи! Если ты не замолчишь, я при всѣхъ разскажу, какой ты... Ты самъ здѣсь благороднаго человѣка разыгрываешь, а на самомъ дѣлѣ... Онъ... (Ищетъ слова) Онъ... Въ немъ никакого стыда передъ женщиной нѣтъ... Послѣ свадьбы...

ОРЛОВЪ. Безстыдница! Безстыдница!

САША. Уходи! Ненавижу... Уходи!..

ОРЛОВЪ. Сейчасъ уйду... Я вѣдь, Шурочка, въ самомъ дѣлѣ уѣду, я вѣдь не шучу... (Поглядѣвъ на всѣхъ съ отчаяніемъ) Думаете, не уѣду? Уѣду... Сейчасъ уѣду! Наплевать мнѣ на нее! (Обращаясь къ женѣ) Силъ у меня нѣтъ смотрѣть на твои гадости, живи, пропадай здѣсь... Ты скверная женщина, и больше ничего... Ты думаешь, во мнѣ гордости нѣтъ... Есть! Есть! Я не позволю себя унижать передъ всякими... Довольно! Умирать буду, придешь,—прогоню!..

(Хлопаетъ калиткой и уходитъ)

САША. (Вслѣдъ ему) Ты ко мнѣ самъ первый придешь!..

КОВЫЛЬКОВА. Возмутительный человѣкъ... Совсѣмъ дикарь...

САША. Неужели уѣдетъ?! Я не вѣрю... Если бы уѣхалъ, если бы...

КОЛЬВЪ. Уѣдетъ... Все равно уѣдетъ, не сегодня—такъ завтра... Свобода, Шурочка, свобода! Господа, давайте ее качать!

ВСѢ. Качать ее! Качать! (Схватываютъ Сашу, качаютъ и кричатъ) Ура! Ура! Ура!

КРАМЕРЪ. (Въ то время когда крикъ становится тише) Шампанскаго не мѣшало бы за освобожденную женщину!

ВСѢ. (Продолжая кричать) Освобожденная женщина! Освобожденная! Ура! Шампанскаго... Ура! Ура!..

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Глухая аллея въ томъ же паркѣ. Въ аллеѣ сумрачно,—брызги солнца на густой листвѣ не проникаютъ въ глубь аллеи. Изъ земли, между деревьями, выглядываютъ зеленоватые камни. Изъ одного такого камня сдѣлана скамейка.

Въ глубинѣ за деревьями виденъ „хаосъ", — это груды камней, наваленныхъ другъ на друга въ хаотическомъ безпорядкѣ. Среди нихъ, далеко изъ-за синей дымки, виднѣется „Чортова скала".

Гдѣ-то вблизи ропщетъ горная рѣчка. Отъ аллеи вѣетъ прохладой и тишиной.

Жизнь курорта ни однимъ звукомъ не доносится сюда.

По поднятіи занавѣса, на скамейкѣ сидитъ Крамеръ и, читая газеты, часто поглядываетъ вдоль аллеи; повидимому, онъ кого-то ждетъ. Черезъ нѣкоторое время на аллеѣ появляется Саша; вся раскраснѣвшаяся, взволнованная, она идетъ быстро, быстро, но, увидавъ Крамера, забѣгаетъ за деревья и торопливо пробирается между ними. Какъ она ни прячется отъ Крамера, онъ ее замѣчаетъ.

КРАМЕРЪ. Шурочка! Куда это вы? (Встаетъ)

САША. Здравствуйте!.. Мнѣ нужно... Мнѣ некогда.

(Идетъ своей дорогой впередъ)

КРАМЕРЪ. Погодите... Всего пять минутъ... Стойте!

САША. Зачѣмъ я вамъ? Я тороплюсь.

КРАМЕРЪ. Куда?

САША. Не скажу...

КРАМЕРЪ. (Взявъ ее за обѣ руки и смотря ей въ глаза) Такъ... такъ... Свиданіе?.. У „Чортовой скалы"?

САША. Ничего подобнаго!

Digitized by Google

КРАМЕРЪ. (Не выпуская рукъ) Съ Лѣнивцевымъ?

САША. Ей-Богу нѣтъ... что вы? Ей-Богу нѣтъ!

КРАМЕРЪ. (Любуясь ею) Вся дрожитъ, волнуется, раскраснѣлись щеки. И я такимъ же когда-то ходилъ на свиданье... Молодость! Молодость! Живите, Шурочка, живите! Ловите каждый моментъ... Никого не бойтесь, не стѣсняйтесь, идите на свиданье и гордо говорите: иду на свиданье... Тутъ нечего стѣсняться.... Вотъ я тоже сижу здѣсь и жду одну даму... Говорите: у „Чортовой скалы“ Лѣнивцеву свиданье назначено?

САША. Почему же вы знаете, что у „Чортовой скалы“?

КРАМЕРЪ. Дорога идетъ туда... (Гладя ее по волосамъ) Идите, идите, благословляю... Но какъ вамъ удалось вырваться отъ вашихъ покровителей? Какъ это маху дала Ковылькова?

САША. Я потомъ вамъ все разскажу... Мнѣ идти надо... Пустите руки!.. Они очень, очень плохіе люди... Мамочка... Ахъ, если бы вы знали, какая это женщина!.. Я и не знала, что такіе люди могутъ быть на свѣтѣ... Пустите руки!

КРАМЕРЪ. (Выпуская руки) Идите... Благословляю... (Цѣлуетъ ее въ лобъ) Когда будете счастливы, вспомните меня...

(Саша убѣгаетъ. Крамеру стало скучно, сидитъ на скамейкѣ, что-то рисуетъ тросточкой по песку и печально напѣваетъ. Пауза. Въ аллеѣ появляется Лѣнивцевъ, идетъ медленно, срывая листья съ деревьевъ и о чемъ-то думая. Проходитъ мимо Крамера и не замѣчаетъ его)

КРАМЕРЪ. (Декламируя) Какъ юноша влюбленный на свиданье...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Это вы! (Останавливается) Зачѣмъ вы здѣсь?

КРАМЕРЪ. Жду даму.

ЛѢНИВЦЕВЪ. Одно и то же каждый день. (Идетъ дальше)

Digitized by Google

КРАМЕРЪ. Постойте! Куда же вы? Гуляете? Такъ я пойду съ вами—начихаю на даму...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я иду на свиданье съ Шурочкой къ „Чортовой скалѣ“.

КРАМЕРЪ. Не можетъ быть!.. Не вѣрю... Она не придетъ: Ковылькова въ сто глазъ за ней смотритъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я не знаю... Шурочка еще утромъ на музыкѣ отдала незамѣтно мнѣ письмо... Пишетъ, что будетъ въ это время у „Чортовой скалы“,—надо идти...

КРАМЕРЪ. Не придетъ, увѣряю васъ, не придетъ... Это только ея мечта... Она влюблена въ васъ, какъ кошка.

ЛѢНИВЦЕВЪ. Это я знаю, чувствую...

КРАМЕРЪ. Счастливчикъ! Я думаю, дрожитъ сердце, ноги подкашиваются... Дайте-ка пощупаю пульсъ... (Хочетъ взять его руку и напѣваетъ) „Мнѣ эти пѣсни знакомы, знакомы“...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Перестаньте шутить!

КРАМЕРЪ. (Смѣясь) Ахъ, да, я и забылъ! Мы вѣдь серьезно... Мы серьезно...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Довольно, Крамеръ, этого смѣха, довольно! Совсѣмъ не такъ смѣшно... (Садится на скамейку)

КРАМЕРЪ. Не понимаю... Что вы какъ мокрая курица! Вамъ нужно сіять, радоваться, хотя и на самомъ дѣлѣ все было бы серьезно. Вы идете къ любимой женщинѣ, вы можете ее увести на край свѣта, можете испытать необыкновенныя мгновенія...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что это вовсе не такъ.

КРАМЕРЪ. Какъ такъ?

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я не знаю, что со мной дѣлается... Никакъ не могу понять самого себя... Мнѣ такъ хотѣлось ея любви, хотѣлось обладать ею, но вотъ теперь... теперь, когда, повидимому, разрушены всѣ препятствія, когда она пишетъ, что, придя ко мнѣ, уже не возвратится къ Ковыльковой, когда я могу взять ее и увести,

Digitized by Google

какъ вы говорите, на край свѣта,—мнѣ хочется...—вы не повѣрите... — мнѣ хочется, чтобъ этого ничего не было... чтобъ она не приходила...

КРАМЕРЪ. Чортушка!..

ЛѢНИВЦЕВЪ. Неужели я не способенъ на серьезную связь? Вотъ какая мысль меня отравляетъ сейчасъ... Я не знаю: хочу или не хочу, чтобъ она пришла...

КРАМЕРЪ. Боитесь вы, что она сядетъ вамъ на шею... Если бы это какъ-нибудь полегче, безъ особыхъ заботъ, вы другимъ бы шли на свиданье! А тутъ и отъ мужа, и отъ добрыхъ знакомыхъ хотятъ уйти къ вамъ... Задумаешься...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Я не такъ меркантиленъ, какъ вы думаете! Свинство такъ думать обо мнѣ, вы меня знаете!.. Я не знаю, откуда у меня явилось это настроеніе,— женщина говоритъ мнѣ: возьми меня, я вся твоя, а мнѣ... мнѣ хочется поцѣловать ее и уйти!.. А недѣлю тому назадъ я могъ бы убить и Кольба и мужа...

КРАМЕРЪ. (Возмущаясь) Я самъ сейчасъ пойду къ „Чортовой скалѣ“, а вы сидите здѣсь и разводите нюни... Глупо... Вы молоды, живите, чортъ васъ возьми!

ЛѢНИВЦЕВЪ. Дѣйствительно, глупо разсуждать въ такое время, — она, можетъ быть, уже тамъ и ждетъ...

КРАМЕРЪ. Ступайте! Вонъ, кажется, идетъ моя дама, вы мнѣ мѣшаете...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Иду!

(Уходитъ. Крамеръ тоже уходитъ навстрѣчу дамѣ и скоро возвращается съ ней)

КРАМЕРЪ. (Ведя подъ руку даму и ощупывая ея руку) Стальная рука—совсѣмъ стальная рука... Я занимаюсь каждый день гимнастикой, мускулы у меня здоровеннѣйшіе, но тутъ я пасую. Какой подлецъ налилъ въ эту нѣжную кожу столько пудовъ свинца?

(Ощупываетъ руку болѣе энергично выше локтя)

ДАМА. Это, кажется, слишкомъ... Оставьте, я не пе-

Digitized by Google

реваривaю пошлости... Неужели нельзя остаться съ мужчиной вдвоемъ, чтобы... Будьте паинькой... Сядемъ здѣсь... Здѣсь хорошо...

(Садится на скамейку и позируетъ, любуясь своими ногами)

КРАМЕРЪ. Такъ-съ... Значитъ, опять съ идеаловъ прикажете начинать?.. Я сожалѣю, что я не кадетъ...

ДАМА. Будьте паинькой... Скажите мнѣ, какъ лучше жить—умомъ или сердцемъ?

КРАМЕРЪ. Селезенкой... Печенкой тоже недурно выходитъ иногда.

ДАМА. Не смѣйте шутить! Я серьезно... Это такъ меня мучаетъ... Скажите: умомъ или сердцемъ?

КРАМЕРЪ. (Беря ее за руку) Напрасная забота, дорогая моя, вѣдь все равно у васъ ни ума, ни сердца.

ДАМА. Нахалъ! Оставьте руку... Съ вами нельзя говорить серьезно.

(Перемѣняетъ позу и любуется уже не ногами теперь, а руками)

КРАМЕРЪ. Рѣдкія руки! Удивительныя руки!

ДАМА. Понятно, удивительныя. Такихъ рукъ ни у одной здѣсь нѣтъ.

КРАМЕРЪ. Не спорю... Зачѣмъ вы носите эти дурацкія модныя платья? Вамъ шло бы окутаться съ ногъ до головы кускомъ яркой матеріи. Просто, знаете, окутаться такъ небрежно, широкими складками.

ДАМА. (Подумавъ) Вы думаете?

КРАМЕРЪ. (Осторожно обнимая ее) Воображаю васъ въ греческомъ костюмѣ.

ДАМА. Темно-синяго тона?

КРАМЕРЪ. (Обнимая энергичнѣе) Именно темно-синяго тона, цвѣта грозовыхъ тучъ.

ДАМА. Нѣтъ, немного посвѣтлѣе, не такъ, чтобы очень, но и не темное.

КРАМЕРЪ. Нѣчто среднее... Понимаю... О, какъ я васъ понимаю!.. Между нами есть какое-то внутреннее,

Digitized by Google

инстинктивное пониманіе. Какъ я васъ чувствую! Понимаете, всю чувствую...

ДАМА. (Осторожно прижимаясь къ нему) Вы богатый человѣкъ?

КРАМЕРЪ. Не бѣдный.

ДАМА. Мой мужъ зарабатываетъ, очень много зарабатываетъ, но такъ все дорого... У насъ двое дѣтей...

КРАМЕРЪ. А у меня восемь.

ДАМА. (Отстраняясь отъ него) Врете!.. Мнѣ Ковылькова говорила, что вы не женаты.

КРАМЕРЪ. Это не мѣшаетъ мнѣ имѣть восемь человѣкъ дѣтей. Я не бѣденъ, но, имѣя такую обузу... (Ея тономъ) такъ все дорого...

ДАМА. Съ вами каши не сваришь... Довольно этой комедіи... Пойдемте на музыку. (Встаетъ и идетъ)

КРАМЕРЪ. (Не вставая) Я не пойду.

ДАМА. (Останавливаясь) Это невѣжливо!..

КРАМЕРЪ. Пусть будетъ невѣжливо.

ДАМА. Нахалъ! (Идетъ и останавливается) Я, кажется унизила себя предъ вами? (Помолчавъ) Хорошо, что въ глухой аллеѣ... Никогда не прощу себѣ этого. (Овладѣвъ собой, важно и гордо идетъ на музыку).

КРАМЕРЪ. (Немного спустя) А все-таки досадно...Пойду, авось не все кончено...

(Уходитъ за дамой)

(Сцена нѣкоторое время пуста, потомъ начинаетъ быть слышенъ разговоръ Ковыльковой и Кольба, возвращающихся отъ „Чортовой скалы").

КОВЫЛЬКОВА. (Входя на сцену) ... но можетъ быть, это не они.

КОЛЬБЪ. Никогда! Это она и онъ, я вижу прекрасно. Я говорилъ вамъ, что все это дѣло кончится „Чортовой скалой", какъ у всѣхъ здѣсь. Лѣнинцевъ даже тутъ не оригиналенъ. Какая бездарность! (Останавливается

Digitized by Google

и, подумавъ, рѣшается) Нѣтъ, я не могу... я пойду къ нимъ... (Хочетъ идти)

КОВЫЛЬКОВА. (Преграждая ему дорогу) Вѣдь это же глупо, Костикъ!

КОЛЬВЪ. Мнѣ хочется ей посмотрѣть въ глаза.

КОВЫЛЬКОВА. Глупо! Лѣнивцевъ мало культурный человѣкъ и можетъ Богъ знаетъ что сдѣлать.

КОЛЬВЪ. (Какъ ребенокъ) Но мнѣ хочется... я его не боюсь...

КОВЫЛЬКОВА. Глупо! Я не пущу... Ни къ чему, — ты взялъ отъ нея все, что можно было взять отъ хорошенькой мѣщанки, зачѣмъ она тебѣ больше нужна?

КОЛЬВЪ. Да, я могу сказать, она мной исчерпана до дна. (Смѣясь) „А ежели осталось немного тамъ вина, лакей его допьетъ"... Господинъ Лѣнивцевъ, кушайте на здоровье! Какъ онъ бездаренъ... Какъ ужасно онъ бездаренъ! (Садится на скамейку) Здѣсь прелестный уголокъ... Второй сезонъ живу и никогда не былъ...

КОВЫЛЬКОВА. Надѣюсь, ты убѣдился теперь: она просто вульгарная, мѣщанская душонка, — кто поманитъ, туда и бѣжитъ... Ничего въ ней непосредственнаго, ничего...

КОЛЬВЪ. Вы, кажется, очень довольны?

КОВЫЛЬКОВА. Понятно... Я знала, что въ ней ничего для тебя интереснаго, кромѣ прелести новизны... Я ни одной минуты не боялась... Развѣ ты, хотя бы день, могъ быть счастливъ съ такой женщиной? Это смѣшно... Глупо думать даже...

КОЛЬВЪ. Какъ женщина, она не представляетъ никакого интереса... Я былъ удивленъ... И знаешь, когда въ тотъ вечеръ я ушелъ отъ нея, не только она, я самъ себѣ сдѣлался противенъ... Интересная тема для разсказа... Жаль, что проза, этотъ языкъ лабазниковъ, не мой языкъ... Я признаю только стихи.

КОВЫЛЬКОВА. Напиши этотъ разсказъ... Это будетъ сильно, пережито...

Digitized by Google

КОЛЬВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не проси, не опошляй меня... А мнѣ все-таки хочется идти туда... къ этой скалѣ... что-то тянетъ, влечетъ... Я пойду, мнѣ нужна острота впечатлѣній.

КОВЫЛЬКОВА. Я понимаю тебя, но не дѣлай этой глупости... Будетъ, довольно... Эта исторія измучила меня... Ты благодари судьбу, что все кончилось такъ благополучно, что подвернулся этотъ дуракъ Лѣнивцевъ, и она въ него влюбилась... Вѣдь мы наплакались бы съ ней, и мужъ появился бы опять на горизонтѣ, я въ этомъ увѣрена.

КОЛЬВЪ. (Упрямо) А мнѣ все-таки хочется туда. (Идетъ)

КОВЫЛЬКОВА. (Хватая его за руку) Можетъ выйти скандалъ.

КОЛЬВЪ. Пусть... Я иду...

КОВЫЛЬКОВА. (Преграждая ему дорогу) Ты дѣлаешь мнѣ на зло? Да, на зло? Это жестоко...

КОЛЬВЪ. Что это? Покушеніе на свободу? Что вы хотите отъ меня? Мнѣ скучно съ вами... Какая бы Шурочка ни была, а я вотъ сейчасъ завидую Лѣнивцеву и хочу быть тамъ, гдѣ она... Спускается вечеръ, скоро появятся звѣзды... Гдѣ полная свобода?

КОВЫЛЬКОВА. Ты опять хочешь начать сначала всю эту исторію... Но я не могу больше, не могу... Какъ интеллигентная женщина, я могла скрывать свои чувства, могла примириться, но переживать сначала я не согласна... Пойми, Костикъ, я жертвовала своей любовью...

КОЛЬВЪ. Что такое? Такимъ языкомъ вы еще со мной не говорили... Что вы думаете о себѣ?.. Гдѣ вашъ умъ? Посмотрите на себя въ зеркало...

КОВЫЛЬКОВА. Я ожидала этого оскорбленія... Каждую минуту ожидала... Но все равно... Если ты опять примешься возиться съ этой мѣщанкой, я—я...

КОЛЬВЪ. Что вы?

КОВЫЛЬКОВА. Я отравлюсь... (Вынимаетъ изъ кармана

Digitized by Google

небольшой пузырекъ) Я давно ношу это въ карманѣ... Глотокъ—и меня нѣтъ...

КОЛЬВЪ. Дайте сюда!

КОВЫЛЬКОВА. Не дамъ... Глотокъ—и меня нѣтъ...

КОЛЬВЪ. Дайте!

(Происходитъ борьба: онъ вырываетъ изъ рукъ ея пузырекъ, она не даетъ)

КОЛЬВЪ. (Вырвавъ пузырекъ) Въ сорокъ лѣтъ женщины всегда сходятъ съ ума... (Пробуетъ осторожно языкомъ содержимое въ пузырькѣ)

КОВЫЛЬКОВА. Что ты дѣлаешь? Ты можешь отравиться. (Порывается вырвать пузырекъ)

КОЛЬВЪ. Что это? Валеріанка! (Бросая пузырекъ) Комедія! Старуха... Слышите? Старуха... И нѣтъ вамъ другого имени—старуха!

(Уходитъ, забывъ о Лѣнивцевѣ и Сашѣ. Ковылькова прислоняется къ дереву и задумывается... По лицу бѣгутъ слезы. Пауза. На аллеѣ появляется мужчина и медленно, посматривая на Ковылькову, проходитъ мимо нея. Заинтересованный, возвращается обратно. Ковылькова стоитъ, волнуясь, чего-то ожидая. Тутъ рѣшается вопросъ жизни ея: можетъ ли она еще производить впечатлѣніе? Правда ли, что она старуха?)

МУЖЧИНА. Madame, я, кажется, помѣшалъ вашему уединенію?.. Простите.

КОВЫЛЬКОВА. Да, вы мнѣ помѣшали... но я все-таки вамъ благодарна...

МУЖЧИНА. Мнѣ? За что? Я удивленъ...

КОВЫЛЬКОВА. (Отдаляясь отъ него) Благодарю васъ, благодарю...

МУЖЧИНА. (Идя за ней) За что? Скажите пожалуйста.

КОВЫЛЬКОВА. (Какъ будто бы шутя) За признаніе, что я еще женщина. (Останавливаясь) Оставьте меня! Я разстроена и не хочу съ вами разговаривать. (Быстро уходитъ)

Digitized by Google

МУЖЧИНА. Странная... (Подумавъ) Однако, пощупаемъ почву... (Преслѣдуетъ ее)

(На „Хаосѣ" появляются Лѣнивцевъ и Саша. Медленно и молча выходятъ они на аллею, каждый думая о чемъ-то своемъ и не замѣчая, что уже давно идутъ не рядомъ: Лѣнивцевъ отстаетъ. Видъ у него человѣка, только что получившаго какое-то непріятное извѣстіе. Такъ они подходятъ къ скамейкѣ. Лѣнивцевъ не знаетъ, куда идти дальше, и въ нерѣшительности останавливается).

ЛѢНИВЦЕВЪ. Сядемъ здѣсь? Куда идти?

(Молча садятся. Пауза)

САША. (Грустно) И только?..

ЛѢНИВЦЕВЪ. Чего же еще? (Саркастически улыбаясь надъ самимъ собой) Понятно, и только...

САША. Вы не любите меня сейчасъ... Не любите...

(Закрываетъ лицо руками и опускается на спинку каменной скамейки)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Ну, Шурочка, безъ этого, безъ сценъ... Не обращай на меня вниманія... Я человѣкъ настроенія... Сейчасъ мнѣ кажется, что я „Чортову скалу" разрушу, черезъ пять минутъ я чувствую себя ничтожнѣе паука... Это пройдетъ... Я опять настрою себя, не обращай вниманія...

САША. Я думала, что все будетъ иначе...

ЛѢНИВЦЕВЪ. А какъ же ты думала?

САША. Будемъ сначала говорить о жизни, какъ, что, все обсудимъ вдвоемъ.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Горько улыбаясь) А вышло съ конца... Ну это ничего, бываетъ и такъ и иначе... (Разваливается на скамейкѣ, кладя на ея колѣни голову) Мнѣ хочется лежать и ни о чемъ не думать.

САША. Странный ты... (Гладитъ его волосы и думаетъ о чемъ-то своемъ. Пауза)

ЛѢНИВЦЕВЪ. Шурочка, Кольбъ цѣловалъ тебя?

Digitized by Google

САША. (Подумавъ, сомнѣваясь—сказать или нѣтъ) Да... Но только одинъ разъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Приподнимаясь и смотря ей въ глаза) Зачѣмъ же ты ему позволила? Это такая мразь, такое ничтожество... Когда я беру его руку, у меня по кожѣ морозъ...

САША. Только одинъ разъ.. Онъ насильно...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Неправда... Почему тебѣ стало невыносимо у нихъ жить?.. Тутъ что-то не такъ...

САША. Ну, часто цѣловалъ, только я отбивалась, дралась съ нимъ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Вотъ, видишь, какая ты... Сначала сказала одинъ разъ, потомъ часто... Можетъ быть... Почемъ я знаю, отбивалась ли ты?.. (Дружелюбно, стараясь выпытать) Шурочка, между нами не должно быть никакой лжи, вѣдь мы сошлись съ тобой не на часъ, не на два... Нѣтъ ничего гнуснѣе лжи... (Обнимая ее) Ну, скажи мнѣ, скажи мнѣ все...

САША. Когда я шла къ тебѣ, я такъ и хотѣла, — придти и все разсказать... А ты сдѣлался какимъ-то сумасшедшимъ, ни о чемъ не хотѣлъ говорить...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Говори теперь.

САША. Сейчасъ я какъ-то боюсь тебя... Какъ-то это вышло не такъ, какъ я хотѣла.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Лаская ее) Будь проста и искренна, въ этомъ твоя прелесть, твое обаяніе, Шурочка... Скажи просто все.

САША. Ну вотъ... Третьяго дня, когда я ложилась спать и заперла свою комнату на крючокъ, онъ... онъ какъ-то ножомъ приподнялъ крючокъ и ворвался въ комнату... Мамочки не было дома... Мнѣ нужно было бы отворить окно и закричать...

ЛѢНИВЦЕВЪ. Тебѣ нужно было бы броситься на него и выцарапать ему глаза. (Волнуясь встаетъ со скамейки)

САША. Онъ вѣдь сильный... Онъ сильнѣе меня.

Digitized by Google

ЛѢНИВЦЕВЪ. Ну, тогда удавить себя своими собственными руками!

САША. (Полная испуга и растерянности) Володя... Что ты говоришь? Онъ вѣдь сильнѣе... Я не виновата.

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Ходя по аллеѣ около скамейки) Сказки! сказки!.. ты могла бы выскочить въ окно, совсѣмъ невысоко, закричать... Вообще, я не вѣрю... Женщина всегда виновна въ такихъ дѣлахъ... Насилія не существуетъ! Я могъ бы простить тебѣ всякаго мужчину, но такую гадину, такого микроба, какъ Кольбъ, — не могу... Я не могу съ этимъ примириться... При встрѣчѣ онъ будетъ и на меня и на тебя смотрѣть съ презрѣніемъ... Этого я не переварю... Ты должна возвратиться къ Ковыльковой... И сейчасъ, сейчасъ!

САША. Они меня выгонятъ... Я ушла и оставила письмо на столѣ, написала, что иду къ тебѣ и никогда больше не возвращусь... Назвала ихъ дурными людьми, какъ же я опять пойду къ нимъ? Я лучше умру... Я ни въ чемъ не виновата... Я ни въ чемъ не виновата... (Плачетъ)

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Разсуждая и продолжая ходить) Можно пока помѣстить тебя въ какую-нибудь гостиницу... Нельзя ночевать подъ открытымъ небомъ... Я думаю, съ паспортомъ какъ-нибудь уладимъ: можно сказать, что мужъ по какой-нибудь случайности уѣхалъ и скоро пріѣдетъ...

САША. (Плача) Я думала, что мы вмѣстѣ всегда, вездѣ...

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Не слушая ее и вынимая бумажникъ) Кажется, денегъ у меня мало... (Сосчитавъ деньги) 14 рублей... Какого чорта на нихъ сдѣлаешь! Завтра еще надо кое за что платить... (Замѣтивъ пробирающагося между камней Крамера) Крамеръ! Вотъ кстати... (Кричитъ) Крамеръ! Крамеръ! подите сюда!

КРАМЕРЪ. (Останавливаясь) Я иду на дачу Логинова... Не смѣю вамъ мѣшать...

Digitized by Google

ЛѢНИВЦЕВЪ. Мнѣ васъ нужно, очень нужно... Всего пять минутъ...

(Идутъ другъ другу навстрѣчу и встрѣчаются далеко отъ скамейки. Долго о чемъ-то оживленно разговариваютъ. Лѣнивцевъ вынимаетъ памятную книжку, выдергиваетъ листочекъ, что-то пишетъ и отдаетъ написанное Крамеру. Скоро послѣ этого они подходятъ къ скамейкѣ. Саша во время ихъ разговора удивленно смотритъ на нихъ и иногда, сдерживая слезы, тихо шепчетъ: „Что будетъ?" „Что будетъ?" Въ аллеѣ становится темнѣе)

ЛѢНИВЦЕВЪ. (Подойдя къ Сашѣ) Шурочка, Крамеръ говоритъ, что въ кондитерской меня ждетъ одинъ петербургскій знакомый... онъ только что пріѣхалъ... У меня съ нимъ дѣло... Я сейчасъ приду... Крамеръ пока побудетъ съ вами... Я сейчасъ... (Быстро уходитъ)

КРАМЕРЪ. (Цѣлуя руку) Позвольте подѣлиться съ вами своимъ богатствомъ. (Вынимаетъ изъ петлицы розу и даетъ ей)

САША. (Взявъ розу) Онъ не придетъ... Я пойду за нимъ... (Встаетъ)

КРАМЕРЪ. (Беря ее за руку и сажая на скамейку) Что вы? Куда? Нехорошо, нехорошо, Шурочка!.. Развѣ можно такъ обращаться со своими друзьями? Стыдно... Садитесь... Я вамъ сказочку разскажу про бѣлаго бычка...

САША. Вы все шутите... Онъ не придетъ. (Пугаясь своей мысли) Неужели онъ не придетъ?

КРАМЕРЪ. Забудьте его на десять минутъ, посидите со мной... Нельзя такъ любить, нельзя, Шурочка... Вы послушайте меня... Видите... (Продолжая шутить и снимая шляпу) совсѣмъ почти сѣдая голова...

САША. Въ обществѣ вы одно говорите женщинамъ, наединѣ—другое... Неужели всѣ мерзавцы?

КРАМЕРЪ. Зачѣмъ же всѣ? Есть хорошіе люди, но

Digitized by Google

мерзавцевъ больше, гораздо больше... Вотъ Лѣнивцевъ мерзавецъ...

САША. Какъ?

КРАМЕРЪ. Да такъ, мерзавецъ и больше ничего... Вы думаете, онъ придетъ сюда? Не придетъ... Онъ всю жизнь занимается тѣмъ, что обольщаетъ женщинъ и бросаетъ ихъ...

САША. (Горячо) Неправда! Я знаю, зачѣмъ вы это говорите, по глазамъ вижу... Я не хочу васъ слушать и пойду къ нему. (Идетъ)

КРАМЕРЪ. (Останавливая ее) Погодите... погодите... Развѣ вы не видите, что я пошутилъ? Лѣнивцевъ очень и очень порядочный человѣкъ... въ общемъ, понятно, дрянцо, какъ и всѣ мы, но онъ лучше многихъ, напримѣръ, Кольба... Сядемъ-ка, я разскажу про него всю правду...

САША. Разскажите, только правду...

(Садятся)

КРАМЕРЪ. (Садясь) Вѣкъ живи, вѣкъ учись: не тотъ тонъ взялъ и барыньку разобидѣлъ...

САША. Разскажите мнѣ все, все про него...

КРАМЕРЪ. Извольте. Лѣнивцевъ художникъ, и довольно посредственный художникъ... Картины его мало кто покупаетъ, а газеты за нихъ ругаютъ его въ хвостъ и гриву, потому онъ всегда безъ денегъ, всегда занимаетъ... Мнѣ онъ долженъ около пятисотъ рублей...

САША. Это правда?

КРАМЕРЪ. Правда. У меня въ карманѣ вексель его, могу показать. Женщинъ онъ любитъ, но и страшно боится ихъ, то-есть не всѣхъ боится, а какой-то одной изъ нихъ, пока еще ему самому неизвѣстной, которая рано или поздно, по волѣ судьбы, должна сѣсть ему на шею. И вотъ онъ льнетъ къ нимъ, какъ муха къ меду, и, въ одно и то же время, бѣжитъ отъ нихъ, какъ отъ чумы.

Digitized by Google

САША. (Смотря на него) Вы страшный... Вы хуже еще Кольба... Я васъ боюсь... Вы лжете, все лжете! Я пойду и все ему разскажу, что вы про него говорите... Онъ въ кондитерской, я найду его... (Встаетъ и идетъ)

КРАМЕРЪ. Съ семью собаками вы не найдете его сейчасъ... Стойте! (Вынимаетъ изъ кармана записку Лѣнивцева). Вы видѣли, какъ онъ писалъ на этомъ листочкѣ?

САША. Да.

КРАМЕРЪ. Слушайте... (Читаетъ) „Шурочка, все, что будетъ говорить тебѣ Крамеръ, правда... Онъ позаботится о твоей судьбѣ... Прощай! Владиміръ Лѣнивцевъ".

САША. Дайте! Дайте мнѣ! (Выхватываетъ записку и прочитываетъ сама) Что же это? Господи, какой стыдъ! Что я надѣлала! Какъ я могла... (Закрываетъ лицо руками)

КРАМЕРЪ. (Съ отцовскимъ покровительствомъ, обнимая ее) Будемъ стойки... Ничего особеннаго не случилось... Не бойтесь, Шурочка, вы въ хорошихъ рукахъ.

САША. Оставьте меня! Оставьте! (Отталкиваетъ его, бѣжитъ къ скамейкѣ и валится на нее) Господи, что же это такое? Надругались, опозорили... А я... я думала... Не люди вы,—звѣри! звѣри! (Рыдаетъ)

КРАМЕРЪ. Не отчаивайтесь... Я больше вамъ чѣмъ другъ... Когда я увидалъ въ первый разъ васъ въ паркѣ, я подумалъ...

САША. (Рыдая) Слышала я это... Мнѣ и Кольбъ, и онъ говорилъ то же... Провалитесь отъ меня! Никого я не хочу, никого... Никому не вѣрю...

КРАМЕРЪ. (Садясь рядомъ съ ней) Успокойтесь, Шурочка... Не надо такъ... (Лаская ее) Я одинокій человѣкъ, я давно мечталъ о такой простенькой, незатѣйливой женщинѣ, какъ вы... У васъ простая, несложная, но порядочная душа, а это такъ цѣнно въ наше время, когда у каждаго хаосъ и чортъ знаетъ что внутри... (Обнимая ее) Шурочка...

Digitized by Google

САША. (Отталкивая его) Убирайтесь отъ меня! Я глаза вамъ выцарапаю... (Вставая) Я сама себя руками задавлю... Не буду я вашей, не буду! Убирайтесь отъ меня!.. (Падая на скамейку) Что онъ сдѣлалъ? Что онъ со мной сдѣлалъ?

КРАМЕРЪ. Шурочка!..

САША. (Опять вскакивая и хватая его за грудь) Что вы хотите отъ меня? Чего вы хотите? Я игрушка... я забава... Да? Да? Ну, забавляйтесь, забавляйтесь... Мнѣ все равно... Мнѣ некуда идти... Забавляйтесь, забавляйтесь!.. Мерзавецъ! Мерзавецъ! (Бросается на скамейку) Оставьте меня.. Оставьте!.. Я буду тутъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока не возьметъ меня полиція и не отведетъ въ участокъ... Я умру здѣсь съ голода, но никуда не пойду... Я...

КРАМЕРЪ. Вы въ такомъ настроеніи, что мнѣ, дѣйствительно, приходится только удалиться... Но помните, что я вашъ другъ и больше друга... Я живу: гостиница „Бештау", по Тополевой улицѣ, № 28. Рядомъ, въ № 27-мъ, для васъ будетъ приготовленъ ночлегъ... Приходите туда, какъ хозяйка... Все будетъ устроено... № 27... (Идетъ и останавливается) Не забудьте: гостиница „Бештау", № 27.

(Уходитъ. Въ аллеѣ становится значительно темнѣе. Саша, дрожа всѣмъ тѣломъ, долго лежитъ внизъ лицомъ на скамейкѣ, потомъ приподнимается и озирается кругомъ. Ей становится жутко)

САША. Темнѣетъ... Что же дѣлать? № 27... № 27... (Встаетъ и останавливается въ раздумьи) Нѣтъ... (Опускается на скамейку) № 27...

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиница № 27.

Небольшая чистая комната, похожая на корридоръ, съ стеклянной дверью въ глубинѣ, выходящей на общую широкую террасу. Модернизованная обстановка. Кровать заставлена красивыми ширмами.

На столахъ валяются цвѣты и букеты.

Жаркій день.

По поднятіи занавѣса, Саша задумчиво стоитъ у двери и смотритъ сквозь стекла на террасу. Она похудѣла, осунулась, волосы причесаны кое-какъ, и вся какая-то растрепанная.

Горничная убираетъ номеръ. Пауза.

ГОРНИЧНАЯ. Что вы, барышня, какая грустная?

САША. Такъ...

ГОРНИЧНАЯ. Вамъ только жить бы, да радоваться, вы такая хорошенькая... Мужчины то и дѣло справляются объ васъ, то одинъ, то другой... Вчера какой-то генералъ швейцару 5 рублей далъ, чтобъ объ васъ все докладывалъ ему.

САША. Мнѣ противны всѣ мужчины, они затравили меня, какъ зайца.

ГОРНИЧНАЯ. Народъ нехорошій, а все скучно безъ нихъ. (Продолжаетъ убирать номеръ)

САША. (Погруженная въ свои мысли отходитъ отъ двери(Они затравили меня, какъ зайца... (Садится на диванъ)

ГОРНИЧНАЯ. Вонъ у васъ сколько цвѣтовъ, а вы все недовольны...

(Слышенъ стукъ въ дверь)

Digitized by Google

ГОРНИЧНАЯ. Должно быть, вашъ баринъ...

САША. Войдите.

(Входитъ Крамеръ въ дорожномъ костюмѣ. Горничная уходитъ)

КРАМЕРЪ. Добрый день. (Цѣлуетъ ее въ голову)

САША. Собрались?

КРАМЕРЪ. Да, почти... Въ этой тужуркѣ я изъѣздилъ полъ-Европы... Прекрасная вещь... (Беря ее за руку и похлопывая по ней) А мы сегодня совсѣмъ скверно выглядимъ... Не надо быть такой...

(Саша выдергиваетъ руку и отворачивается отъ него)

КРАМЕРЪ. Такъ-съ... Значитъ, враги... Жаль... (Закуривая папиросу и стараясь быть веселымъ) до сихъ поръ вы меня не понимаете...

САША. Я все поняла...

КРАМЕРЪ. Во всякомъ случаѣ, я не Лѣнивцевъ и не Кольбъ... Я желаю вамъ только добра.

САША. Перестаньте пожалуйста! Взяли вы отъ меня, что вамъ нужно было, и хотите отдѣлаться... Тѣ прямо,— не нужна, и долой, какъ ботинку дырявую, а вы... вы еще ломаетесь... Это еще хуже...

КРАМЕРЪ. Не то, не то, Шурочка...

САША. Какъ не то? (Встаетъ и волнуясь ходитъ по комнатѣ) Она глупенькая, она сѣренькая, — куда мнѣ такую?.. Какъ я съ ней покажусь въ обществѣ? Ахъ, какъ я васъ всѣхъ теперь понимаю...

КРАМЕРЪ. Ребенокъ вы... Совсѣмъ ребенокъ...

САША. Твердите ребенокъ, ребенокъ, а сами мучаете этого ребенка, какъ вамъ угодно...

КРАМЕРЪ. Мнѣ хотѣлось бы, Шурочка, разстаться съ вами друзьями, т. е., не разстаться совсѣмъ, а... Я не хочу терять васъ изъ виду, я не позволю себѣ этого... Я готовъ сдѣлать вамъ все, что въ силахъ... Пожалуйста, обо всемъ пишите... Если будутъ нужны деньги, безъ церемоній обращайтесь прямо ко мнѣ...

Digitized by Google

Кстати, я думаю на всякій случай оставить вамъ нѣсколько рублей... (Вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ) Тутъ триста рублей... За номеръ и пансіонъ заплачено...

САША. Дамъ ей денегъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ... Это такъ легко, такъ просто... Господи, какая я была глупая! Ничего не видѣла, ничего не понимала... Возьмите деньги... Не хочу я вашихъ денегъ!

КРАМЕРЪ. Я этого не сдѣлаю... Они вамъ, можетъ быть, будутъ нужны. Я прекрасно понимаю васъ. Вы можете сейчасъ ко мнѣ дурно относиться, даже ненавидѣть меня, быть врагомъ, но я все-таки буду помогать вамъ. Я тронутъ вашей судьбой и жалѣю васъ...

САША. Вамъ пріятно быть передъ самимъ собой хорошимъ, честнымъ,—вотъ вы и дѣлаете это... Не хочу я отъ васъ ничего! Возьмите деньги... Лѣнивцевъ лучше васъ, лучше!

КРАМЕРЪ. Странно... По вашему, мнѣ нужно было бы васъ выгнать на другой день изъ этого номера...

САША. Да, да, да! Если не любите, не уважаете, такъ чего же церемониться? Вонъ!.. Взяли что нужно, и вонъ...

КРАМЕРЪ. Я не Лѣнивцевъ... Я могу имѣть извѣстныя слабости... Кто безъ грѣха? Но я все-таки... я все-таки культурный человѣкъ.

САША. Все равно, что лакей, что баринъ!.. Всѣ одного хотятъ, только по разному покрываются... Противны мнѣ всѣ мужчины... Уѣзжайте, что ли, скорѣе!.. Впрочемъ, мнѣ все равно, уѣдете вы или нѣтъ...

(Входитъ горничная съ букетомъ и письмомъ

ГОРНИЧНАЯ. Барышня, вамъ опять букетъ...

САША. Офицера?..

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, какой-то мужчина... Вотъ и письмо...

Digitized by Google

САША. (Прочитавъ письмо и немного подумавъ) Хорошо... (Обращаясь къ горничной) Скажите, хорошо... Я поѣду...

ГОРНИЧНАЯ. Сейчасъ... Они-съ у подъѣзда ждутъ. (Уходитъ)

КРАМЕРЪ. Куда?

САША. Не все ли вамъ равно, вы уѣзжаете сегодня...

КРАМЕРЪ. Далеко не все равно... Мнѣ васъ жаль, и я не хочу вашей погибели...

САША. А я поѣду... Меня офицеры и одинъ знакомый мужчина зовутъ въ горы, и я поѣду, на зло вамъ, на зло всѣмъ поѣду...

КРАМЕРЪ. Такъ, такъ... Я это зналъ...

САША. Что знали?

КРАМЕРЪ. Зналъ, что если я уѣду и оставлю васъ здѣсь одну, вы покатитесь по наклонной плоскости... Сегодня офицера, завтра знакомый мужчина, послѣзавтра еще кто-нибудь, и такъ безъ конца...

САША. Ну, такъ что же? Вамъ-то что за дѣло?

КРАМЕРЪ. Я чувствую, что я обязанъ позаботиться о женщинѣ, съ которой свела меня судьба. Не могу я васъ выбросить за бортъ, какъ Лѣнивцевъ... Это слишкомъ безчестно, слишкомъ подло...

САША. Ничего я не хочу отъ васъ... Оставьте меня одну... Я одна... Во всемъ мірѣ одна... (Садится въ уголъ дивана, подбирая подъ себя ноги; вотъ-вотъ сейчасъ заплачетъ)

КРАМЕРЪ. (Садясь рядомъ съ ней) Шурочка, я вамъ раскрою всѣ свои карты... Можетъ быть, вы дѣйствительно убѣдитесь, что я вашъ доброжелатель и желаю вамъ только добра. Слушайте... Зная, что мнѣ нужно отсюда скоро уѣхать, и зная то, что съ вами будетъ здѣсь безъ меня, я уже дней шесть тому назадъ написалъ вашему мужу... Кромѣ того, третьяго дня послалъ ему телеграмму и просилъ его о скорѣйшемъ пріѣздѣ сюда...

САША. Какъ же вы не спросили меня? Я не хочу его видѣть... (Вскакиваетъ съ дивана)

Digitized by Google

КРАМЕРЪ. Не волнуйтесь... Будемъ говорить разумно и спокойно... Я зналъ, что если я скажу вамъ о своемъ намѣреніи выписать мужа, вы не захотите этого и полѣзете на стѣну. Между тѣмъ, это единственный выходъ изъ вашего положенія, иначе вы пропадете здѣсь. Я вижу это и вижу давно... Вы вели себя въ паркѣ непозволительно, хотя бы съ этими офицерами...

САША. Я гуляла одна по парку... Вы стѣснялись ходить со мной, стѣснялись Кольба и, можетъ быть, другихъ, кто зналъ нашу исторію... Вамъ не льстило быть побѣдителемъ послѣ другихъ мужчинъ, и вы стыдились меня... (Крамеръ хочетъ что-то сказать) Да, да стыдились! Это меня злило... Я дурачилась съ офицерами на зло вамъ...

КРАМЕРЪ. Это было нехорошо... Но не въ этомъ дѣло... Дѣло въ томъ, что безъ мужа вы жить не можете. Путь независимой, свободной женщины не для васъ, Шурочка, вы не созданы для него и безъ мужа осуждены на гибель. Вамъ лучше всего возвратиться къ мужу и зажить старой жизнью... Я это понялъ,— немного поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда,—и написалъ ему... По моему расчету, онъ долженъ пріѣхать сегодня и, вѣроятно, уже пріѣхалъ...

САША. А вы удираете?

КРАМЕРЪ. Мнѣ кажется, лучше съ нимъ не встрѣчаться; но если придется, я готовъ. Совѣсть моя, понятно, передъ нимъ не очень чиста, но я все-таки лучше другихъ и единственный человѣкъ, который готовъ спасти васъ.

САША. (Горячо) Вы травите меня какъ зайца... и не видите этого, не видите!.. Но я буду бороться одна противъ всѣхъ, до тѣхъ поръ, пока не выбьюсь изъ силъ.

КРАМЕРЪ. Шурочка!..

САША. Мнѣ хочется доказать людямъ, что напрасно

Digitized by Google

они такъ думаютъ обо мнѣ, я честная и могу жить честно... Зачѣмъ мнѣ мужъ? Я не хочу мужа и никакихъ мужчинъ не хочу... Я человѣкомъ быть хочу!

КРАМЕРЪ. Шурочка, вы не знаете себя... Вы совершенно ни къ чему не приготовлены, изъ васъ ничего не можетъ выйти... Мужъ васъ любитъ, вамъ будетъ у него не хорошо, но все-таки лучше, повѣрьте мнѣ...

САША. Убирайтесь отъ меня съ нимъ! Онъ мнѣ противенъ, гадокъ, гадокъ, какъ всѣ вы... Какъ вы смѣли вызывать его? Какъ вы смѣли?

КРАМЕРЪ. Я хотѣлъ вамъ только добра...

(Раздается стукъ о стекло входной двери съ террасы и потомъ слышенъ голосъ Орлова)

ОРЛОВЪ. (На террасѣ) Госпожа Орлова, кажется, здѣсь въ 27 номерѣ?

ОТВѢЧАЮЩІЙ ГОЛОСЪ. Такъ точно.

САША. Онъ! Попались? Покраснѣли?

(Стукъ повторяется)

КРАМЕРЪ. (Смущенно и вмѣстѣ съ тѣмъ храбро) Нисколько... Я самъ его просилъ пріѣхать... (Идетъ къ двери и отворяетъ ее)

(Входитъ Орловъ)

КРАМЕРЪ. А!.. Это вы... Очень радъ, очень радъ васъ видѣть... (Дружелюбно пожимаетъ его руку) А я только что сообщилъ Александрѣ Митрофановнѣ, что вы должны сегодня пріѣхать.

ОРЛОВЪ. (Подходя къ Сашѣ) Здравствуйте...

САША. (Не давая ему руки) Зачѣмъ ты пріѣхалъ?.. Тебя выписали спасать меня... Отъ кого спасать? Ты спроси господина Крамера, отъ кого спасать?

ОРЛОВЪ. Отъ самой себя... Ты сама себѣ врагъ... Вотъ вы, господинъ Крамеръ, совершенно вѣрно изволили писать мнѣ, что она сама себѣ петлю готовитъ... Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты пропадаешь?

КРАМЕРЪ. Я, можетъ быть, мѣшаю... Вамъ удобнѣе однимъ объясниться...

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. Нѣтъ, что же... вамъ все дѣло наше извѣстно.

КРАМЕРЪ. Благодарю васъ за довѣріе... Но все-таки, мнѣ кажется, лучше мнѣ уйти... Я сдѣлалъ все, что могъ...

ОРЛОВЪ. Я очень вамъ благодаренъ и за письма и за всѣ сообщенія, но не все я уяснилъ себѣ, и странно мнѣ,—чего же вы раньше смотрѣли? Теперь она и такая, и сякая, а раньше лучше ея на свѣтѣ не было...

КРАМЕРЪ. Александра Митрофановна очень милый, хорошій человѣкъ, но она не приготовлена къ жизни, она такъ мало знаетъ людей... Вообще...—Какъ бы вамъ сказать?—Ея натура слишкомъ подвижна, безъ всякихъ устоевъ... И я боюсь за нее, Егоръ Егоровичъ, она можетъ погибнуть безъ васъ. (Обращаясь къ Сашѣ) Простите, Александра Митрофановна, что я такъ прямо говорю...

(Саша садится, закусываетъ губы и съ трудомъ сдерживается, чтобъ не говорить)

ОРЛОВЪ. (Садясь) Вотъ вы мнѣ и разскажите все подробно, какъ она тутъ жила, что дѣлала, чтобъ я зналъ, какъ мнѣ держать себя съ ней... Можетъ быть, мнѣ ее больше не нужно... можетъ быть, я самъ ее не захочу знать...

КРАМЕРЪ. Пусть Александра Митрофановна сама вамъ все разскажетъ...

САША. Говорите вы...

КРАМЕРЪ. Она ничего особеннаго не дѣлала, а просто дурила... Понимаете?.. просто дурила... Убѣдившись, что Кольбъ мерзавецъ, какъ я писалъ вамъ, она просила сама увезти ее оттуда... снять номеръ, дать взаймы денегъ... Но вѣдь это все временное, направить ее въ старое русло можете только вы... Я способствую этому, насколько могу...

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. Такъ, такъ.... (Подозрительно смотритъ то на него, то на Сашу. Пауза)

КРАМЕРЪ. Право, мнѣ кажется, что вамъ лучше объясниться вдвоемъ, я только мѣшаю.

САША. Мнѣ нечего объясняться... Вы его выписали, вы съ нимъ и объясняйтесь... Онъ мнѣ не нуженъ... Не нуженъ!

ОРЛОВЪ. Сумасшедшая! Вѣдь ты погибнешь безъ меня...

САША. Ну, и пусть погибну! Пусть! У меня здѣсь было двадцать любовниковъ безъ тебя... Зачѣмъ тебѣ такая нужна? Зачѣмъ?

ОРЛОВЪ. Безстыдница!.. (Соскочивъ со стула) Правду ты говоришь или нѣтъ?

САША. Можетъ быть, правду, можетъ быть и нѣтъ... Всѣмъ любовникамъ прощу, а тебѣ нѣтъ... Ты первый надругался надо мной... Ты первый...

ОРЛОВЪ. Когда? Что ты говоришь, опомнись...

САША. Когда? Послѣ свадьбы... Черезъ тебя я стала такой, черезъ тебя... Уѣзжай! Я погибну, а не поѣду съ тобой...

ОРЛОВЪ. Я не дамъ тебѣ паспорта, безъ паспорта нигдѣ нельзя жить...

САША. Ну, это еще мы увидимъ, какъ ты не дашь...

(Дверь съ шумомъ отворяется, и въ дверяхъ появляется веселая компанія: два офицера и мужчина. Мужчина вбѣгаетъ въ комнату, офицера остаются въ дверяхъ)

МУЖЧИНА. (Входя въ комнату) Александра Митрофановна. (Увидавъ мужа) Простите... Я, кажется, съ вами немного знакомъ... Честь имѣю кланяться... (Здоровается) Мы собрались въ горы и съ разрѣшенія Александры Митрофановны заѣхали за ней... Было бы чрезвычайно пріятно, если бы вы поѣхали съ нами...

САША. Я безъ него поѣду... Я сейчасъ соберусь... (Торопливо надѣваетъ шляпку и кофточку)

Digitized by Google

ОРЛОВЪ. (Не зная, что сказать) Мнѣ кажется, это неудобно... Я только что пріѣхалъ...

САША. (Продолжая собираться) Я не боюсь тебя... Я теперь отпѣтая, мнѣ все равно... (Подбѣгая къ мужу въ изступленіи) Я тебя заставлю дать паспортъ... заставлю! На смѣхъ подыму, жизнь отравлю! (Обращаясь къ Крамеру) Благодарю васъ за хлопоты... Поѣзжайте съ нимъ куда хотите... Вы оба мнѣ не нужны!... Я съ офицерами въ горы поѣду!.. (Увидавъ, что офицера уходятъ, подбѣгаетъ къ двери) Господа, куда же вы? Ѣдемте въ горы! Я не боюсь мужа... Какой онъ мнѣ мужъ? Я хорошенькая, у меня мужей сколько захочу, столько и будетъ... Куда же вы уходите? (Офицера исчезаютъ) Струсили... Испугались! (Истерически хохочетъ и подбѣгаетъ къ мужчинѣ) Все равно, мы вдвоемъ съ вами поѣдемъ... Мнѣ все равно теперь—съ кѣмъ, куда, зачѣмъ... Вы заступились за мою честь... Я помню... Я все помню... Цвѣты, офицера... Вы пошли объясняться... Какъ же я не поѣду съ вами? Я должна ѣхать... Вы заступились за мою честь...

МУЖЧИНА. Madame...

САША. Улыбаетесь? Пріятно вамъ?

МУЖЧИНА. Я смущенъ... Я...

САША. Что вы скалите зубы, какъ собака?.. Вы собака! Вы всѣ собаки!.. Вотъ вамъ за всѣхъ! (Даетъ ему пощечину, выбѣгаетъ на террасу и падаетъ на стулъ)

САША. (Истерически рыдая) Собаки... Собаки...

(Мужчины стоятъ въ недоумѣніи)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢТИ ВАНЮШИНА.

ВАРІАНТЪ IV АКТА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Осень.

Декорація перваго акта—столовая въ домѣ Ванюшина.

Дождливый день, въ столовой сумрачнѣе, чѣмъ обыкновенно. Въ домѣ совершается нѣчто необычайное,—нарушаются долголѣтнія традиціи семьи Ванюшиныхъ: стариковъ переводятъ наверхъ, и низъ очищается для новой жизни Константина. Уже съ утра начали перетаскивать мебель стариковскихъ комнатъ наверхъ. Въ столовой появилась новая только что купленная дубовая мебель. По поднятіи занавѣса, нѣсколько человѣкъ приказчиковъ и дворникъ тащатъ по лѣстницѣ большой плоскій стеклянный шкафъ Константинъ распоряжается и, мѣшая приказчикамъ, помогаетъ вносить.

Арина Ивановна какъ будто не замѣчаетъ, что дѣлается въ домѣ. Удрученная отъѣздомъ младшаго сына, она, разложивъ чемоданъ на двухъ составленныхъ стульяхъ, укладываетъ бѣлье Алеши, пересматривая каждую вещицу, покачиваетъ головой и чуть не плачетъ.

КОНСТАНТИНЪ. (Обращаясь къ приказчикамъ) Осторожнѣе, осторожнѣе, господа! Руки-то у васъ—крюки... Шлепнете о перила,—стекла, какъ не бывало... Держите какъ слѣдуетъ! Заносите! Заносите! Бокомъ, бокомъ... не пройдетъ въ дверь. Ахъ, народъ! Никакой догадки, все покажи...

(Шкафъ съ трудомъ протаскиваютъ въ дверь. Константинъ остается на лѣстницѣ и обращается къ матери)

КОНСТАНТИНЪ. Мамаша... Мамаша? Вы слышите?

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, что? Что тебѣ?

КОНСТАНТИНЪ. Я его въ угловой комнатѣ поставлю, въ правый уголъ. Вы такъ рѣшили. Хорошо?

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Ничего я не рѣшила... Дѣлай, какъ знаешь, хоть на конюшню меня съ отцомъ переведи...

КОНСТАНТИНЪ. Опять жалостливыя слова! Разъ рѣшили, такъ надо дѣлать... Черезъ недѣлю моя свадьба, а у насъ ничего не готово.

АРИНА ИВАНОВНА. Далъ бы Алешенькѣ уѣхать, потомъ и устраивать бы сталъ.

КОНСТАНТИНЪ. Одно другому не мѣшаетъ... онъ свою жизнь устраиваетъ, а я свою.

АРИНА ИВАНОВНА. Больно ужъ у него бѣлье-то плохое.

КОНСТАНТИНЪ. Опять вы со своими глупостями! Такъ я велю въ угловой ставить?

АРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ хочешь, все равно... Тридцать лѣтъ я жила въ своей спальнѣ, всѣхъ васъ родила въ ней, а теперь... Все равно, тащи наверхъ, умру и тамъ.

КОНСТАНТИНЪ. Довольно, мамаша, довольно!

(Уходитъ. Пауза. Арина Ивановна продолжаетъ укладывать бѣлье, вынимая его изъ корзины, стоящей на столѣ)

АРИНА ИВАНОВНА. (Разсматривая носки) Дыры... И какъ только будетъ тамъ?.. Господи...

(Входитъ Аня съ книгами Алеши и помогаетъ матери укладывать)

АРИНА ИВАНОВНА. Ты что это? Книги... Ну, давай, давай сюда... (Послѣ небольшой паузы) Говорила ты ему, чтобы хоть денекъ подождалъ. Зачинили бы бѣлье.

АНЯ. Говорила... Онъ не хочетъ, сегодня ѣдетъ... Смотрѣть, говоритъ, на Константина противно.

АРИНА ИВАНОВНА. Братъ на брата возсталъ... Послѣднія времена приходятъ... (Передавая Анѣ одну изъ рубашекъ) Зашей возьми... его любимая... Вонъ у ворота распоролась...

АНЯ. Зашьетъ кто-нибудь тамъ...

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Кому тамъ зашивать? Всѣ чужіе... И чего парусничать поѣдетъ? И чего... (Опускается на стулъ и тихо плачетъ)

АНЯ. (Укладывая бѣлье) Все худое... Мамаша, возьмемъ у Кости, у него много бѣлья.

АРИНА ИВАНОВНА. (Обрадованная мыслью Ани) Да, да, возьмемъ скорѣе... Онъ наверху, не увидитъ... У меня одинъ ключъ подходитъ къ его комоду.

(Вынимаетъ изъ кармана связку ключей и, перебирая ихъ, уходитъ съ Аней въ комнату Константина. Черезъ нѣкоторое время возвращаются съ украденнымъ бѣльемъ и торопливо его прячутъ въ чемоданъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Скорѣе, скорѣе, Анечка, какъ бы не увидалъ... Вотъ сюда клади, тутъ мѣстечко свободное... Распоряжается тамъ наверху... Дымъ коромысломъ идетъ... Что захочетъ, то и дѣлаетъ.

АНЯ. Папаша, чтобъ не смотрѣть, ушелъ изъ дому.

АРИНА ИВАНОВНА. Не говори... Легко ли ему.. Тридцать вѣдь лѣтъ мы прожили внизу, и вдругъ на старости лѣтъ... Глазыньки мои не глядѣли бы...

АНЯ. А зачѣмъ согласились? Вы все такъ, что Костя скажетъ, дѣлаете, а потомъ каетесь... Папаша тоже его бояться сталъ...

АРИНА ИВАНОВНА. (Замѣтивъ на столѣ варенье) А варенье-то куда? Я ему двѣ баночки приготовила. Въ одной—желя, въ другой—малина... И подписала...

(Беретъ со стола баночки и задумывается, куда бы ихъ положить)

АНЯ. (Читая надпись на баночкахъ) Не желя, мамаша а желе.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, все равно... Не знаю я, гдѣ ять-то писать... Выдумали какой-то ять!

АНЯ. Тутъ не надо ять...

АРИНА ИВАНОВНА. Отстань! Что пристала? Куда положить-то?...

Digitized by Google

(Сверху спускается Алексѣй съ какими-то тетрадями и бумагами. Ему какъ-то грустно, не по себѣ; хочется и не хочется оставаться дома, онъ радъ и не радъ, что уѣзжаетъ)

АЛЕКСѢЙ. (Сходя съ лѣстницы) Не уложили еще? Оставили мѣстечко для бумагъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Можно еще... Давай... (Хочетъ взять у него бумаги)

АЛЕКСѢЙ. Я самъ ихъ положу... Вы растреплете...

(Бережно и аккуратно кладетъ бумаги въ чемоданъ)

АРИНА ИВАНОВНА. И зачѣмъ бумажонки-то эти везти? Только мѣсто занимаютъ...

АНЯ. (Укоризненно) Мамаша... Это дневникъ, Алеша, стихи?

АЛЕША. Всякое тутъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Алешенька, я икону-то благословенную вотъ тутъ... (Показываетъ, гдѣ) въ уголъ чемодана положила. Какъ пріѣдешь, такъ первымъ дѣломъ въ уголъ ставь... Ангелъ твой...

АЛЕША. Хорошо.

(Входятъ Константинъ и приказчики)

КОНСТАНТИНЪ. (Спускаясь съ лѣстницы) Живѣй, живѣй, ребята! Одна нога здѣсь, другая тамъ.

(Приказчики проходятъ въ спальню стариковъ)

КОНСТАНТИНЪ. (Обращаясь къ матери) Теперь кровать, мамаша, будемъ переносить... Придется разбирать: не пройдетъ она въ дверь... Изъ сундуковъ-то вы вынули все?

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ еще... Не до тебя мнѣ, не до тебя... Алеша уѣзжаетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Это странно, мамаша. Я оторвалъ приказчиковъ отъ дѣла, чтобы сразу все сдѣлать, а вы... Не могутъ же они каждый день уходить изъ магазина! Какъ вы этого не понимаете... Алексѣй могъ бы уложиться самъ...

(Уходитъ)

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. (Идя за нимъ) Ну, сейчасъ, сейчасъ... Не кричи пожалуйста...

АЛЕКСѢЙ. (Подойдя къ чемодану) Готово? Можно запирать?

АНЯ. Кажется.

(Пауза. Алексѣй запираетъ чемоданъ)

АНЯ. Что ты какой?

АЛЕКСѢЙ. Какой?

АНЯ. Грустный... Сколько времени мечтали объ этомъ днѣ, а теперь... Уѣзжаешь и грустный.

АЛЕКСѢЙ. Нѣтъ, я ничего... Я такъ себѣ... Ты мнѣ все-таки пиши... пиши обо всемъ, что здѣсь будетъ дѣлаться...

АНЯ. А самъ говорилъ, что нисколько не будешь интересоваться нашей жизнью.

АЛЕКСѢЙ. Ты все-таки пиши. И про свадьбу напиши... Я радъ, что ничего не буду видѣть... Только скорѣе бы уѣхать. Время тянется какъ въ гимназіи... Хорошо мнѣ тамъ будетъ, я знаю, что хорошо. Не видать этихъ стѣнъ, этой столовой, — это, Аня, что-нибудь да значитъ...

АНЯ. Ты только учись тамъ, а не живи, какъ здѣсь.

АЛЕКСѢЙ. Ничего, не пропадемъ... Не я буду, если черезъ годъ въ академію не попаду. Раньше чѣмъ не сдѣлаюсь художникомъ, сюда не пріѣду... Вотъ тогда поговоримъ! Только поскорѣе бы окончилась вся эта процедура съ отъѣздомъ. Тяжело!

АНЯ. Вотъ, видишь, самъ говоришь: тяжело. Я чувствую, что тебѣ тяжело, а ты только ломаешься, геройство на себя напускаешь.

АЛЕКСѢЙ. Чепуха... Ничего я не ломаюсь... Такъ мнѣ какъ-то не по себѣ и... и на Константина противно смотрѣть... Онъ думаетъ, что накупитъ новой мебели, женится, переведетъ стариковъ наверхъ, чтобы жить не мѣшали, и вся сущность его жизни измѣнится... Просто дуракъ. Мнѣ смѣшно и противно все это.

Digitized by Google

АНЯ. А что, Алеша, нужно, чтобъ сущность жизни измѣнить?

АЛЕКСѢЙ. Душу облагородить и многое еще... Тутъ ужъ соціальный вопросъ... Объ этомъ долго разговаривать и ты не поймешь.

(Катя возвращается изъ гимназіи, выходитъ изъ фонаря, проходитъ въ переднюю и раздѣвается тамъ)

АНЯ. Что ты рано?

КАТЯ. Исторія не пришла.

АНЯ. Анна Ильинична сердилась, что я не была въ классѣ?

КАТЯ. Ничего не говорила. Очень ей нужно; знаетъ, что ты лѣнтяйка,

(Проходитъ изъ передней на лѣстницу)

АНЯ. А Алеша уже собрался совсѣмъ.

КАТЯ. Уже... Мы поѣдемъ тебя провожать на вокзалъ.

АЛЕКСѢЙ. Не надо.

АНЯ. Какъ же, Алеша, мы...

АЛЕКСѢЙ. Впрочемъ, какъ хотите... Что за проводы? Глупости это...

АНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, мы поѣдемъ...

КАТЯ. Обязательно. (Уходитъ наверхъ)

(Приказчики выгаскиваютъ изъ спальни невѣроятной величины разложенную двухспальную кровать, сундуки и тащатъ ихъ наверхъ. Константинъ распоряжается)

КОНСТАНТИНЪ. Тише, тише, господа! Спинки полированныя, полировка сотрется... Надо дѣлать все съ разумомъ, а не кое-какъ...

(Изъ передней входитъ Акулина)

АКУЛИНА. Константинъ Александровичъ, они васъ спрашиваютъ.

КОНСТАНТИНЪ. Кто они? Кто спрашиваетъ?

АКУЛИНА. Да эти... Какъ ихъ? Обойщиками, что ли, они прозываются.

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. Должно быть, драпировки стали навѣшивать... (Обращаясь къ приказчикамъ) Тащите, тащите, ребята! Ставьте такъ, какъ я говорилъ... Я сейчасъ приду... Масса дѣла, по горло.

(Приказчики уносятъ вещи. Акулина уходитъ)

КОНСТАНТИНЪ. Алексѣй, хочешь посмотрѣть, какія я драпировки въ гостиной сдѣлалъ? Ни въ одномъ домѣ такихъ нѣтъ... Цвѣтъ, фасонъ преоригинальные. Пойдемъ.

АЛЕКСѢЙ. Любуйся одинъ.

КОНСТАНТИНЪ. Ничѣмъ ты жизненнымъ не интересуешься... Драпировки удивительныя.

(Уходитъ въ гостиную. Входитъ Арина Ивановна).

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, теперь почти все перетащили... Лучше прямо въ могилу стащили бы... И что у насъ будетъ, Алешенька, безъ тебя! Не знаю, прямо не знаю... Весь домъ вверхъ дномъ пошелъ... Клавденьку что ли постучать.

(Беретъ кочергу и стучитъ въ полъ)

АНЯ. Зачѣмъ она вамъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Ни зачѣмъ, такъ... Я ужъ сама не знаю, что я дѣлаю... Голова моя кругомъ идетъ... Не уѣзжай ты сегодня, не уѣзжай... Вотъ свадьбу сыграемъ, поживи еще съ нами при новой жизни, тогда и поѣзжай.

АЛЕКСѢЙ. Нельзя, мамаша, у меня уже твердо рѣшено.

АРИНА ИВАНОВНА. Ну, какъ я съ ней буду? Какъ? Вѣдь она генеральская дочь и ни къ чему нашему не привыкла... Неужели такъ, какъ Костенька говоритъ, чтобъ жизни ихней совсѣмъ не касаться... и обѣдать наверху... Ты подумай, подумай-ка:—обѣдать наверху!..

Digitized by Google

Сколько лѣтъ я хозяйкой была въ домѣ и ни къ чему не касаться... Развѣ это можно? А ты еще покидаешь меня, уѣзжаешь.

АНЯ. Если вы хотите счастья Алеши, то должны еще радоваться за него: ему будетъ лучше.

АРИНА ИВАНОВНА. Ужъ гдѣ тамъ лучше, какое тамъ лучше...

(Входитъ Клавдія)

КЛАВДІЯ. Стучали?

АРИНА ИВАНОВНА. Посмотри, посмотри-ка, Клавденька, что у насъ дѣлается! Разрушеніе идетъ, весь домъ вверхъ дномъ...

АЛЕКСѢЙ. Я пойду подушки въ ремни закатаю. (Идетъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Успѣешь еще, успѣешь.

КЛАВДІЯ. Ты уѣзжаешь?

АЛЕКСѢЙ. Сегодня, скоро.

КЛАВДІЯ. Зайди проститься къ намъ... Помирись съ Павликомъ,—онъ дома, у него опять желчь разлилась.

АЛЕКСѢЙ. Хорошо. (Поднимается по лѣстницѣ. Аня что-то говоритъ ему на ухо и идетъ вмѣстѣ съ нимъ)

КЛАВДІЯ. Не шепчитесь... Уйду, сейчасъ уйду! Вѣдь меня стучали...

АНЯ. Я не про васъ.

(Уходятъ)

КЛАВДІЯ. Зачѣмъ я вамъ понадобилась? Приходили бы ко мнѣ... Всѣ недовольны, что я опять къ вамъ хожу, а вы стучите...

АРИНА ИВАНОВНА. Ничего, это тебѣ кажется... Ты вотъ что мнѣ скажи: какъ мнѣ съ ней жить-то?

КЛАВДІЯ. Съ кѣмъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Съ невѣсткой-то... Больно ужъ она важная.

КЛАВДІЯ. Унижать себя тоже предъ ней не надо... Она гордится тѣмъ, что она генеральская дочь, а вы дайте ей почувствовать, что взяли ее безъ денегъ...

Digitized by Google

Скажите: у Кости такія-то и такія-то невѣсты богатыя были.

АРИНА ИВАНОВНА. Гдѣ ужъ тутъ скажешь! Съ верху-то пускать не будутъ.

(Константинъ появляется въ передней)

КОНСТАНТИНЪ. (Обращаясь, надо полагать, къ обойщикамъ) На водку не получите, дѣлайте, какъ сказано!..

КЛАВДІЯ. (Растерявшись и шепча въ испугѣ) Онъ дома? Зачѣмъ-же... зачѣмъ вы не сказали?

(Константинъ входитъ въ столовую)

КОНСТАНТИНЪ. Опять начались визиты?! Соскучились...

КЛАВДІЯ. Меня мамаша позвала. (Овладѣвъ собой) Уйду ужъ, уйду! Что ужъ больно? Не вѣкъ намъ ссориться, мы, чай, братъ съ сестрой...

КОНСТАНТИНЪ. Надѣюсь, послѣ моей женитьбы эти визиты окончательно прекратятся. (Обращаясь къ матери) Приказчики еще не ушли?

АРИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, тамъ еще...

КОНСТАНТИНЪ. Вы лучше за обойщиками поглядывали бы,—стянутъ чего-нибудь,—чѣмъ тутъ разговоры разговаривать. (Уходитъ наверхъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Видишь, совсѣмъ отъ своей новой любви съ ума сошелъ... Никого знать не хочетъ, рветъ и мечетъ, и чтобы всѣ по его распоряженію жили...

КЛАВДІЯ. Знала бы, что онъ здѣсь, умерла бы, не пошла.

АРИНА ИВАНОВНА. Обойдется... Поговори ты со мной... Всѣ меня бросаютъ, Алеша уѣзжаетъ, ты не ходишь... Какъ мнѣ жить-то? Возьму вотъ да къ тебѣ переѣду... Не хочу я наверху жить, не хочу! Посмотрика, ступай—вся спальня пустая... и иконы, и кровать—все ужъ перетащили... И слезъ моихъ никто не видалъ... Вѣдь я васъ всѣхъ въ спальнѣ родила...

Digitized by Google

КЛАВДІЯ. У меня даже словъ отъ возмущенія не хватаетъ... И какъ это папаша позволяетъ?

АРИНА ИВАНОВНА. Духомъ палъ онъ... заболѣлъ, и совсѣмъ въ немъ прежней строгости не стало, только и твердитъ про тотъ свѣтъ: пора, говоритъ, намъ, пора... Пусть живутъ, какъ хотятъ, женятся на генеральскихъ дочкахъ, уѣзжаютъ синицъ ловить въ небѣ... И все такое грустное говоритъ. Плачемъ по ночамъ и другъ отъ друга слезы скрываемъ... Лежимъ до утра не смыкая глазъ спина о спину и мучаемся...

(Съ верху спускаются приказчики и очень почтительно, проходя по столовой, кланяются Аринѣ Ивановнѣ и уходятъ)

АРИНА ИВАНОВНА. Приказчиковъ-то стыдно... И что люди подумаютъ!

КЛАВДІЯ. Гдѣ это видано,—родную мать съ отцомъ, какъ кухарку какую-нибудь, за уголъ запрятать? Стыдится онъ васъ, стыдится... Пойду я, ну-его!

АРИНА ИВАНОВНА. Погоди... Посмотри еще на Алешеньку, послѣднія минуты онъ здѣсь... Скажешь: съ братомъ пришла прощаться. Что въ самомъ дѣлѣ? Неужели и съ братомъ нельзя проститься? (Въ фонарѣ появляется Ванюшинъ и кашляетъ) Вонъ, кажется, Александръ Егоровичъ пришелъ... это онъ сегодня пораньше изъ управы пришелъ, Алешеньку провожать... Не выдержало сердце.

(Входитъ Ванюшинъ)

ВАНЮШИНЪ. (Увидавъ Клавдію у себя, довольнымъ тономъ) Пришла, осмѣлилась? Ладно, это хорошо...

КЛАВДІЯ. Сейчасъ уйду... Здравствуйте! (Цѣлуетъ у него руку)

ВАНЮШИНЪ. Куда уходить? Оставайся... Я велю, и оставайся.

КЛАВДІЯ. Много вы здѣсь стали значить?

ВАНЮШИНЪ. Что? (Подумавъ, грустно, махнувъ рукой)

Digitized by Google

А можетъ быть, и права ты... (Проходитъ въ переднюю и раздѣвается)

АРИНА ИВАНОВНА. (Кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ) Алешенька, папаша пришелъ, понапутствовать тебя хочетъ!

ВАНЮШИНЪ. Кричи, кричи,—мнѣ некогда, да и ему пора...

АРИНА ИВАНОВНА. Развѣ уже пора? Что ты? Чай не пора? Господи, сердце оборвалось... Уговори ты его не ѣхать, уговори...

ВАНЮШИНЪ. Нельзя этого, нельзя... Ничего теперь сдѣлать ни съ кѣмъ нельзя... (Кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ). Алексѣй!

(Алексѣй появляется на лѣстницѣ со свернутой подушкой и одѣяломъ)

ВАНЮШИНЪ. Совсѣмъ готовъ? Поди-ка сюда, путешественникъ. Сказать мнѣ кое-что тебѣ надо.

(Алексѣй спускается въ столовую и кладетъ на чемоданъ подушки. Скоро за нимъ на лѣстницѣ появляются Аня и Катя и слушаютъ, не сходя въ столовую, послѣдній разговоръ отца съ Алешей. Клавдія во время этого разговора сидитъ у окна, смотритъ на улицу, и по видимости, думаетъ о чемъ-то своемъ)

ВАНЮШИНЪ. (Садясь) Ты вотъ что... Ты... поѣзжай въ третьемъ классѣ... Я денегъ высылать много не буду, и отъ разныхъ тамъ излишествъ отвыкать тебѣ надо... Захотѣлъ жить одинъ, такъ и пеняй на себя, не кайся... Будь молодцомъ и свой хлѣбъ старайся зарабатывать.

АЛЕКСѢЙ. Мнѣ все равно, въ какомъ классѣ ѣхать. Я постараюсь даже совсѣмъ у васъ денегъ не брать.

ВАНЮШИНЪ. Не храбрись, не храбрись зараньше... Вотъ тебѣ сейчасъ въ отцовскомъ дому тѣсно стало жить, а придетъ, можетъ быть, время, и во всемъ мірѣ тѣсно станетъ тебѣ... Вспомнишь тогда меня и

Digitized by Google

отцовскій домъ, вспомнишь и поймешь, многое поймешь, Алексѣй, что теперь не понимаешь... (Подумавъ) Это я такъ сказалъ... Разубѣждать мнѣ теперь тебя не къ чему, да и не могу я, не хочу... Измытарили вы меня, въ конецъ измытарили, ни силъ, ни думъ въ головѣ, мертвымъ живу...

АРИНА ИВАНОВНА. Ты уговаривай его, Александръ Егоровичъ, не ѣхать, уговаривай... Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Ѣдетъ и самъ не знаетъ зачѣмъ...

ВАНЮШИНЪ. Молчи, старуха. Цѣлую жизнь мы уговаривали и уговорили... Видишь, какъ уговорили? Мы вотъ съ тобой тамъ, наверху, все обсудимъ, будемъ сидѣть да обсуждать, ничего намъ другого съ тобой не остается... Такъ-то...

(Тяжелая пауза. Аня на лѣстницѣ тихонько плачетъ)

АЛЕКСѢЙ. Я поѣду, папаша.

ВАНЮШИНЪ. (Посмотрѣвъ на часы, съ наружнымъ спокойствіемъ) Рано еще.

АЛЕКСѢЙ. Все равно, я на вокзалѣ...

ВАНЮШИНЪ. Погоди... Еще я что-то хотѣлъ сказать тебѣ... (Подумавъ) Дурныхъ людей избѣгай... Словамъ людскимъ не вѣрь, вѣрь дѣламъ только... Поменьше самъ разговаривай, молчи да дѣлай свое тамъ, какое знаешь, дѣло... Къ людямъ ни съ поклонами, ни съ привѣтами не ходи, пускай сами придутъ... Заслужи этого... Избѣгай дѣвокъ...

АРИНА ИВАНОВНА. Дѣти на лѣстницѣ, Александръ Егоровичъ.

ВАНЮШИНЪ. Сторонись ихъ, какъ огня, и больше всего имъ не вѣрь... Онѣ сами себя не знаютъ, не хотятъ, а врутъ, не вѣдаютъ что творятъ, слѣпцами живутъ, подъ носомъ только видятъ... Сторонись ихъ... Отъ нихъ всякій глупый мужчина погибаетъ. И пока не сдѣлаешься умнымъ и сильнымъ, выкинь ихъ изъ сердца своего. Владѣй собой, работай. Въ трудѣ все..

Digitized by Google

Трудъ и каждаго человѣка, и всѣхъ на свѣтѣ спасетъ; отъ труда свѣтъ будетъ, черезъ него все познается... Ты понимай, что я говорю, я вѣдь не ученый.

АЛЕКСѢЙ. Я понимаю...

(Клавдія, увидавъ на улицѣ Леночку, встаетъ и отскакиваетъ отъ окна, какъ ужаленная пчелой)

АРИНА ИВАНОВНА. Что съ тобой?

КЛАВДІЯ. (Не рѣшаясь сказать) Ничего... На дворѣ тутъ... пьяный какой-то безобразничаетъ.

ВАНЮШИНЪ. Какой пьяный? (Подходитъ къ окну и отшатывается отъ него) Елена! Посмотри, посмотри, старуха, она вѣдь? Она?

АРИНА ИВАНОВНА. (Посмотрѣвъ въ окно) Господи...

ВАНЮШИНЪ. Позвать ее, позвать... (Стучитъ въ окно и машетъ рукой) Не видитъ. (Хочетъ открыть уже вставленную зимнюю раму)

АРИНА ИВАНОВНА. Раму-то уже вставили... Господи...

ВАНЮШИНЪ. (Обращаясь къ Алексѣю) Позови ее, позови.... Скажи, я прошу, я велю...

(Алексѣй убѣгаетъ)

ВАНЮШИНЪ. (Обращаясь къ Анѣ и Катѣ) А вы ступайте отсюда... Нечего вамъ здѣсь дѣлать, ступайте!

КАТЯ. Съ верху Костя гонитъ, отсюда вы...

АРИНА ИВАНОВНА. Въ гостиную, Катенька, ступайте, въ гостиную...

(Дѣвочки выбѣгаютъ въ переднюю и остаются тамъ, выглядывая и подслушивая)

КЛАВДІЯ. Узнала, что Костенька женится, и пріѣхала... Не выдержала....

АРИНА ИВАНОВНА. Должно быть, должно быть... Господи... Бѣдняжечка.

ВАНЮШИНЪ. Ничего, пусть придетъ... Пусть онъ ей въ глаза-то посмотритъ... Дома онъ?

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. Наверху... О насъ старается, устраиваетъ...

ВАНЮШИНЪ. Все ужъ устроено... кончено... На свѣтъ мнѣ не хочется, старуха, глядѣть! Нѣтъ меня, не живой я, не живой... (Бьетъ себя кулаками въ грудь. Алеша съ трудомъ втаскиваетъ Леночку. Она останавливается у фонаря, не смѣя подойти къ старикамъ, смотритъ въ полъ и бьется всѣмъ тѣломъ)

ВАНЮШИНЪ. (Подойдя къ Леночкѣ, ласково, почтительно лаская ее по плечу) Ничего... Ты не бойся... Я ничего не сдѣлаю... Не вытерпѣла? Пріѣхала... Ну, ничего, ничего... Поговори съ нимъ... Я мѣшать не буду, я никому уже мѣшать не буду... Не выдержала? Такъ. что ли?

ЛЕНОЧКА. (Тихо, сквозь слезы) Такъ...

ВАНЮШИНЪ. Дѣвичье сердце... Ты думаешь, я не знаю дѣвичье сердце?..

АРИНА ИВАНОВНА. (Подходя къ Леночкѣ) Бѣдняжечка...

ЛЕНОЧКА. (Плача, хватая руки Арины Ивановны и осыпая ихъ поцѣлуями) Тетенька... простите меня... простите за все... Тетенька...

АРИНА ИВАНОВНА. Богъ проститъ... Богъ проститъ...

ВАНЮШИНЪ. (Кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ; въ голосѣ его слышится прежняя строгость и суровость) Константинъ, невѣста пріѣхала! Слышишь ты, что ли? Невѣста пріѣхала!

(Константинъ, страшно обрадованный, быстро сбѣгаетъ съ лѣстницы и, никого не замѣчая въ столовой, бѣжитъ въ переднюю)

КОНСТАНТИНЪ. (Спускаясь съ лѣстницы) Инна! Неужели? Вотъ неожиданно!..

ВАНЮШИНЪ. (У порога дверей передней) Куда побѣжалъ? Вотъ она здѣсь, твоя генеральша... Посмотри, посмотри!

(Константинъ входитъ въ комнату и, увидѣвъ Леночку, останавливается пригвожденный на мѣстѣ. Его фигура болѣе смѣшна, чѣмъ трагична. Пауза. Константинъ широко раскрытыми глазами глядитъ на Леночку)

Digitized by Google

ВАНЮШИНЪ. Глядишь, Костя? Гляди, гляди... (Подходитъ къ нему ближе и указываетъ на Леночку) Вотъ твоя невѣста... Гляди на нее, любуйся...

(Глядитъ самъ на Леночку и вдругъ замѣчаетъ, что она беременная. Въ головѣ темнѣетъ, въ ушахъ звенитъ, передъ глазами ширятся желтые круги; чуть не падая, подбѣгаетъ къ Леночкѣ и схватываетъ ее за руку)

ВАНЮШИНЪ. Ребенокъ... Его ребенокъ? (Пауза. Глядитъ то на него, то на нее) Такъ... такъ... Вотъ до чего у васъ дошло... (Кричитъ, обращаясь къ Константину) Вотъ твоя невѣста! Слышишь? Вотъ твоя невѣста, и нѣтъ у тебя другой... Я къ архіерею поѣду, въ святѣйшій синодъ обращусь, и васъ повѣнчаютъ, повѣнчаютъ!.. А если нѣтъ, если нѣтъ...

(Схватывается за голову, крѣпко сжимаетъ ее руками и опускается на стулъ. Изъ передней выбѣгаютъ Аня и Катя. Въ нѣмомъ ужасѣ Арина Ивановна, Клавдія, Алексѣй и дѣвочки окружаютъ старика. Леночка и Константинъ не осмѣливаются подойти къ нему и стоятъ въ прежнихъ позахъ)

АРИНА ИВАНОВНА. (Тихо) Умираетъ...

(Пауза)

ВАНЮШИНЪ. (Приходя въ себя) Уведите меня въ спальню... Не бойтесь... Это пройдетъ...

(Его ведутъ по направленію къ дверямъ старой спальни)

АРИНА ИВАНОВНА. Господи, тамъ ни кровати и ничего уже нѣтъ,—все наверху.

ВАНЮШИНЪ. Пойдемъ наверхъ, старуха... Ничего... пойдемъ наверхъ...

(Подымается по лѣстницѣ вмѣстѣ съ Ариной Ивановной. Клавдія и Алексѣй поддерживаютъ ихъ. Аня и Катя остаются у лѣстницы и, не рѣшаясь подойти къ Леночкѣ, стоятъ растерянныя и смущенныя)

Digitized by Google

АРИНА ИВАНОВНА. (Съ трудомъ подымаясь наверхъ) До чего дожили, до чего дожили...

ВАНЮШИНЪ. (Останавливаясь посрединѣ лѣстницы и обращаясь къ дѣтямъ) Оставайтесь здѣсь... (Указываетъ на низъ) Всѣ комнаты занимайте, вашъ низъ... Намъ, старуха, будетъ и чердака... Живите, распоряжайтесь, дѣлайте что хотите... Побѣдили, живьемъ похоронили... Одно только мое тебѣ слово, Константинъ: женись на ней! Пойдемъ, старуха. (Поднимается на нѣсколько ступенекъ и опять останавливается) Я мѣшать не буду больше никому изъ васъ, но помните только, что живетъ наверху старикъ и смотритъ на васъ... Умру и буду смотрѣть на васъ.

(Уходятъ. Клавдія слѣдуетъ за ними. Алексѣй, проводивъ ихъ до дверей, сбѣгаетъ съ лѣстницы)

АЛЕКСѢЙ. (Обращаясь къ Анѣ и Катѣ) Я не могу смотрѣть на нихъ... Если я останусь еще минуту, я не уйду... Скорѣе, скорѣе...

(Быстро одѣвается въ передней)

КАТЯ И АНЯ. Мы съ тобой... Мы провожать тебя...

(Бѣгутъ въ переднюю, торопливо, кое-какъ одѣваются и выбѣгаютъ за Алешей въ столовую. Алексѣй схватываетъ чемоданъ, подушки и обращается къ Леночкѣ)

АЛЕКСѢЙ. Я уѣзжаю... Я... я не знаю, что сказать тебѣ... Прощай!

(Цѣлуетъ ее и, посмотрѣвъ на Константина, быстро выбѣгаетъ изъ дома. Аня и Катя выбѣгаютъ за нимъ)

ЛЕНОЧКА. Что я надѣлала? Что я надѣлала? Костенька... Костенька...

(Робко, какъ побитая собака, дрожа всѣмъ тѣломъ, приближается къ нему и молитъ о пощадѣ)

Digitized by Google

КОНСТАНТИНЪ. (Схватывая ее за руку) Ты этого хотѣла! Я знаю, на что ты разсчитывала... Никогда этого не будетъ... никогда! Я не погублю изъ-за тебя своей жизни... Что тебѣ надо? Что? У тебя будетъ шляпный магазинъ... Я обѣщалъ—и открою магазинъ для тебя... Я сознаю свой долгъ... Я...

(Наверху въ дверяхъ появляется Ванюшинъ).

ВАНЮШИНЪ. Помни же, Константинъ, наверху будетъ жить и смотрѣть на тебя старикъ. (Скрывается)

КОНСТАНТИНЪ. (Подумавъ, послѣ небольшой паузы) Никогда!

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXVIII. Книга двадцать восьмая. —М. Горькій. Городокъ Окуровъ.—Шоломъ Ашъ. Зимою.—С. Кондурушкинъ. Въ солнечную ночь.—Кнутъ Гамсунъ. Странникъ играетъ подъ сурдинку.—*Цѣна 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXIX. Книга двадцать девятая. М. Горькій. Городокъ Окуровъ. (*Продолженіе*).—Ив. Касаткинъ. Веселый батя.—С. Разумовскій. Свѣтлое заточеніе.—Ив. Бунинъ. Стихи.—Гольдебаевъ. Галченокъ.—К. Ясюкайтисъ.—На бульварѣ.—Ив. Вороновъ. Стихи.—Н. Каржанскій. Цвѣты.—*Ц. 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXX. Книга тридцатая. —М. Горькій. Городокъ Окуровъ. (*Продолженіе*).—Ив. Касаткинъ. Съ докукой.—Н. Гаринъ. Заяцъ.—Ив. Бунинъ. Стихи.—Л. Никифорова. Двѣ лѣстницы.—Ив. Вороновъ.—Стихи.—*Цѣна 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXXI. Книга тридцать первая. —М. Горькій. Городокъ Окуровъ. (*Продолженіе*).—А. Черемновъ. Стихотворенія.—В. Язвицкій. Въ тайболѣ.—С. Карцевскій. Ямкарка.—Ив. Шмелевъ. Подъ горами.—*Цѣна 1 руб.*

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. Сборникъ I. Содержаніе: Н. Вернеръ. Наука и философія.—А. Богдановъ. Философія современнаго естествоиспытателя.—В. Базаровъ. Матеріалъ коллективнаго опыта и организующія его формы.—А. Луначарскій. Мѣщанство и индивидуализмъ.—М. Горькій. Разрушеніе личности.—*Цѣна 1 р. 50 к.*

М. ГОРЬКІЙ и В. МЕЙЕРЪ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи. 15/18 декабря 1908 г. Со снимками съ фотографій Броджи и Анжелиса и друг. иллюстраціями (около 30 карт.). *Цѣна 2 руб.* (Доходъ съ изд. поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія).

Н. ГАРИНЪ. IX т. Разсказы и пьесы.—Орхидея.—Встрѣча.—Деревенская драма.—Подростки.—Зора.—Заяцъ.—Варіантъ.—*Цѣна 1 руб.*

Д. АЙЗМАНЪ. II т. Разсказы.—Сердце бытія.—Ледоходъ.—Кровавый разливъ.—Чета Красовицкихъ.—Союзники.—Подольская губернія.—Домой.—*Цѣна 1 руб.*

СКИТАЛЕЦЪ. III т. Разсказы.—Этапы.—Отрывокъ.—Моя любовь.—Моровъ.—Рѣка Уса.—Дуэтъ.—Въ деревнѣ.—*Цѣна 1 руб.*

ГОЛЬДЕБАЕВЪ. I т. Разсказы.—Въ степи.—Мама ушла.—*Ц. 1 руб.*

Е. МИЛИЦЫНА. I т. Разсказы.—Деревенскія картинки.—Утрата.—Въ тихомъ уголкѣ.—Въ лѣсу.—На Голубинкѣ.—Нянька.—Слѣпой.—Волшебный фонарь.—За свѣтомъ.—Идеалистъ.—*Цѣна 1 руб.*

Е. МИЛИЦЫНА. II т. Разсказы.—Веревка.—Не по закону.—Ученый диспутъ.—На войну.—Около угодника.—На путяхъ.—*Цѣна 1 руб.*

АЛЬБЕРТЪ ВАНДАЛЬ. Наполеонъ и Александръ I. Франко-Русскій союзъ во время первой имперіи. Переводъ съ 6-го французскаго изданія *В. Шиловой.* 1 томъ. ОТЪ ТИЛЬЗИТА ДО ЭРФУРТА. 550 стр. Съ геліогравюрными портретами Наполеона и Александра I.—*Цѣна 3 р.*

ЕЖЕГОДНИКЪ ВНѢШКОЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Подъ редакціей. В. Чарнолускаго. Вып. II.—*Цѣна 2 руб. 25 к.*

В. ЧАРНОЛУСКІЙ. Земство и народное образованіе. I ч. — Очерки изъ прошлаго и настоящаго земской дѣятельности въ различныхъ отрасляхъ общественнаго образованія. — *Цѣна 1 руб.*

Digitized by Google

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛИ КНИГИ:

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXXII. Книга тридцать вторая. — М. Горькій. Чудаки.—А. Черемновъ. Стихи.—Я. Окуневъ. „Дарья Авилова съ сыновьями“.—Е. Милицына. Въ ожиданіи приговора.—Ив. Вороновъ. Стихи.—*Цѣна 1 руб.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXXIII. Книга тридцать третья. — М. Горькій. Васса Желѣзнова. — С. Гусевъ-Оренбургскій. Рыцарь Ланчелотъ. — Л. Никифорова. Артель. — А. Черемновъ. Крымъ.—*Цѣна 1 руб.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ“: XXXIV. Книга тридцать четвертая. —Кнутъ Гамсунъ. У жизни въ лапахъ.—А. Черемновъ. Бѣлоруссія.—Н. Каржанскій. Парижъ.—*Цѣна 1 руб.*

С. НАЙДЕНОВЪ. Пьесы. II т. Авдотьина жизнь. — Стѣны. — Хорошенькая.—Варіантъ „Дѣти Ванюшина“ (Варіантъ IV акта).—*Цѣна 1 руб.*

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ. Разсказы. III т. — Надъ поэмой.—Судъ.—Копмаръ.—Свадьба.—Забота.—Въ гостяхъ.—Могила.—Лукичъ.—*Цѣна 1 руб.*

ИВ. ШМЕЛЕВЪ. Разсказы. I т. — Распадъ. — Гражданинъ Уклейкинъ.—Вахмистръ.—По спѣшному дѣлу.—*Цѣна 1 руб.*

ИЛЬЯ СУРГУЧЕВЪ. Разсказы. I т. — Ванькина молитва. — Родители.—Преддверіе.—Слѣдствіе.—Первый часъ.—Горе.—Въ послѣдній разъ.—Счастье.—Жизнь.—Въ поѣздѣ.—Сосѣдка.—*Цѣна 1 руб.*

М. КОЦЮБИНСКІЙ. Разсказы. I т. — На камнѣ.—Куколка.—Цвѣтъ яблони.—Смѣхъ.—Intermezzo.—Подъ минаретами.—Въ дорогѣ.—Ради общаго блага.—Добютъ.—Въ грѣшный міръ.—Поѣздка въ Криницу.—Перев. съ украинскаго *Мих. Могилянскаго.—Цѣна 1 р.*

РОМЕНЪ РОЛЛАНЪ. Народный театръ. I ч. Театръ прошлаго.—II ч. Новый театръ.—III ч. За предѣлами театра. — Приложенія. — Переводъ съ французскаго *I. Гольденберга.—Цѣна 70 к.*

Г. ГРИГОРЬЕВЪ. Курсъ физики. I ч. — Основныя химическія понятія.—Первоначальныя свѣдѣнія о веществѣ и тѣлѣ.—Жидкости и газы.—Молекулярныя явленія.—Движеніе и сила.—Тяготѣніе.—Работа и энергія.—Теплота.—Съ 243 рисунками и 8 портрет.—*Цѣна 1 р. 60 к.*

А. БОГДАНОВЪ и И. СТЕПАНОВЪ. Курсъ политической экономіи. I томъ. — Введеніе.—Первобытный родовой коммунизмъ.—Авторитарная родовая община.—Феодальная система.—Рабовладѣльческія системы.—Система крѣпостного хозяйства.—Ремесленный строй среднихъ вѣковъ.—Идеологія предъ-капиталистической эпохи.—404 стр. 8°.—*Цѣна 2 руб.*

Л. ПУАНКАРЕ. Эволюція современной физики. *Содержаніе:* Эволюція физики.—Измѣреніе.—Основныя начала.—Различныя состоянія матеріи.—Раствореніе и электрическая диссоціація.—Телеграфированіе безъ проводовъ.—Проводимость газовъ.—Катодные лучи; радіоактивныя тѣла.—Эфиръ и матерія.—Будущее физики. Съ портретами ученыхъ.—*Цѣна 1 руб. 20 коп.*

Ле-ДАНТЕКЪ. Основныя начала біологіи. *Содержаніе:* — Изученіе тѣлъ природы. — Анализъ явленій природы; жизненныхъ явленій. — Сравненіе жизненныхъ явленій съ явленіями мертвой природы.—Эволюція живой и мертвой природы.—Биполярность органической и неорганической матеріи.—Происхожденіе видовъ и возникновеніе жизни. Переводъ съ 2-го франц. изданія подъ редакціей *В. Базарова. Ц. 1 р.*

В. ЧАРНОЛУСКІЙ. Льготные желѣзнодорожн. тарифы. *Ц.—60 к.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

MAY 10 1975 H

MAR 16 56 H

CANCELLED

OCT 6 73 H

Digitized by Google